

УДК 81:008  
ББК 81.006.3  
П 78

*Коллектив авторов:*

*О.А. Алимуратов, Д.Е. Барашева, О.В. Каркавина,  
О.В. Косоногова, Е.В. Милетова, Н.А. Сегал,  
Н.Г. Серебренникова, В.Ф. Топурия, Д.К. Хетагурова,  
Е.Ю. Хрисонопуло, С.В. Чиронов, О.П. Шурик*

*Рецензенты:*

доктор филологических наук, профессор *В.В. Шигуров*  
кандидат филологических наук, доцент *Л.С. Торопова*

**Проблемы языкознания, теории языка и прикладной лингвистики:** монография. Книга 3 / О.А. Алимуратов, Д.Е. Барашева, О.В. Каркавина и др. – Издание 2-е, расширенное и дополненное. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2016. – 286 с.

ISBN 978-5-00068-659-1

В основе культуры лежит язык. Язык развивается по мере развития культуры – как инструмент познания и организации деятельности людей. В монографии исследовано имя собственное как единица общей и специальной номинации, раскрыт механизм построения структурно-сложных эпитетов, исследована трансформация фольклорных образов в поэзии А.И. Токаева, языковые и стилистические особенности современной афроамериканской литературы, прагматика японских коммуникативов согласия, выявлена специфика перевода англоязычных научных текстов, раскрыты истоки вариативности предложных словосочетаний в официально-деловом дискурсе, выполнено когнитивно-фреймовое моделирование категорий, вербализуемых в англоязычном религиозном дискурсе, исследована метафорическая модель «политика – это оркестр» в массмедийных текстах, рассмотрен вопрос теоретического структурирования процесса психосемиотизации опыта личности.

Монография ориентирована на специалистов-филологов, учителей-словесников, студентов и самый широкий круг читателей, интересующихся вопросами языкознания и прикладной лингвистики.

**УДК 81:008**  
**ББК 81.006.3**

ISBN 978-5-00068-659-1

© О.А. Алимуратов, Д.Е. Барашева,  
О.В. Каркавина и др., 2016  
© ООО «ЦРНС», 2016

## АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

---

*Алимурадов О.А.*, Пятигорский государственный лингвистический университет (г. Пятигорск), начальник управления научной работы университета, профессор кафедры Западноевропейских языков и культур Института переводоведения и многоязычия, доктор филологических наук, доцент – глава 8 (в соавторстве).

*Барашева Д.Е.*, Гуманитарно-педагогический институт Севастопольского государственного университета (г. Севастополь), доцент кафедры «Общая и прикладная психология и педагогика», кандидат психологических наук, доцент – глава 10.

*Каркавина О.В.*, Алтайский государственный университет (г. Барнаул), доцент кафедры Германского языкознания и иностранных языков, кандидат филологических наук – глава 4.

*Косоногова О.В.*, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону), доцент, кандидат филологических наук – глава 1.

*Милетова Е.В.*, Пятигорский государственный лингвистический университет (г. Пятигорск), старший преподаватель кафедры Английского языка и профессиональной коммуникации – глава 8 (в соавторстве).

*Сегал Н.А.*, Таврическая академия (структурное подразделение) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь), доцент, кандидат филологических наук, доцент – глава 9 (в соавторстве).

*Серебренникова Н.Г.*, Тамбовский государственный технический университет (г. Тамбов), доцент кафедры «Русская филология», кандидат филологических наук, доцент – глава 2.

*Топурия В.Ф.*, Санкт-Петербургский университет управления и экономики (г. Санкт-Петербург), старший преподаватель кафедры Иностранных языков – глава 6.

*Хетагурова Д.К.*, Центр скифо-аланских исследований им. В.И. Абаева Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (г. Владикавказ), научный сотрудник, кандидат филологических наук – глава 3.

*Хрисонопуло Е.Ю.*, Санкт-Петербургский государственный институт культуры (г. Санкт-Петербург), доцент кафедры Иностранных языков и лингвистики, кандидат филологических наук – глава 7.

*Чиронов С.В.*, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России (МГИМО)

(г. Москва), заведующий кафедрой Японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, кандидат филологических наук, доцент – *глава 5*.

*Щурик О.П.*, Таврическая академия (структурное подразделение) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь) – *глава 9* (в соавторстве).

## ОГЛАВЛЕНИЕ

---

---

<b>ПРЕДИСЛОВИЕ</b> .....	9
<b>ГЛАВА 1. ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ЕДИНИЦА ОБЩЕЙ И СПЕЦИАЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР</b> .....	12
<i>Библиографический список к главе 1</i> .....	25
<b>ГЛАВА 2. МЕХАНИЗМ ПОСТРОЕНИЯ СТРУКТУРНО-СЛОЖНЫХ ЭПИТЕТОВ</b> .....	30
2.1. Структурно-сложные эпитеты. Эпитеты, образованные путем соединения двух прилагательных .....	30
2.2. Структурно-сложные эпитеты, образованные путем соединения прилагательного и существительного, а также – числительного и существительного.....	39
2.3. Структурно-сложные эпитеты, образованные путем соединения двух существительных.....	44
<i>Библиографический список к главе 2</i> .....	50
<b>ГЛАВА 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ОБРАЗОВ В ПОЭЗИИ А.И. ТОКАЕВА</b> .....	51
3.1. Интерпретация мифологических образов в поэзии А.И. Токаева .....	51
3.2. Звериная символика в лирике А.И. Токаева .....	61
<i>Библиографический список к главе 3</i> .....	68
<b>ГЛАВА 4. ЯЗЫКОВЫЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ АФРОАМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ</b> .....	70
4.1. Интермедальность .....	72
4.2. Библейские образы и христианская традиция .....	86
4.3. Отражение афроамериканской истории, культуры и языковых особенностей в исследуемых произведениях .....	89
<i>Библиографический список к главе 4</i> .....	96

<b>ГЛАВА 5. ПРАГМАТИКА ЯПОНСКИХ КОММУНИКАТИВОВ</b>	
<b>СОГЛАСИЯ: ДАННЫЕ КОРПУСА</b> .....	98
5.1. Реплики согласия в японском языке: постановка проблемы .....	98
5.2. Семантико-прагматическая характеристика коммуникатива <i>hai</i> .....	99
5.3. Семантико-прагматическая характеристика <i>in</i> .....	102
5.4. Семантика и прагматика коммуникатива <i>ee</i> .....	104
5.5. Особенности прагматики коммуникатива <i>soo</i> .....	107
5.6. Прагматика коммуникативов <i>haa</i> и <i>aa</i> .....	108
5.7. Семантико-прагматические особенности редупликатов .....	110
5.8. Сравнение японских коммуникативов согласия.	
Общие выводы .....	114
<b>Библиографический список к главе 5</b> .....	115
<b>ГЛАВА 6. СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ</b>	
<b>НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ</b> .....	117
6.1. Общая характеристика функциональных стилей языка .....	117
6.1.1. Понятие научного стиля .....	119
6.1.1.1. Место научного стиля среди других функциональных	
языковых стилей .....	121
6.1.1.2. Лексико-грамматические особенности научного стиля	
речи .....	124
6.1.1.3. Лексико-стилистические особенности научного стиля речи .....	133
6.2. Особенности перевода научного текста .....	140
<b>Библиографический список к главе 6</b> .....	148
<b>ГЛАВА 7. КОГНИТИВНЫЕ ИСТОКИ ВАРИАТИВНОСТИ</b>	
<b>ПРЕДЛОЖНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ</b>	
<b>В ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ</b>	
<b>(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)</b> .....	149
7.1. Предложное словосочетание с точки зрения теории	
речевой деятельности .....	149
7.2. Аспекты использования предлогов в составе словосочетаний	
в документации Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО .....	153

7.3. Факторы вариативного использования словосочетаний с предлогом <i>of</i> в тексте документа .....	157
<i>Библиографический список к главе 7</i> .....	165
<b>ГЛАВА 8. КОГНИТИВНО-ФРЕЙМОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАТЕГОРИЙ, ВЕРБАЛИЗУЕМЫХ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ: КАТЕГОРИЯ ОЦЕНКИ, РЕПРЕЗЕНТИРУЕМАЯ ИМЕНАМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ</b> .....	168
8.1. Общая характеристика современного англоязычного религиозного дискурса .....	168
8.2. Лингвистические особенности современного англоязычного религиозного дискурса .....	179
8.3. Метафорические модели с участием имен прилагательных, реализуемые в современном англоязычном религиозном дискурсе.....	189
8.4. Фреймовые структуры категорий качества и оценки, реализуемые в современном англоязычном религиозном дискурсе.....	202
<i>Библиографический список к главе 8</i> .....	225
<i>Приложения к главе 8</i> .....	231
<b>ГЛАВА 9. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ПОЛИТИКА – ЭТО ОРКЕСТР» В МАССМЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ</b> .....	235
9.1. Политический дискурс в коммуникативно-прагматической парадигме.....	235
9.2. Метафорическое моделирование политического дискурса.....	238
9.3. Лексико-семантическое поле «оркестр» как источник метафоризации в политическом дискурсе .....	240
9.4. Метафорический потенциал тематической группы «музыкальные инструменты» в политическом дискурсе .....	244
<i>Библиографический список к главе 9</i> .....	250
<b>ГЛАВА 10. К ВОПРОСУ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО СТРУКТУРИРОВАНИЯ ПРОЦЕССА ПСИХОСЕМИОТИЗАЦИИ ОПЫТА ЛИЧНОСТИ</b> .....	252

---

10.1. Семиотика и психосемиотика: уточнение объектов .....	253
10.2. Биологически заданные основания психосемиозиса: психические функции как механизмы познания.....	255
10.3. Сигнальная социальная коммуникация как катализатор процесса психосемиотизации опыта личности: сигнал, отправляемый, и сигнал, принимаемый.....	260
10.4. Составляющие процессы и новообразования психосемиозиса .....	264
<b>Библиографический список к главе 10</b> .....	279

## ПРЕДИСЛОВИЕ

---

Языкознание, или лингвистика, – это наука о языке, его общественной природе и функциях, его внутренней структуре, о закономерностях его функционирования и исторического развития и классификации конкретных языков.

Язык является важнейшим средством человеческого общения; нет и не может быть человеческого общества и народа, которые не имели бы языка. Нет и самого человека без языка. Язык как средство общения и как систему знаков изучают многие науки.

Языкознание связано со всеми главными разделами современной науки, и это объясняется той огромной ролью, которую играет язык во всех сферах человеческой деятельности, в том числе и в процессе познания и общения.

Прежде всего, языкознание относится к числу социальных наук. Оно тесно связано с такими социальными науками, как история, экономическая география, психология, педагогика. Также в последнее время появилось много новых наук, объединяющих в себе черты языкознания и других направлений – например, социолингвистика, психолингвистика.

В представленной монографии рассмотрены отдельные вопросы теории языкознания и прикладной лингвистики.

Первая глава посвящена описанию традиционных подходов в изучении имени собственного как единицы общей и специальной номинации. В работе приведен относительный обзор современных исследований зарубежных и отечественных авторов, посвященных рассмотрению имени собственного как элемента ономастического пространства в рамках дискурсивного подхода, обозначены направления исследования ономастики на современном этапе ее развития, который характеризуется как период «трансформации» проблемного поля этой науки.

Во второй главе проанализированы способы организации структурно-сложных эпитетов, определяется характер связей, соединяющих элементы сложного эпитета друг с другом и определяемым словом. Рассмотрен вопрос о степени совпадения смысловых значений исходной (непроанализированной) формы эпитета и формы, разложенной на составные части (проанализированной).

В третьей главе анализируются стихотворения осетинского поэта-символиста А.И. Токаева. Выявляется особенность трактовки фольклорных образов. В стихотворениях «Беспечные люди», «Жизнь», «Бусина желаний», «Бог слепых», «Суровая зима, когда ты убежала...», «Кусачая змея...», «Роза», «В черное ущелье тяжелый луч...», «Крики в тени» органично соеди-



няются фольклорные, мифологические образы с собственно авторским, символистским мировосприятием.

В четвертой главе представлены результаты анализа языковых и стилистических особенностей произведений трех афроамериканских авторов: Тони Моррисон, Дж. Калифорнии Купер и Вахиды Кларк. В работе обсуждаются вопросы, связанные с интермедийальным характером авторского повествования, обращением писателей к истории и национальной культуре афроамериканцев, использованием библейских образов и техники христианской проповеди как основного стиля изложения литературного материала, наличием определенной системы имянаречения персонажей.

В пятой главе исследован прагматический потенциал коммуникативов с семантикой согласия. Объектом исследования являются данные корпуса современного японского языка. Примеры употребления в речи шести базовых слов-реплик и их производных рассматриваются с позиций речеактовой теории с привлечением элементов дискурс-анализа, что позволяет установить характерные параметры речевых ситуаций и передаваемых интенций говорящего для этих единиц и эксплицировать полевую структуру.

Объектом исследования в шестой главе являются англоязычные тексты научного содержания. В качестве предмета изучения выступают грамматические, лексические и стилистические трансформации, используемые при переводе научного текста. Основной целью данной работы является рассмотрение ряда переводческих трансформаций и особенностей их использования при переводе англоязычных текстов на русский язык с целью достижения переводческого эквивалента.

В седьмой главе исследуется вариативное употребление предложных словосочетаний в официально-деловом дискурсе Комитета всемирного наследия, в частности, факторы выбора предлога *of* или других соотносимых с ним английских предлогов при оформлении синтаксисом. Анализ языковых данных показывает, что выбор предлога мотивируется характером когнитивно-дискурсивной категоризации референтов знаменательных слов и содержанием контекстуально обусловленных когнитивных операций.

В восьмой главе монографии авторы ставят целью выявить специфику религиозного дискурса и основные особенности построения коммуникации в данной сфере. При этом одной из приоритетных задач является фреймовый анализ категорий качества и оценки, вербально репрезентируемых в англоязычном религиозном дискурсе в значительной степени посредством употребления имен прилагательных.

Предлагаемое в девятой главе исследование посвящено определению особенностей реализации метафорической модели «политика – это оркестр» в массмедийных текстах политической направленности. В работе выявляются основные ориентиры в функционировании музыкальной метафоры политического дискурса, устанавливаются ключевые единицы, реализую-

щие метафорическую модель «политика – это оркестр» в текстах политических СМИ.

Заключительная глава монографии является продолжением системного изучения проблемы идентичности личности и поднимает вопрос психосемиотизации опыта. Текст представляет основные результаты теоретического исследования процесса психосемиотизации опыта личности. Исследованы механизмы, обеспечивающие процесс психосемиотической деятельности в их взаимосвязи; выводятся структурообразующие процесса, анализируются особенности их отношений; интерпретируются функциональные образования, определяющие специфику производства знака.

Таким образом, современная система лингвистических знаний и представлений находится в стадии интенсивных изменений. Меняются аспекты и содержание традиционных лингвистических дисциплин, углубляются их взаимоотношения со смежными науками, формируются новые направления лингвистического поиска и новые парадигмы. В этом сложном процессе поступательное развитие языкознания нередко сопровождается неудачами и неоправданными затратами исследовательских усилий. Избежать их полностью вряд ли удастся, но свести к минимуму можно, если обеспечить непарадигмальные способы исследования необходимым методологическим и теоретическим базисом.

**ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ЕДИНИЦА  
ОБЩЕЙ И СПЕЦИАЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ:  
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР**

---

Для современной лингвистики характерно сосуществование множества частных парадигм при общем доминировании антропоцентрического подхода.

Каждый период развития того или иного общества характеризуется появлением новых понятий, отражающих экономические, юридические, политические, социальные, культурные, религиозные изменения в его жизни, что приводит к изменениям в системе языка, поскольку язык представляет собой развивающуюся, открытую систему, которая постоянно выражает новые и новые смыслы. Еще в конце XIX – начале XX века Ф. де Соссюр писал: «Если кто-нибудь станет предполагать наличие в языке каких-то постоянных признаков, над которыми не властно ни пространство, ни время, тот посягнет на основные принципы эволюционной лингвистики» [32, с. 266].

Имя собственное (далее – ИС), используемое в любом виде дискурса, – явление, которое позволяет проследить изменения в системе языка, обусловленные историческими, социальными и культурными событиями, характерными для данного общества или имеющими значение для некоей области знания.

В истории языкознания первыми семантическое деление лексики по характеру номинации на имена собственные и нарицательные осуществили еще античные философы-стоики. В античной филологии выделялись: у греков – *ONOMATA KYPIA* vs *ПРОΕΝΓΟΡΙΑΙ*, у римлян – *NOMINA PROPRIA* vs *APPELATIVA*.

Античные понятия послужили основой для появления соответствующих терминов в европейских языках: англ. “proper name”, “onomastics”; фр. “nom propre”, “onomastique”; нем. “Eigename”, “Onomastic”; исп. “nombre propio”, “onomastica”; в русск. «оним», «ономастика», «ономастикон».

Упоминание имен собственных можно найти в работах Аристотеля, Платона, Т. Гоббса, Дж. Милля, Б. Рассэла, О. Есперсена и др. как характеристики особого слова, именующего отдельный, определенный объект, входящий в известный, определенный класс объектов. Ф.Ф. Фортунатов, проводя границу между названиями общими, т.е. нарицательными именами, и названиями собственными, т.е. собственными именами, определяет последние как обозначающие «... индивидуальные вещи, предметы без отношения к их признакам, в самой их индивидуальности, поскольку такое обозначение предметов представляет интерес для говорящих» [45, с. 166].

Несмотря на давнюю традицию описания, и в современной науке существуют различные мнения, касающиеся вопроса разделения имен на собственные и нарицательные. Так, например, А.В. Суперанская подчеркивает, что «... деление лексического состава языка на имена собственные и нарицательные – одно из кардинальных делений лексики» [34, с. 15]. Фоякова О.И. отмечает, что в современной лингвистике формируется новый раздел лексической семантики – ономастическая семасиология, рассматривающая вопросы теории, типологии и структуры ономастических значений имен собственных в их отличии от имен нарицательных [44, с. 11].

Другие же исследователи отстаивают иную позицию. О. Есперсен считает, что «... с лингвистической точки зрения совершенно невозможно провести четкую демаркационную линию между именами собственными и нарицательными... поскольку различие между ними количественное, а не качественное» [12, с.76]. Ташицкий В. отмечает, что «... никакой существенной разницы между ономастическими и нарицательными словами нет» [30, с. 11].

Проблема выделения ИС как самостоятельного класса обусловлена в немалой степени различием в подходах к решению центральной проблемы ономастиологии – проблемы значения имени собственного.

В теории имен собственных одним из самых сложных вопросов является вопрос о наличии / отсутствии значения у онимов. Одни авторы утверждают, что онимы лишены значения, другие считают их значение неполноценным или лежащим в ином, нежели у апеллятивов, информационном плане, а третьи приписывают им еще более содержательное значение, чем нарицательным именам.

Можно выделить три вполне сложившихся подхода к семантике онимов, а следовательно, и определения их специфики как единицы номинации.

Самая традиционная трактовка вопроса о своеобразии значения ИС восходит к английскому логик Джону Стюарту Миллю, который считал, что онимы (имена собственные) не обладают значением, так как не говорят о свойствах предмета, носящего это имя, а только выделяют его среди других.

«Когда мы произносим имя собственное и, указывая на человека, говорим: это Браун или Шмидт либо, указывая на город, это Йорк, тем самым мы не сообщаем слушателю никаких сведений, никакой информации, кроме имен» [62, с. 41 – цит. по 3, с. 7].

Данный подход получил развитие в трудах как зарубежных, так и отечественных лингвистов (см., например, труды А. Гардинера, Л. Стеббинга, В. Брендаля, А.А. Реформатского, А.А. Уфимцевой, О.С. Ахмановой, Н.И. Толстого и др.). Именно при такой трактовке онимы определялись как «ущербные», «пустые», «полые», «асемантические» слова, знаки-метки. Например, А. Гардинер подчеркивал, что «... обычные слова, среди которых большую роль играют обобщенные названия (т.е. имена нарицательные),

непосредственно передают информацию, имена собственные только снабжают ключом к информации», и предложил следующее определение: «Имя собственное – это слово (группа слов), осознаваемое как указывающее (или склонное указывать) на объект (объекты), с которыми оно соотносится исключительно посредством дистинктивного звучания, безотносительно любого значения, изначально присущего этому звуковому комплексу или приобретенного им через ассоциацию с указанным объектом или группой объектов» [58, с. 48]. Уфимцева А.А. считает, что имена собственные – это «лексически неполнозначные слова, не обладающие никакой смысловой структурой, выполняющие в языке лишь одну – номинативно-опознавательную функцию» [43, с. 72]. Этот подход сформировался на основе анализа собственно языковой семантики единиц, вне речевого употребления.

Второй подход, на наш взгляд, восходит к трудам О. Есперсена, отмечавшего, что «Милль и его последователи слишком много внимания уделяли тому, что можно назвать словарным значением имени, и очень мало занимались его контекстуальным значением в той конкретной ситуации, в которой оно произносится или пишется» [12, с. 71]. Далее он приходит к выводу о том, что в «реальном употреблении» ИС (онимы) «коннотируют наибольшее количество признаков» [12, с. 71].

Близки именно к такой трактовке Г. Серенсен, Г. Суит, В.И. Болотов, С.И. Зинин, А.В. Суперанская и др. Так, А.В. Суперанская пишет: «Ономастическая семантика – совершенно особый тип семантики, по-разному проявляющийся на уровне языка и речи». В языке, по мнению А.В. Суперанской, семантика ИС сводится к тому, что это – ИС, а в речи семантика ИС «... складывается из объектно-номинативной связи и сопровождается комплексом субъективных сведений и эмоциональных обертонов, индивидуальных для каждого носителя языка» [34, с. 322-323].

Третий подход базируется на утверждении о том, что онимы имеют значение и в языке, и в речи. Эту точку зрения отстаивают Ю.А. Карпенко, В.А. Никонов, Ф.Травничек, О.И. Фоянкова, Л.В. Щерба и др.

Так, Л.В. Щерба отмечал, что «... поскольку собственные имена, будучи употребляемы в речи, не могут не иметь никакого смысла, постольку мы должны их считать словами, хотя бы и глубоко отличными от нарицательных... Весь вопрос состоит в том, что в языке является значением собственных имен» [51, с. 278].

Никонов В.А., определяя специфику семантики онимов, предлагает разграничивать три плана значения ИС: 1) этимологическое значение основы, т.е. значение доономастическое; 2) собственно-ономастическое; 3) отономастическое [27, с. 12-13].

Часть лингвистов полагает, что лексическое значение ИС базируется на тех же типах отношений, что и значение нарицательных, а, следовательно, сигнификативная функция онимов характеризуется двойственностью: в

языке имя обнаруживает общее понятие, в речи же – конкретное, единичное, частное.

Третий подход, который заключается в том, что онимы обладают значением как в языке, так и в речи, характеризуется интегративностью и может служить, на наш взгляд, основой для анализа специфики функционирования онимов в дискурсе.

На основе разграничения значения и смысла Г. Фреге предложил следующую трактовку имени: всякое имя называет некий предмет (значение, денотат или референт имени) и выражает некоторый смысл, характеризующий значение имени. В соответствии с концепцией Г. Фреге в семантической структуре наименования необходимо различать значение как отношение к обозначаемому предмету и смысл – информацию, заключенную в имени. При этом наименование информативно, так как оно отражает один из признаков обозначаемого предмета и сообщает о нем. В соответствии с этим он предлагает следующее определение: «Под “знаком” или “именем” я понимаю любое обозначение, выступающее в роли имени собственного, значением которого является определенный предмет (в самом широком смысле этого слова), а не понятие и не отношение... Обозначение одного предмета может состоять также из нескольких слов и иных знаков. Для краткости каждое такое обозначение может быть названо именем собственным» [46, с. 358-379]. Таким образом, термин «имя собственное» используется в широком значении – и в качестве простого знака, обозначающего отдельный предмет, и в отношении сложных обозначений предметов – описаний, дескрипций.

Опираясь на эту концепцию, можно считать, что онимы обладают специфической семантикой, включающей обязательную соотнесенность с дискретными объектами действительности.

Обобщая исследования многих ученых по проблемам ономастической семасиологии и устанавливая ряд дифференциальных признаков значения и функционирования онимов, О.И. Фоякова рассматривает:

- 1) содержание денотативного значения онимов, подчеркивая, что оно включает все признаки единичного понятия, особенно на уровне речи. Именно эта особенность, как отмечал еще О. Есперсен, и объясняет возможность деонимизации. Дополнительным аргументом в пользу наличия у онимов денотативного значения может служить и то, что «... связь *potinā prorgia* с системой данного языка проявляется в оформлении *pot.pr.* как грамматических и словообразовательных категорий того языка, реализации в *pot.pr.* лексем данного языка. Вместе с тем *pot.pr.*, конституирующиеся на основе апеллятивов, представляют собой самостоятельную сферу со свойственными ей закономерностями»;

- 2) объем денотативного значения онимов, который, по мнению исследователя, реально равен единице или стремится к ней, так как имя всегда обозначает в языке один, отдельно взятый предмет (в том числе и *pluralia tantum*). В речи же возможно использование единицы по отношению к нескольким предметам или в связи со спецификацией одного предмета;
- 3) прагматическое значение онима, считая, что оно ограничено только речью или текстом, но является постоянным;
- 4) коннотативное значение онимов, отмечая, что оно шире и разнообразнее, чем у имен нарицательных, и передается за счет функционирования системы эмоционально-стилистических вариантов, при этом каждый из вариантов может передавать те или иные элементы коннотативного значения онима [44, с. 16-17].

Голомидова М.В. предпринимает попытку разработать концепт имени собственного на основе моделирования именно семантики данной единицы. Концептуальность имени трактуется как совокупный объем представлений о возможностях его использования носителями языка в соответствии со сформированной системой знаний и представлений. Концептуальная модель представлена следующими уровнями: 1) общая категориальная семантика имени, выявляемая на основе оппозиции оним – апеллатив. Оним является знаком-индивидуализатором, который и на речевом, и на языковом уровне устанавливает необходимость вербального выделения отдельной реалии; 2) частная категориальная семантика, опирающаяся на взаимосвязь онима и нарицательного термина. Это позволяет разграничивать разряд собственных имен в онимической системе языка; 3) частная характеризующая и индивидуализирующая семантика, базирующаяся на денотативной отнесенности и мотивировочном значении; 4) фреймы, отражающие значимые для языкового коллектива когнитии о специфике использования имени [9, с. 16-28].

Карпенко Ю.А. подчеркивает, что «... форма и содержание СИ в речи идентифицированы, а в языке эта индивидуализация отсутствует» [16, с. 83]. При этом для онимов дифференцирующим признаком является функциональная закрепленность за одним объектом. Важнейшими функциями для онимов, с точки зрения исследователя, являются номинация, идентификация и дифференциация. Рассматривая особенности внутренней формы онимов, их мотивированности данным признаком, Ю.А. Карпенко подчеркивает, что «... во многих классах собственных имен буквально вслед за номинацией шагает деэтимологизация», но «... для некоторых разрядов собственных имен внутренняя форма оказывается нужной и даже запрограммированной в названии, выполняющем информативную, рекламную, мемориальную либо агитационную функцию» [18, с. 10].

На наш взгляд, приводимый исследователем перечень подобных онимов может быть существенно дополнен, в частности за счет дискурсивно-обуслов-

ленных онимов. Так, для ряда единиц юридического дискурса справедливым является утверждение, что «... здесь внутренняя форма является обязательным компонентом семантической структуры собственного имени» [17, с. 9-10].

Список онимов с прозрачной внутренней формой значительно расширяет А.В. Суперанская: 1) древнерусские имена; 2) названия крупных физико-географических объектов; 3) вторые имена святых; 4) добавочные имена монархов; 5) названия орденов и медалей; 6) заглавия книг, статей, стихов; 7) прозвища; 8) имена сказочных персонажей [36, с. 11]. В качестве важнейшего критерия для двух последних групп избирается переводимость онима.

Для характеристики семантической специфики онима в целом удачным представляется предложенное О.И. Фоянковой определение: «Имя собственное – это универсальная, функционально-семантическая категория имен существительных, особый тип словесных знаков, предназначенный для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа» [44, с. 21].

Рассматривая прагматический аспект имени собственного, М.В. Малащенко подчеркивает: «Вокруг каждого известного имени собственного складывается целый ореол всевозможных ассоциаций, подчас спонтанных и неосознанных. Слово вообще обладает средством массовой воспроизводимости, и имя собственное может быть устойчиво известно всем членам национально-культурной языковой общности. Имена собственные... способствуют выявлению национально-культурных особенностей определенного этноса» [22, с. 101].

Доминирование антропоцентрической парадигмы в современной лингвистике привело к смене принципов и методов исследования языковых явлений: интересы учёных переориентировались в сторону «внешней» лингвистики.

Именно в конкретных речевых произведениях актуализируются элементы языка как системы. Это предопределило обращение лингвистов к проблемам типологии дискурса, в особенности к профессиональным дискурсам. В современных лингвистических изысканиях все чаще поднимается проблема профессиональной обусловленности познавательной и коммуникативной деятельности индивида в процессе структурирования действительности.

Разные профессиональные дискурсы конструируют и репрезентируют социальную действительность как за счет особого комплекса языковых единиц, так и путем специализированного отбора средств системы языка.

Перспективным, на наш взгляд, представляется исследование специфики онимов в конкретном дискурсе на основе комплексного анализа, включающего и лингвокультурологический аспект. Вполне справедливо утверждение: «Имена собственные *suī generis* “являют” национальную культуру в максимальной степени: средства географической и личной номинации есть путь прослеживания таксономической деятельности человеческого разума,



интернирующего национальную культуру. Функционирование имен представляет собой, с одной стороны, аспект лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, так как имена символизируют, имплицитуют и социальные переменные, и культурные стереотипы, и популярную мифологию, с другой же стороны, невозможно обойти такой вопрос, как имена в дискурсе, в реальной стихии речи» [29, с. 161-171]. Семиотичность ономастических систем замкнутых коллективов связывает имена как слова с очень широким кругом социальных, идеологических, биологических и прочих явлений, воспринимаемых лишь членами данных коллективов и не всегда понятных лицам непосвященным [35, с. 5].

К наиболее изученным разновидностям онимов, безусловно, можно отнести именно антропонимы и топонимы. Однако не менее важны особенности функционирования и других разрядов. Кроме того, в перспективе представляется необходимым установление корреляций между всей системой онимов в языке и речи и ее дискурсивной (для конкретных дискурсов или типов дискурсов) проекцией.

Термин «ономастическое (топономастическое) пространство» в представлении В.Н. Топорова может использоваться для обозначения всей совокупности ономастических названий [41, с. 455-515]. Ономастическое пространство всегда конкретно, но имеет различное наполнение, причем онимизируются и различные денотаты. Это определяется такими признаками, как принадлежность к определенному лингвокультурологическому сообществу, этап развития социума и др. Термин «ономастическое пространство» в современной лингвистике употребляется: 1) как общелингвистическая категория, т.е. как система ономастических единиц, служащих для специального (более конкретного, индивидуализированного) выделения предметов действительности (реальных и воображаемых); 2) как категория определенного языка в тот или иной период его истории, (например, ономастическое пространство русского языка, испанского, английского и т.д.).

Ономастическое пространство динамично и представляет собой именной континуум, непрерывный ряд незаметно сменяющихся составляющих. Неслучайный набор языковых единиц, их структурированная совокупность могут быть рассмотрены как поле. Термином «поле» Л.А. Новиков обозначает «... некоторое организованное пространство частиц, множество элементов, единиц, внутри которого реализуются закономерности их систематизации и функционирования» [28, с. 6].

По содержанию термины «пространство» и «поле» не могут рассматриваться как равнозначные. Термином «ономастическое пространство» обозначается вся совокупность ИС как таковая, безотносительно к ее внутреннему устройству, без учета организации, закономерностей функционирования входящих единиц. Поле же представляет собой упорядоченную, иерархизированную совокупность его составляющих и предполагает наличие

системно-структурных отношений и связей. Эта структура достаточно устойчива, хотя и обладает некоторыми чертами переменчивости, функциональной подвижности, если принять во внимание ее функционально-речевое проявление [37, с.12].

Любую совокупность лексических единиц можно представить как поле, а все употребляющиеся в конкретном языке ИС – как ономастическое пространство данного языка.

Определение поля в ономастическом пространстве сформулировала А.В. Суперанская: «Поле в ономастике – это, прежде всего, определенная сфера соотнесенности имени» [34, с.280]. Имена, входящие в каждое поле, представляют собой систему, каждый член которой связан с другими по ряду параметров: тема, территория, время и т.п., имена смежных ономастических полей связаны и зависят друг от друга, поэтому часто, взятые отдельно, оказываются непонятными, немотивированными. Для участников речевой ситуации сфера соотнесенности имени обычно бывает определена экстралингвистически.

Наиболее логичной представляется трактовка В.И. Супруна, согласно которой ономастическое поле является реально выделяемой языковой структурой, обладающей едиными для всей совокупности входящих в него единиц и отдельно для каждого конституента характеристиками: 1) наличие ядерно-периферийных отношений; 2) семантическую общность, предполагающую сходную семантическую структуру слова (наличие / отсутствие дифференциальных и потенциальных сем); 3) частотность; 4) стилистическую окрашенность; 5) словообразовательную активность. Эти признаки поля действуют в совокупности, дополняя друг друга; некоторые из них могут актуализироваться или нейтрализоваться [37, с. 16].

Проблему определения «ономастическое пространство» затрагивает в своих работах А.В. Суперанская, в частности в книге «Общая теория имени собственного». Предложенная ею классификация содержит обозначение классов называемых объектов и соответствующих им ономастических разрядов: люди – антропонимы, географические объекты – топонимы, растения – фитонимы и т.д. Анализируя ономастическое пространство в целом, А.В. Суперанская выделяет:

- 1) имена реальных предметов;
- 2) имена вымышленных предметов;
- 3) имена гипотетических предметов [34, с. 173-205].

Каждая из этих групп подразделяется на несколько разрядов. Традиционная для современной лингвистики классификация онимов включает следующие разряды: антропонимы, топонимы, фитонимы, зоонимы, хрематонимы и т.д. В свою очередь каждый из разрядов допускает дальнейшую спецификацию. Так, топонимы могут подразделяться на разновидности по типу называемого предмета, объекта и т.д.: наименования городов, рек, гор и

т.п. Данная классификация постепенно дополняется. Так, исследователи разграничивают урбанонимы, прагматонимы и прагмонимы и другие разряды. Данные разряды выделяются не только на ставших уже традиционными основаниях (например, тип обозначаемого предмета), они не имеют единообразного толкования, что, безусловно, требует уточнения границ каждого из разрядов, критериев их выделения, специфики семантики и функционирования.

Рассуждая о тенденциях современного культурного сознания, Т.В. Шмелева отмечает, что «... онимический взрыв ... взрывообразный рост числа объектов, требующих собственных имен, вызывает увеличение ономастикона ... и расширение диапазона ономастической техники, или языковых средств производства онимов» [53, с. 6].

Разные ономастические разряды имеют различную степень частотности процентной соотнесенности с числом словоупотреблений в тексте, что обусловливается как лингвопрагматическими характеристиками, так и лингвокоммуникативной ценностью единиц и разрядов в целом.

Номинация традиционно делится на первичную и вторичную. Первичная номинация – это вычленение и называние фрагментов действительности с помощью непроемных слов, или говоря иначе, слов с непроемной основой. Непроемными признаются слова, которые в синхронном плане осознаются носителями языка как первообразные, т.е. не образованные от других слов. Такие слова обозначают фрагменты окружающей действительности непосредственно, условно и (с точки зрения современной семантико-словообразовательных связей) немотивированно [13, с. 47-50].

Вторичная номинация – это вычленение и называние фрагментов действительности с помощью производных лексико-семантических единиц. Вторичная номинация реализуется в форме словообразовательной и семантической номинации. В ономастике, по мнению А.В. Суперанской, целесообразно говорить об именах первичной номинации (новые личные имена: Снежана, Ревдит) и об именах непервичной номинации (фамилия *Петров* от имени *Петр*; поселок *Петровский* – от фамилии *Петров*), поскольку все звенья переосмысления порой бывает очень трудно выявить [34, с. 242]. Остановимся последовательно на обоих указанных видах вторичной номинации.

Новые наименования могут создаваться в результате различных семантических сдвигов, путем «семантического развития» слова.

К явлению «семантической деривации» относится широкий круг семантических преобразований, в первую очередь разные типы переносов (метафорические, метонимические, функциональные), изменение семантического объема слова (расширение и сужение, специализация значений), семантические кальки. В отличие от словообразовательной деривации, в качестве результата которой появляются новые по морфемному составу и/или грамматическим свойствам слова, семантическая деривация состоит в замене содержательной части уже существующих слов, что приводит к появлению

номинативных единиц, соотносимых с другими фрагментами действительности. Итак, семантическую деривацию можно определить как вид вторичной номинации, состоящий в использовании фонетического облика (материальной оболочки) уже существующего слова в качестве имени для нового обозначаемого (нового фрагмента действительности). Таким образом, в основе семантической деривации лежат разнообразные семантические сдвиги, возникновение новых, переносных значений, основанных на соотносительности одного предмета (явления) с другим через какой-либо признак [25, с. 3].

Поскольку данный способ обогащения номинативных возможностей языка квалифицируется как деривация, т.е. как процесс создания одних языковых единиц на основе других, принимаемых за исходные, он предполагает наличие производящего (мотивирующего, первичного, исходного) элемента и элемента производного (мотивированного, вторичного, выводимого), причем оба эти элемента находятся между собой в деривационных отношениях [24, с. 47]. Следует подчеркнуть, что о семантической деривации можно говорить только тогда, когда есть возможность восстановить деривационную историю производных единиц, т.е. выявить процессы, приведшие к их появлению.

Для исследователей проблемы номинации в ономастическом пространстве также важно деление номинаций на сложившиеся естественным путем и специально введенные для обозначения и различения фрагментов действительности. Под естественной номинацией мы вслед за М.В. Голомидовой понимаем процесс стихийного выбора языковым коллективом оптимального варианта содержания и формы языковой единицы в ходе использования ее в актах речевой коммуникации. Искусственная номинация трактуется как осознанный и целенаправленный номинативный акт, ориентированный на априорную узуализацию созданной номинативной единицы [9, с. 5-6].

Структуру созданного номинативного знака образуют три составляющих – денотат, форма, значение. Форма и денотат соотносятся между собой не прямо, а через значение: денотат отражается в значении, значение придает знаковость форме.

ИС и имена нарицательные имели или имеют свою мотивировку. Все они социальны и историчны, поскольку отражают общественные вкусы той или иной эпохи, характеризуют мировоззрение людей, их общественные взаимоотношения, общественную традицию [34, с. 242].

Набор мотивировочных признаков онима чаще всего согласован с традиционными характеристиками объектов. Так, например, в топонимах отражаются какие-либо особенности формы, размера, месторасположения объекта, а также окружающей растительности. Кроме того, может учитываться производимое впечатление и т.п. Для антропонимов совокупность фактов, лежащих в основе мотивировок, представляет физическую, психическую, моральную, биологическую, интеллектуальную характеристику лица, его социальную, этническую принадлежность и т.д.

Разряды онимов отличаются по степени регулярности, частотности, в том числе частотности процентной соотношенности с числом словоупотреблений в тексте.

По специфике денотативного значения имени в ономастическом пространстве делятся на антропонимы, топонимы, зоонимы, фитонимы и т.д., а также на разряды, которые могут не входить в ономастическое пространство языка, например, названия камней, оружия и т.п.

Традиционно понятие аллюзивности связано с художественным текстом. При этом аллюзивные ИС делятся по степени известности на: 1) получившие мировую известность; 2) широко известные среди носителей языка художественного текста и практически не известные носителям других языков; 3) не имеющие широкой известности даже у носителей языка.

На наш взгляд, аллюзивность присуща онимам не только в художественном, но и в других типах текста, а также собственно в дискурсе. Наиболее ярко данный признак проявляется при функционировании онимов в юридическом дискурсе. Степень аллюзивности онимов в юридическом дискурсе различна. Так, кодекс Наполеона включает эпоним, известный во всем мире, в то время как другие имена собственные известны лишь узкому кругу юристов в странах с англо-американской системой права. В качестве примера можно рассмотреть прецедентное решение суда, принятое по делу малоизвестного Антона Пиллера в 1976 и послужившее образованию юридического понятия «предписание / судебный приказ Антона Пиллера» (Anton Piller order), на основании которого истцу разрешается проникнуть в здание ответчика для осмотра документов и товаров, а при необходимости и для их изъятия [42].

Суперанская А.В. отмечает, что «... имена собственные сближаются с терминами, а ономастика как наука – с терминологией (терминоведением)... Как и ономастика, терминология занимается специальным лексическим сектором. Как и онимы, многие термины активно употребляются лишь узким кругом специалистов, и установление их лингвистического статуса как слов невозможно без участия специалистов тех отраслей, к которым эти термины относятся... Термин всегда член какой-нибудь терминологии, в пределах которой он однозначен, как и имя собственное – всегда достояние какого-нибудь коллектива, внутри которого понятна не только его объектно-номинативная связь, но и связанная с ним информация» [35, с. 5].

Однако необходимо более четкое разграничение между онимами, терминами и другими видами специальной лексики.

По степени терминологизации традиционно выделяют термины и терминоиды, к последним относят лексические единицы либо еще не ставшие терминами, либо не удовлетворяющие требованиям, предъявляемым к терминам [48, с. 30]. Татаринцов В.А. пишет, что «... специфика отражения ... понятий в специальных словах позволяет выделить 4 типа терминологических

единиц: термины, номены, терминонимы и профессионализмы» [38, с. 7], и определяет терминоиды как терминоподобные специальные лексические единицы с нечетким статусом [39, с. 260]. Имена собственные часто используются как компоненты наименования в так называемых «фамильных» терминах. Поэтому исследователь предлагает рассматривать терминонимы как имена собственные, употребляемые в специальном тексте, которые выполняют терминологические функции или являются терминообразующими лексическими единицами, например, «болезнь Альцгеймера», «теорема Пифагора», «Miranda warning». В таких случаях имена собственные могут подвергаться процессу деонимизации, описанному в ряде работ, например, Е.В. Кравченко [20], Л.Н. Исаковой [14]. При этом имена собственные либо становятся собственно терминами, либо существенно расширяют сферу функционирования, выходят за пределы конкретного типа дискурса. Терминоиды и терминонимы часть исследователей не включает в состав терминологии. Однако данное разграничение значимо при описании терминологии. Если рассматривать специальную лексику и терминологическую систему в их дискурсивной проекции, более важной является способность данных единиц обозначать специальные понятия и маркировать конкретный тип дискурса, например закон Ньютона является бесспорным маркером физического дискурса, закон Паркинсона – медицинского.

К единицам специальной лексики относятся и номены. Номен, по определению Г.Г. Шпета, есть эмпирическая, чувственно воспринимаемая вещь, знак, связанный с называемой вещью не в акте мысли, а в акте восприятия и представления [54, с. 3]. Номен рассматривается как лексическая единица, называющая предмет без реализации его точного места в системе классификаций. Исследователи отмечают, что у номенов в отличие от термина ослаблена связь с понятиями. В частности, В.А. Татаринов считает, что номены соотносятся с номенклатурными названиями и служат основой формирования терминологии. При таком подходе номен, обозначая единичное конкретное понятие, как правило, является онимом, но может быть и нарицательным существительным; в этом случае номены представляют собой простой перечень специальных объектов, не отражают существенных взаимосвязей между ними [39, с. 253-260]. Номены функционируют и в качестве специальных товарных знаков. В этом случае можно говорить как о собственно процессе онимизации, так и о вторичной онимизации. Номен, являясь единицей специальной лексики, способен маркировать конкретный тип дискурса. Устанавливая корреляции между онимами и единицами специальной лексики, следует отметить, что оним может функционировать как собственно термин. К таким единицам, например, в юридической терминологии можно отнести полные наименования законов, например, «Закон об образовании», наименования кодексов, «Закон о государственном языке Российской Федерации» и т.п. Терминонимы всегда мотивируются онимами, отражают специальное понятие, являются

ся составными наименованиями. Номены, как правило, являются именами собственными, служат наименованиями единичных уникальных понятий.

В лингвистике онимы рассматриваются в рамках семасиологической, когнитивной, лингвокультурологической парадигм. Преимущественно внимание исследователей направлено на семантику онимов, однако вопрос о специфике онимов и особенностях их функционирования до сих пор остается дискуссионным. В частности, В.М. Лейчик, затрагивая проблему целесообразности использования имени собственного в специальных терминологиях, относил вопрос «принятия и дальнейшего распространения или отклонения терминов-эпонимов ... и замены их обозначения, представленными именами нарицательными» к проблемам «нерешенным, но требующим скорейшего обсуждения и решения» [21, с. 29].

В связи с этим возникает необходимость рассмотрения имени собственного как элемента ономастического пространства в рамках дискурсивного подхода. Подобный подход позволяет рассматривать социокультурные и прагматические особенности употребления онимов как в собственно отдельном взятом типе дискурса, так и в случаях его пересечения с другими видами дискурса.

Представляется необходимым дальнейшее исследование функционирования онимов как единиц общей и специальной номинации в конкретном типе дискурса, характерных для конкретных специальных языков. В современной лингвистике все чаще появляются исследования, посвященные различным проблемам ономастики как в русском, так и в английском, немецком, испанском языках, рассматриваемых с точки зрения дискурсивного подхода. В частности, исследованию личных собственных имен в составе журналистских произведений, их характеру, их смысловой роли в узком и широком контекстах, посвящена диссертация Г.В. Соколовой [30]. Прецедентные имена собственные в немецком газетном дискурсе послужили предметом исследования в работе Ю.А. Блиновой [2]. Диссертация Е.А. Нахимовой посвящена теоретическому обоснованию эффективности использования идей, эвристик и методов современной когнитивной лингвистики в сочетании с достижениями традиционной лингвистики при исследовании имени собственного в дискурсе современной российской массовой коммуникации [26]. Ряд работ посвящен вопросам функционирования онимов в экономическом дискурсе, например, диссертации Е.А. Сотниковой [31], Н.А. Стадильской [33], К.А. Дзюбы [11]; проблеме функционирования онимов в медицинском дискурсе посвящена диссертация Е.В. Варнавской [5]; система онимов юридического дискурса описана в работе О.В. Косоноговой [19], онимы в художественном дискурсе рассматривались в работах Л.М. Хамитовой [47], В.П. Хохловой [50].

Все больше появляется работ, посвященных исследованиям этнокультурной семантике имени собственного в языках народов Российской Федера-

ции, в частности, диссертация М.Р. Багомедова, в которой автор рассматривает структуру и семантику топонимии в языке драга [1], и работа Г.Р. Галлиуллиной, посвященная вопросам антропонимии в татарском языке [7]. Ряд работ посвящен вопросам региональной ономастики, например, диссертация А.А. Казанковой посвящена описанию топонимов в региональной ономастической системе на материале Жердевского района Тамбовской области [15]. Таким образом, в современных изысканиях исследование ономастики приобретает междисциплинарный характер в силу экстралингвистических факторов, «... которые являются для нее обязательными, так как для всестороннего изучения имен собственных в ономастических исследованиях необходимо учитывать данные многих других наук» [23, с.37]. В ономастических исследованиях неизбежно обращение к знаниям географии, истории, биологии, этнографии, антропологии, астрономии, химии, медицины и т.д., что выводит ономастику далеко за пределы лингвистики и делает имя собственное предметом перспективного многоаспектного комплексного междисциплинарного исследования, необходимость которого обусловлено «чрезвычайной комплексностью» предмета ономастики, которая возникла «на стыке» наук [34, с. 56].

В заключении хотелось бы отметить, что несмотря на появление ряда обобщающих работ по вопросам ономастики как в зарубежной лингвистике [59, 60, 61, 56, 64, 57], так и в отечественной [23, 49, 52, 55], теория имени собственного остается одной из самых динамично развивающихся областей лингвистики, нуждающихся в дальнейшем тщательном изучении с позиций психолингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики и других областей знаний.

## Библиографический список к главе 1

1. Багомедов М.Р. Топонимия дарга: структурно-семантический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2013. – 26 с.
2. Блинова Ю.А. Прецедентные имена собственные в немецком газетном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2007. – 17 с.
3. Бюлер К. Теория языка. – М.: ИГ «Прогресс», 2001. – С. 7-8.
4. Валиева М. З. Историко-лингвистический анализ татарских женских личных имен: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2007. – 17 с.
5. Варнавская Е.В. Статус и функционирование эпонимов в медицинской терминологии испанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009. – 17 с.
6. Гаврикова Э.О. Формирование антропонимии в детском речевом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2005. – 17 с.
7. Галиуллина Г. Р. Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Казань, 2009. – 24 с.



8. Головина Р. В. Антропонимы в русской народной лирической песне: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 2001. – 16 с.
9. Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1998. – 216 с.
10. Гурская Ю.А. Имя собственное: этимология, национально-культурный потенциал, концептуализация: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Минск, 2009. – 26 с.
11. Дзюба К.А. Способы формирования наименований торговых марок (на материале английского, русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2014. – 17 с.
12. Есперсен О. Философия грамматика. – М.: Русский перевод, 1958. – С. 76.
13. Журавлев А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука, 1982. – С. 45-109.
14. Исакова Л.Н. Антропонеми в русских словарях науки, производства и социально-политической жизни России XVIII-XX веков: дис. ... канд. филол. наук. – Тула, 2004. – 202 с.
15. Казанкова А.А. Топонимы в региональной ономастической системе (на материале Жердевского района Тамбовской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2013. – 17 с.
16. Карпенко Ю.А. Пушкинский ономастикон: «Повести Белкина» // Русское языкознание. – Киев, 1981. – Вып. 2. – С. 80-87.
17. Карпенко Ю.А. Специфика ономастики // Русская ономастика. – Одесса: Изд-во Одес. гос. ун-та, 1984. – С. 3-18.
18. Карпенко Ю.А. Общие вопросы ономастики // Актуальные вопросы русской ономастики: Сб. науч. трудов. – Киев: УМКВО, 1988. – С. 10.
19. Косоногова О.В. Онимы в юридическом дискурсе: система и функционирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2011. – 17 с.
20. Кравченко Е.В. Деонимизация иноязычных имен собственных в английском языке (на материале антропонимов и топонимов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2004. – 26 с.
21. Лейчик В.М. Проблемы отечественного терминоведения в конце XXвека // Вопросы филологии. – 2000. – № 2 (5). – С. 29.
22. Малащенко М.В. Имя в парадигмах лингвопрагматики: монография. – Ростов н/Д: РГУ, 2003. – С. 101.
23. Миньяр-Белоручева А.П., Плотникова А.В. Эволюция восприятия имени собственного в западноевропейской культуре // Вестник ЮУрГУ. – 2008. – № 16 (116). – С. 37-41.
24. Морковкин В.В. Основы теории учебной лексикографии: дис. ... докт. филол. наук. – М., 1990. – С. 47.

25. Москалёва М.В. Семантическая деривация имён существительных в современном русском языке второй половины 20 – начала 21 вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2009. – 17 с.
26. Нахимова Е.А. Теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования прецедентных онимов в современной российской массовой коммуникации: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Екатеринбург, 2011. – 26 с.
27. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. – М., 1966. – 509 с.
28. Новиков Л.А. Семантическое поле как текстовая структура // Теория поля в современном языкознании: Материалы науч.-теор. семинара / Башго-суниверситет. – Уфа, 1997. – Ч. 4. – С. 3-6.
29. Пак С.М. Личное имя в лингвокогнитивном освещении // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. – 2004. – № 1. – С. 161-171.
30. Соколова Г.В. Публицистическая корреляция «факт-оценка» как условие функционирования имени собственного в текстах СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2006. – 16 с.
31. Сотникова Е.А. Ономастическое пространство названий парфюмерной продукции в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Елец, 2006. – 17 с.
32. Сосюр Ф., де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – С. 266.
33. Стадульская Н.А. Товарные знаки в языке и внеязыковой действительности Великобритании и США: дисс. ... докт. филол. наук. – Пятигорск, 2014. – 202 с.
34. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – С. 30.
35. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – Изд. 2. – М. УРСС, 2007. – 368 с.
36. Суперанская А.В. Эволюция имен собственных в Европе // Вопросы языкознания. – 2002. – № 3 – С. 5-17.
37. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография [Текст] / В.И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.
38. Татаринов В.А. Лексико-семантическое варьирование терминологических единиц и проблемы терминографии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1988. – С. 7.
39. Татаринов В.А. Теория терминоведения. – М., 1996. – Т. 1. – С. 253-260.
40. Тащицкий В. Место ономастики среди гуманитарных наук // ВЯ. – 1961. – № 2. – С. 11.
41. Топоров В.Н. Пространство и текст // Из забот московского семиотического круга. – М. 1997. – С. 455-515.
42. Универсальный англо-русский словарь [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: [http://universal\\_en\\_ru.academic.ru](http://universal_en_ru.academic.ru) (дата обращения: 10.02.2015).

43. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М., 1968. – С. 72.
44. Фоянкова О.И. Имена собственные в художественном контексте. – Л., 1990. – С. 16-17.
45. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение. Общий курс // Введение в языковедение: Хрестоматия: уч. пособие для вузов / Сост. А.В. Блинов и др. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 342 с.
46. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. – М., 1977. – С. 358-379.
47. Хамитова Л.М. Поэтический ономастикон в татарских детских стихотворениях (на материале художественных текстов Ш. Галиева и Р. Миннуллина): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Елабуга, 2007. – 17 с.
48. Хаютин А.Д. Термин, терминология, номенклатура: учебное пособие). – Самарканд, 1972. – С. 30.
49. Хвесько Т.В. Дихотомия апеллятив / онама в языке и речи ( на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2008. – 17с.
50. Хохлова В.П. Реминисцентные онимы в произведениях французских писателей-экзистенциалистов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2010. – 17 с.
51. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – М., 1974. – С. 265-304.
52. Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Тамбов, 2008. – 24 с.
53. Шмелева Т.В. Алфавит в ономастиконе // Российский лингвистический ежегодник. – Красноярск, 2006. – Вып. 1 (8). – С. 6-12.
54. Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты [Электрон. ресурс]. – М.: Изд-во «Правда», 1989. – С. 3 – Режим доступа: <http://biblio-teka.org.ua/book> (дата обращения: 12.05.2015).
55. Ююкина Л.В. Ономастический генезис дескрипции как имени собственного: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2013. – 17 с.
56. Aksholakova A. (2014). Proper Name as a clue symbol of identity. Procedia [Электронный ресурс]. – Elsevier, 112. – P. 465-471. – Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru> (дата обращения: 1.05.2015).
57. Butler, J.O. (2013) Name, place, and emotional space: themed semantics in literary onomastic research [Электрон. ресурс]. University of Glasgow. PhD thesis. – Режим доступа: <http://theses.gla.ac.uk/4165/1/2013ButlerPhD.pdf> (дата обращения: 1.11.2015).
58. Gardiner A.H. The theory of proper names. – London, 1910. – P. 32.
59. Gammeltoft P. In search of the motives behind naming. A discussion of a name-semantic model of categorisation [Электрон. ресурс] // Proceedings of the 21st International Congress of Onomastic Sciences. Uppsala 19-24 August 2002, vol. 1. – Режим доступа: <http://www.academia.edu> (дата обращения: 21.11.2015).

60. Kovarski S.L. (2002). Anthroponyms, acronyms and allocutives in interpreting from Russian [Электрон. ресурс] // In: G. Garzone & M. Viezzi (eds.) Interpreting in the 21st century: Challenges and opportunities, Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins. – Режим доступа: <https://www.academia.edu> (дата обращения: 21.11.2015).

61. Langendonck, W.van. (2007). Theory and Typology of Proper Names. Trends in Linguistics: Studies and Monographs. Berlin and New York: Mouton de Gruyter. – 378 pp.

62. Mill J.St. A System of Logic. – London: Parker, 1843. – P. 41.

63. Shokhenmayer E. (2010). Controversial article on geonomastics [Электрон. ресурс] // Journal for Theoretical Cartography. Vol. 3. – Режим доступа: [https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fmeta-carto-semiotics.org%2Fuploads%2Fmcs\\_vol3\\_2010%2FMCS\\_2010\\_3\\_shokhenmayer.pdf&name=MCS\\_2010\\_3\\_shokhenmayer.pdf](https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fmeta-carto-semiotics.org%2Fuploads%2Fmcs_vol3_2010%2FMCS_2010_3_shokhenmayer.pdf&name=MCS_2010_3_shokhenmayer.pdf) (дата обращения: 21.11.2015).

64. Pfu kwa Ch.Sh. (2008). Description of Diurnal Time: An Onomastic Perspective [Электрон. ресурс] // Journal of Language & Communication. – V. 2, Issue 1. – P. 58. – Режим доступа: <http://connection.ebscohost.com/c/articles/34146402/shona-description-diurnal-time-onomastic-perspective> (дата обращения: 21.11.2015).

65. Teuffel J. (2013). Doctrine of the NAME Instead of Onto-Theology [Электрон. ресурс] // THEOLOGY & LIFE Annual Theological Journal. – Режим доступа: <https://www.academia.edu> (дата обращения: 21.11.2015).

**МЕХАНИЗМ ПОСТРОЕНИЯ  
СТРУКТУРНО-СЛОЖНЫХ ЭПИТЕТОВ**

---

**2.1. Структурно-сложные эпитеты.**

**Эпитеты, образованные путем соединения двух  
прилагательных**

Данная статья посвящена структурно-сложным эпитетам, образованным путем соединения нескольких слов. Материалом нашего исследования служат поэтические тексты К. Бальмонта.

Структурно-сложные эпитеты по своему строению похожи на сложные прилагательные. Части сложных эпитетов также, как и части сложных прилагательных, объединяются при помощи соединительных гласных. В состав сложных эпитетов также входят корни слов, принадлежащих различным частям речи. Следует отметить, что в своём исследовании мы опираемся на динамическую теорию частей речи, созданную профессором В.Г. Руделевым [1], где части речи понимаются как грамматические и семантические классы слов. Части речи составляют оппозиции и могут подвергаться нейтрализации. Так, например, слово "изумрудная" в словосочетании "изумрудная листва" будет являться эпитетом, настоящим качественно-предикативным словом, а слово "изумрудный" в словосочетании "изумрудный браслет" будет рассматриваться как адъективная форма существительного.

Итак, рассмотрим, каким образом объединяются части сложных эпитетов. Можно отметить, что "образование прилагательных путем сложения двух и более основ, а также самостоятельных слов – очень давний способ обогащения лексики русского языка" [2, с. 1]. Но, в отличие от обычных сложных прилагательных, части сложных эпитетов имеют метафорическое значение.

Структурно-сложные эпитеты по своему составу – те же сложные прилагательные. Сложным прилагательным в научной литературе уделяется достаточно большое внимание. Среди работ, посвященных данной теме, ведущее место принадлежит исследованиям, в которых анализируются конкретные словообразовательные процессы, устанавливаются способы, по которым создается эта категория слов [2; 3; 4; 5; 6]. Изучались также структурные типы сложных прилагательных и их функция в художественных произведениях [7; 8].

Беликова С.Г. в своей работе анализирует способы образования сложных прилагательных, выделяя чистое сложение, сращение и сложение слов,

сложение, сопровождаемое префиксацией и т.д. [3]. Брысина В.М. пишет о “типах подчинительно построенных сложных прилагательных”, о разновидности сложений в зависимости от того, слова каких частей речи входят в состав сложного прилагательного [4, с. 9]. Донова З.П. также проводит классификацию сложных прилагательных в зависимости от их состава. Она замечает: “Между компонентами сложного слова устанавливаются те или иные смысловые взаимоотношения в зависимости от лексических значений соединяемых слов. <...> Основы различных частей речи, носители вещественных значений, комбинируясь в известных сочетаниях, образуют определенные структурно-семантические типы слов, по образцу которых продолжают создаваться слова. <...> В состав сложных прилагательных могут входить основы всех знаменательных слов. В качестве первого компонента могут выступать основы всех знаменательных слов, за исключением основ глагола, в качестве второго – основы имен существительных, прилагательных и глаголов” [5, с. 5]. Донова З.П. выделяет основные типы сложных прилагательных: прилагательные, состоящие из основы прилагательного и основы существительного; из основ существительного и прилагательного; из основ существительного и глагола; из двух основ существительных, а также – из основ числительного и существительного; из основ местоимения и существительного; из основ наречия и прилагательного (или отглагольного образования); из двух основ прилагательных [5, с. 5-6].

Что же касается сложных эпитетов, то здесь мы также разделяем их на основании того, к каким частеречным классам относятся входящие в их состав слова. По этому принципу можно выделить следующие основные типы: эпитеты, состоящие из двух прилагательных; из прилагательного и существительного; из числительного и существительного; из двух существительных.

Но не подобная классификация и не описание различных вариантов объединения частей сложных эпитетов является нашей целью. Мы хотим проанализировать способы организации структурно-сложных эпитетов. Для этого необходимо, на наш взгляд, определить характер связей, соединяющих элементы (составные части) сложного эпитета друг с другом и с определяемым словом. Нам также представляется интересным вопрос о степени совпадения смысловых значений исходной (непроанализированной) формы эпитета и формы, разложенной на составные части (проанализированной). (Термины “проанализированный” и “непроанализированный”, применительно к языковым единицам, позаимствованы нами у известного австрийского философа, представителя аналитической философии – Людвига Витгенштейна, уделявшего большое внимание проблемам языка.)

Структурно-сложные эпитеты мы разделили на три основные группы в зависимости от способа их организации. В первую группу входят сложные эпитеты, состоящие из таких элементов (т.е. составных частей), как два прилагательных. Во вторую – эпитеты, состоящие из прилагательного и суще-

существительного, числительного и существительного, а также – двух существительных, если только одно из этих существительных выступает в роли метафоры по отношению к определяемому слову. В третью группу входят эпитеты, состоящие из двух существительных (при этом оба существительных являются метафорами по отношению к определяемому слову).

Данное деление эпитетов на группы обусловлено характером связей элементов сложных эпитетов друг с другом и с определяемым словом. Первой группе соответствуют внешние параллельные связи, второй – внутренняя и внешняя последовательные связи, а третьей – опосредованная внутренняя связь.

В данной статье мы рассмотрим отдельно все три группы структурно-сложных эпитетов. Но сначала следует сказать еще несколько слов о структурно-сложных эпитетах в целом.

Сложные эпитеты состоят в основном из двух корней. Так, например, З.П. Донова отмечает: “Для русского языка является характерным двухкомпонентность сложных слов. Встречается некоторое количество слов и с большим числом компонентов, но это преимущественно термины или поэтические слова (например, “электро-свето-грязелечебный”, “стотысячесабельная конница” – Маяковский)” [5, с. 5].

Что касается К. Бальмонта, то в его поэзии практически не встречаются трехкомпонентные эпитеты, для его текстов характерны эпитеты, состоящие из двух компонентов. Приведем примеры структурно-сложных эпитетов: “**желтоогромная** луна” (эпитет, состоящий из двух прилагательных); “**круторогие** луны” (из прилагательного и существительного); “**тысячецветная** радуга” (из числительного и существительного); “**серполика** луна” (из двух существительных). Все эти исходные синтетические формы эпитетов могут быть представлены своими аналогами – аналитическими формами, т.е. сочетанием нескольких слов. Например, можно объяснить эпитет “**круторогие** луны” как “луна с крутыми (округлыми) рогами”, а “**желтоогромная** луна” – как “луна желтая и огромная”. Исходные синтетические формы будем называть непроанализированными формами эпитетов, а аналитические – проанализированными формами. Следует сказать, что отношения между данными формами не так просты и однозначны, как кажется на первый взгляд. Так, например, З.П. Донова замечает: “Значение сложного слова не равно простой сумме значений его составных частей. Таким образом, составные части сложного слова не могут быть оторваны друг от друга ни с точки зрения реальных значений, ни с точки зрения способа их взаимной связи. Сложное слово, как и простое слово, обозначает отдельное понятие, отличное от других понятий. <...> Сложное слово – качественно новое лексическое образование. <...> Сложное слово можно определить как лексическое образование, значение которого не равно сумме значений его компонентов, но в то же время не стирает лексических значений последних, а выраста-

ет из них, образуя качественно новое целое” [5, с. 4]. К вышесказанному можно добавить, что хотя “значение слова и не равно простой сумме значений его составных частей”, но тем не менее бывают и редкие исключения, когда части сложного слова объединяются в одно целое только для того, чтобы определенным образом вписаться в структуру поэтической строки с целью сделать более органичной мелодику стиха.

*Там нет ветров свиреподышащих,  
Там нет ни друга, ни врага,  
Там нет морей, себя не слышащих  
И гулко бьющих в берега.*

(“Влияние Луны”.)

Здесь эпитет “свиреподышащий” объединен формально. В других же случаях сложные эпитеты, действительно, по своему значению не равны сумме своих составляющих. Появление нового значения от сложения каких-либо элементов – это объективная закономерность. Но существует своего рода градация соотношений значения сложного эпитета в целом и суммы значений его составных частей. В одном случае значения эти очень приближены друг к другу и различаются минимально, а в другом случае – различие очень велико. Это зависит от характера связей между элементами сложного эпитета и определяемым словом. Если это параллельные или последовательные связи, то различие в значениях будет невелико. Если же это опосредованная связь, то данное различие будет гораздо больше.

Итак, рассмотрим первую группу структурно-сложных эпитетов, которые образуются путем соединения двух прилагательных. В эпитете, который состоит из двух прилагательных, присутствуют два качественных признака. Из всех групп эпитетов эти эпитеты – самые качественные, т.к. они не содержат в себе никаких других частей речи. В то же время, данная группа эпитетов встречается у К. Бальмонта довольно редко, потому что она требует от поэта так соединить признаки, чтобы они идеально подходили друг другу. Гораздо проще создавать определения путем соединения прилагательного и существительного: субстантив объединяется с каким-либо качественным словом, и все это сразу превращается в сложный эпитет. В случае же соединения двух качественных признаков дело обстоит гораздо сложнее.

*Медвяная тишь от луны округлой и желтоогромной  
В сосновом лесу разлилась, дремотный безмолвствует бор.*

(“Медвяная тишь”)

В эпитете “желтоогромная” – два прилагательных (“желтая” и “огромная”), а следовательно, два качественных признака. Луна – огромная и желтая. Какой признак здесь важнее? Одно качество обозначает цвет, другое –



размер. Перед ними в стихотворной строке стоит еще одно слово – “округлой”, – это уже форма. В данном случае она не очень существенна. Луна может быть только круглая. Полная луна, но необычайно большого размера – “огромная”. С чисто грамматической точки зрения, это слово “огромная” и будет детерминирующим, т.к. у него, в отличие от слова “желтая”, сохранена флексия. Но вполне естественно, что флексия сохранена лишь у одного прилагательного. Вопрос состоит в том, указывает ли это окончание на то, что прилагательное, у которого оно имеется, важнее того, у которого флексия не сохранилась. Так, например, В.М. Брысина пишет о сложном слове: “Сложному слову, в отличие от словосочетания, присуща строгая последовательность в расположении составных частей – постановка зависимого слова на первом месте, а главного – на втором ...” [4, с. 5]. Но мы имеем дело не с обычным сложным словом, а с эпитетом. Если эпитет состоит из двух прилагательных, то бывает трудно отдать предпочтение какой-либо из его частей, поскольку части эти в своем отношении к определяемому слову – равноправны, т.к. они объединяются в одно целое исключительно для придания речи некоего стиля, изысканности, подчеркнутой красоты. Структурно-сложный эпитет является индивидуально-авторским словом, употребленным лишь единожды, а не обычным банальным определением, сотни раз встречающимся в повседневной речи. Когда же, в отличие от эпитетов, мы имеем дело просто со сложными прилагательными, то очень редко их составные части действительно представляют собой соединение двух качественных прилагательных. Объединение частей в одно слово здесь служит иным целям – сокращению речи или созданию новых удобных наименований (“работоспособный”, “теплолюбивый”, “жароупорный”). В любом случае, сложные прилагательные для того и создаются, чтобы употребляться не единожды, а активно использоваться в повседневной речи. Отсюда и соотношение между частями сложного прилагательного (зачастую данные части вовсе не являются настоящими прилагательными) – они неравноправны. О неравноправии же составных частей сложного эпитета, на наш взгляд, можно говорить тогда, когда речь идет об эпитетах, состоящих из прилагательного и существительного, из числительного и существительного, а также – из двух существительных, при условии, что только одно из них выступает в роли метафоры по отношению к определяемому слову. В случае же, когда эпитет состоит из двух прилагательных, трудно отдать предпочтение какой-либо одной части сложного эпитета.

Вернемся к примеру “**желтоогромная** луна”. Качественные признаки “желтая” и “огромная”, на наш взгляд, здесь не зависят одно от другого. Можно было бы даже сделать предположение, что поскольку прилагательное “желтая” стоит на первом месте, то оно тем самым больше обращает на себя внимание. Но вряд ли это является верным, хотя цвет всегда вызывает яркие зрительные ассоциации. У К. Бальмонта луна может быть разного цве-

та – белой, снежной, серебряной, опаловой, золотой, красной, зеленоватой. Но в данном случае поэт из всех оттенков выбирает желтый. Эпитет “**желтоогромная** луна” можно объяснить и разложить на составляющие следующим образом: “желтая и огромная луна” или, наоборот – “огромная и желтая луна”. Смысл стихотворной строки от этого не меняется.

Итак, элементы (или части) сложного эпитета “желтоогромная (луна)” являются равноправными. Каждый элемент данного сложного эпитета отдельно присоединяется к определяемому существительному. Между собой же элементы сложного эпитета никак дополнительно не связаны. Поэтому в данном случае мы говорим о внешних параллельных связях. Проиллюстрируем это с помощью схемы – рис. 2.1.

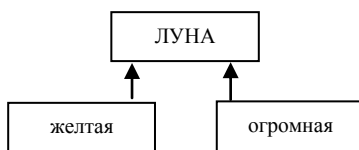


Рис. 2.1. Эпитет “желтоогромная (луна)”

Эпитет “желтоогромная” достаточно прост в том плане, что элементы данного эпитета не вызывают никаких сомнений относительно того, что они являются прилагательными. Но можно найти и другие, более сложные примеры.

В стихотворении, взятом из книги К. Бальмонта “Поэзия как волшебство”, поэт называет дым костра “**сребролунным** зверем”, вышедшим из пещеры. Обе части сложного эпитета “сребролунный” обозначают цвет. “Серебряный” в данном случае – не адъективная форма существительного, а качественное прилагательное. То же и в отношении слова “лунный”, которое также является качественным прилагательным, хотя это и более редкая форма, чем “серебряный” или “золотой”. Поэт весьма часто употреблял, например, форму “лунно” как качественное слово.

*Чтоб глаз тех враждебных, но спящих,  
И тускло, и лунно глядящих,  
Я тайную повесть прочел...*

(“Зачарование”)

Таким образом, мы можем истолковать сложный эпитет “сребролунный” как эпитет, состоящий из двух прилагательных. Значение этого эпитета – не такое однозначное, как, например, у формы “желтоогромная”, но все же данный эпитет вызывает вполне определенные ассоциации. Поэт очень часто называл луну “серебряной”, а серебро – “лунным” (“Он острый, – край **серебряного** круга”; “Но вот изменится игра – и нежит **лунность** серебра”). Данные эпитеты для К. Бальмонта обозначают почти одно и то же –

определенный цвет. Можно было бы сказать, что части сложного эпитета “сребролунный” являются своеобразными поэтическими синонимами.

Аналогичный пример со сложным эпитетом (тоже обозначающим цвет), структурные части которого можно также отнести к поэтическим синонимам, находим в поэме “Фата Моргана”:

*Мне снилось множество цветов,  
Багряных, алых, золотистых,  
Сапфирно-синих лепестков,  
И снов, застывших в аметистах.*  
(“Фата Моргана” (“Фиолетовый”))

Эпитеты, написанные через дефис, мы также относим к структурно-сложным эпитетам. Обе части эпитета “сапфирно-синие” обозначают синий цвет. Элемент “сапфирный” здесь выступает как поэтическое украшение, как своеобразный оригинальный повтор.

Конечно же, в двух вышеуказанных случаях мы говорим о поэтической синонимии лишь в условном, фигуральном смысле. Речь идет о том, насколько по своему значению близки друг другу части сложного эпитета. Элементы сложного эпитета трудно представить себе как единый качественный признак, как нечто нерасчлененное. Части так называемых поэтических синонимов (“сребролунный”, “сапфирно-синий”) – это два самостоятельных признака. Не существует в прямом смысле, например, “бело-желтого” цвета, не существует и “сапфирно-синего” или “сребролунного”.

В любом случае, признаки являются расчлененными. Но все же прилагательные типа “бело-желтый” (части которых обозначают однородные признаки) отличаются от прилагательных, части которых обозначают разнородные признаки. Интересно то, что именно в случае соединения слов однородных, семантически очень близких (а особенно – поэтических синонимов), можно говорить о намечающемся новом качестве, в то время как при соединении разнородных, различных по значению слов, происходит просто механическое объединение двух признаков.

Но подобные соотношения однородных или неоднородных признаков едва ли влияет на способы организации структурно-сложных эпитетов, так как и в том, и в другом случае сложный эпитет строится из двух самостоятельных прилагательных, каждое из которых непосредственно присоединяется к определяемому слову. Поэтому мы называем такие словообразования структурно-сложными эпитетами с внешними параллельными связями. Проиллюстрируем способ организации структурно-сложных эпитетов “сребролунный зверь” и “сапфирно-синие лепестки” с помощью схем. Они будут аналогичны схеме эпитета “желтоогромная луна” – рис. 2.2.

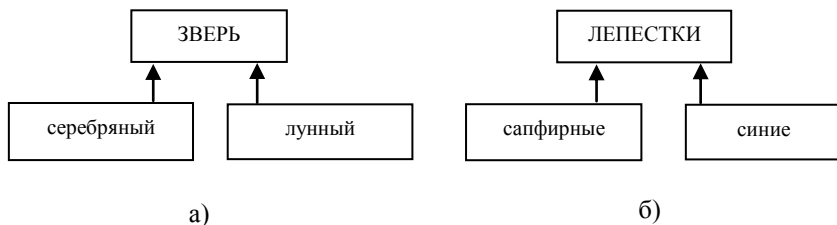


Рис. 2.2. Эпитеты: а) "сребролунный (зверь)";  
б) "сапфирно-синие (лепестки)"

Приведем еще примеры эпитетов, образованных с помощью соединения двух прилагательных.

*Волх Всеславич многоликий, обращаться мог,  
Волхом рыскал, был он сокол, тур был красный, златорог.  
Солнцеликий, змеегибкий, бесомудрый чародей...*

(“Волх”)

В последней строке находятся три структурно-сложных эпитета. Что касается первого, то он получен путем соединения двух существительных. А последние два следует отнести к эпитетам, образованным с помощью двух прилагательных. Определение “бесомудрый” можно было бы принять за соединение существительного и прилагательного. Но при объединении в одно слово, прилагательное обычно ставится на первое место, существительное – на второе, а никак не наоборот. К тому же, первая часть сложного эпитета “бесомудрый”, скорее, обозначает не существительное “бес”, а некое качественное прилагательное, например, “бесовский”. Поэтому можно сказать, что эпитет “бесомудрый” – это соединение двух прилагательных. Такую же организацию имеет и эпитет “змеегибкий”. Принадлежность слова “гибкий” к классу прилагательных не вызывает сомнения. Что же касается первого элемента эпитета, то следует вспомнить, что К. Бальмонт неоднократно употреблял слово “змеиный” или “змеиность” как качественное прилагательное или как субстантивную форму прилагательного (“О, души женские, плененные мечтой, / Вы, сочетавшие **змеиность** с красотой ...”; “Кто изменился – кто это свился – в полный **змеиности** жгут?”).

На этом основании первую часть сложного эпитета “змеегибкий”, на наш взгляд, можно отнести к качественному прилагательному. Следовательно, эпитет “змеегибкий”, также как и эпитет “бесомудрый”, получен путем соединения двух прилагательных. Данные эпитеты относятся к одной группе структурно-сложных эпитетов с внешними параллельными связями. Покажем это на схеме – рис. 2.3.

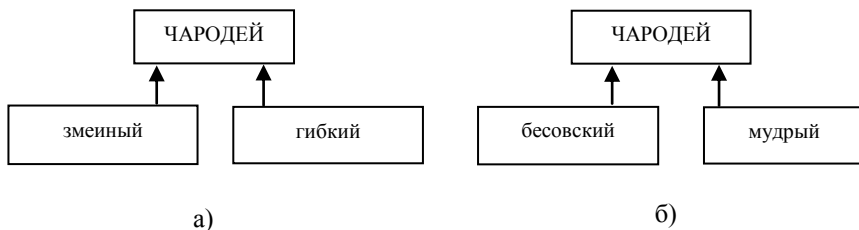


Рис. 2.3. Эпитеты: а) "змеегибкий (чародей)";  
б) "бесомудрый (чародей)"

Аналогичный случай можно найти и в стихотворении "Зачарование":

*От вещи, во тьме приходящей,  
Змеиности, тайно скользящей,  
Всевышний, меня сохрани,  
Зловражеской силе молчащей  
Скажи: "Зачаруйся. Усни".*

Эпитет "зловражеский" также состоит из двух прилагательных – "злой" и "вражеский" (в значении "враждебный"). Покажем это на схеме – рис. 2.4.

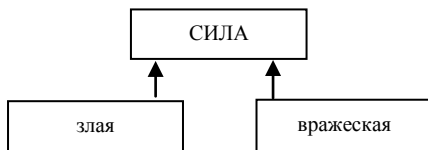


Рис. 2.4. Эпитет "зловражеская (сила)".

Итак, мы рассмотрели структурно-сложные эпитеты, состоящие из двух прилагательных. Элементы данных эпитетов соединены с определяемым словом при помощи внешних параллельных связей.

Каждый элемент сложного эпитета присоединяется к определяемому слову самостоятельно, независимо от другого элемента. Что же касается соотношения между непроанализированной формой структурно-сложного эпитета ("желтоогромная луна") и проанализированной формой ("желтая и огромная луна"), в которой выявлены отдельные элементы ("желтая" и "огромная"), а также – внешние параллельные связи между элементами эпитета и определяемым существительным "луна", то различие в значениях данных форм является минимальным. Разница в выражениях "желтоогромная луна" и "желтая и огромная луна" очень мала. Исходная, непроанализированная форма отличается от проанализированной не оттенком значения, а принадлежностью к иному, более возвышенному стилю. Первая форма воз-

можно только в стихотворном тексте, тогда как вторая – и в стихотворном, и в прозаическом.

Следует отметить, что эпитеты, полученные путем соединения двух прилагательных, являются эпитетами в полном смысле этого слова, т.к. обе их части обозначают качественный признак. Данные словообразования нисколько не похожи на видоизмененную, сжатую метафору, что мы можем наблюдать в эпитетах, полученных путем соединения двух существительных.

## 2.2. Структурно-сложные эпитеты, образованные путем соединения прилагательного и существительного, а также – числительного и существительного

В отличие от эпитетов, которые получены путем соединения двух прилагательных, эпитеты, состоящие из прилагательного и существительного, встречаются не только в стихотворном тексте, но и в прозе.

Обычные определения, полученные таким же образом, активно употребляются в повседневной речи. Очень часто используются определения типа “сероглазый”, “светловолосый”, “чернокожий”. Такие синтетические формы можно представить в виде следующих аналитических форм: “человек с серыми глазами”, “человек со светлыми волосами” и т.д. В поэзии подобные прилагательные приобретают необычную, изысканную форму и становятся эпитетами.

В поэзии, например, могут обращаться в эпитет слова “черный хлеб”. В стихотворении “Всю жизнь” встречается выражение “**чернохлебный** колос ржи”. Соединенные вместе корни прилагательного и существительного превратились в оригинальный эпитет. Здесь – и цвет, и предчувствие урожая в спелых колосьях ржи.

*Нам зерна эти светлые, о духи светловзорные,  
Вечерняя, рассветная послала вышина.*

*(“Золотые зерна”)*

“Светловзорные” – это своеобразный вариант определения “светлоглазые”. Используя в качестве отправной точки вполне обычные прилагательные, поэт переделывает их на свой манер, придавая им необычную форму. Так автор создает свои оригинальные тексты.

Похожий пример – в стихотворении “Свадьба Воды и Огня”.

*Это зеленые храмы растений,  
При всемирных свечах светлоглазого Дня...*

Здесь все намеренно перепутано: свет – это глаза Дня, которые горят при “всемирных свечах”. И хотя само по себе определение “светлоглазый” вполне обычно и часто употребляется в повседневной речи, но в подобном контексте оно выглядит весьма оригинально и поэтому имеет право называться эпитетом.

В обычной речи не употребляются определения типа “сероокий” или “зеленоокий”. Но в поэзии все возможно.

*Стая змей  
Собралась, свилась, как лента, как дракон зеленоокий...  
 (“Чернобыль” )*

В стихотворении “Вещанье” находим эпитет “златоокий”. Но он идет не как обозначение цвета. “Златоокий” – это “неземной”, “лучезарный”, “все-знающий”.

*Сидел у руля златоокий Пророк,  
И был он как будто совсем одинок ...*

Наиболее частотными среди эпитетов, состоящих из прилагательного и существительного, являются эпитеты, обозначающие цвет, поэтому прилагательные типа “жемчужный”, “изумрудный”, “серебряный”, “золотой” очень активно включаются в состав таких сложных эпитетов. Но это могут быть не только прилагательные подобного рода, но и любые другие.

Рассмотрим подробнее структуру сложных эпитетов, состоящих из прилагательного и существительного. В отличие от эпитетов, которые состоят из двух прилагательных и, соответственно, содержат в себе два качественных признака, эпитеты, полученные путем соединения прилагательного и существительного, содержат лишь одно качество. Фактически, вторая часть определения, выраженная существительным, эпитетом не является. Вторую часть следует назвать определяемым существительным по отношению к первой части эпитета. Но тем не менее объединенные в одно целое, обе части сложного слова имеют форму прилагательного и воспринимаются как целый эпитет, у которого также есть свое определяемое существительное. Рассмотрим конкретный пример. Для того, чтобы наглядно была видна разница между эпитетами, состоящими из двух прилагательных (“**желтоогромная** луна”) и эпитетами, состоящими из прилагательного и существительного, возьмем определение, также относящееся к “луне”.

*И луны, в страсти – крутороги  
Ведут венчальный хоровод.  
 (“Комета” )*

Второй элемент сложного эпитета “круторогие” мы называем существительным, т.к. слово “рогатая” – не прилагательное, а адъективная форма существительного.

По аналогии с определениями, употребляющимися в повседневной речи, мы можем представить этот эпитет как выражение “луны с крутыми (округлыми) рогами”.

Выше было сказано, что вторая часть подобных определений в строгом смысле не является эпитетом, т.к. не обозначает качества. Но очень часто бывает так, что данное существительное несет в себе определенный оттенок метафоричности. Например, – в данном случае или в примере “светлоглазый День”. Однако подобная метафоричность не является обязательной.

Итак, если говорить о связях элементов сложного эпитета “круторогие” друг с другом и с определяемым существительным “луны”, то данные связи будут отличаться от связей эпитета “желтоогромная (луна)”. Части (элементы) эпитета “круторогие” не будут подсоединяться параллельно к определяемому существительному “луны”. Непосредственно к нему будет подсоединяться только один элемент – “рогатые”, а первый элемент сможет “подойти” к существительному не сразу, а лишь последовательно, присоединившись сначала к элементу “рогатые”, и лишь после этого – к существительному “луны”. Нельзя сказать, что “круторогие луны” – это “крутые (округлые) луны с рогами”, – создается бы впечатление, что у полной луны вдруг сверху появляются рога. Когда же говорим – “луны с крутыми (округлыми) рогами”, то сразу становится понятно, что речь идет о месяце, т.е. признак “крутой (округлый)” в данном случае не принадлежит непосредственно луне: рога – лишь часть месяца, но не он сам. Месяц же может казаться нам не таким округлым и выгнутым, как его рога. Таким образом, первая часть сложного эпитета присоединяется к существительному “луны” после второй части – “рогатые”. Поэтому в данном случае, на наш взгляд, следует говорить о внутренней и внешней связях, осуществляющихся последовательно. Проиллюстрируем данные связи на схеме – рис. 2.5.

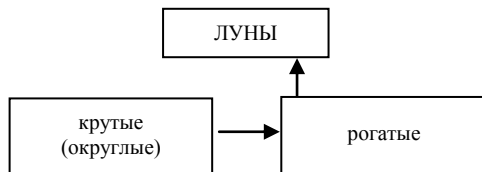


Рис. 2.5. Эпитет "круторогие (луны)"

Рассмотрим еще несколько аналогичных примеров.

*Размаха – взреял вихрь, рокочет – громокрылый  
И зыбь свечения он сеткой взнес, золотой,*



*В Утес Молчая – бьет златоклювой вилой...*

...

*И – преломленье дня. Диск солнца золотой –  
Еще блаженствует, – еще он златокрылый...*

(“Но я люблю тебя!”)

Здесь присутствуют сразу три сложных эпитета – “златокрылый”, “громокрылый” и “златоклювый”. Первые элементы данных эпитетов являются качественными прилагательными, вторые – существительными. Но все эти существительные здесь несут метафорическую функцию по отношению к определяемым существительным “диск (солнца)”, “вихрь”, “вила”. Что же касается существительного “вила”, то оно само является метафорой. Поэт называет солнце “златокрылым диском”, ветер также представляется ему в виде “громокрылой птицы”, бьющей вилой золотого клюва в скалы. Таким образом, в данных примерах обнаруживается многоступенчатая организация тропов. Но сама структура эпитетов – довольно проста. Данные эпитеты можно превратить в соответствующие аналитические формы – “вихрь с громкими (громыхающими) крыльями”, “вила с золотым клювом”, “диск с золотыми крыльями”. Это сложные эпитеты, элементы которых соединены с определяемыми словами при помощи внутренней и внешней последовательных связей. Проиллюстрируем это схемами – рис. 2.6.

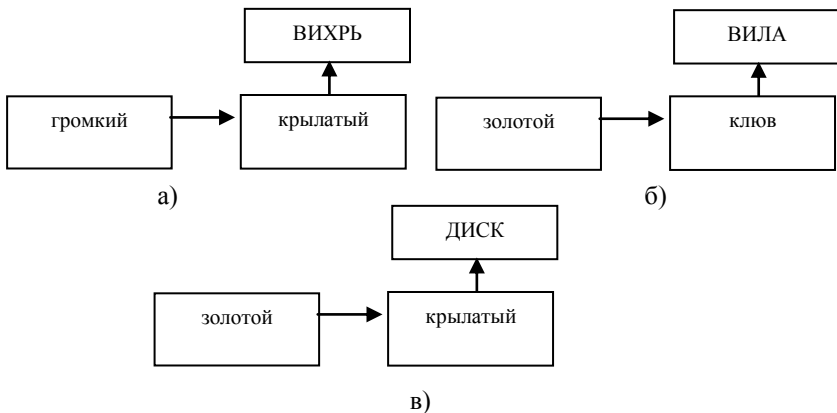


Рис. 2.6. Эпитеты: а) "громокрылый (вихрь)"; б) "златоклювая (вила)"; в) "златокрылый (диск)".

*В этих травах тонкий яд,  
Самоцветности горят,  
В них глубокий, змеокий, нелюдской берущий взгляд.*

(“Руны ночи”)

Первая часть эпитета “змееокий” является качественным прилагательным, т.к. означает не принадлежность змее, а нечто колдовское, призрачное, коварное. Необычное сочетание “змееокий взгляд” можно воспринимать как поэтический повтор.

Схема этого эпитета – такая же, как и в предыдущих примерах – рис. 2.7.

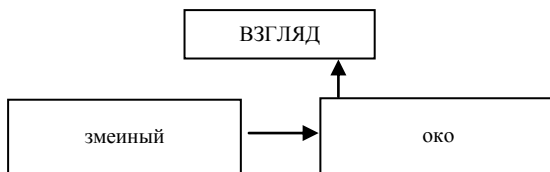


Рис. 2.7. Эпитет "змееокий (взгляд)"

К рассматриваемой нами группе эпитетов с последовательными связями относятся и эпитеты, полученные путем соединения числительного и существительного. И хотя числительное не обозначает качественный признак, тем не менее подобные определения можно считать эпитетами, т.к. числительные в необычном поэтическом контексте могут приобретать метафорический смысл. В подтверждение этому – слова А.И. Кайдаловой, которая говорит, что возможны такие сложные прилагательные, “в которых основы числительного имеют метафорическое значение” [3, с. 6].

В поэзии подобные определения выглядят следующим образом.

*Над этими пространствами, то бурными, то мирными,  
 Душою оцущается в Эдем ведущий мост.  
 Зовется ли он Радугой, навек **тысячецветною**,  
 Зовется ли иначе как, значения в том нет.*

(“Фата Моргана” (“Синий”))

В определении “тысячецветная” числительное приобретает метафорический оттенок. Способ организации эпитетов, состоящих из числительного и существительного – такой же, как и у эпитетов, в состав которых входят прилагательное и существительное – рис. 2.8.

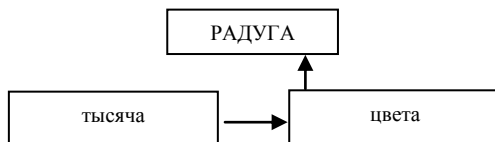


Рис. 2.8. Эпитет "тысячецветная (радуга)"

Итак, в рассмотренной нами группе эпитетов элементы соединены с определяемым существительным с помощью внутренней и внешней после-

довательных связей. Исходным, непроанализированным формам таких эпитетов (“**круторогие** луны”, “**тысячецветная** радуга”) соответствуют проанализированные (“луны с крутыми (округлыми) рогами”, “радуга из тысячи цветов”). Казалось бы, значение синтетических и аналитических форм в данном случае – одно и то же, но в аналитической форме все же теряется нечто важное – скомпрессированность, быстрота и легкость передачи образа, что и составляет главную красоту и поэтичность высказывания.

### 2.3. Структурно-сложные эпитеты, образованные путем соединения двух существительных

Наиболее редкую и малочисленную группу в поэзии К. Бальмонта составляют сложные эпитеты, полученные путем соединения двух существительных. Такие эпитеты практически не встречаются в прозаических текстах и тем более – в повседневной речи. В поэзии же, достаточно много эпитетов, которые, на первый взгляд, можно принять за соединение двух существительных, но на проверку они оказываются соединением прилагательного и существительного. Это особенно часто бывает в тех случаях, когда первую часть эпитетов составляют слова типа “серебро”, “золото”, “изумруд” и т.п. Нашей же целью является анализ сложных эпитетов, состоящих из настоящих существительных, а не из субстантивных форм прилагательного. Так, например, В.М. Брысина говорит о подобных сложных определениях: “По способу согласования построены очень продуктивные слова из основы имени прилагательного и основы имени существительного. <...> Вместо обычной основы имени прилагательного в первой части можно встретить иногда в индивидуальных стилях и в терминологических словах имя существительное: “солнцеокий осетр”, “серпокогтистый зверь”, “лаполистый клен” (Г.Р. Державин)...” [4, с. 9].

Определения, состоящие из двух существительных, можно называть эпитетами лишь с некоторой натяжкой, так как они все же ближе к метафоре. У эпитетов, состоящих из прилагательного и существительного, вторая часть иногда выступает в роли метафоры к определяемому слову. В группе же эпитетов, состоящих из двух существительных, порой случается так, что оба этих существительных являются метафорами по отношению к определяемому слову. Иногда бывает, что только первая часть выступает в роли метафоры, а вторая является простым существительным без какого-либо намека на метафоричность. Но и в том, и в другом случае, определения, состоящие из двух существительных, не могут обозначать качественный признак. Поэтому мы говорим о том, что такие определения по своему значению приближаются к метафоре.

Рассмотрим конкретный пример. В стихотворении К. Бальмонта “Всю жизнь” находим эпитет “**серполикая** луна”. Качественный признак в этом

определении фактически отсутствует. Перед нами – три субстантива: “луна”, “серп” и “лик”. При этом последние два – являются метафорами по отношению к первому. Трудно определить, какой из элементов сложного эпитета здесь является главным, как и в случае с эпитетом “желтоогромная луна”. Но эпитет “серполикакая (луна)” по способу своей организации вовсе не похож на эпитет “желтоогромная (луна)”, – части сложного эпитета “серполикакая” не подсоединяются к определяемому существительному с помощью параллельных связей. Не подсоединяются и последовательно. Здесь – третий вид связи – опосредованная внутренняя связь. Поскольку определение “серполикакая” представляет собой соединение двух метафорических слов, стоящих в позиции принадлежности к одному существительному, то данное определение может быть представлено в виде двух аналитических форм, причем обе эти формы будут равноправны. Так как существует возможность превратить любую метафору в сравнение, можно сказать, что эпитет “**серполикакая** луна” имеет следующие аналитические формы: “серп луны как лик” и “лик луны как серп”.

Подобные определения, состоящие из двух существительных, выполняющих функцию метафор, являются как бы двусторонними, одинаково действующими в обе стороны. При их анализе мы непременно апеллируем к содержащемуся в них скрытому сравнению, обязательно используя при этом ключевое слово “как”. На наш взгляд, нельзя представить эпитет “**серполикакая** луна” иначе. Если пытаться объяснить его по модели второй группы эпитетов, состоящих из прилагательного и существительного, то получится нечто вроде выражения “лик луны с серпом”, – и это будет просто комично. В эпитете “серполикакая” и слово “серп”, и слово “лик” непосредственно подсоединяются к существительному “луна”. Но, в отличие от эпитета с параллельными связями (“**желтоогромная** луна”), где слова “желтая” и “огромная” между собой не связаны, слова “серп” и “лик” связаны друг с другом через существительное “луна” опосредованной связью, что видно по аналитическим формам, имеющим вид сравнений. Подобный тип опосредованной внутренней связи можно проиллюстрировать следующим образом – рис. 2.9.

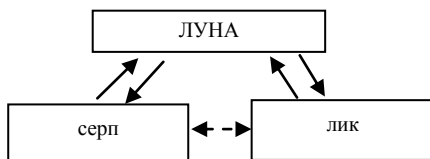


Рис. 2.9. Эпитет “серполикакая (луна)”

Приведем аналогичные примеры эпитетов подобного рода. В стихотворении “Царица балтийских вод” сказочный витязь молнией разрушил янтарные чертоги, скрытые под водой.

*И однажды метнул **молнеглазые** громы,  
И янтарные он опрокинул хоромы,  
Разметал он обломками их.*

Здесь и первую, и вторую части сложного эпитета “молнеглазые” можно считать метафорами к существительному “громы”, так как гром в реальности не обладает ни молниями, ни глазами. Поэтому, также как и в предыдущем примере, можно представить этот эпитет в виде двух аналитических форм (двух сравнений) – “молнии громов как глаза”, “глаза громов как молнии”. Проиллюстрируем опосредованную внутреннюю связь элементов сложного эпитета и определяемого существительного с помощью схемы – рис. 2.10.

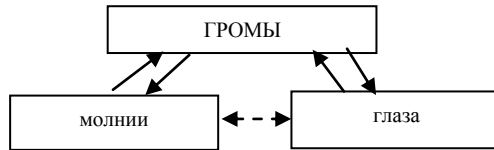


Рис. 2.10. Эпитет "молнеглазые (громы)"

У К. Бальмонта можно найти еще один очень похожий пример, но уже не в поэзии, а в прозе. Однако даже стиль литературно-критических статей К. Бальмонта – метафоричен. Таковы строки из статьи “Голос прилива”: “Как в глубинностях Моря, в глубинах Народной души – скрываются чудохоромы – там таятся, среди жемчугов, **огнеглазые** громы. – Миг синих расцветов, спешите!”

Эпитет “**огнеглазые** громы” аналогичен эпитету “**молнеглазые** громы”. Его также можно представить в виде двух аналитических форм: “огонь громов как глаза” и “глаза громов как огонь”. Соответствующей будет и схема – рис. 2.11.

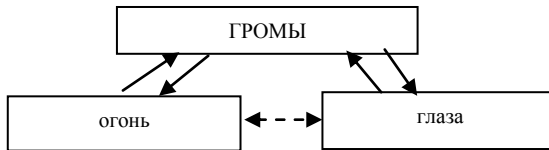


Рис. 2.11. Эпитет "огнеглазые (громы)"

Мы проанализировали эпитеты, в которых оба элемента, выраженных существительными, являются метафорами по отношению к определяемому слову, и установили, что для данной группы эпитетов характерна опосредованная внутренняя связь. Но встречаются и такие сложные эпитеты, которые также состоят из двух существительных, но при этом метафорой по отношению к определяемому слову является только одно существительное.

**Лунноликий, Солнцеокий,**  
*Отвечал Агурамазда.*

(“Воскресенье”)

Слова “луна” и “солнце” в составе данных эпитетов вполне могут называться метафорами. Но вторые элементы этих сложных эпитетов метафорами считать нельзя, поскольку Агурамазда реально, а не в переносном смысле обладает ликом и очами. По этой причине, на наш взгляд, части таких сложных эпитетов не могут считаться равноправными и, следовательно, не могут быть связаны друг с другом через определяемое слово опосредованной связью. Нельзя, например, представить эпитет “лунноликий (Агурамазда)” в виде двух равноправных сравнений типа “луна Агурамазды как лик” и “лик Агурамазды как луна”. Следует употребить только одно, последнее сравнение. Метафора “луна” относится не к самому определяемому слову Агурамазда, а лишь – ко второй части сложного эпитета – к слову “лик”. Покажем внутреннюю и внешнюю последовательные связи структурно-сложных эпитетов “лунноликий” и “солнцеокий” на схемах – рис. 2.12.

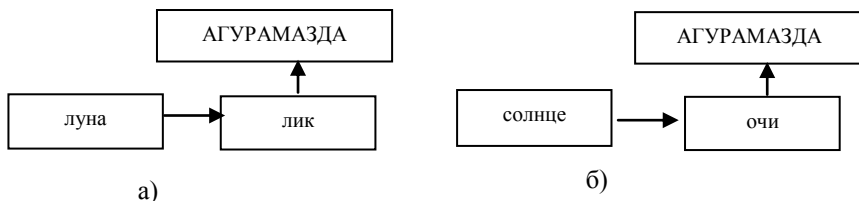


Рис. 2.12. Эпитеты: а) "лунноликий (Агурамазда)";  
 б) "солнцеокий (Агурамазда)"

Итак, опосредованная связь характерна для тех сложных эпитетов, которые состоят из двух существительных, причем необходимо, чтобы оба элемента сложного эпитета выступали в роли метафор по отношению к определяемому слову. Если метафорой является лишь одно существительное, входящее в состав сложного эпитета, то в данном случае мы констатируем последовательные связи.

Вернемся к сложным эпитетам с опосредованной связью. В этой группе эпитетов очень сильно проявляется различие между исходной (непроанализированной) формой и аналитическими (проанализированными) формами. Рассмотрим это подробно.

Понимание механизма создания эпитета требует его анализа, т.е. сначала эпитет раскладывается на составные части, а затем устанавливаются те связи, благодаря которым части сложного эпитета объединяются в единое целое. Вышеуказанные действия предполагают, что мы понимаем, каким

образом из проанализированной формы вновь появляется первоначальная, исходная, непроанализированная форма. Данное положение является верным, если речь идет об эпитетах второй и тем более – первой группы, так как проанализированные и непроанализированные формы здесь практически нечем не отличаются друг от друга и являются взаимозаменяемыми (“желтоогромная луна” – это “желтая и огромная луна”; “круторогие луны” – это “луны с крутыми (округлыми) рогами”). Но когда подвергаются анализу эпитеты третьей группы (“серполикая луна”), то приходится сталкиваться со многими трудностями. Например, следует ли выбрать одну из двух аналитических форм (“серп луны как лик”, “лик луны как серп”) и если – да, то какую? И возможна ли в данном случае замена исходной формы аналитической, если последняя – столь неопределенна? На первый вопрос следует ответить отрицательно, так как обе аналитические формы являются равноправными, поскольку равноправны обе части сложного эпитета. Что же касается того, возможна ли замена исходной формы аналитической, то этот вопрос гораздо сложнее. Разложив эпитет на составляющие и установив тип связи, нельзя точно сказать, чем же конкретно исходный эпитет отличается от проанализированного, что нового появляется в нем, когда его составные части посредством вполне определенных связей объединяются в одно целое, – словно в нашем анализе пропущено какое-то звено, некий важный этап, через который должна пройти аналитическая форма, прежде чем она вновь станет исходной. Однако восстановить данное звено не представляется возможным. Формальный анализ структурно-сложных эпитетов третьей группы, таким образом, нужно дополнить неформальным, т.е. прибегнуть к помощи аналогий, сравнений, пояснений и примеров, косвенно раскрывающих содержание пропущенного звена анализа, который лежит за пределами логического описания. В этом и состоит специфика поэтического языка. Его нельзя полностью описать с помощью схем. В подобных эпитетах просто содержится некая неопределенность, неточность, что вполне допустимо в поэзии. Например, В.Н. Вовк говорит о сложности метафоры следующее: “Постигая смысловую сложность, раскрывая завуалированный образ, читатель как бы разгадывает тайну, зашифрованную метафорой. Чем сложнее загадка, тем больше активности и интеллектуального напряжения она требует от читателя, тем она выразительнее. В некоторых случаях, когда образ представляет абстрактное многомерное понятие, от читателя требуется богатое воображение, и здесь уже определенная роль возлагается на индивидуально-читательские особенности и опыт. Автор в таком случае создает своего рода метафорическую модель и предлагает ее заполнить читателю” [9, с. 52]. Поэтический язык – это не язык науки. В стихотворных текстах не требуется четких формулировок. Более того, достижения этой четкости не всегда желательно, поэтому читателю вовсе не обязательно объяснять себе структурно-сложный эпитет, раскладывая его на составные части.

Проблема проанализированных и непроанализированных языковых форм интересовала многих исследователей. Так, например, философ Л. Витгенштейн замечает по этому поводу: “Мы видим составные части чего-то сложного. ... Мы также видим целое, которое изменяется (разрушается), в то время как его составные части остаются неизменными. Все это материалы, из которых конструируем ... картину реальности. ... Мы рассуждаем примерно так: располагая лишь непроанализированной формой, испытываешь нехватку анализа. Зная же аналитическую форму, тем самым обладаешь всем. – Но разве нельзя сказать, что и в этом, и в том случае теряется из виду та или иная сторона дела?” [10, с. 108, 110]. Действительно, в то время как при анализе составные части сложного эпитета сохраняются, сам эпитет разрушается, и аналитическая форма, таким образом, не равна исходной. Витгенштейн Л. отмечает также, что иногда бывает невозможным передать расплывчатое изображение четким. И даже если это возможно, то не всегда целесообразно: “Всегда ли целесообразно заменять нечеткое изображение четким? Разве неотчетливое не является часто как раз тем, что нам нужно?” Философ говорит, что “степень возможного сходства отчетливого и размытого изображений зависит от степени неопределенности последнего”. Чем неопределеннее структурно-сложный эпитет (например, эпитеты третьей группы), тем труднее объяснить его с помощью аналитических форм. Иногда мы не в силах конкретно определить, чем непроанализированная структура отличается от проанализированной. Трудно объяснить, что же именно появляется в структурно-сложном эпитете, когда мы воспринимаем его в целом, не разделяя на составные части. Витгенштейн Л. замечает: “Что значит: знать ... и быть не в состоянии это сказать? Не эквивалентно ли такое знание несформулированному определению?” Философ отмечает, что наше знание о чем-либо не всегда выражается в четком определении, оно может отражаться в наших объяснениях и соответствующих примерах, подобранных определенным образом. В ряду этих примеров следует увидеть то общее, что по каким-то причинам нельзя выразить точно и однозначно. “Приведение примеров ... не косвенное средство пояснения, – к которому мы прибегаем за неимением лучшего. Ведь любое общее определение также может быть неверно понято” [10, с. 113, 115].

Таким образом, подводя итог рассуждениям о проанализированных и непроанализированных формах, можно сказать, что для читателя, воспринимающего стихотворный текст, структурно-сложный эпитет – это монолитная структура, которую вовсе не обязательно разбивать на части и анализировать. Но для исследователя анализ необходим, так как выявление отдельных элементов сложного эпитета, а также – характера связей между элементами эпитета и определяемым словом, позволяет непосредственно выявить механизм построения структурно-сложных эпитетов.



**Библиографический список к главе 2**

1. Руделев В.Г. Динамическая теория частей речи русского языка // Вестник Тамбовск. ун-та. – 1996. – Вып. 1 – С. 83-89.
2. Кайдалова А. И. Лексико-грамматическая характеристика сложных прилагательных. (На материале некоторых групп сложных качественных образований современного русского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1970. – 17 с.
3. Беликова С.Г. Новые прилагательные, образованные способом чистого сложения, с сочинительным отношением мотивирующих слов (на материале словарей новых слов и периодики 1985-1989 гг.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1990. – 25 с.
4. Брысина В.М. Сложные прилагательные в современном русском литературном языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1954. – 16 с.
5. Донова З.П. Сложные прилагательные в современном русском литературном языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1950. – 18 с.
6. Алтаева А.Ш. Словообразовательные парадигмы сложных прилагательных // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент: Укитувчи, 1985. – С. 165-168.
7. Григорьев В.П. Заметки о сложном слове // Вопросы языкознания. – 1958. – № 5. – С. 102-104.
8. Сидорец В.С. Структурно-семантическая характеристика прилагательных в прозе И.А. Бунина: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Минск, 1971. – 23с.
9. Вовк В.Н. Языковая метафора в художественной речи. – Киев: Наукова думка, 1986. – 141с.
10. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. – С. 80-322.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ  
ОБРАЗОВ В ПОЭЗИИ А.И. ТОКАЕВА**

---

В истории осетинской литературы начала XX века значительное место занимает творчество Алихана Инусовича Токаева (1893-1920). Поэт-символист, новатор осетинского стихосложения, незаурядный драматург, публицист, художник, он соединил в своем творчестве осетинские национальные традиции и новые эстетические идеалы символизма, по-новому интерпретируя сюжеты и образы мифологии и фольклора.

Расцвет творчества А. И. Токаева приходится на начало XX века – время символизма. Именно эстетика символизма явилась основой для поэтического мира Алихана Инусовича. Поэтому трактовка фольклорных образов в поэзии Токаева ведется именно с позиции символистской, где символ – универсальный способ проникнуть «за видимую оболочку вещей к их сокровенной и вечной сущности» [9, с. 11].

Интерес к фольклору проходит через все творчество поэта, обогащая и питая его поэтический мир.

Ярче всего в лирике Токаева фольклорные образы и мотивы присутствуют в стихотворениях «Æнамаæt адаæм» («Беспечные люди»), «Цард» («Жизнь»), «Цыкурайы фæрдыг» («Бусина желаний»), «Куырмыгы хуыцау» («Бог слепых»), «Тызмаæg зымаæg, куы лыгътаæ ды...» («Суровая зима, когда ты убежала...»), «Хæцæг калм...» («Кусачая змея ...»), «Розæ» («Роза»), «Сау комææ тарф тын...» («В черное ущелье тяжелый луч...»), «Аууоны хъæртæ» («Крики в тени»).

**3.1. Интерпретация мифологических образов в поэзии  
А.И. Токаева**

В стихотворении «Æнамаæt адаæм» («Беспечные люди») [27, с. 162] показано столкновение лирического героя, осознающего свою обособленность, и безликой толпы – «беспечных людей». С помощью фольклорной символики передаются противоречия и боль, раздирающие героя.

Весь текст построен в форме диалога героя и толпы, открывается он вопросом к лирическому герою, вопрошающие – неизвестные, безымянные люди: «Почему ты так бледен, мальчик?» На что герой отвечает: «Моя душа не такая / Как ваша... Трудно ей жить...» [27, с. 162].

Уникальность героя состоит именно в том, что его душа иная, его сердце горит болью, связанной как с реальным миром (сочувствие обездоленно-

му, голодному народу), так и с осознанием своей Избранности, некой сверхчеловечности, а отсюда трагическое принятие своей отверженности и вынужденного одиночества.

Пытаясь объяснить свои тревоги и горечь сердца толпе, герой становится понятным только тогда, когда обращается к фольклорной символике.

Герой говорит о своем внутреннем мире, пользуясь яркими, экспрессивными образами («Черный человек», «черный ворон», «черный камень»):

Сау лаг мын айста мае худт.	Черный человек забрал мой смех.
Зардаёй сау дур фыцы.	В сердце кипит черный камень.
Фидар ыл сау сынт хæцы...	Крепко его держит черный ворон...

[27, с. 162]

Только после этих слов состояние лирического героя стало людям (безымянной толпе) относительно понятно, даже испугало их настолько, что они проклинали и прогнали героя.

В Осетии начала XX века сознание любого осетина было чрезвычайно мифологическим и религиозным. Бытовая и общественная жизнь осетинского народа была неразрывно связана со множеством богов, т.н. «дзуаров»: «едва ли есть другая религия, столь богатая фантазией, создавшая такое поразительное многобожие, столько духов, святых и т.д., которая так глубоко проникла бы во все функции личной и общественной жизни человека, как осетинская. Он, осетин, еще с детства сжился с представлениями о том, что есть множество богов, духов, нечистых сил, и что все радости и горе, вся жизнь человека зависит от них. Если кто им угождает, то они даруют ему радость, кто гневит их, того они наказывают и заставляют страдать» [11, с. 470]. То есть осетин издавна привык жить бок о бок с божествами и духами, населяющими землю так же плотно, как и человеческое сообщество.

Поэтому, когда герой называет главного виновника своих страданий некоего «Черного человека» – все понимают, что с ним что-то не так, что теперь героя нужно бояться. Ответ можно найти в мифологии и религиозных верованиях осетин, в которых есть два загадочных персонажа.

Первый – Ахсавидар: «зловещее ночное привидение в виде темного силуэта всадника, иногда черт <...> Если Ахсавидар приснится человеку, а тем более привидится наяву, то, согласно суевериям осетин, этот человек после тяжелой и долгой болезни умрет» [5, с. 32].

Второй – Хуызисаг («отнимающий образ») выступает как «зловещее существо, с которым встречается умерший в загробном мире. Также Х. называют людей с “дурным глазом”, которые, встречаясь на пути с человеком, могут изменить его вид к худшему (забрать образ, лицо), подвергнуть опасности, наслать болезни и т.п.» [5, с. 184].

Любое из этих существ могло бы стать тем «Черным человеком», который забрал смех, т.к. после встречи с ним герой стал бледный, печальный, истощенный. Поэтому, не понимая причины внутреннего состояния героя,

люди нашли свое объяснение в мистических поверьях. Ведь то, чего человек не понимает, пугает его. Именно болезнь – то, чего осетины боялись больше всего, самыми опасными и страшными в осетинском пантеоне богов были божество оспы – Аларды и божество эпидемий – Рыны Бардуаг. Этот страх объясняется тем, что различные эпидемии в период с XVIII по XIX вв. уносили огромное количество человеческих жизней в Осетии. Поэтому проще прогнать человека, у которого такая странная болезнь, чем попытаться помочь ему.

Сгущение красок, мрачные видения, мистическая окраска – это характерные черты всей поэзии Токаева. В данном же тексте негативные, мрачные образы, заимствованные из фольклора, дают представление о герое как о чуждом и чужом. Поэтому герой предстает в сознании толпы как некий прокляженный, которого необходимо изгнать из общества:

Маæ фæстæ дуртæ ахсынц.	Вслед мне камни бросают.
Цæуын сындæггай æз дæр.	Тихо я ухожу.
Фæрыст сæ дзырдтæй маæ сæр...	Разболелась голова от их слов...
Дзурынц... Худынц... Хæрынц...	Говорят... Сменяются... Едят...

[27, с. 162]

Самое известное стихотворение в поэтическом наследии Токаева – «Цыкурайы фæрдыг» («Бусина желаний») [27, с. 72] – это первый сонет на осетинском языке, богато наполненный фольклорными образами-символами.

«Цыкурайы фæрдыг» – «бусина, исполняющая что ни попроси» (дословный перевод) или «бусина исполняющая желания», элемент осетинского фольклора, где бусина – волшебный камень, «величайшая домашняя святыня. <...> Встречается очень редко и по народному поверью достается “счастливицу” с опасностью для жизни, так как добывается из зева самых ядовитых змей» [18, с. 328]. Вера в волшебную бусину переходила из поколения в поколение, она являлась неким «фамильным талисманом, приносит богатство, счастье, благополучие, ограждает от несчастья, исполняет все желания» [15, с. 68]. Бусина хранилась в доме, в тайном месте, ее нельзя было тревожить и показывать чужакам. Культ бусины при этом был не только домашним (охранял одну семью), но существовали еще и бусины, хранившиеся в святилищах, «находящихся вне дома и имеющих влияние на целое общество того или иного ущелья» [16].

В стихотворении Токаева трактовка этого сакрального образа ведется разнопланово. С одной стороны – это несомненно образ фольклорный (лирический герой добыл ее у змеи, бусина лечит болезни и исполняет желания), с другой стороны бусина для героя – способ и возможность как собственно духовного мистического преобразования (способность летать к небесам и падать в пропасть), так и общечеловеческого, общемирового.

Мæнмаæ цыкурайы фæрдыг ныр ис.	Есть теперь у меня бусина желаний.
Æдзух ваййы мæнмаæ æппæт, цы	Всегда бывает у меня все, что попрошу.

курон.

Уый нæу зæххон, уæларвонтæй у – хурон, Дзæбæх кæны фыдниз, уый зоны рис [27, с. 72].	Она не земная, с небес она – от солнца, Лечит неизлечимые болезни, боль душевную знает.
--	--

В стихотворении упоминаются имена осетинских божеств и святых, таких, как Святой Дзивгиса, Сафа, Уацилла и Артхурон:

Нæ радта уый мæнæн ыстыр дзуар Дзивгъис, Нæдæр та Сафа, Уацилла, Æртхурон. Æз калмæй байстон уый – уыди фыдхъулон, Цæхæртæ калгæ сау маргæй сыгъдыс [27, с. 72].	Не великий святой Дзивгис ее мне дал, И не Сафа, Уацилла, Артхурон. Я отнял ее у змеи – была очень пестрая. Искры бросая, горела черным ядом.
--	--

Святой Дзивгиса («Дзивгъисы дзуар») – «одно из самых почитаемых святилиц в Куртагинском ущелье, посвященное Уастырджи. Возможно, что некогда Дз.дз. был святым селением Дзивгис, близ которого расположено святилище Дз.дз. Сами жители села называют это святилище <...> молельней в честь Уастырджи – Уастырджи кувандон» [5, с. 55]. Где Уастырджи – одно самых уважаемых и почитаемых божеств в осетинской мифологии, является «покровителем мужчин, всадником на чудесном белом коне» [13, с. 428]. отождествляется со Святым Георгием.

Следующее божество, упоминаемое в тексте, это Сафа: в осетинской мифологии «божество очага и покровитель надочажной цепи (гæхус). Ему приписывается изготовление первой надочажной цепи, спущенной им с неба в подарок людям» [2, с. 9]. Бог-кузнец, с его именем связан целый ряд обрядов семейного цикла.

Уацилла – один из самых популярных божеств, бог-громовержец, «повелитель бурь, покровитель земледелия» [6, с. 21].

Артхурон (букв. «солнечный огонь») – божество огня, насылающее на кожу болезни, он – «олицетворение небесного огня солнца. На это намекает и утверждение, что *Артхурон* насылает на кожу болезни, потому что последние, по народным суевериям, находятся в связи с огнем и солнцем» [13, с. 451]. В сказаниях выступает иногда и «как проситель у верховного божества *Хуыцау* о даровании людям богатства и благополучия» [5, с. 30-31].

Отрицая помощь почитаемых богов и святых, герой подчеркивает тем самым то, что добыча бусины – это результат его собственных стараний, и покровительство богов ему не нужно. Отняв бусину у ядовитой змеи, герой овладел мистическими знаниями, которые нужны ему не для блага собственной семьи или села (как было бы в традиционной, фольклорной трактовке), но для всеобщего счастья:

Фæндонæй æз фæтæхдзынæн  
уæларвмæ,

По своему желанию я улечу к небесам,

Æркалдзынæн нæ зæхмæ Рухсæй тын.      Рассею по нашей земле Луч света.  
Мæ ауон бæстыл райдайдзæн хæтын.      Моя тень по свету станет скитаться.

Дæлдзæхæн та ныккæсдзынæн йæ  
арфмæ,  
Дунетыл таудзынæн рæсугъддæр фын.  
Æз талынгæн æрхаудзынæн йæ  
тарфмæ [27, с. 72].

И в бездну я всмотрюсь, в ее глубину,  
По свету буду сеять прекраснейший  
из снов.  
Я во тьму упаду в ее глубину.

В этом стихотворении гармонично соединились осетинские фольклорные мотивы («бусина желаний»), идеи символизма о могучей мистической личности и эстетическая позиция самого поэта – отдать все во имя счастья собственного народа, где, распространяя над миром «прекраснейший из снов», лирический герой погибает в темной глубине.

Фольклорный мотив волшебного меча, рассекающего камни [23], присутствует в стихотворении «Куырмыгы хуыцау» («Бог слепых») [27, с. 145].

Лирический герой вызывает к богу, который отвернулся от людских страданий, зажмурился и спит глубоким сном, не замечая ужасов, которые царят на земле:

Дымгæ футтытæ кæны –      Ветер дует –  
Бапыхцыл дæ рихи...      Растрепалась твоя борода...  
Цæссыг, сау цæссыг кæлы.      Слеза, черная слеза бежит.  
Сау зæрдæ фæдих и.      Черное сердце разделилось.

Хъæр кæнын дæумæ, кæнын  
Туджы малы цадаей.  
Малы мардыл æз кæлын,  
Бахъæрзын æнцадаей.

Кричу тебе, кричу,  
Скопилась кровь озером.  
Спотыкаюсь о бесчисленных мертвецов,  
Тихо причитаю.

Хъусыс? Нал хъусыс, цы, ды?  
Бацъынд дæ æртхуыстæй...  
Адаем нал ысты – цыфы  
Бахуыссынц маердхуыстæй...  
[27, с. 145]

Слышишь? Или не слышишь ты?  
Зажмурился как потухший огонь...  
Нет уже людей – в грязи  
Засыпают мертвецким сном...

Однако все зывания героя остаются без ответа, и тогда он принимает решение, берет на себя функции бога:

Цыргъ кæнын ныр æз мæ кард,  
Дурты дæр куыд даса.  
Сурын, сурдзынæн фыддзард,  
Дард йæхи куыд ласа! [27, с. 145]

Точу я теперь свой меч,  
Чтобы даже камни мог рассечь.  
Гоню, тяжелую жизнь буду прогонять,  
Чтобы прочь убиралась!

Волшебный меч, рассекающий камни, фигурирует в нартовском эпосе в цикле «Уархаг и его сыновья, Ахсар и Ахсартаг», где Ахсар сделал себе меч «ахсаргард» из небесной руды: «обоюдоострый меч, – такой, что от удара его

любой камень, любой металл пополам распадались, а сам меч не тупился» [23, с. 49-50]. Кроме того, во многих других циклах сказаний о нартах присутствует меч, наделенный особыми свойствами. Так Батраз – один из центральных героев эпоса, грозное божество, Сверхчеловек, обладающий невероятной силой, часто отождествляется со своим мечом: «меч Батраза брошен в Черное море... Когда ... сверкает молния с запада, осетины относят это сверкание к блеску меча Батраза, бросающего себя из моря на небо для истребления нечистых сил и бесов» [3, с. 19].

Таким образом, образ волшебного меча взят из осетинского фольклора, но использован в особой функции – не для собственных подвигов, не для того, чтобы сразиться с богом, отвернувшимся от людей, а для того, чтобы отогнать прочь несчастья со страдающей земли. Тем самым лирический герой выступает в образе мистического защитника, не ищущего славы для себя, а сражающегося за счастье народа.

В стихотворении «Тызмаг зымаг, куы лыгътае ды...» («Суровая зима, когда ты убежала...») [27, с. 134] Алихан Инусович обращается к образу Удхассага, особо часто встречающемуся в его поэтических текстах.

Тызмаг зымаг, куы лыгътае ды,	Суровая зима, когда ты убежала,
Нае уалдзæг хъызгайæ куы 'ртгъывта,	Наша весна играючи блистала,
Уæд та ныххаудтаен æз маъты,	Тогда я опять провалился в переживания,
Уæд та мае удхаæссаг фæлыфта.	Тогда опять меня Удхассаг обманывал.

Йæхи раедыфта уый маенмае,	Он рвался ко мне,
Йæ цæваг сигæцыл ысдаудта.	Свою косу точилом наточил.
Уый тардта, тардта маен цæммае,	Он гнал меня, гнал к леднику,
Йæ дæндаг цæвагæй ысхæудта	В зубе ковырял косой.

[27, с. 134].

Удхассаг – «(букв. “уносящий душу”) это «существо, которое, согласно верованиям осетин, приходит за душой человека в день его смерти; ангел смерти» [5, с. 155-156], поэтому и в данном стихотворении имеет ее атрибут – косу. Для осетин является самым ужасным чудовищем, часто присутствует и в ругательствах, как нечто отвратительное и злое.

Для Токаева Удхассаг олицетворяет чувство тревоги, предчувствие чего-то ужасного, грядущих страданий. В пограничном состоянии межсезонья герой стоит перед выбором, сделать который ему мешает Удхассаг, обманывающий и тянущий к гибели. Тем самым переходное время в природе отождествляется с внутренними сомнениями, душевными тревогами, отрицаниями и ожиданиями, воплощающимися для героя в образе обманчивой, зловещей Смерти-Удхассага.

Так же многопланен и образ черта в поэзии А.И. Токаева, к нему автор обращается довольно часто в попытке обозначить негатив и злобу, противопоставленную лирическому герою.

В стихотворении «В черное ущелье тяжелый луч...» («Сау коммæ тарф тын...») [27, с. 109-110] Алихан Инусович с помощью языка природы и символических фольклорных образов черта («хæйраг») и Уносящего душу («Удхæссæг») создает картину народного бедствия, нищеты и беспроглядной ночи, где ожидание «восхода солнца» является символом новой, счастливой жизни, избавления от зла и мрака.

Сау коммæ тарф тын	В черное ущелье тяжелый луч
Бæрзæндтæй каст,	С высоты смотрел,
Н' алыгъд йæ тар фын,	Не убежал его мрачный сон,
Н' аскъуыд йæ маст.	Не порвалось его горе.

Арвæй фæхаудта	С небес упала
Зæхмæ цæхæр,	На землю искра (яркий свет),
Даудта уый, даудта	Гладила, она, гладила
Комæн йæ сæр.	Голову ущелья.

Уый йæм æркасти	Это глянула на него
Æврæгътæй мæй,	Из-за облаков луна,
Ком та йæ мастæй	А ущелье от злости
Баци фынай.	Уснуло.

Арвæй ыстъалы	С неба звезда
Коммæ уый тахт,	Летела к ущелью,
Бамынаг тары,	Померкла в темноте,
Тары ныссагъд [27, с. 109].	В темноту вонзилась.

В первой части стихотворения автор представляет некую абстрактную картину ночи в горах, в которой свет – это ложное сияние луны и звезд, не приносящее радости жизни: «тяжелый, мрачный луч, упавший на землю» от луны, сеет «злой сон», а звезда, сорвавшаяся с небосклона и летевшая к земле, так ее и не достигла – «вонзилась во тьму». В восприятии поэта его родные горы спят злым, тяжелым сном без отдохновения, во тьме и без надежды. Причина безрадостного ночного пейзажа – не сугубо природные явления (ночь-день), но трагическая, символическая «ночь», которую распространяет по горам черт:

Чи дæ рæвдауы,	Кто тебя ласкает,
Дæу, уæ, мæ хох?	Тебя, о, моя гора?
Чи дыл æфтауы	Кто на тебя набрасывает
Йе згæхæрд рох?	Свою проржавелую уздечку?
-----	-----

Уый йæ рæвдауы	Это ее ласкает
Талынджы тох,	Война во тьме,
Уый йыл æфтауы	Это на нее накиннул
Хæйраг йæ рох.	Черт свою уздечку.



Худгæ фæтæхы  
Сау коммæ дард,  
Комы фæтæхы  
Тарæй йæ арт.

Смесь летает  
В темное ущелье далеко,  
В ущелье летает  
Из тьмы его огонь.

Удхæссаг зары  
Хохмæ æргом,  
Уый йыл æвзары  
Цæвæджы ком... [27, с. 109-110]

Уносящий душу поет  
Горе открыто,  
Он на ней испытывает  
Острые косы...

Черт и Уносящий душу – фольклорные образы. Так черт, один из популярных персонажей осетинского фольклора, дух, принадлежащий подземному, нижнему миру («дæлимон»), «существуют, как злые, так и добрые черти» [15, с. 54-55]. Однако, как правило, чертей стараются избегать, так как от них «кроме беды, никакой помощи ждать не приходится» [21, с. 41], обычно они принимают облик волосатого, немывтого человека, «питающегося грязью и редко человеческой пищей, <...> с вывернутыми вперед ногами-пятками (размæ-зæвæтджынтæ)» [19, с. 51]. В осетинском фольклоре есть несколько разновидностей чертей (Æхсавидар [5, с. 32], Хуызисæг [5, с. 184] и др.), черт – популярный образ в осетинских народных сказках, в которых он символизирует, как правило, хитрость, изворотливость, злобу («Три сына бедняка» [24, с. 134 – 142], «Сын суки» [24, с. 162-177], «Бедняк, Уасгерги и черт» [24, с. 470-479] и др.). Место обитания чертей не только подземелье, живут они и на земле «в горных долинах, оврагах, лесах, водоемах, мельницах, заброшенных домах и т.д. Показываются они только ночью» [15, с. 55]. Черти не только пакостят и вредят – как свидетельствуют фольклорные данные, осетины от чертей «научились изготовлению араки» [19, с. 52], в нартских сказаниях черти помогли Сослану выбраться из преисподней.

Следующий образ, упоминаемый ранее и в других текстах – Удхæссаг (букв. «уносящий душу») – ангел смерти, приходящий за душой умирающего.

В стихотворении Токаева два ужасных символа ночи, преисподней – Черт и Уносящий душу, те, кто держат под гнетом родную землю лирического героя. Черт, набросивший на гору уздечку, и Уносящий душу, который натачивает свою косу о нее. Свободно, не страшась ничего и никого, силы зла осели на земле, не пуская на нее солнечный луч, а единственный источник света – это «огонь из тьмы», другими словами, злобный, ложный свет зла, тот, что принес с собой черт.

Однако картина беспроглядной тьмы сменяется надеждой в третьей, финальной части стихотворения:

Сæй ныр дæ садай,  
Уæ, мæ хох, ды,  
Ниугæ æнцадæй,  
Хаугæ мæты.

Болей своей болезнью  
О, моя гора, ты  
Вой смиренно,  
Проваливайся в переживания.

Судзгæ дын зары	Горящее, поет для тебя
Зæрдæ, мæ хур...	Сердце, мое солнце...
Ахуысс уал тары,	Поспи пока в темноте,
Ракæсдзæн хур [27, с. 110].	Солнце взойдет.

Обращаясь к фольклорным образам черта и Уносящего душу, автор в символической форме указывает на беспощадных угнетателей родной земли, тех, кто не пускает свет на землю. Однако, любой сон заканчивается, также, как и любая ночь приходит к концу, так и в данном тексте: тяжкие страдания родной земли будут преодолены, поскольку неизбежно «солнце взойдет» и свобода с истиной будут обретены.

В следующем стихотворении «Крики в тени» («Аууоны хъæртæ») [27, с. 143-144] А.И. Токаев соединяет в образе черта черты, взятые не только из осетинского фольклора, но и обращается к библейскому образу Сатаны.

Кæсын, кæсын даумæ, уæ Хæйрæг.	Жду, жду тебя, о Черт. Я тебя жду.
Æз даумæ кæсын.	Подмял под себя ты мою Осетию.
Дæ быны ды мæ Иры скодтай.	Яви себя, яви себя мне. Борюсь, стелю от тебя...
Фæзын, фæзын маем ды. Хæцын,	Мою Осетию в расцвете сил сожрал.
дауæй хъæрзын...	
Мæ Иры ды æвзонгæ схордтай.	

ÆрхAUDTAЙ рухс уæларвæй ды	Упал со светлых небес ты на землю,
зæхмæ, зæхмæ, зæхмæ.	на землю, на землю.
Дæ бæстæ – талынг, талынг, талынг.	Твоя страна – тьма, тьма, тьма.
Дæ хъæр, дæ худт, дæ куыд хуы-	Твой крик, твой смех, твой плач до-
сынц нæ лæгæттæй мæнмæ,	носятся до меня из наших пещер,
Уæ бæстæ, бæстæ, бæстæ халæг	О разрушитель, разрушитель, разру-
[27, с. 143].	шитель края.

Следует отметить, что отличительной особенностью всей поэзии А.И. Токаева является создание нового для осетинской литературы лирического героя, отличающегося ярко выраженной индивидуальностью, многосложностью, противоречивостью характера. Лирический герой поэзии А.И. Токаева – иной, противопоставляющий себя другим. Человек с душой ангела, Избранный, сын Солнца, тот, кто обладает тайными знаниями, Сверхчеловек, воспринимающий боль мира как свою собственную, сражающийся со злом во имя счастья не личного, а общенародного.

В стихотворении «Крики в тени» герой вызывает к черту, вызывает его на бой, призывает к сражению в попытке освободить свой родной край от его гнета.

В христианской традиции к Сатане относят пророчество Исаии о царе Вавилона (Ис. 14:3-20). Согласно трактовке, он был сотворён как ангел, но, возгордившись и пожелав быть равным Богу (Ис. 14:13-14), был низвержен на землю, став после падения «князем тьмы», отцом лжи, человекоубийцей

(Ин. 8:44) – предводителем мятежа против Бога. В стихотворении Алихана Инусовича черт может восприниматься именно как Сатана, поскольку упал со светлых небес на землю, где он сеет тьму, страх и разруху.

Лирический герой взывает к черту, зовет его на бой, так как он определил своего врага, слышит его голос в ночи (смех, плач, крик), но не видит. В третьей и четвертой строфе герой взывает к черту, открыто характеризует своего противника, наделяя ее негативными эпитетами, определенными свойствами:

Маэнгард, гæды, фæлывд,  
фæлдыстæй, уæ стыр хайрæг,  
Æрцардтæ лæгæтты нæ хæхты.  
Фæивыс мин хатты дæ хуыз: куы  
ус, фыдус, куы лæг...  
Ныххойы Рухс дæу фæхты, фæхты.

Коварный, лживый, фальшивый, про-  
клятый, о великий черт,  
Поселился в пещерах в наших горах.  
Меняешь тысячи раз свои обличья: то  
женщина, то стерва, то мужчина...  
Побивает Свет тебя в ступе, в ступе.

Ды Рухсæй лидзыс, талынджы  
хæтыс, уæ стыр æлгыст!  
Æнакæронæй хуыз фæливыс.  
Хæцын æз демæ ам, фæлдыст.  
Æргыхст маьныл, æргыхст  
Дæ ауон. Уым та худгæ ссивыс  
[27, с. 143].

От Света ты бежишь, во тьме скита-  
ешься, о великое проклятие!  
Бесконечно меняешь обличья.  
Сражаюсь здесь я с тобой, посвящен-  
ный. Окружила меня, окружила  
Твоя тень. В ней опять собираешься,  
смеяшь.

Черт у Токаева бесконечно ускользает и меняет внешний облик, как и в осетинской мифологии, где черти – существа крайне изворотливые, коварные: «они обладают способностью мгновенно исчезать, и увидеть их можно лишь тогда, когда они сами того пожелают» [19, с. 52], при этом могут принимать различные обличья: «вид знакомых, неожиданно вспыхивающего в разных местах огня, белой женщины и т.д.» [15, с. 55-56]. В осетинской сказке «Сын суки» черт показывался героям «то в образе матери, то в образе отца» [24, с. 176].

Создавая в стихотворении общеизвестный образ лживого, изворотливо-го черта, Токаев обозначает и его главного гонителя – Свет, отождествляя его с Богом, в их вечной борьбе-противостоянии, при этом себе лирический герой Токаева отводит одну из главных ролей в сражении, так как он «посвященный», тот, кто может сражаться со злом от имени Создателя. Причем эта битва проходит не в привычной реальности, а в некоем мистическом пространстве, где тени окружают героя, в них прячется противник, распавшаяся и вновь обретая единство, как бы обтекает лирического героя, смеяшь, провоцирует вступить с ним в смертельную игру. Изучая религиозные верования осетин, академик А.М. Щёгрен отмечал, что «в каждом месте существует злой дух, который старается напакостить людям; в иных местах являются тени по ночам, в других злой дух забавляется зажиганием сена или

переноскою с места на место» [20, с. 43]. Так и в стихотворении А.И. Токаева черт прячется в тени игрушки, перескакивает с места на место, обманывает и издевается.

В последних стофах лирический герой поет своеобразную песнь своему противнику – черту, обозначая все свойства его природы и определяя свой собственный путь – упорное сражение, отчаянную борьбу со злом:

Уæ, сауцæсгом! Зæрдæсайæг	О чернолицый! Фальшивое золото – это ты.
сызгъæринау ды дæ.	Тень твоя в тенях пролетает.
Дæ ауон аууætты фæтæхы.	О яд, о черт-огонь, трупная вонь, о нечто великое,
Уæ, марг, уæ арт хæйрæг, мæрдон	Твой темный свет обрушился на темный край.
ысмаг, уæ стыр цыдæр,	
Дæ тар рухс тар бæстыл фæлдæхы.	

Цæуын, цæуын. Каем дæ? Уæ адджын марг, уæ мин низы!	Иду, иду. Где ты? О сладкий яд, о тысячи болезней!
Дæ фæдыл аууætты хæтдзынæн.	За тобой в тенях буду скитаться.
Уæ, стыр цыдæр... Сызгъæринты арттывд... Уæ, тутт ницы,	О великое нечто... Золота блеск... О пустое ничто,
Æз демæ аууætты хæцдзынæн	Я с тобой в тенях буду сражаться.

[27, с. 143 – 144].

Черт у Токаева образ сложный и многогранный, его лживость, обманчивость, изменчивость – несомненно фольклорного свойства, при этом в тексте используются и собственно авторские характеристики: «Уæ, марг, уæ арт хæйрæг, мæрдон ысмаг, уæ стыр цыдæр» («О яд, о черт-огонь, трупная вонь, о нечто великое»), фальшивое золото, ложный огонь (в противовес истинному свету – божественному), одновременно что-то великое и нечто пустое. Двоякость, неуловимость черта выражается еще и в том, что его место обитания – тени, нечто зримое, но при этом совершенно нематериальное, особое место, где идеально может спрятаться «великое ничто». Тень нельзя разрубить или уничтожить обычным способом, она всегда там, где есть свет, потому бой лирического героя чрезвычайно сложен, ведь одно не бывает без другого, но свет – всегда первичен, если нет его, то нет и тени.

### 3.2. Звериная символика в лирике А.И. Токаева

В стихотворении А.И. Токаева «Цард» («Жизнь») [27, с. 88-90] представлено символическое рождение Нового героя как обряд инициации, смерти-перерождения, где звериные образы приобретают глубокий, мистический смысл.

Лирический герой – некто потерянный, тот, кто не помнит себя, живет в пещере в одиночестве и в страхах. Особенность структуры обрядов инициации

циации – «их трехчастность: все они состоят из выделения индивида из общества (т.к. переход должен происходить за пределами устоявшегося мира), пограничного периода (длящегося от нескольких дней до нескольких лет) и возвращения, реинкорпорации в новом статусе» [10, с. 544]. Стихотворение Токаева также можно разделить на три части. Первая – уход от мира; вторая – слуховые, тактильные, зрительные галлюцинации; третья – символическая смерть как новое рождение героя.

Основная часть стихотворения – это всевозможные страдания, которые претерпевает герой: галлюцинации (голоса тревоги, зов о помощи), физическая боль (пытаясь вырваться из пещеры, герой раздирает себя зубами), и финальное видение: битва с животными.

Заключительная часть обряда посвящения включала в себя смерть и воскресение, которые «вызывались действиями, изображавшими поглощение, пожирание мальчика чудовищным животным» [14, с. 56]. Во многих случаях чудовище символизировало тот или иной животный тотем племени, к которому принадлежал испытуемый. Последние строфы стихотворения А. Токаева являются также своеобразным концом, «символической смертью» для посвящаемого – лирического героя:

Æвиппайд фестæлф даен богътæй	Неожиданно вздрогнул я от рычания,
Ракастаен мæ алы фарсмæ	Оглянулся вокруг,
Нинниуыдтой бирагътæ хæхтæй	Завыли волки с гор
Кастысты сæ алы фарсмæ.	Озирались вокруг себя.

Манæ æргалынг бынтон дæр	Вот совсем темно стало,
Нициуал уыны ныр цæст	Уже ничего не видят глаза.
Рацауынд сьрдтæ æргомай	Звери выходят без страха,
Холы та федта сæ цæст.	Пищу увидели их глаза

[27, с. 88]

Волки, стремящиеся съесть лирического героя, в данном случае и являются тем тотемным животным, который по обряду посвящения проглатывает испытуемого, а затем «выхаркивает или извергает» его для новой жизни. Общим «тотемным предком у осетин, как свидетельствует нартовский эпос, был волк – Уархаг» [5, с. 137]. В древнейших верованиях осетин существовало поверье о том, что тяжело больному человеку «в час смерти является в образе волка удисаг (диг.) – извлекатель души» [13, с. 479].

Волк (тотемный предок осетин) присутствует в стихотворении А. Токаева как одно из воплощений чудовища, стремящегося поглотить героя:

Иуырдыгæй стай нынниуы.	Вдруг откуда-то рысь завыла,
Саугуырм уыг ныууасы кæмдæр...	Слепая сова где-то завопила...
Бацыдис узал мæ риуы.	Проник холод в грудь мою.
Тарф зымæг, куы фæуис дæлдæр!	Жестокая зима, пропади пропадом!

Зыгъараг йæ дæндаг ысхæауы,  
 Бирагъæн ныззынг ис йæ цæст,  
 Удхæссаг сау цæваг дауы –  
 Мемæ уыздæни сæ хæст...  
 [27, с. 89-90].

Барсук зубы свои точит,  
 Волка глаза загорелись,  
 Уносящий душу точит черную косу –  
 Со мной у них будет битва...

Эти строфы перегружены анималистическими образами, которые символизируют темные силы, несут негативную окраску. Так, сова «символизирует собой смерть, ночь, холод и пассивность» [8, с. 477]. В осетинской мифологии предвестницей смерти является сова, чьи жуткие крики напоминают живым о неизбежной кончине. Во многих других стихотворениях А. Токаева сова представляет собой обобщенный символ смерти и подсознательных страхов автора («Уыгмæ» («К сове») [27, с. 251], «Хъæды сусæгдзинæдтæ» («Тайны леса») [27, с. 104], «Уынгæг мæйдар» («Густой мрак») [27, с. 136] и др.). Не случайно в данном стихотворении сова «слепая», автор тем самым подчеркивает неведение и беспомощность лирического героя перед лицом гибели-перерождения.

В качестве тотемного животного, помимо волка, упоминается и рысь («Вдруг откуда-то рысь завыла»). Начало финального сражения обозначается воем рыси, которая в осетинской мифологии – сакральное животное, проводник между двумя мирами: «коготь рыси положите ему (покойнику) [в изголовье, и это (откроет) ему путь в царство мертвых]» [2, с. 144].

Зима в данном контексте также означает приближение смерти, ведь «как и фазы луны, времена года – универсальные символы рождения, роста, смерти и возрождения» [17, с. 52]. Для обряда посвящения «зима также – сезон, когда иницилируемые превращаются в волков» [30]. В стихотворении А. Токаева зима – это время смерти-возрождения героя.

Особый интерес представляет «троица» (барсук, волк, Уносящий душу), с которой лирический герой должен сразиться.

Барсук как мифологический персонаж в фольклоре многих народов наделялся негативными качествами: это «животное, в символическом отношении отличающееся тем, что обитает в темной норе («боится света») и существует «за счет своего собственного жира» [28]. Это сделало его, как и крота, обозначением порока алчности. Привычка барсука жить обособленно и скрытно «закрепила за ним образ коварного проныры и в западноевропейском фольклоре» [29]. Эпитеты, которыми характеризуют барсука – худой, злобный и жадный, низменный и коварный. Возможно, поэтому не случайно появление в тексте А. Токаева этого «отталкивающего» образа, несущего именно отрицательные эмоции. В осетинском фольклоре барсук не частотный образ, поэтому для трактовки этого символа использовалась информация мировой мифологии.

Волк в стихотворении предстает не только как тотемное животное осетин, но еще и как некий дух, «сопровождающий души в загробной жиз-

ни» [17, с. 47]. Помимо этого волк «символизирует тьму, темный и бессознательный аспект личности, проявление которого может быть опасным ввиду пробуждаемых в нем энергий, способных «утопить» сознание» [7, с. 57]. Волк тем самым представляет собой в данном контексте символ многозначный, сочетающий в себе и положительные, и отрицательные значения.

Обращаясь же к образу Уносящего душу («Удхассаг»), Токаев подчеркивает, что это финальное сражение для героя: «Уносящий душу точит черную косу». Тем самым само визуальное представление вполне традиционно – смерть с косой, несмотря на то, что имя призрака смерти взято из осетинского фольклора.

В стихотворении «Хæцаг калм...» («Кусачая змея...») [27, с. 125] показан символический путь лирического героя, взгляд, который он бросает на свою родину, перечисляя все, что ценно для него, то, что составляет боль его сердца.

Примечательно, что первую строку стихотворения можно трактовать как начало некоего магического обряда, своеобразного перехода от жизни к смерти, либо как некий способ, сродни трансу шамана, когда ему открывается особый провидческий дар: «Хæцаг калм...» («Кусачая змея...»). Короткие, емкие предложения и яркие, визуальные образы. Где яд змеи – то самое средство, которое открывает «двери восприятия» лирического героя.

В осетинской мифологии и фольклоре образ змеи очень популярен и многогранен, сочетает в себе и зло, и добро, и смерть, и долголетие. Явно негативный и агрессивный характер змеи по отношению к человеку представлен в двух воплощениях: змеевидное чудовище Руймон, и «Залиаг калм» (Залийский змей).

Мифологическое чудовище Руймон – один из персонажей нартского эпоса, слеп от рождения. Однако «если Руймон станет зрячим, он разрастется на такое пространство, какое обнимает глазом, а если человек услышит его рев, то заболит и умрет» [13, с. 480]. Чтобы спасти человечество, «небожитель Уацилла набрасывает на него цепи и поднимает на небо, где небесные духи отрубаяют от Р. мечом куски его тела и раздают умершим» [5, с. 116]; мясо Руймона обладает магическим свойством сохранять усопшим тот возраст, в котором они умерли.

Мотив битвы рыцаря со змеем (драконом) – общемифологический, так, и в осетинском фольклоре есть герои, сражающиеся с таким чудовищем. В частности, образ гигантской змеи, завладевшей провинцией жителей селения Галиат, стал основой «Предания о змее в Галиате», где спасти людей от голодной гибели смог только находчивый герой: «он достал свежую воловьшукуру, оделся в нее и высушил ее на себе на солнце, так что она плотно облегла его тело. Затем он сел на коня и напал на змея» [12, с. 142]. Поскольку только сочетая силу с магией и обманом, можно победить дракона, отважный воин из «Предания о змее в Галиате» являет собой особый «тип героя,

который, будучи богатырем-воином, не чуждается в трудных ситуациях прибегать к магическим приемам и прежде всего облекается в образ животного, одеваясь в его шкуру» [4, с. 439-440]. «Предание о змее в Галиате» является разновидностью сказаний о «Залиаг калм» (Залийский змей): «в осетинском сказочном фольклоре змей-дракон. З.к. владеет водными источниками, за пользование которыми требует от людей жертв<...>, но затем является герой, который убивает змея» [5, с. 58].

Помимо отрицательных, негативных образов (Руймон, Залийский змей), можно найти в народном творчестве осетин и положительные, полезные свойства змеи, где она представлена как хранительница (дарительница) жизненной силы, образ змеи занимал такое важное положение в религиозной системе древних осетин, что, «если она заползала в дом, хлев или появлялась во дворе, то верили, будто в образе змеи к ним явился покровитель рода, *Бынатъ хицау* (домовой)» [19, с. 176]. Змее, «как родовому божеству, с соблюдением соответствующего обряда, поклонялись некоторые фамилии в Дигории. <...> змея считалась священным животным у осетинских кузнецов» [11, с. 472].

Частям тела змеи приписывали магические, лекарственные свойства: «сброшенная шкура змеи считалась прекрасным средством от сглаза, она же широко применялась знахарями для лечения разных заболеваний» [19, с. 176].

В стихотворении А.И. Токаева «Хæцаг калм ...» («Кусачая змея ...»), можно сказать, что в образе змеи соединились как фольклорные элементы, так и, собственно, авторская символика. Змея здесь является неким проводником между мирами живых и мертвых:

Хæцаг калм; ... Лагæттæй фæздаг.	Кусачая змея; ... Дым из пещеры;
Хæрз сидзæргы цæсгуытæ.	Круглых сирот слезы;
Цæуын мæлæттæ арф, хæстæг.	Иду глубоко к Смерти, близко;
Зæронд амæд мæсгуытæ [27, с. 125].	Старинные башни.

Змеи, змеевидные чудовища в осетинской мифологии относятся к подземному миру «дæлимонтæ» [26, с. 70-81], где «нижний (dæl) дух (мон)» [1, с. 354], в этом плане змея у Токаева – символ соединения потустороннего и посюстороннего мира. И с укуса змеи для лирического героя начинается его приближение к Смерти, начало его сакрального, финального путешествия.

Первая строка стихотворения: «Хæцаг калм;.. Лагæттæй фæздаг...» («Кусачая змея; Дым из пещеры...») создает настроение таинства, обряда (дым, пещера). В последующих строках герой окидывает прощальным взором родную землю, перечисляя все то, что составляет национальную специфику осетинской жизни того времени:

Гуыбыр адам бызгъуырты тыхт,	Сгорбленные люди в лохмотья закутаны,
Æд къахæнтæ цæугæйæ.	С кирками идущие.
Æрыскъæфт чызг, нæвæндон тыгъд,	Против желания украденная девушка,
Зæрдæбынæй кæугæйæ.	От всего сердца плачущая.



Мæрдон ысмаг. Куыст-хиды тæф.	Трупная вонь. Запах трудового пота;
Зæронд заепæдзтыл зилын.	По старым склепам брожу.
Æнгузы тæф, хæххон уæлдаф	Запах ореха, горный воздух
Цæраёнбонты фæцъырын	С рождения всасываю.

[27, с. 125].

Во второй строфе поэт рисует живописные образы страдающего горского народа: мужчин – сломленных от тяжелого, рабского труда, женщин – мучающихся от тяжелых жизненных ситуаций (плач украденной против воли девушки). Основоположник научного осетиноведения академик А.М. Щёгрен так описывает один из свадебных обычаев: «Молодец может украсть невесту, это даже считается похвальным, <...> но такая операция должна быть произведена с большим удалством, чтоб никто не знал, и с согласия невесты; в противном случае, <...> парень может жестоко поплатиться» [20, с. 53]. Следует уточнить, что кража с согласия невесты возникала из-за непосильного «калыма», когда молодой человек просто физически не мог собрать требуемого количества скота или денег. В стихотворении Токаева слезы украденной против воли невесты символизируют бесправие женщин и их бесконечное горе.

В третьей строфе автор соединяет все, что составляет визуально-осязательную картину родины: древние склепы, горный воздух, запах ореха. Особо следует отметить взаимосвязанные образы: трупная вонь и запах трудового пота. Нет отвращения в этом перечислении, поскольку одно – жизнь, другое – смерть, и все это звенья одной многовековой цепи.

В конце стихотворения лирический герой подытоживает:

Кæсын æдзынагæй фæлмаен,	Смотрю пристально, мягко,
Æргом кæсын мæлæтмæ.	Открыто смотрю на Смерть.
Мæ хæлар, адоныл мæнæн	Мой друг, по всему этому для меня
Мæ фæндаг у дзæнæтмæ[27, с. 125].	Моя дорога в Рай.

Начало пути героя – укусы змеи, конец этой дороги – Рай. В емких, мало-словных образах автор воссоздает путь сострадающего лирического героя: слезы сирот, сторбленные нищие, плачущая бесправная девушка, безмолвные склепы, трупная вонь, запахи трудового пота, ореха и воздух родины, который впитывает каждый с рождения. Грустным, широким взором окидывает лирический субъект свой жизненный путь, для того, чтобы совершить свой финальный шаг через смерть в Рай.

Другая трактовка образа змеи в данном стихотворении может заключаться в том, что смерть – не конец для героя Токаева, а следующая ступень в мистическом преобразовании духа, так как черты сверхчеловека в целом присущи лирическому герою поэзии А.И. Токаева («Цассыг» («Слеза») [27, с. 166], «Цыкурайы фардыг» («Бусина желаний») [27, с. 72], «Куырмыты хуыцау» («Бог слепых») [27, с. 145], «Аууоны хъæртæ» («Крики в тени») [27, с. 143] и др.). Обладание «бусиной желаний» может означать и некую форму бессмертия. Волшебная бусина, способная

воскрешать из мертвых, встречается еще в нартских сказаниях, где Сослан оживляет свою умершую невесту: «И вот видит он, что змея выползла из норы и держит в пасти волшебную бусину – бусина исполнения желаний. Этой бусиной потеряла змея то место, где разрубил ее Сослан, и тут же срослись обе половины, и поползла змея прочь. Но Сослан ударил ее мечом по голове и убил насмерть. Вынул он из пасти ее бусину исполнения желаний и приложил к ране Ведухи» [22, с. 227]. Можно предположить, что, взяв от змеи способность к перерождению (сбрасывание кожи) и веру в воскрешение мертвых, лирический герой А.И. Токаева совершает свой собственный мистический путь познания, от одной ступени к другой.

В следующем стихотворении «Розæ» («Роза») [27, с. 138] образ змеи трансформируется из осетинского фольклора, а сам поэтический текст представляет собой некое сказочное предание или легенду:

Калман йæ хуынчбы был розæ разыд,	Возле норы змеи выросла роза,
Уалдзыгон æртахæй розæ расыд.	От весенней росы роза набухла.
Калман йæ хуынчбы был калдта йæ тæф.	Источала аромат возле норы змеи.
Хъазыди, зарыди йæмæ уæлдæф.	Игрался, пел песни с ней воздух.
Иу бон къæвда бон уыд, иннæ бон – хъарм.	Один день был дождливый, другой день теплый.
Рабырыд хъармы бон розæмæ калм.	Выползла в теплый день к розе змея.
Маргæй-иу кодта уый розæйы парх,	Ядом она обрызгала розу,
Уымæн ныр, уымæн нæ розæ у сырх	От того, от того теперь наша роза алая.

[27, с. 138].

В осетинских сказках змея нередкий образ. Она символизирует ум, коварство, некое двуличие и неизбежный рок. В таких сказках, как: «Человек и змея» [25, с. 352], «Благородный человек» [25, с. 354-356], «Делающий добро сам добро не находит» [25, с. 356-357], «Сказка о путнике, встретившем лису» [25, с. 357-361] звери помогают герою хитростью справиться со змеей, либо пробравшейся в его горло, либо крепко обвившей его тело. Есть сказки-метаморфозы, в которых действует человек-змея («Ханский сын» [24, с. 335-336], «Одинокий, сын одинокого» [24, с. 428-440]). Как правило, образ змеи негативен, однако есть и такие сказки, в которых змея помогает человеку, становится другом и источником богатства («Одинокий, сын одинокого»).

В стихотворении Алихана Токаева змея – двоякий образ: с одной стороны, символизируя зло, темноту, скрытность, с другой – является источником красоты, так как благодаря ее яду роза получила свой классический цвет. Добро и зло, красота и уродство – все суть единого процесса, стороны одной медали. Без змеи, живущей в темной норе, не было бы солнечной, благоухающей розы. Тем самым Токаев создал свою сказку, своеобразную эстетику красоты-уродства.

Таким образом, можно сделать вывод, что, будучи поэтом-символистом, Алихан Инусович Токаев трактует фольклорные образы в анализируемых стихотворениях многогранно, органично вплетая мифологическую символику в собственный поэтический текст, где она обретает новое значение, соединяя современность и архаику, становясь универсальным поэтическим символом, служащим для передачи глубинных смыслов образного мира автора.

### Библиографический список к главе 3

1. Абаев В.И. Дæлимон // Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка (в 4-х томах). Т. I. – Л.: Наука, 1958. – 657 с.
2. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка (в 4-х томах). Т. III. – Л.: Наука, 1979. – 362 с.
3. Абаев В.И. Нартовский эпос осетин // Сказания о нартах / Пер. с осет. Ю. Лебединского. – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие В.А. Гассиева, 2000. – С. 3-42
4. Абаев В.И. Шаман сильнее воина // Абаев В.И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. – Владикавказ: Ир, 1990. – С. 438-447.
5. Дзадзиев А.Б, Дзудцев Х.В, Караев С.М. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие В.А. Гассиева, 1994. – 284 с.
6. Дюмезиль Ж. Предисловие к «Книге о героях» // Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. – Владикавказ: СОИГСИ, 2001. – С. 16-23.
7. Жюльен Н. Словарь символов. – Челябинск: Урал-LTD, 1999. – 498 с.
8. Керлот Х.Э. Словарь символов. – М.: REFL-book, 1994. – 608 с.
9. Колобаева Л.Н. Символ в понимании символистов // Колобаева Л.Н. Русский символизм. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – С. 10-29.
10. Левинтон Г.А. Инициация и мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. Т. 1. – М.: Российская энциклопедия, 1997. – С. 543-544.
11. Магомедов А.Х. Религиозные верования // Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа. – Орджоникидзе: Ир, 1968. – С. 469-490.
12. Миллер В.Ф. Предания и сказки. Предание о змее в Галиате // Миллер В.Ф. Осетинские этюды. – Владикавказ: СОИГСИ, 1992. – С. 142.
13. Миллер В.Ф. Религиозные верования осетин // Миллер В.Ф. Осетинские этюды. – Владикавказ: СОИГСИ, 1992. – С. 421-488.
14. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Издательство ЛГУ, 1986. – 364 с.
15. Сланов А.А. Семейные ценности // Сланов А.А. Традиционная духовная культура осетин. – Владикавказ: СОГПИ, 2007. – С. 67-70.
16. Сокаева Д.В. Предисловие // Информационный бюллетень отдела фольклора и литературы. Образ чудесной бусины в фольклоре осетин. Февраль 2007. № 3. – Владикавказ: СОИГСИ, 2007. – С. 2.

17. Тресиддер Дж. Словарь символов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.
18. Хетагуров К.Л. Особа (этнографический очерк) // Хетагуров К.Л. Собрание сочинений в 5-ти томах. Т. IV. – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие В.А. Гассиева, 1999. – С. 313-374.
19. Чибиров Л.А. Традиционная культура осетин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 711 с.
20. Щёгрен А.М. Религиозные обычаи осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // Щёгрен А.М. Осетинские исследования. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1998. – С. 40-68.
21. Згидская красавица // Осетинские народные сказки. Составитель и переводчик: Т.А. Саламов. – Владикавказ: Ир, 2006 – С. 40-41.
22. Как Сослан женился на Ведухе // Сказания о нартах / Пер. с осет. Ю. Лебединского. – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие В.А. Гассиева, 2000. – С. 218-227.
23. Меч Ахсара // Сказания о нартах / Пер. с осет. Ю. Лебединского. – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие В.А. Гассиева, 2000. – С. 46-50.
24. Осетинские народные сказки / Запись текстов, перевод, предисловие и примечания Г.А. Дзагурова. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1973. – 598 с.
25. Памятники народного творчества осетин. Сказки о животных / Составление и комментарии Т.А. Хамицаевой. – Владикавказ: Алания, 1998. – 528 с.
26. См. об этом: Дæлимонтæ таурæгътæ // Ирон таурæгътæ. Чиныг сарæзта Джыккайтæ Шамил. – Дзаудзыхъау: Ир, 2014. – Ф. 70-81.
27. Токаты А.И. Уацмыстæ. – Орджоникидзе: Ир, 1973. – 308 ф. (Все стихотворения цитируются по указанному сборнику в подстрочном переводе).
28. Сайт «Жизнь в сверхъестественном». Словарь символов. Барсук [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theafterlife.ru/barsuk/>.
29. Электронная библиотека научно-образовательной, финансовой и художественной литературы «Book.net». Словарь символов. Барсук [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://book.net/index.php?bid=4880&chapter=40&p=chapter>.
30. Элиаде М. Обряды и символы инициации: берсеки и герои [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lifrasir.chat.ru/txt004.htm>.

## ЯЗЫКОВЫЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ АФРОАМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

---

Общей тенденцией, характеризующей в настоящее время стиль познания, является движение из сферы систем к центру всех этих систем – к человеку. Отсюда интерес к социальному, психологическому, коммуникативному аспектам языка. Этим объясняется смена ценностных ориентаций в науке – гуманизация лингвистики, выдвигание на первый план изучения языковой личности, определяющей семантическое пространство языка, как медиума для проникновения во внутренний мир персонажей художественных произведений. Сегодня чрезвычайно актуально изучение мыслительных процессов и социально значимых действий людей. Последние, в значительной мере, осуществляются через порождаемые и воспринимаемые личностью тексты.

В филологической науке существует ряд категорий, которые имеют определенную, устоявшуюся структуру и фиксируют проявления в тексте тех или иных аспектов личностного авторского начала. К ним традиционно относятся категории *идиостиль*, *идиолект*, *образ автора* [4; 5]. Далее следует порожденная функциональной стилистикой категория *авторское я* [14]. Наконец, в середине 80-х гг. получила развитие в рамках антропоцентрического направления категория *языковая личность* [8; 18].

В рамках антропологической лингвистики одно из центральных мест занимает понятие *языковой личности*. Рассмотрение данной категории, а также связанных с ней понятий *языковая*, *художественная картина мира* представляется важным, поскольку идиостиловые особенности того или иного произведения так или иначе являются отражением языковой, и в частности, художественной картины мира писателя.

В большинстве исследовательских работ до сих пор принято использовать определение языковой личности, предложенное Ю.Н. Карауловым в 1987 г. Именно его определения мы будем придерживаться в нашем исследовании. «Под языковой личностью я понимаю совокупность способностей, характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью. В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых им текстов» [8, с. 55].

Интерес к языковой личности автора и человеческому фактору в языке вообще усилил внимание к *картине мира* писателя и отдельным концептам с учетом своеобразия их воплощения в разных произведениях одного художника слова. Начиная с 80-х годов, понятие *картина мира* начинает активно использоваться в исследовании писательских идиостилей [6; 9; 10; 12; 19]. По мнению авторов этих работ, в индивидуальной картине мира проявляются основные категории человеческого мировидения, но в их личностной интерпретации, ценностные установки, цели и мотивы субъекта.

Учет особенностей языковой картины мира при исследовании индивидуального стиля писателя является очень важным и, на наш взгляд, необходимым. Целью настоящего исследования является выявление особенностей современной афроамериканской литературы. В нашем исследовании будем исходить из того, что картина мира в художественном тексте обязательно отражает индивидуальную картину мира и проявляется в отборе языковых средств, использовании образных средств и в целом, определяет весь ход текстопродуцирования. В связи с этим, представляется правомерным считать, что особенности менталитета человека, воспитанного в традициях афроамериканской культуры, будут неизбежно проявляться в тексте созданного им литературного произведения.

**Объектом** настоящего исследования стало творчество трех современных афроамериканских писательниц: Тони Моррисон, Дж. Калифорнии Купер и Вахиды Кларк. Если имя первого автора (лауреата Нобелевской и Пулитцеровской премий) в большей или меньшей степени известно русским читателям и исследователям, то об именах Дж. Калифорнии Купер и Вахиды Кларк вряд ли кто слышал. Дж. Калифорния Купер является автором 17 пьес, 2 романов и нескольких сборников коротких рассказов. Ее творчество получило признание и было удостоено нескольких литературных премий на родине писательницы (Лучший чернокожий драматург года – 1978, Американская литературная премия – 1986). Имя Вахиды Кларк (самого продаваемого автора по версии газеты *New York Times*) связано с жанром «хип-хоп литературы», который в настоящее время является одним из популярных направлений современной американской литературы. Несмотря на разноплановость и уникальность авторской манеры каждой из названных писательниц, существуют некие общие характеристики, которые, с одной стороны, объединяют все авторские стили; с другой стороны – делают их отличными от стиля европейских писателей. Речь идет об интермедийном характере авторского повествования, обращении писателей к истории и национальной культуре афроамериканцев, использовании библейских образов и техники христианской проповеди как основного стиля изложения литературного материала, наличии определенной системы имянаречения персонажей. Все перечисленные характеристики и стали **предметом** исследования, результаты которого представлены в данной публикации.

#### 4.1. Интермедиальность

Термин *интермедиальность* был введен в научный обиход немецким литературоведом О. Ханзен-Леве. В своей статье, опубликованной в 1983 году, исследователь дает два параллельных понятия *интертекстуальность* и *интермедиальность*, подразумевая под первым межлитературные связи, под вторым – организацию текста посредством взаимодействия разных видов искусства. Само слово *интермедиальность* было построено по типу уже хорошо известного в то время термина *интертекстуальность*.

В настоящее время проблема взаимодействия искусств, которая все чаще именуется феноменом интермедиальности, рассматривается преимущественно в рамках теории интертекстуальности и трактуется как один из ее видов [1; 17].

Тишунина Н.В. ставит понятие интермедиальности в один ряд с такими понятиями как интертекстуальность и взаимодействие искусств, одновременно подчеркивая его специфику [15]. В отличие от системы интертекстуальных отношений, где связи выстраиваются внутри одного семиотического ряда, в системе интермедиальных отношений в работу включаются разные семиотические ряды. В рамках данной работы под интермедиальностью понимается, в первую очередь, особый способ организации художественного текста, который характеризуется пересечением художественных смыслов, обусловленных взаимодействием средств художественной выразительности различных языков искусства в пространстве *целостного художественного произведения*; во-вторых, «специфическая методология анализа художественного произведения, которая направлена на выявление различных способов взаимодействия разнородных художественных дискурсов в пространстве их смыслового пересечения или, другими словами, на выявление «каналов связи» разных художественных языков в произведениях с полихудожественной структурой» [16].

Как показало исследование, основным видом интермедиальных сигналов в рассматриваемых литературных произведениях являются **музыкальные** инкорпорации. На наш взгляд, такого рода музыкальность не случайна, она свидетельствует о наличии у исследуемых авторов особой природной музыкальности, которая отличает афроамериканских писательниц от, например, европейских авторов. Эта музыкальность напрямую связана с традициями устного народного творчества, фольклором, которые позже легли в основу блюза и джаза.

Обратимся к творчеству Тони Моррисон. Чтобы сделать анализ ее произведений более систематичным, будем придерживаться классификации интермедиальных отношений В. Вольфа [30].

Говоря об интермедиальных отношениях, В. Вольф выделяет внутрикомпозиционную и внекомпозиционную интермедиальность. Поскольку объектом нашего исследования являются литературные произведения, об-

ласть нашего исследования будет ограничена внутрикомпозиционной интермедальностью. Данный вид существует в двух вариантах: множественной медиальности (*plurimediality*) и интермедальной референции (*intermedial reference*). Наиболее ярко выраженной является множественная медиальность. Такой тип интермедальности имеет место в том случае, если два или более вида искусства открыто, явно присутствуют в произведении, например: искусство балета, комиксы и т.п.

В случае интермедальной референции не возникает ощущения гетерогенности, одновременного присутствия нескольких видов искусства. Ощущается семиотическая гомогенность, т.к. в таком произведении отсутствуют означающие разных искусств. Интермедальная референция бывает двух видов: внешней референцией (*explicit reference*) или интермедальной тематизацией (*intermedial thematization*) и внутренней референцией (*implicit reference*) или интермедальной имитацией (*intermedial imitation*). Интермедальная тематизация присутствует в тексте всякий раз, когда упоминается или описывается какой-либо вид искусства. В случае интермедальной имитации текст доминирующего искусства подражает определенным характеристикам и структуре текста недоминирующего искусства. В таких случаях отсылка к другому виду искусства всегда предполагает некую иконичность, хотя внешне исходное произведение сохраняет свою однородность.

В произведениях Тони Моррисон **процесс интермедальной тематизации** актуализируется посредством включения в исследуемые тексты элементов, воспроизводящих музыкальную атмосферу: прямых отсылок к реально существовавшим джазовым музыкантам и группам (*Peg Leg, Slim Bates' Ebony Keys*), музыкальным инструментам (*a saxophone, a clarinet, a guitar, a trombone, a piano*), текстов песен, исполняемых как профессионально, так и музыкантами-любителями ("*Lay my head on the railroad line, Train come along, pacify my mind*").

Тема музыки выдвигается и **образностью**, например, посредством использования такого стилистического приема как персонификация. В предложении *The music bends, falls to its knees to embrace them all, encourage them all to live a little, why don't you? since this is the it you've been looking for* [26, с. 188] персонифицируется музыка в целом. Это достигается целым набором средств. Во-первых, в отношении неодушевленного явления автор использует глаголы, обозначающие действия, свойственные людям: *to bend, to embrace, to encourage*. Во-вторых, музыка наделяется человеческой способностью говорить. При этом процесс говорения описывается не глаголами, а включением в текст фрагмента прямой речи, обращенной к собеседнику (слушателю): *why don't you?* Интересно отметить, что музыка «общается» со слушателем в свойственной ему манере, т.е. с помощью элементов разговорной речи: *to live a little*, усеченных форм *don't, you've*, нехарактерного использования артикля *the* перед местоимением *it*.



Несмотря на очевидную выраженность, процесс интермедиальной тематизации не играет решающей роли в создании музыкальности прозаического текста. Более важным в этом отношении является **процесс интермедиальной имитации**, который предполагает сходство структуры и языка литературного текста с формой и языком музыкального произведения.

Сходство **структуры** исследуемых текстов с музыкальной (джазовой) формой проявляется, в частности, на *уровне целого текста*, при этом как в музыке, так и в литературе развитие темы проходит по схожему сценарию. Так, роман *Rai* состоит из ряда глав, каждая из которых (за исключением первой и последней) носит имя основных персонажей романа. Построение сюжетной линии исследуемого текста обнаруживает в себе сходство с формой джазового произведения, поскольку подача и музыкального и литературного материала осуществляется в определенной последовательности: 1) совместное звучание всего оркестра в начале выступления (первая глава, начинающаяся описанием сцены убийства, в которой участвуют все главные персонажи); 2) выступление солирующих инструментов (все последующие главы романа, каждая из которых повествует о судьбе одной из основных героинь); 3) звучание всего состава оркестра (продолжение описания сцены убийства, появление сведений о влиянии данного события на судьбу участников преступления и жизнь всего городка в целом).

Соответствие структуры литературного произведения музыкальной форме заметно и на *уровне нескольких глав*, когда в литературном тексте используются некоторые элементы джазового выступления: обмен мыслями между главными персонажами в форме респонсорной переключки (что соответствует практике джем-сешн в джазе); использование техники «чистого» листа на стыке глав (что напоминает намеренный отказ композитора от записи импровизируемых брейков).

Вероятно, наиболее заметное проявление сходства художественного текста с джазовой композицией обнаруживает себя в применении автором приема «зова и ответа» (call-and-response pattern). Данный прием используется на стыке всех 10 глав романа *Джаз* в виде повтора-подхвата, повтора морфем, ответной реплики. Следуя импровизационной природе джаза, каждый ответ, комментарий (“response”) открывает новое направление развития основной идеи, темы: *It eased the pain. – Pain. I seem to have an affection, a kind of sweettooth for it* (Jazz: глава 9 – глава 10, с. 216, 219).

Сходство структуры литературного текста и мелодии в стиле джаз проявляется и через соответствие способа изложения повествовательного материала в литературном произведении *импровизационному* характеру развития музыкальной темы в джазе.

И литературный текст, и импровизация членится на относительно небольшие семантические отрезки, включающие от 5 до 9 элементов. Средний

объем музыкальных образований совпадает с таковым собственно языковых построений: *She looked around for a place to be. A small place. The closet? No. Too dark. The bathroom. It was both small and bright, and she wanted to be in a very small, very bright place. Small enough to contain her grief* [27, с. 107].

Типы фразовых фигур и в джазовой импровизации, и в исследуемых романах строятся по сходным принципам: повтора, симметрии, градации<sup>1</sup>: *O Sugarman done fly. O Sugarman done gone* [23, с. 11]; *The husband shot; the wife stabbed* [26, с. 79]; *A man store owners and landlords liked because he set the children's toys in a neat row when they left them scattered on the sidewalk. Who the children liked because he never minded them. And liked among men because he never cheated in a game, egged a stupid fight on, or carried tales, and he left their women alone. Liked among the women because he made them feel like girls; liked by girls because he made them feel like women ...* [26, с. 76].

Процесс **интермедиальной имитации** проявляет себя и через приближенность «мелодики» романов Тони Моррисон мелодико-гармонической структуре джаза, а также через сходство **ритма** исследуемых произведений с ритмом, характерным для джазового стиля.

Тексты Тони Моррисон не всегда звучат лирично, напевно. В этом отношении они сходны с джазовой мелодией, которая редко бывает плавной, протяженной, закругленной. Для джаза характерно постоянное движение от относительно мягкой напевности до грубых резких выкриков, от закругленных песенных оборотов до своеобразных возгласов.

«Мелодика» исследуемых текстов большей частью отрывочна и резка вследствие использования автором односоставных и эллиптических предложений. Обескураженная горем Элис Манфред пытается понять, как человек, которого все считали безобидным, смог убить ее племянницу: *One man. One defenseless girl. Death. A sample-case man. A nice, neighborly, everybody-knows-him man* [26, с. 73]. Серия номинативных предложений передает хаотичность мыслей героини и лишает текст мягкости, плавности. Вместо этого имеет место особое эмоциональное, ритмическое звучание.

В большей своей части тексты Тони Моррисон звучат эмоционально, напряженно. В этом отношении «мелодика» исследуемых романов близка джазовой мелодике, которая всегда насыщена эмоциями и характеризуется особой экспрессивностью звучания. Созданию такого эффекта способствует, в частности, особое пунктуационное оформление предложений автором.

С целью придания интонационного разнообразия звучанию текста автор использует восклицательные и вопросительные знаки в авторском повест-

---

<sup>1</sup> Здесь термин «градация» используется в качестве рабочего, в значении, принятом в теории музыкальной фразировки: «возрастающая или убывающая фразовая прогрессия, состоящая обычно из трех-пяти фраз: 1-2-3; 1-2-3-4; 1-2-3-4-5 или наоборот: 1-2-3-4-5; 1-2-3-4; 1-2-3» [3, с. 173].

вовании. При этом стилистически маркированным можно считать как использование большего по сравнению со среднестатистическим прозаическим текстом количества вопросительных или восклицательных предложений, так и использование вопросительных или восклицательных знаков в несвойственной им позиции, например в середине предложения. В этом случае пунктуационные знаки выполняют функцию присловных: *...but she thought of herself stretched out dead while the little antelope lived on – an hour? a day? a day and a night? – in her lifeless body...* [25, с. 37-38]. Подчеркнем, речь идет только о повествовании: авторском или персонажном, т.к. использование этих знаков в диалоге не является стилистически маркированным, а относится к норме живой речи.

Самым ярким проявлением музыкальности исследуемых произведений является их специфический **ритм**, создаваемый элементами разных уровней текста: фонетического, лексико-синтаксического, а также уровня целого текста в виде повтора и чередования тем, мотивов, образов.

Исследование *фонетического* или *словесно-речевого* уровня текста, выполненное по методике М.М. Гиршман [7], позволило выделить два «полюсных» ритма. Первый характеризуется 1) малым количеством слогов в колонах (от 2 до 5); 2) равенством колонов фразовым компонентам; фразовых компонентов – фразам. В текстах данный ритмический рисунок преобладает. Он создается большим количеством эллиптических, односоставных, номинативных предложений. Второй полюсный ритм характеризуется 1) большим по сравнению с первым типом слоговым объемом колонов (от 5 до 11 слогов); 2) сильной разветвленностью структуры фраз.

Наличие «полюсных» ритмов не случайно. Анализ показывает, что как в джазе, так и в романах Тони Моррисон, присутствует «полиритмия», под которой понимается сосуществование равноценных между собой, независимых ритмических голосов, которые движутся параллельно друг другу. Ритмы обоих планов непосредственно соседствуют в тексте. Синтаксически завершенные, распространенные предложения постоянно перемежаются неполными, односоставными, фрагментарными предложениями.

Основными средствами создания ритма на *синтаксическом* уровне текста являются все типы повторов, специфическое расположение эпитетов, использование однородных членов, параллельных конструкций и т.д.

Важную функцию в тексте с точки зрения его соответствия джазовому стилю выполняет повтор-подхват. Этот прием отражает джазовую тенденцию завершать мотив не цезурой, а сливать его с началом следующего образования. Это достигается тем, что последний звук первого мелодического оборота акцентируется и связывается лигой с первым звуком нового мотива. В нотной записи это выглядит следующим образом:



Рис. 4.1. Фрагмент песни “All Too Soon” Д. Уэллингтона

В литературном тексте эту функцию выполняет анадиплозис: *And who used different words. Words Sethe understood then...* [25, с. 76]; *More important, he wasn't sure he wanted to keep it up. Keep up the whole business of 'going with' Hagar* [23, с. 101].

Есть в исследуемых романах и примеры характерного для джаза синкопированного ритма. В предложениях *They were the ones that Violet had to push aside* [26, с. 90]; *A power that Violet had not lost because she gave the usher boys, and the grown men too, a serious time* [26, с. 92] нарушается традиционное для английского языка чередование сильной доли с несколькими слабыми долями. Там, где по велению ритма должен быть безударный слог, вследствие графически выделенного *that*, появляется два последовательных ударных слога. Таким образом, происходит смещение акцентов и появляется эффект синкопы.

Такой же эффект достигается графическим выделением традиционно безударных служебных частей речи: предлогов, союзов, частиц и т.п.: *Fifty cents in certain houses get you the woman, the floor, the walls and the bed* [26, с. 46]; *Denver knew about several people* [25, с. 286]; *It changed May for life* [28, с. 133].

Итак, мы установили, что литературно-музыкальные корреляты в творчестве Тони Моррисон являются одной из характерных черт идиостиля писательницы. Особенность романов Тони Моррисон не только в том, что они музыкальны, но и в том, что они соотносятся с определенным музыкальным стилем – направлением джаза.

Творчество Дж. Калифорнии Купер также отличается музыкальностью. Музыкальность произведений Дж. Калифорнии Купер связана с тем, что все они характеризуются особым, полифоническим звучанием, в связи с этим представляется возможным использование некогда строго музыкального термина «**полифония**» для описания литературно-художественного текста. В рамках данной работы будут представлены результаты анализа рассказов из сборника *Wild Stars Seeking Midnight Suns*.

Анализ творчества Дж. Калифорнии Купер позволил выделить две группы приемов, участвующих в создании полифоничности литературного текста. Первая группа приемов связана с сюжетно-композиционной организацией рассказов; вторая – предполагает введение в повествовательную структуру текста субъектно-речевой сферы персонажей, которые вступают в диалогические отношения с рассказчиком и друг с другом.

Один из приемов первой группы связан с реализацией *контрастной (разнотемной)* полифонии. Контрастная полифония в музыкальном произведении предполагает наличие нескольких самостоятельных мелодических линий, свойства которых выявляются в их одновременном сопоставлении, в их контрасте или взаимном дополнении [11]. В центре многих рассказов Дж. Калифорнии Купер – контрастное противопоставление судеб нескольких персонажей, которые являются либо членами одной семьи (родные сестры, мать и дочь), либо близкими подругами. Важно то, что все эти чернокожие женщины существуют в одинаковых социальных условиях, их окружает определенный круг близких людей, всем им предстоит сложный путь в достижении целей, но, несмотря на это, их судьба складывается диаметрально противоположно: кто-то становится доктором наук, а для кого-то единственное достижение в жизни – замужество, которое в итоге никого не делает счастливым (судьба родных сестер из рассказа *As Time Goes By*). При этом нужно обратить внимание на последовательность изложения событий. Описание жизни персонажей происходит одновременно и охватывает основные этапы их жизненного пути. Так, в выше упомянутом рассказе автор подробно останавливается на детстве героинь, обращая внимание читателя на усердие в учебе младшей сестры и отсутствие интереса к таковой со стороны старшей сестры. Следующий этап охватывает юность героинь и описывает непростой путь Виллы к университетскому образованию (необходимость совмещения учебы и работы) и попытки Фьютилы выйти замуж за человека, который ее не любит. Далее автор повествует об успехах младшей сестры (степень магистра, доктора, работа в зарубежных странах, счастливый брак) и жизни старшей сестры, которая несчастлива в браке, и не дает мужу развод, поскольку без его денег ей придется работать и жить на небольшую зарплату, которую платят за неквалифицированный труд. Такое описание событий непременно сближает литературный текст с музыкальной полифонией. С одной стороны, можно говорить об индивидуальности и относительной самостоятельности двух параллельно развивающихся сюжетных линий, с другой стороны, общая идея произведения формируется через их одновременное сопоставление.

Вторая группа приемов, задействованных в создании полифоничности литературного текста, предполагает непосредственное включение речи основных участников событий в ткань повествования. В анализируемых рассказах речь персонажей представлена во всех существующих формах. Это – прямая речь, косвенная речь, прямой внутренний монолог и несобственно-прямая речь.

*Прямая речь* выделяется графически (с помощью кавычек), она присутствует в ситуации непосредственного общения между персонажами или рассказчиком и персонажем. Постоянно перемежаясь с речью повествователя, она участвует в движении сюжета, а также характеризует языковые об-

разы говорящих персонажей. В процессе постижения текста эти персонажи идентифицируются как непосредственные повествователи. Все это приводит к иллюзии одновременности изложения описываемых событий сразу несколькими голосами, создается эффект многослойности, многоплановости, т.е. неотъемлемых характеристик полифонического произведения.

Еще одним способом введения речи персонажа в повествовательную структуру текста является использование автором прямых *внутренних монологов*. Как и несобственно-прямая речь, о которой будет говориться ниже, внутренний монолог относится к интериоризованному дискурсу, под которым понимается «внутреннее проговаривание каких-либо мыслей человеком, внутренняя речь, получившая свою экстериоризацию, вербальное оформление в определенном тексте» [13, с. 105]. Интериоризованный дискурс представляет собой наиболее благоприятный тип дискурса для выражения индивидуальности всех представленных персонажей, образов рассказчика и автора, именно он способен достоверно отобразить образы говорящих во всей их сложности и многогранности.

В текстах анализируемых произведений автор часто прибегает к использованию внутреннего монолога. Этот прием позволяет вскрыть внутреннюю мотивировку действий и поступков героев, обнаруживает их причинно-следственные связи и служит важным средством раскрытия внутреннего мира персонажей. Как правило, фрагменты внутренней монологической речи персонажей тесно переплетены с речью рассказчика. Речь рассказчика может предшествовать речи персонажа: *He thought Lily Bea was pretty and wondered why he had never noticed it before. "I don't like that ugly fur coat she wears, though"* [21, с. 42]; обрамлять ее: *Her little heart just dreamed and dreamed and dreamed about that boy all her way home. "Dante... Dante... Dante." Music to her whole young untried mind and body* [21, с. 9]; либо чередоваться с ней: *One night, after she had gone for the day, the shop was empty and dark, he wondered, "Should I ask her mama, or should I just go on and ask her?" He rubbed his crippled leg with one hand as he thought of the marriage. "She ain't got no real home or nothing else she gonna hate to leave. Absolutely no real home whatsoever. Her mama ain't nothin to count on neither." These thoughts roiled around in his mind a week or two as he watched the young woman, then he decided to speak to her mother. "Because Lily Bea ain't got sense enough to know the best thing to do about nothing!"* [21, с. 36].

Включение фрагментов прямой речи и внутреннего монолога в структуру текста, безусловно, играет важную роль в создании полифонического эффекта. Однако именно *несобственно-прямая речь*, на наш взгляд, наилучшим образом способна воссоздать иллюзию одновременности звучания нескольких голосов, представленных в произведении. При использовании несобственно-прямой речи смена высказываний автора (рассказчика) и персонажей всегда носит сложный характер. Границы смены говорящих субъ-

ектов часто нечеткие, наблюдается переплетение их реплик. Иногда только тщательный анализ позволяет отделить речь автора от речи персонажа.

Следует обратить внимание на то, что эта задача многократно усложняется тогда, когда повествование ведется рассказчиком. Дело в том, что довольно часто план рассказчика и план персонажей характеризуются определенной общностью языкового оформления. Этот факт нашел непосредственное отражение и в рассказах Дж. Калифорнии Купер. Выше уже говорилось о том, что все ее рассказчицы являются частью ближайшего окружения персонажей. И те и другие говорят на одном и том же варианте английского языка. Именно поэтому повествовательная интонация нарратора вбирает в себя речевые особенности всех других персонажей. Это и усложняет задачу разграничения речи рассказчика и речи персонажа. Но с другой стороны, именно такая спаянность, неразделимость приводит к подлинной полифонии.

Сочетание речи рассказчика с несобственно-прямой речью персонажей образует аналог *подголосочной полифонии* в музыкальном произведении. Ее суть в том, что многоголосие производит впечатление не столько сочетания разных мелодий, сколько расщепления главной мелодии на варианты, разветвляющиеся и вновь сливающиеся. Подголосок может быть интонационно простым и развитым, сложным за счет ритмических преобразований, всевозможных украшений [11].

Несмотря на сложность процесса разделения голосов в полифоническом повествовании с участием несобственно-прямой речи, эта задача выполнима. Тщательный лингвистический и стилистический анализ позволяет отделить речь рассказчика от речи персонажей. Рассмотрим те элементы, которые могут указывать на речь персонажей.

Во-первых, это использование автором графических средств, которые привлекают внимание читателей к смене субъектов речи. Речь персонажа может выделяться кавычками: *When Lily Bea was born to Sorty, she was not a "pretty" baby. No, she wasn't* [21, с. 28]. В приведенном примере взятое в кавычки прилагательное *pretty* исходит из уст матери, которая, рассматривая новорожденную дочь, признает ее некрасивой. Вторая фраза, которая не получает графического выделения, также без сомнения принадлежит тому же персонажу. Оценив внешний вид ребенка, мать после некоторых раздумий выносит окончательный вердикт, после чего в ее сердце уже нет места для любви к своей дочери. Другой вариант – заключение речи персонажа в скобки: *When Maddy hugged her (at last! a chance to really put his hands on her!) she just smiled, and moved away from him as soon as she could without being impolite* [21, с. 38]. Следует обратить внимание на слитность, спаянность двух планов повествования. Речь персонажа, хотя и заключена в скобки, приводится не отдельным предложением, а образует сложное единство с речью рассказчика. Не имея синтаксических связей с репликой повествователя, высказывания героя, тем не менее, приводятся со строчных букв. Кро-

ме того, наличие восклицательного знака в конце первой реплики не приводит к использованию прописной буквы в начале второй реплики. В итоге, при чтении данного отрывка создается впечатление истинного многоголосия: звучит главная мелодия (представленная речью рассказчика) и подголосок (речь персонажа), который не противоречит главной мелодии, а дополняет, усложняет ее.

На наличие несобственно-прямой речи могут указывать и такие знаки препинания, как восклицательный знак и знак вопроса. Они довольно часто используются в этом типе повествования, поскольку являются признаком живой, эмоционально-окрашенной разговорной речи. Рассмотрим несколько примеров: *Her nails were chipped and broken. Who cared? She didn't. She was tired, tired, tired all the time* [21, с. 45]; *Willa really liked her friend Martha and was often at her house whether her own mother was there or not. There were so many interesting things to do!* [21, с. 4]; *Call attention to her face!? No, Lord* [21, с. 29]. В последнем примере обращает на себя внимание нетрадиционное использование сочетания восклицательного знака с вопросительным. Ни в русском, ни в английском языках такого знака препинания (!?) не существует. Обратное сочетание этих знаков (?) считается допустимым, но только в рамках личной переписки. Академическая проза запрещает использование лигатуры. То, что внутренняя речь героини обозначена таким сочетанием пунктуационных знаков, свидетельствует, во-первых, о разговорном, неформальном характере высказывания, что лишний раз доказывает принадлежность высказывания персонажу, во-вторых, указывает на то смешение эмоций (страх, ужас, неуверенность в себе, отчаяние, недоверие) которое возникает у героини при одной мысли о том, что кто-то может посмотреть в ее сторону.

Несобственно-прямая речь может быть выделена и рядом элементов разговорного характера. Некоторые из них реализуют эмотивную функцию языка. К ним можно отнести междометия: *Oh, her heart was full of joy* [21, с. 9]; *I don't know the name of, in the front yard so he wouldn't have to rake leaves, umph umph* [21, с. 2]; разговорные слова с ярко выраженной оценочной и эмоциональной коннотациями: *She was surrounded with the washing, housecleaning, grocery shopping, a dumb TV, two small children, and friends she had thought were jealous of her* [21, с. 18]; *On her last day, she looked around the ole Clean Cleaners, her "home" for more than seven years* [21, с. 75]. Следующее предложение – пример синтаксической компрессии, явления, также характерного для разговорной речи: *He liked the way she talked kind'a proper* [21, с. 33]. Следует отметить то, что присутствие речи персонажа на фоне речи рассказчика может быть заметно не только вследствие наличия в тексте неких элементов. Иногда принадлежность некоторого высказывания плану персонажа угадывается из-за различия точек зрения повествователя и героя произведения. Так, в рассказе *Catch a Falling Heart* рассказчица сожалеет о том,



что внуки не прислушиваются к советам мудрой бабушки. Контекст делает понятным то, что предложение *She was too old to know anything* [21, с. 18] не может относиться к речи рассказчицы, поскольку не отражает ее точку зрения. Оно, безусловно, отражает план персонажа (бабушки, а косвенно еще и ее внуков).

Итак, можно сделать вывод о том, что рассказы Дж. Калифорнии Купер полифоничны по своей сути. При этом полифоничность понимается не метафорически, а буквально – как многоголосие, характеризующееся переплетением как минимум двух мелодически самостоятельных голосов.

Интермедиаальный характер носит и творчество Вахиды Кларк. Как уже отмечалось выше, имя Вахиды Кларк связано с жанром «хип-хоп литературы». Целевая аудитория «уличных новелл» – молодое поколение, особенно та его часть, которая в силу известных социальных причин родилась и провела свое детство в бедных негритянских кварталах мегаполисов. Литература улиц – одно из проявлений массовой культуры и особой художественной ценности не несет, но этому есть объяснение: ее основной потребитель, как в силу своего возраста, так и в силу социально-экономических обстоятельств чаще всего не имеет возможности воспитать в себе утонченный художественный вкус. Однако как явление нового толка, пользующееся популярностью среди большого количества читателей, литература хип-хоп заслуживает внимания. Литературные произведения в этом жанре интересны еще и тем, что они не мономедийны, а причудливо сочетают в себе элементы нескольких семиотических систем: литературы и музыки, литературы и кинематографа.

Музыкальность романа *Thugs and the Women Who Love Them* связана с реализацией процесса интермедиаальной тематизации. Пространство всего произведения проникнуто музыкальной атмосферой. Такие музыкальные стили, как рэп, фанк, R&B непрерывно звучат на заднем плане, при этом задавая определенный тон повествованию и вызывая в читателе те эмоции, которые связаны с такого рода музыкой: ощущение свободы, вседозволенности, раскованности, приподнятое настроение и чувство драйва. Так, на страницах романа читателя ждет встреча, во-первых, с такими всем известными исполнителями как Jay-Z, Ice Cube, Mystical, Q-Tip, Juvy (рэп); Maxwell, Aaliyah, Eric Benet, Ruff Endz, Luther, Jagged Edge (R&B); Heat Wave, Isaac Hayes, Shaggy (фанк и регги). Следует отметить то, что автор не только называет имя исполнителя, но и указывает либо название песни, либо приводит всем известную цитату, по которой можно догадаться, о каком музыкальном произведении идет речь, например: “One in a Million”, “A House Is Not a Home”, “Promise” (названия песен).

Однако следует отметить то, что решающая роль в придании анализируемому тексту интермедиаального характера принадлежит не музыкальности, а **кинематографичности**.

Рассмотрим ряд особенностей, которые способствуют созданию кинематографичности литературно-художественного текста.

При чтении романа в воображении читателя легко вырисовывается образ героев, их внешний вид и манера поведения, обстоятельства описываемых событий и их наиболее важные детали. Этот эффект достигается посредством использования автором большого количества, во-первых, лексики с конкретно-предметным значением, во-вторых, лексики чувственного восприятия.

Так, описывая внешность персонажей, автор, как правило, называет их физические характеристики, то есть рост, телосложение, особенности фигуры, цвет волос и глаз, а также детали их внешнего вида: бренд, фасон, материал, цвет одежды и обуви; дополнительные аксессуары в виде часов, драгоценностей, дамских сумочек и т.п. Все выше перечисленные атрибуты внешности создают визуальный образ с такой четкостью, как будто мы видим его с экрана телевизора. Рассмотрим пример из текста. Одна из главных героинь романа знакомится с молодым человеком по имени Снейк: *He looked to be about 6 foot 3. He had dark, wavy hair and sideburns that were neatly cut. His stride was full of confidence and power... The tailor-made Armani suit, silk shirt, snake-skin shoes, iced-up Rolex and Armani cologne announced that ole boy got it goin' on...* [20, с. 39-40]. Объективное детализированное описание внешности персонажа делает его образ живым и реалистичным.

Читатель получает четкое представление не только о внешности персонажей, но и об обстоятельствах описываемых событий. Например, используемая автором лексика пространственной локализации способствует визуализации *места* описываемых событий. Так, в первой главе романа, которая рассказывает о краже брендовых товаров и попытке воровки скрыться с места преступления, содержится ряд слов, последовательно указывающих на место, где разворачиваются события: *Oxford Valley Mall* (название торгового центра), *Wilson's* (название бутика, где совершается покупка), *the escalator* (на котором Энджел спускается вниз, чтобы выйти из магазина), *the bus* (автобус, который развозит покупателей и мимо которого пробегает героиня, когда за той начинается погоня), *a red van, a silver BMW, a green Honda Civic, a station wagon* (марки и описание автомобилей, которые встречаются на пути беглянки пока та не добежит до своего). Таким образом, упоминание всем известных бутиков, марок автомобилей приводит к тому, что у читателя появляется возможность с легкостью воссоздать картину событий в тех обстоятельствах, которые знакомы любому обывателю.

Творчество Вахиды Кларк также богато слуховыми образами, которые становятся доступными читателю благодаря наличию в текстах большого количества ссылок на реально существующих музыкантов и их творчество; фонетических средств, особенно звукоподражаний и фонетических сокращений, имитирующих живую разговорную речь; лексики слухового восприятия.

Эффект присутствия создается фонетическими средствами, в частности звукоподражаниями, которые имитируют звуки реального мира. Такие лексемы занимают заметное положение в тексте: они, во-первых, выделены курсивом и сопровождаются восклицательным знаком, во-вторых, даются с красной строки, и в-третьих, повторяются несколько раз. Так, описывая радость одной из героинь, автор использует звукоподражание *smack*, имитирующее хлопанье в ладоши: *Smack! Smack! Roz clapped her hands* [20, с. 50]. Назойливый стук в дверь человека, которого не хотят видеть, передается через трехкратное повторение лексемы *knock*: *Knock! Knock! Knock! She couldn't move. He knocked harder* [20, с. 136-137]. Сигнал подъехавшего автомобиля имитирует звукоподражание *honk*: *Honk! Honk! Honk! Micki turned at the sound of the car horn* [20, с. 147].

Использование автором фонетических сокращений и графонов, т.е. лексем с намеренным искажением орфографической нормы, с целью воссоздания живой разговорной речи, также способствует созданию в сознании читателя реалистичных слуховых образов. В качестве примеров приведем несколько часто встречающихся графонов: *brothas, sistahs, nigga, playa* и отрывки из текста с фонетическими сокращениями: ... *we gotta have babies in between... So what am I gonna do now? A lesson must be taught* [20, с. 187]; *Imagine if he woulda caught us doing something – we both would have been dead* [20, с. 190].

Лексика слухового восприятия также играет важную роль в создании реалистичности повествования. В сцене, описывающей арест героев романа, автор задействует, во-первых, глагол *to hear*, означающий восприятие действительности посредством слуха, а во-вторых, несколько лексем с общим значением «громкий звук» для воссоздания правдоподобной картины поимки преступников: *We're only inside about thirty minutes and I hear cars rolling up... So we running around pouring, dumping, and flushing shit down the toilet. Them ... are bangin' on the doors... They break the door in, screaming, hollering, cussing at us, telling us to lie facedown on the floor, hands behind our backs...* [20, с. 201].

Динамичность повествования – еще одна характеристика литературного текста, которая сближает его с кинематографическим жанром. Динамичность исследуемого романа проявляет себя через особую сюжетную организацию его содержания, которое по многим параметрам напоминает остро-сюжетный художественный фильм. События романа развиваются со стремительной скоростью, читатель с нетерпением ожидает развязки тех сложных жизненных ситуаций, в которые попадают главные персонажи, он заинтригован мало ожидаемыми хитросплетениями их судеб.

На языковом уровне данная характеристика текста проявляется через наличие большого количества лексических средств репрезентации действия: глаголов, описывающих перемещение в пространстве, и наречий образа

действия. Так, в сцене побега Энджел из магазина, о которой говорилось выше, можно встретить следующие глаголы, описывающие активные действия: *headed, turned to look, walked out, stepped off, took off running, swerved in and around, bumped, ran, ducked down, backed up, hit, floored* и т.п. Увеличению динамичности способствуют и наречия образа действия: *furiously, fast, as fast as she could, even faster, barely*. Динамика повествования усиливается и за счет использования автором длительных времен вместо простых: *Her fingers and arms were burning from the heavy bags she was carrying... She was trying not to panic... Toy cop was trying to gain on her* [20, с. 15-16].

Как кинематографическое искусство, так и творчество Вахиды Кларк обладает широким арсеналом средств, создающих «иллюзию сиюминутности», т.е. ощущение зрителем или читателем того, что действие развивается параллельно с просмотром фильма или чтением романа. В литературно-художественном произведении такой эффект достигается посредством использования настоящего драматического; включения диалогов, суммарно занимающих обширное пространство текста; внутренних монологов и монологов от первого лица, которые произносятся главными персонажами в наиболее драматические периоды их жизни.

Настоящее драматическое используется для нагнетания динамики и остросюжетности. Внезапная смена прошедших времен на настоящие для описания прошлых событий сразу настораживает читателя и готовит его к непредсказуемым, маловероятным или трагическим событиям в жизни героев. Настоящее драматическое в частности используется автором для описания дня, когда были арестованы Жасмин и ее сообщник: *Me and Brett are headed toward PA. The scenery is nice and relaxing but he's blastin' a ... Limp Bizkit CD. I would rather listen to what I got – the blues. We finally pull up to this house with what seems like a two-mile driveway. I grab my change of clothes and we go inside. We're only inside about thirty minutes and I hear cars rolling up* [20, с. 200].

События исследуемых литературных произведений излагаются не только рассказчиком, но и самими персонажами. Текст насыщен диалогами и их присутствие несомненно сближает перцептуальное время повествователя и читателя. Городской сленг и многочисленные отклонения от норм литературного языка придают речи персонажей естественный характер. Именно такой разговорный язык можно услышать в негритянских городских кварталах и с экранов телевизоров при просмотре фильмов о жизни в них.

Итак, взаимодействие литературы и кинематографа обеспечивается наличием в исследуемом романе аудиовизуальной образности, динамичным характером объективированного повествования, присутствием «иллюзии сиюминутности».

## 4.2. Библейские образы и христианская традиция

Следующей характерной чертой современной афроамериканской литературы является ее связь с темой религии. Религиозная составляющая проявляется там, где авторы прибегают к использованию библейских образов, упоминают имя Христа и в целом строят повествование таким образом, что оно напоминает и по своему содержанию и по своему построению христианскую проповедь.

Обратимся к материалу исследования. Так, например, в творчестве Тони Моррисон рай, место, в соответствии с христианским учением, вечного совершенного бытия в блаженстве, в гармонии с природой, нетронутое временем и смертью, является центральным образом одноименного романа. Главными персонажами произведения являются глубоко несчастные женщины, которых судьба привела в маленький городок, а точнее здание монастыря, находившееся в 17 милях от ближайшего населенного пункта. И здесь, вдали от семей, людей, причинивших им боль, они пытаются забыть о своей прежней жизни, здесь они ищут умиротворение, душевный покой, рай при жизни. Но их надеждам не суждено сбыться. Жители близлежащего городка не довольны таким соседством. Для них они – чужаки, их обвиняют в колдовстве и других смертных грехах. В итоге, несколько мужчин приходят в монастырь и убивают всех его обительниц. Роман заканчивается тем, что несколько женщин (имена не названы, однако по описанию мы догадываемся, что речь идет о главных героинях) сидят на берегу океана. Одна из них поет, и есть во всем этом описании что-то неземное, а название этого места читатель узнает из последнего предложения романа, и называется оно раем: *Now they will rest before shouldering the endless work they were created to do down here in Paradise* [24, с. 318].

В романе *Джаз* автор также использует данный образ для описания отношений Джо, главного персонажа романа, женатого мужчины средних лет, и Доркас, его возлюбленной, молоденькой девушки. Анализируя свой опыт отношений с Доркас, Джо ни о чем не жалеет, ради нее он готов на совершение греха, подобного тому, что совершили Адам и Ева, съев яблоко с дерева познания. При проведении аналогии между отношениями Джо и Доркас и отношениями Адама и Евы используется развернутая метафора. Джо и Доркас предстают в образе Адама и Евы. Для Джо присутствие в его жизни Доркас сродни пребыванию в раю, но все же он готов откусить от яблока познания и быть изгнанным при условии, что Доркас будет рядом: *I told you again that you were the reason Adam ate the apple and its core. That when he left Eden, he left a rich man. Not only did he have Eve, but he had the taste of the first apple in the world in his mouth for the rest of his life. The very first to know what it was like. To bite it. Bite it down. Hear the crunch and let the red peeling break his heart (...)* *To bite down hard, chew up the core and have the taste of red apple skin to*

*carry around for the rest of my life (...) For which, and I will say it again. I would strut out the Garden, strut! as long as you held on to my hand, girl* [26, с. 133-134]. Таким образом, райский сад является поэтическим образом, к которому всегда возвращаются мысли Джо в воспоминаниях о своей возлюбленной.

Как в произведениях Тони Моррисон, так и в творчестве Дж. Калифорнии Купер часто можно встретить упоминания о боге-отце и его сыне Иисусе Христе. Эти библейские образы появляются в текстах всякий раз, когда авторы хотят акцентировать внимание читателя на христианской морали, правилах праведной жизни, необходимости жить в соответствии с христианскими заповедями: *You get one life. Whose hands you put your life in and how you use it is important. God said so. Satan is alive and well! And if your minister ain't tellin you something real, they ain't tellin you nothing!* [21, с.183].

Более того, проведенное исследование показало то, что литературное произведение в целом может строиться по законам христианской проповеди. Данная особенность характерна для рассказов Дж. Калифорнии Купер.

Все рассказы рассматриваемого автора представлены преимущественно в форме монологической речи. Повествование ведется от лица рассказчицы, которая чаще всего является умудренной жизненным опытом пожилой женщиной, верующей в бога. Можно говорить о том, что все истории, представленные рассказчицей, носят назидательный характер, они апеллируют к совести слушателей (читателей), оставляя глубокий след в их сознании. В основе как проповедей, так и рассказов Дж. Калифорнии Купер – живые примеры, правдивые жизненные ситуации, которые являются основой для разъяснения нравственных и религиозных истин христианства. Таким образом, и проповеди, и рассматриваемые литературные произведения выполняют, прежде всего, апеллятивную функцию, т.е. обращаются к воле и чувствам человека, объясняют основные положения веры и побуждают адресата в соответствии с ними организовывать свою жизнь.

Призывающая стратегия реализуется при помощи различных тактик. Для того, чтобы призвать адресата (паству, читателя), необходимо осуществить контакт между говорящим и слушающим, привлечь внимание адресата, сделать акцент на наиболее важных темах. С этой целью проповедники используют контактоустанавливающую тактику, которая на языковом уровне может реализовываться разными средствами. Данная тактика находит широкое применение и в анализируемых нами рассказах. Она может эксплицироваться с помощью вопросительных предложений, обращенных к читателю и, следовательно, имеющих в своем составе местоимение **you**: *Do you know, strange as it may seem, everybody on this earth looks good to somebody?* [21, с. 27]; *But it has rules like everything in life has rules; you heard of the laws of nature, haven't you?* [21, с. 25]. Она заметна и в повелительных предложениях, адресованных читателю и акцентирующих его внимание на особо важных деталях: *Listen to me, chile: She had hidden, lying under parked*

*cars, crouched in scary bushes, secreted in dark, empty houses and empty lots in the darkness of night...* [21, с. 20]; *Wait a minute, I'm going to tell you why I say that* [21, с. 140]. Не менее часто используются предложения с местоимением 1-го лица множественного числа **we**: *Now, we all know there is nothing wrong with being alone, it is a desirable thing. And there is a time for everything. But the time of aloneness, peace, has to be what you want* [21, с. 123]. Употребление данного местоимения способствует созданию «мы-дискурса», столь характерного для христианской проповеди. Подобные обращения проповедника к прихожанам создают атмосферу групповой идентичности, причастности участников коммуникации к обсуждаемой проблеме, сближает проповедника (автора) с прихожанами (читателем), что в результате способствует установлению контакта.

Палитра языковых средств, которые используются проповедником для реализации призывающей стратегии, очень богата. Она затрагивает лексический, грамматический и синтаксический уровни и обеспечивает наглядность и ясность изложения. Простотой и доступностью отличается авторская манера и в рассказах анализируемого писателя. Этот эффект достигается посредством использования богатого арсенала изобразительных и выразительных стилистических средств.

Среди изобразительных средств наиболее заметно использование эпитетов: *The voice that was soft, smooth, silken, low, and dreamy enchanted him* [21, с. 51]. Метафора – также довольно распространенный прием. Например, в рассказе *Catch a Falling Heart* автор представляет жизнь со всеми ее возможностями в виде тарелки с едой, с которой человек берет то, что ему хочется и кажется правильным. Естественно, у бедных людей этот выбор не столь богат, но он есть, и это самое главное. Крайне важно сделать правильный выбор: *Sometimes you are handed a plate of life and, if you are poor, there ain't too many good choices on the plate. Some things look good, but they ain't. And some choices are hidden under something else on that plate* [21, с. 185].

Выразительные средства большей частью направлены на обеспечение легкости восприятия продуцируемого текста. Среди них ведущая роль принадлежит различного рода повторам, синтаксическому параллелизму, использованию однородных членов предложения. Все эти приемы усиливают динамику речи, расчлняют целостный речевой поток на отдельные фрагменты и акцентируют внимание слушателя (читателя) на особо важных деталях. Среди повторов наиболее частотны следующие виды: 1) анафора: *The same mother who had tried to warn Latesha when she dropped out of school. The mother who had tried to tell Latesha about several important things. The mother Latesha had shook her hips at...* [21, с. 159]; 2) эпифора: *Maddy was still "sick", Lily Bea wasn't singing as she worked anymore. Hadn't for a long time. She never danced, all of a sudden, anymore either. She didn't go to school for any classes anymore* [21, с. 45]; 3) контактный повтор: *She was tired, tired, tired, all*

*the time* [21, с. 45]; 4) повтор-подхват: *Then, in a few years of changing diapers, cooking for herself (he didn't always come home to eat), preparing baby food, she realized that her husband was free. Free of her* [21, с. 17].

Использование автором параллельных конструкций, однородных членов предложения, как отмечалось выше, облегчает процесс восприятия: *Latesha had no job, had no skills, had no baby-sitter, had no money, had no place of her own* [21, с. 159]. При этом задача автора исследуемых произведений приближается к задаче проповедника – говорить просто о вещах сложных и серьезных, учитывая особенности восприятия его речи слушателями. Динамичности и компактности речи может также способствовать использование бессоюзной связи: *But, after all, it was a nice, quiet, clean, boring little place* [21, с. 1].

### 4.3. Отражение афроамериканской истории, культуры и языковых особенностей в исследуемых произведениях

Говоря об афроамериканской литературе, нельзя не отметить и ее тесную связь с историческим прошлым афроамериканского населения США, эпохой рабства и культурными традициями.

Тема рабства является одной из центральных в творчестве Тони Моррисон. Так, например роман *Возлюбленная* повествует об ужасах рабства, невероятных страданиях от потери близких людей, пессимизме и отчаянии. Его действие происходит в штате Огайо после окончания Гражданской войны. В основе сюжета – история негритянки Сэти, которая предпочла убить дочь, но не отдать ее в рабство. Текст произведения насыщен разнообразными мотивами, связанными с жизнью невольника. Их неоднократное повторение в анализируемом тексте всякий раз обращает внимание читателя на тяжелое, бесправное положение рабов. Так, мотивы цвета, дерева, обуви появляются всякий раз в новых вариациях и с завораживающей частотой. Мотив дерева встречается в разных вариантах, но он всегда связан с рабством, судьбой и жизнью отдельно взятых персонажей: шрамы от ударов кнутом в форме дерева на спине Сэти; деревья, на которых казнили беглых рабов; дерево в «Милом Доме», которое Пол Ди называет братом; и деревья, за распускающимися цветами которых он идет, чтобы добраться до севера:

*She straightened up and knew, but could not feel, that his cheek was pressing into the branches of her chokecherry tree. (...) He rubbed his cheek on her back and learned that way her sorrow, the roots of it; its wide trunk and intricate branches* [25, с. 20, 21].

*... trees were inviting; things you could trust and be near; talk to if you wanted to as he frequently did since way back when he took the midday meal in the fields of Sweet Home. Always in the same place if he could, and choosing the*



*place had been hard because Sweet Home had more pretty trees than any farm around. His choice he called Brother, and sat under it, alone sometimes, sometimes with Halle or the other Pauls, but more often with Sixo, who was gentle then and still speaking English* [25, с. 25].

*So he raced from dogwood to blossoming peach. When they thinned out he headed for the cherry blossoms, then magnolia, chinaberry, pecan, walnut and prickly pear. At last he reached a field of apple trees whose flowers were just becoming tiny knots of fruit* [25, с. 133].

Повтор мотива обуви связан с Бейби Сагз и ее ремеслом сапожника. Его использование призвано обратить наше внимание на то, что рабы обувь не носили, и что наличие обуви являлось показателем социального статуса. Умение сапожничать Бейби Сагз приобрела, будучи рабом и после освобождения занималась этим ремеслом, чтобы не только зарабатывать на жизнь, но и для того, чтобы вернуть себе статус свободного человека.

Часто в тексте появляется и мотив цвета. Прожив всю жизнь в страданиях и лишениях, Бейби Сагз перед смертью испытывает острую потребность в ярких цветах: ... *it was clear why Baby Suggs was so starved for color. There wasn't any except for two orange squares in a quilt that made the absence shout* [25, с. 46]; *the day had gone blue without its sun...* [25, с. 82]; *By the time Sethe was released she had exhausted blue and was well on her way to yellow* [25, с. 208]; *Took her a long time to finish with blue, then yellow, then green. She was well into pink when she died* [25, с. 237].

Дж. Калифорния Купер и Вахида Кларк не писали об эпохе рабства. Однако их произведения, пусть косвенно, но отсылают читателя к истории афроамериканцев. Так, например, заслуживает внимания отношение авторов к теме имени. Такого рода интерес имеет глубокие исторические корни. По прибытии африканцев в Новый Свет белые хозяева давали им новые, более удобные для произнесения имена. Со времени отмены рабства категория имени наполнилась новым содержанием: свобода означала возвращение самооценности афроамериканца, а изменение имени и фамилии, которые ассоциировались с угнетенным положением рабов, было первой попыткой афроамериканцев утвердить свое «я».

Имена в рассказах Дж. Калифорнии Купер играют важную роль в трактовке образов основных персонажей, ведь, как правило, они являются говорящими. Более того, имена обладают особой мистической властью над героями, определяя их судьбу и характер. Основные функции личных имен (номинативная, идентификационная, дифференцирующая) отходят на второй план, уступая место характерологической, экспрессивной, стилистической и эстетической.

Интересен с точки зрения имянаречения персонажей рассказ *The Eye of the Beholder*. Главную героиню произведения зовут *Lily Bea*. У нее сложное несчастливое детство, поскольку она никем не любима: ни родной матерью,

ни родными сестрами и братьями. Дело в том, что она родилась «некрасивым» ребенком: *When Lily Bea was born to Sorty, she was not a “pretty” baby. No, she wasn’t* [21, с. 28]. Обратим внимание на имя матери (to sort – в пер. «сортировать, отбирать»). Лили Би большую часть жизни провела в одиночестве, пока на ее пути не встретился достойный человек, которого привлекал не внешний, а внутренний мир героини. Именно он по достоинству оценил ее доброту, скромность, работоспособность, целеустремленность, профессиональные качества. Стоит отметить то, что фамилия героини подразумевает эти и многие другие положительные характеристики. В настоящее время лексема *Bea* используется среди говорящих на городском афроамериканском сленге как имя нарицательное и обозначает девушку-мечту, которая обладает сочетанием самых лучших качеств [Urban dictionary: afro-american slang. URL: <http://www.urbandictionary.com>]. Знаковым является и имя ее мужа, которого она никогда не любила, и за которого вышла замуж только по настоянию ее матери. Его зовут *Maddy Nettles* (mad – в пер. «сумасшедший, бешеный, сердитый»), nettles – в пер. «крапива»). Здесь выразительность антропонима заключена не только в значении имени или фамилии, но и в соотношении компонентов. И имя, и фамилия по сути лексемы с отрицательным значением, подразумевающим причинение боли: имя – эмоциональной, фамилия – физической. Действительно, по прошествии семи лет брака Лили Би истощена и эмоционально, и физически. Тяжелая работа с раннего утра до позднего вечера в прачечной, общество нелюбимого черствого мужа превратили главную героиню в рабыню. Тем удивительнее кажется встреча Лили Би с ее спасителем, мистером Форестом (*Mr. Forest*). Будучи чутким, внимательным и мудрым человеком, он быстро разобрался в той тяжелой ситуации, в которой волею судьбы оказалась героиня, и решил ей помочь. Лили Би стала управляющей и совладелицей его нового магазина. У нее появилась возможность жить независимо, учиться выбранной профессии и заниматься любимым делом. Заслуживает внимания фамилия этого благодетеля (forest – в пер. «лес»). Ее выбор также не случаен. Дело в том, что афроамериканскую литературную традицию всегда следует рассматривать в неразрывной связи с негритянским фольклором. Так, во многих африканских инициационных обрядах некоторые деревья используются как источники силы и исцеления. Не будем забывать и об эпохе рабства в США. Решая сбежать от своих хозяев, невольники чаще всего искали убежища в лесу. Хотя лес не был достаточно надежным убежищем (таковых не существовало), через него лежала опасная дорога к свободе. Так и для Лили Би мистер Форест оказался дорогой к свободе и независимости.

В романе Вахиды Кларк читатель сталкивается с так называемой дуальной системой имянаречения. До сих пор существует традиция, и ее примеры мы встречаем в тексте, давать ребенку английское имя наряду с индивидуальным именем, которое будут употреблять лишь его родственники и его

сообщество. Эта характерная особенность берет свое начало, как отмечалось выше, в эпоху рабства. Коренные традиции и культура африканцев, живущих в неволе на чужой земле, были почти полностью утеряны. Единственное право, которым они обладали в то время – это право выбора собственного имени, отражавшее истоки их происхождения. И по сей день у многих афроамериканцев существует два имени: «официальное» и «домашнее». Так, например, родители главной героини романа *Thugs and the Women Who Love Them* и она сама имеют традиционную английскую фамилию Smith. Однако в кругу друзей и знакомых ее отец известен как Big Red (причина этому – большой рост и ярко рыжие волосы); а ее брат – как Willie Right: *He earned the nickname Willie Right because he always insisted he was right, even when he knew he was wrong* [20, с. 32].

Эпоха рабства послужила также толчком к возникновению так называемой негритянской разновидности английского языка, на которой говорят персонажи всех исследуемых произведений. Язык афроамериканцев, который был выдуман еще когда-то рабами для того, чтобы их не понимали белые, называют кодированным или анти-языком. Своей непохожестью, встречным словарным составом язык обязан тому неприятному факту, что его носители в течение веков были загнаны в грязные гетто городов (так называемые «внутренние города» – *inner cities*). В этом ограниченном пространстве и появился афроамериканский городской сленг.

Рассмотрим его характерные особенности.

Говоря о лексической системе афроамериканской разновидности английского языка, нельзя не упомянуть о явлении синонимической аттракции, предполагающим существование больших пучков синонимов для понятий, вызывающих сильную эмоциональную реакцию. Например, в романе Вахиды Кларк затрагиваются такие темы, как воровство, насилие, оборот наркотиков. Закономерным видится появление нескольких синонимов для таких понятий, как ‘воровать’: *to jack, to score, to rob, to steal*; ‘бить’: *to whack, to pound, to pounce, to swing, to smack, to hit, to punch, to stomp, to crack*; ‘огнестрельное оружие’: *gat, gun, steel*; ‘под наркотическим опьянением’: *high, stoned, strung*.

Как язык афроамериканцев в целом, так и язык исследуемых произведений обладает ярко выраженной экспрессивностью, которая является результатом использования, в том числе, лексических изобразительно-выразительных средств, в которых слово или словосочетание употребляется в преобразованном значении. Речь идет о таких стилистических приемах, как метафора, метонимия, эпитет, гиперболы, фразеологические обороты.

Так, например, свою квартиру или дом многие персонажи называют не иначе как *crib* ‘колыбель, детская кроватка’: *Put on your hoochie gear and be at my momma's crib at 7:30* [20, с. 151]. Одновременная реализация прямого и переносного значения в данной метафоре позволяет сделать вывод о том,

что для говорящего родной дом имеет большое значение: он оберегает, защищает, в нем уютно и комфортно.

Метонимия, основанная на ассоциации по смежности, также частый прием в исследуемых текстах. Например, существительное *whip*, которое в своем прямом значении переводится как ‘кнут, плетка’, получило значение ‘руль’, когда появились первые автомобили. Позже кто-то подметил сходство между рулем автомобиля и логотипом Мерседеса. Старый термин *whip* стал использоваться для обозначения машин данной марки, а спустя несколько лет, расширив свое значение, стал обозначать любой дорогой автомобиль: *What's his name, where does he work, and what kind of whip he got?* [20, с. 50].

Экспрессивность речи персонажей может быть подчеркнута и эпитетами, которые были подвергнуты транспозиции по типу голофразиса. Здесь имеется в виду «окказиональное функционирование словосочетания или предложения как цельнооформленного образования, графически, интонационно и синтаксически уподобленному слову» [2, с.135]: *the cream-at-the-top-of-the-milkpail face; ready-for-bed-in-the-street clothes; a used-to-be-long-ago-crazy girl* [26].

Использование фразеологических оборотов – еще один способ придать речи образность и экспрессивность. О значении некоторых из них можно догадаться по контексту. Например, не вызывают трудностей с пониманием такие фразеологизмы, как *to get ghost* ‘исчезнуть’, *kill two birds with one stone* ‘убить двух зайцев одним ударом’, *to hear from the horse's mouth* ‘услышать из первых уст’, *to stay above water* ‘оставаться на плаву’. Понимание других фразеологизмов становится возможным благодаря словарям, в частности, словарю афроамериканского сленга [Urban dictionary: afro-american slang, режим доступа: URL: <http://www.urbandictionary.com>]. Так, оборот *be off the hook* имеет значение ‘быть в тренде’, изначально использовался в отношении модной одежды, которую только что сняли с вешалки в магазине, позже стал употребляться в других сферах: *The night was off the hook. Carl Thomas was the bomb. The whole atmosphere couldn't have been more perfect* [20, с. 55].

Анализ словообразовательных моделей, используемых в рассматриваемых текстах, позволил выявить наиболее продуктивную словообразовательную модель данной разновидности языка. Это – различного рода сокращения: апокопа, аферезис, аббревиация, слова-слитки. Самыми частотными видами сокращений являются апокопа, т.е. усечение одного или нескольких конечных слогов, и аббревиация, предполагающая использование начальной буквы вместо целого слова, или первых букв ряда слов, входящих в словосочетание. Часто конечным усечениям подвергаются лексические единицы, обозначающие члена семьи: *sis, sis-in-law* ‘sister, sister-in-law’; *bro* ‘brother’, *cuz* ‘cousin’ (здесь присутствует еще и искажение орфогра-

фической нормы), а также многие другие слова: *rehab* ‘rehabilitation’, *lil* ‘little’, *limo* ‘limousine’, *info* ‘information’, *cell* ‘cellular phone’ и т.п.

Аббревиатурный способ сокращений используется для сокращений как отдельных слов, когда начальная буква заменяет целое слово: *H* ‘heroin’, *G* ‘gangsta’, так и слов, входящих в словосочетание. Например, аббревиатура *ASAP* расшифровывается как ‘as soon as possible’. Иногда сокращается не только основа, но и аффикс, входящий в состав лексической единицы. Так, за аббревиатурой *OD* стоит слово ‘overdose’, которое может использоваться и как существительное и как глагол. Довольно часто аббревиатуры настолько прочно закрепляются в языке, что начинают функционировать как полноценные лексические единицы, которые могут стать источником для образования новых слов или грамматических форм. Так, аббревиатуры *PMS* ‘premenstrual syndrome’ и *OD* ‘overdose’ могут использоваться как глаголы и соответственно принимать окончания различных видо-временных форм: *It made him sick to his stomach whenever his brother OD’d* [20, с. 125]; *Sorry. I’m PMS-ing* [20, с. 50].

Еще одной характерной чертой афроамериканского городского сленга, которая ярко проявляет себя и в рассматриваемых нами текстах, является иконическое использование цифр. Иногда означаемое становится понятно благодаря контексту произведения, но в большинстве случаев для его расшифровки требуется дополнительное исследование. Если читатель знаком с основными калибрами огнестрельного оружия, то ему не сложно будет понять, что в примерах, представленных ниже, под цифрами 9 и 44 скрывается именно оно: *She decided to hide her “9” in a new spot, this time on the top shelf in her closet* [20, с. 21]; *He reached behind his back and pulled out his 44* [20, с. 181]. Значения комбинаций цифр 411 и 5-0 можно узнать с помощью словаря афроамериканского сленга: за первой скрыта ‘информация’ (411 – телефон американской информационной службы); за второй – ‘полиция’ (5-0 – часть названия популярного американского сериала о полицейских ‘Hawaii 5-0’).

\* \* \*

С конца XX века в рамках изменения научной парадигмы гуманитарного знания на место господствующей системно-структурной и статической парадигмы приходит парадигма антропоцентрическая, функциональная, когнитивная и динамическая, вернувшая человека в центр мироздания. Происходит и гуманизация лингвистики. В связи с этим растет интерес к различным аспектам языка, к изучению языковой личности, порождаемых и воспринимаемых личностью текстов.

Текст любого произведения обнаруживает преломление не только лингвистических, но и экстралингвистических характеристик языковой личности автора. Языковая, и в частности, художественная картина мира неизбежно находят свое отражение в идиостиле каждого писателя.

Результаты проведенного исследования позволяют нам сделать вывод о том, что творчество афроамериканских писателей имеет свои специфические особенности. Его отличие от творчества, например, европейских авторов является следствием особых исторических условий, в которых происходило становление афроамериканской культуры, языка и литературных традиций. К особенностям афроамериканской литературы можно отнести ее интермедиальный характер, тесную связь с темой религии и африканской историей и культурой, использование авторами кодированного или анти-языка, внимание к системе имянаращения.

Категория интермедиальности является одной из важнейших категорий рассмотренных нами произведений. Материал исследования отличается от творчества других писателей тем, что он создан не на одном, а как минимум двух культурных языках. В нем причудливо переплетены язык литературы с языком музыки и кинематографа. Включения интермедиального характера являются важнейшими факторами приращения художественного смысла. Благодаря широкой интермедиальной характеру, произведение вводится в более широкий культурно-литературный контекст. Межтекстовые связи создают вертикальный контекст произведения, в связи с чем он приобретает неоднородность смысла.

Связь исследуемых произведений с темой религии проявляется через использование авторами библейских образов и сюжетов, а также построение литературного материала по правилам и традициям христианской проповеди. Сравнительный анализ языка религиозного дискурса и языка рассмотренных нами литературно-художественных произведений позволил выявить ряд общих закономерностей: применение продуцентом вербального сообщения контактоустанавливающей тактики, тактики угрозы и предупреждения, использование библеизмов, широкого арсенала изобразительных и выразительных средств, что в целом способствует ясности и доступности изложения, обеспечивает понимание сообщения слушателем.

Сложный и трагический путь становления афроамериканской нации – та тема, к которой постоянно обращаются авторы. Исторический контекст делает закономерным повышенное внимание писателей к системе имянаращения, а также к выбору средств речевой характеристики персонажей. Имя в художественном тексте обладает экспрессивным, стилистическим, эстетическим и эмоциональным потенциалом. Оно органически связано с содержанием всего произведения, а также является одним из средств, позволяющим раскрыть исторические предпосылки своего возникновения. Кодированный язык, который имеет свое начало в эпоху рабства, и который изобилует в исследуемых текстах, актуализирует такие языковые явления как синонимическая аттракция, иконическое использование цифр, сокращения, разнообразные лексические изобразительно-выразительные средства и ряд других.

**Библиографический список к главе 4**

1. Арнольд И.В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста). – СПб.: Образование, 1995. – 60 с.
2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. – М.: Флинта, 2002. – 384 с.
3. Барбан Е.С. Джазовая импровизация // Советский джаз. Проблемы. События. Мастер. – М.: Советский композитор, 1987. – С. 162-183.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.
5. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. Избранные. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
6. Воронцова Е.П. Соотношение денотативной и сигнификативной информации при реализации картины мира лексико-семантическими средствами: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 26 с.
7. Гиршман М.М. Ритм художественной прозы. – М.: Советский писатель, 1982. – 368 с.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 262 с.
9. Кочешкова И.Ю. Компаративные тропы как отражение авторского мировосприятия в творчестве Дж. Фаулза: дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2004. – 176 с.
10. Левченко М.Л. Концептуальная картина мира Н. С. Лескова и ее отражение в идиостиле писателя: дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2000. – 184 с.
11. Осипова В.Д. Полифония: учебное пособие: в 2-х частях. Часть 1. Полифонические приемы. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. – 134 с.
12. Панова Л.Г. Пространство и время в поэтическом языке О. Мандельштама: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1998. – 24 с.
13. Погребняк Ю.В. Взаимодействие автора и персонажа в интериоризованном дискурсе // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. Сер. «Филология». – 2011. – № 1 (13). – С. 105-110.
14. Солганик Г.Я. Стилистика текста. – М.: Флинта, 1997. – 256 с.
15. Тишунина Н.В. Методология интермедиального анализа в свете междисциплинарных исследований // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. Выпуск № 12. – СПб.: Санкт-Петербургское фило-софское общество, 2001. – С. 149-154.
16. Тишунина Н.В. (2005) Современное литературоведение в аспекте междисциплинарных исследований: методология интермедиального анализа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://2005/www.uni-konstanz.de/FuF/Philo/LitWiss/Slavistik/kn-spb/pdf/analiz.pdf>.

17. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов. – М.: Агар, 2000. – 250 с.
18. Чернухина И.Я. Идеи антропоцентрической лингвистики в трудах В.В. Виноградова // *Stylistica IV*. – 1995. – С. 59-68.
19. Шевченко Л.Л. Метафора как средство моделирования концептуальной системы автора (на материале произведений Айрис Мердек): дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2005. – 194 с.
20. Clark Wahida. *Thugs and the Women Who Love Them*. – New York: Dafina Books, 2005. – 256 p.
21. Cooper J. *California. Wild Stars Seeking Midnight Suns*. – New York: Anchor Books, 2007. – 210 p.
22. Johnson Stephan. *North American Youth Gangs: Patterns and Remedies*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.heritage.org/Research/LatinAmerica/tst042105a.cfm>.
23. Morrison T. *Song of Solomon*. – London: Campbell, 1995. – 363 p.
24. Morrison T. *Paradise*. – New York: Alfred A. Knopf, 1998. – 318 p.
25. Morrison T. *Beloved*. – New York: Vintage International, 2004. – 324 p.
26. Morrison T. *Jazz*. – New York: Vintage International, 2004. – 229 p.
27. Morrison T. *Sula*. – New York: Vintage International, 2004. – 174 p.
28. Morrison T. *Love*. – New York: Vintage International, 2005. – 202 p.
29. *Urban dictionary: afro-american slang*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.urbandictionary.com>.
30. Wolf W. *The Musicalization of Fiction: A Study in the Theory and History of Intermediality*. – Amsterdam: Rodopi, 1999. – 272 p.



ПРАГМАТИКА ЯПОНСКИХ КОММУНИКАТИВОВ  
СОГЛАСИЯ: ДАННЫЕ КОРПУСА

---

**5.1. Реплики согласия в японском языке: постановка проблемы**

В построении типологии высказываний на лингвопрагматических основаниях особая роль принадлежит коммуникативам, способным в сжатой форме метко выражать интенцию говорящего, а значит – однозначно задавать иллокутивный статус высказывания. В настоящей статье мы рассмотрим основные прагматические характеристики употребления японских слов-реплик со значением согласия<sup>1</sup>.

Семантически отчленяемые от других коммуникативов, выражающих несогласие, удивление, восторг и другие эмоциональные состояния и оценочные реакции говорящего, по своим прагматическим характеристикам данные единицы относятся к реактивным (в отличие от инициативных, им предшествует речевой или невербальный стимул), являются конвергентными – в противоположность дивергентным выражениям несогласия, осуждения, выполняют эмотивную (как выражение позиции говорящего, его оценок и эмоционального состояния) и фатическую (контактоподдерживающую) функцию [8]. В свою очередь, по характеру речевого стимула реплики согласия могут быть подразделены на Согласие с мнением, Согласие сделать что-либо, Согласие – разрешение, Согласие – подтверждение и т.д. [6].

При общей фокусировке современной лингвистики на живой среде использования языка, субъекте речевой деятельности в последние десятилетия интерес к коммуникативам значительно повысился, появились такие значимые авторы и работы, как [7]. В российской японистике смежная с обозначенной тема подробно была подробно рассмотрена Т. Н. Гороховой [2]. Однако именно прагматический анализ японских коммуникативов на основе исследования параметров ситуации общения, интенций, когнитивных и социальных статусов коммуникантов в целом пока не проводился.

Для выполнения этой задачи мы пользуемся данными общедоступного взвешенного корпуса современного японского языка, включающего как письменные, так и устные источники (стенограммы заседаний парламента).

---

<sup>1</sup> Принадлежность этих единиц к частречевому классу по разному оценивается исследователями: в [12] они включены в междометия, тогда как [1] относит их к разряду обособленных. Мы используем термин «коммуникатив» не из желания сказать своё слово в этой дискуссии, а лишь стремясь к простоте изложения.

При этом помимо собственно семантического толкования ситуаций, а также выяснения положения высказываний с местоимениями в речеактовой цепочке, по [13], мы используем и такой метод, как «построение схемы эмоциональной ситуации из набора признаков..., разбросанных в контексте» [7, с. 24]. Всего рассматривается шесть единиц: *hai*, *ee*, *un*, *soo*, *aa*, *haa*, а также производные-редупликации *haihai*, *un-un* и другие.

## 5.2. Семантико-прагматическая характеристика коммуникатива *hai*

Базовым словом-реакцией с утвердительным значением согласия является *hai*. Именно оно употребляется в контекстах простейшего выбора между «да» и «нет» (например, в освещении результатов опросов или как название кнопки на панели управления):

ユーザーが「はい」を押したときだけ、メッセージダイアログを表示する // Пользователю достаточно нажать на кнопку «да» – и появляется диалоговое окно [18, М. Такахаси, «Использовать Java – просто!», 2002]

Корпус содержит примеры употребления в контекстах реакции как на фактивность пропозиции: Подтверждение на вопрос о внешнем мире; Признание на вопрос о собственных действиях отвечающего, – так и успешность предшествующего речевого акта: Акцепт обязательства в ответ на реквестив, суггестив, Позволение; Разрешение после Запроса разрешения; Просьба в ответ на Предложение. Соответствующие типы иллокутивной силы фиксируются в примерах речеактовыми глаголами *mitomeru* = признавать, *hikiukeru* = взяться, поведенческим *shitagai* = послушаться. Заметим, что в первом случае подтверждается в основном фактическая информация, не затрагивающая суждений и оценок коммуникантов:

「これで全員ですか？」つい確認してしまった。陰木は「はい」と認めつつ、こちらの不安を見越したように説明した。// «Теперь все в сборе?» – перепроверил он. Кагэки подтвердил: «Да!» – и, видя нашу тревогу, приступил к объяснениям [18, Т. Вагаи, «Разбойники на гастролях», 2005], ср. также:

(山口 (那) 委員「平成三年の四月二十二日です」と呼ぶ) はい、お答えいたします。私は、平成三年の一月の七日に発令ベースでは顧問になりまして、// (выкрик с места, депутат Ямагучи: «Речь идёт о 22 апреля 1991 года!») «Хорошо, я отвечаю. С 7 января 1991 года я был назначен консультантом... [18, стенограмма заседания японского парламента, 1995]

「はい確かに。...ではおつりを...。領収証は年末にまとめてお渡ししますから」「はい、お願いします」「ええっと、では、次はいつになさいますか」// «Так, всё правильно. А вот ваша сдача... Общую расписку мы передадим в конце года за все суммы вместе» «Хорошо, так и сделаем» «Отлично. В таком случае когда встретимся в следующий раз?» [18, Ц. Адзумано, «Работа за компьютером», 2005]

「いいから、何本か持って来てくれよ」 「はい、すぐに」 // «Ладно, ты давай принеси что-нибудь, а что – можешь выбрать сам» «*Слушаюсь, сейчас буду*» [18, Дз. Акагава, «Любовь призрака», 2002]

Вообще говоря, круг значений высказывания с *hai* более широк, чем согласие как таковое. Скорее, употребляя это слово, говорящий подтверждает приём предыдущего сигнала, даёт собеседнику знать, что понял сказанное. Этим с прагматической точки зрения можно объяснить возможность ответа *hai* на вопрос с отрицанием, что получает и грамматическое объяснение в работах [16; 15]. При этом, как замечает Дз. Тогаши, степень внимания к содержанию сказанного выше чем в других репликах согласия, а понимания более целостно и требует определённой законченности предшествующего высказывания, как справедливо замечает сказанного выше [17]. Суть же отклика вовсе не обязательно состоит в солидаризации с пропозициональным содержанием услышанного, на что указывают и примеры с ремарочным употреблением речеактового глагола *oojigi* = *отреагировать* (а не оставить без ответа):

早乙女は呼びかける。息子は静かに、「はい」と応じた。// *Саотомэ позвала. Сын тихо откликнулся: да!* [18, ежеквартальное приложение к журналу «Бунгэй сьондзю», № 235, весна 2001]

Таким же образом *hai* фиксирует получение Приказа, Команды, Распоряжения, удостоверяя перед собеседником, что действие будет исполнено. Интонационно для такого употребления свойственен ровный высокий тон – в отличие от понижательного контура в «подтверждающих» репликах. Тем самым в контекстах, где самого побудительного высказывания в силу особенностей коммуникативной ситуации достаточно, чтобы ожидать выполнения действия (возражений не предусматривается), одиночное употребление этого слова соответствует известным постулатам «способа» (выражаться ясно) и «количества» (не предоставлять больше информации, чем требуется) по П. Грайсу [10], на что обращает внимание и Т. Китагава [11]. В подобных контекстах за *hai* может следовать и вербализация подчинения, причём в корпусе мы не находим коллокаций таких выражений с другими коммуникативами. Это говорит о том, что, похоже, данная функция зарезервирована исключительно для *hai*:

{はい/\*ええ/\*うん/\*そう}, 分かりました // *Да, понятно/хорошо.*

{はい/\*ええ/\*うん/\*そう}, 畏まりました // *Да, слушаюсь.*

Единственным из рассматриваемых лексем *hai* сопровождается вокативом, но только в переводном тексте или подражании ему:

「はい、大統領閣下...今や国務省の判断は、間違いだと判明しました」 ドノバンは冷静な口調で // «*Да, господин президент... Уже ясно, что решение министерства обороны было ошибочным*», – спокойно проговорил Донован [18, Ф. Такануки «Отвлекающий манёвр союзного флота» 2002]

Стимул для реплики может быть и не речевым, а состоять в осознании некоторого положения вещей, восприятия действий партнёра. Такой харак-

тер имеет *hai*, например, в ситуации ответа на телефонный звонок ли стук (ср. рус. *да!*):

とんとんと、船倉の扉が叩かれた。「はい、なんでしょう？」ディエンデッタが返事をする。// *В дверь кабины негромко постучали. «Да, что такое?» – отвечает Диендетта* [18, С. Томоно «Приключения по дороге в ад» 1997]

Производным от этого варианта употребления, по-видимому, можно считать вопросительное *hai*, сопровождающееся изменением интонационного контура (тон не понижательный, а повышательный), где имеет место реакция более серьёзная, чем простой переспрос – отказ понимать (или принимать как руководство к действию) целостную наличную ситуацию, все элементы которой, по мнению говорящего, уже ясны ему: отсюда возмущённая, слегка скандальная нотка в таком вопросе.

Указанные особенности увязываются с основной дискурсивной ролью *hai* – обозначение перехода очереди реплик. Именно так можно объяснить случаи препозитивного употребления его перед Командой, в вопросе – «сигнал принят, требуется подтверждение кода», перед извинениями, благодарностями, ответом на предварительный вопрос перед основным вопросом, обмене репликами по кругу:

「はい、オーケー」「はい、こっちもオーケー」// *«Так, всё в порядке» «Ага, у меня тоже порядок»* [18, Х. Умэдзава «Механика обмана» 2003]

「はい、カット、そこまで。// *«Так, хорошо, снято* [18, А. Асано «SOS на все времена» 2002]

誰か偉いリーダーがいて、「はい、あなたはこれしてね！あなたはそれあなたはそれね！」と命令していたならば// *Если бы был великий лидер, который бы скомандовал: «Так, ты делаешь это, а ты – то»... хорошо, снято* [18, Р. Кобаяси «О солидарности волонтеров» 1999]

Фатическая функция *hai* проявляется в последовательности реплик после окликов *ne, oi* (ср. рус. ..., *a?* *эй!*):

清水と西田は、無言でいた。「ね」「はい」西田が、こたえた。// *Симидзу и Нусида молчали. «Ну так что» «Ага» – сказал тогда Нусида* [18, Ё. Катаока «Мэйн тема» 1984]

В постпозитивном положении наряду с обычной для коммуникативов в такой позиции усилении функцией высказывания ([5; 14, с. 200]) *hai* обозначает уступку очереди для реплики собеседнику. Сходно с этим, даже протягивая вещь, японец говорит *hai*:

としちゃんは三つ重ねのきれいなお重箱を出した。「はい、お弁当」// *Тоси вытащил красивую тройную коробочку: «Вот, это вам в дорогу»* [18, К. Кикура «Любимый Исао» 1982]

Из комментарийной части цитат в примерах корпуса видно, как расценивается использование *hai* в речи. Мы видим здесь эпитеты 真面目に = *серьёзно*, しっかり = *твёрдо*, おとなしく = *послушно* (ответить), 素直な = *покорный* (ответ). Употребление *hai* в начале сообщения (с целью обозначить переход

права реплики, например, перед началом доклада) описывается через глагол *собраться* (息を整え) Реакция с *hai* описывается, с одной стороны, как вежливая (愛想良く挨拶を返し), доброжелательная (明るい返事), с другой – как холодная (冷やかな声で).

Подтверждающее высказывание с *hai* (но не с другими единицами), по данным корпуса, сопровождается глубоким кивком (大きく頷いた, тжк. 俯いてしまった = *низко опустил голову*), причём этот жест может передавать робость (小さく肯いた) или сопровождаться принуждённой улыбкой (苦笑しながら).

Что *hai* рассматривается как минимальный вариант ответа, следует из примеров, где с ним используются обороты «*лишь сказав...*», *остатётся только сказать...*». При несогласии этого достаточно, чтобы отреагировать, не соглашаясь (другие слова в этой функции не встречены):

見原はなんだか不服な感じで「はい」と呟き、いやな間を開けて電話を切った。// Михара, *явно несогласный, проворчал*: «*Хорошо*». Повисла пауза. Потом он положил трубку. [18, Т. Накаи «Quarter mo@n» 1999]

Описанный так «языковой образ» *hai* хорошо согласуется с наблюдениями Л. Танаки о том, что для подтверждения это слово редко используется в одиночном виде при неформальном общении [14; с. 192].

### 5.3. Семантико-прагматическая характеристика *in*

По нашим наблюдениям, *in* в первую очередь частотен в иллюкутивных контекстах, характеризующихся бенефактивностью для отвечающего: в ответе на Совет, Предложение, Приглашение. При этом выражение побуждения гораздо менее формально и учтиво, а дистанция между коммуникантами меньше, чем в случае *hai*, что, в частности, отражается в закономерностях распределения обязательных для японской речи маркеров социальной дистанции – адрессивов и гонорифических форм:

「アスピリンでも飲む?」僕は頭で「うん」という意思を示した。// «*Может, выпьешь аспирин?*» Я одним движением головы согласился: *Ага!* [18, Б. де Стабенрат, пер. К. Такахаси «Кавалькада» 2002] (глагол в суггестивном высказывании – в форме без адрессива)

私は、中学の時に好きな人が花火に誘ってくれたのに「うん」と肯けなかったことかなあ。// *Если бы меня в школе парень, который нравится, позвал вместе полюбоваться фейерверками, я бы, наверное, не смогла бы просто так ответить: мол, ага, давай!* [18, блог полезных советов сайта «Яху» 2005]

Как подтверждение истинности пропозиции *in* типично появляется в ответе на инференционный вопрос с достаточной степенью убеждённости спрашивающего, когда исходя из характера ситуации достаточно краткого подтверждения. Это подтверждается и выбором речеактового глагола:

今度は方言でそう尋ねた。ふたりは互いに何度か目で確認し合い、「うん」と同時に肯いた。// *Потом тот же вопрос задали на диалекте. Они встретились взглядами, ища подтверждения друг у друга, и одновременно кивнули: «Ага!»* [18, С. Ёсида «Воскресенье за воскресеньем» 1999]

Примеры согласия с суждением имеются, однако они носят отпечаток растерянности, неокончательного убеждения:

「それにこの子をこれ以上、マギョアとの危険な戦いに巻き込むわけにはいかない。そうだろう？」 ヒカルは俯き、やがて小さな声で「うん」と言った。 // *«Да и не стоит больше втягивать ребёнка в это опасное соперничество, ведь верно?» Хикару помолчал, опустил голову, и потом тихо сказал: «Угу».* [18, М. Ёнэмура «Цубаса и Хикару: №17» 2002]

В комментарийных отрывках примеров с употреблением *и* мы находим прямое подтверждение такой оценки:

一緒にどこかに行こう 「...」 きょとんとした純子の顔に、微笑みが浮かんだ。「うん」と素直にうなづくことができた。 // *«Давай сходим куда-нибудь?» «...» – Дзюнко растерянно улыбнулась, но взяла себя в руки и смогла вежливо сказать: «Ага»* [18, А. Тамура «Мы ещё увидимся» 1995]

Такая реакция также оценивается как «послушная» (素直に), «поспешная» (素早く), «торопливая» (あわてて), «лёгкая» (あっさりと), «невольная» (思わず). Можно предположить, что эти черты учитываются при выборе варианта ответа на Просьбу, Запрос Разрешения, Обращение (предвопрос, в том числе *и* или вокатив) – ведь «лёгкость» *и* при акценте просьбы позволяет сохранить лицо просящего. Аналогично и в запросе коррекции вопроса уже не содержится столько скандальности, как с *hai*:

あら、まだ飲まないの？じゃあ私が飲むね」と母さんが言うと、「うん」と頭を大きく縦に振る。// *«Так ты не будешь?» – спросила мать. «Тогда я выпью!» – «Да-да», наклонила голову она.* [18, С. Кобаяси «День, когда выяснилось, что у отца рак» 2003] (в ответ на Предложение), ср. также после Обращения:

「先生」「うん?」「一つだけ聞きたいことがあるんですけど」「なんだろう」 // *«Учитель!» «А?» «Можно вас кое о чём спросить?» «Ну, о чём?»* [18, Р. Цуримаки «Погибшие семена» 1999]

В то же время краткость, простота ответа может не отвечать ожиданиям спрашивающего, если этикетные нормы требуют большего:

「楽しかった?」と聞いても「うん」としか言ってくれません。// *Спросишь её: «Понравилось тебе?» – так только и скажет: «Угу!»* [18, сайт полезных советов «Яху!» 2005]

В постпозиции *и* характеризует припоминаемое, только что сделанный вывод (говорящий как бы некоторое время колеблется, верно ли он сказал, и заканчивает реплику утверждением):

朗くんはちらっと腕時計を見て、「あ、そうか。そうだよ、うん」と、あわててうなづいた。// *Ро взглянул на часы: «А, ну да. Ну конечно. Ага!» – он торопливо кивнул* [18, А. Харада «Шикарная любовь» 1993]

Опираясь на ремарочный текст, можно утверждать, что эмоциональный фон, сопровождающий реплику с *in*, предполагает доброжелательность (明るく) и допускает как уверенность (自信たっぷり), так и смущение (恥じらった様子で), что сказывается на диапазоне сопровождающих жестов – от отчётливого кивка до лёгкого, неуверенного.

Данный коммуникатив является одним из основных выражений т. н. каналов обратной связи, или «айдзути» [2], причём в отличие от *hai*, он вовсе не подразумевает, что коммуникант впитал некий оформленный, законченный кусок информации, а скорее что он просто сигнализирует о внимании к сообщению и поощряет говорящего продолжить высказывание. Так, по данным Л. Танаки, на радио *in* гораздо чаще употребляется ведущим (кому достаточно побуждать собеседника продолжать высказываться), тогда как в речи гостей передача преобладает *hai* [14].

Отсутствие глубокого осмысления содержания воспринимаемой речи у субъекта реплики определяет местонахождение *in* в синонимическом ряду с коммуникативом другого типа – регистрирующей реакцией на входящее сообщение, при котором отношении субъекта пока остаётся зарезервированным, см. метаязыковой комментарий:

野本氏はだまって彼の話を聴いていた。はじめのうちは「うん」とか「なるほど」とか受け答えの言葉を挟んでいたが、だんだん物を言わなくなって行った // *Homoto молча слушал его. Вначале он ещё откликался словечками вроде «Ага!» и «Аа, понятно», но постепенно перестал реагировать вовсе.* [18, Р.Эдогава «Что ручные счёты могут рассказать о любви» 1995]

С вопросительной (повышательной) интонацией *in* функционирует как переспрос или отклик на обращение. Видимо, в силу фрагментарности, допускаемой в восприятии «входящей» пропозиции, такая реакция может восприниматься как рассеянная, несерьёзная, даже как попытка потянуть время, – что, конечно, было бы невозможно для «чёткого ответа» с *hai*:

「何しに来たの」「うん?」「なにか、用?」「ああ、ちょっと...な」 // «*Чего ты пришел-то?*» «*A?*» «*Дело какое у тебя?*» «*A-a, да тут это...*» [18, А. Хигути «Друг» 2002]

#### 5.4. Семантика и прагматика коммуникатива *ee*

Сфера применения *ee*, если судить по нашим данным, более узка. Так, реакций с этим словом на невопросительные высказывания мы видим гораздо меньше, что говорит о затруднительности использования этого слова для оценки успешности речевых актов. При этом примеры употребления обнаруживают гораздо большую, чем для других единиц, ориентацию на сотрудничество и гармоничное общение. Многие из вопросов, предшествующих реплике с *ee* в диалогах корпуса, оформлены ориентированными на

поиск взаимопонимания коммуникативными частицами *ne* и *na*, выражены незаконченными предложениями, представляют собой Наводящий вопрос. В таких случаях *hai* как чересчур ясный и чёткий ответ разобьёт сплетаемую взаимными усилиями атмосферу понимания, совместного нащупывания истины, обычно (по крайней мере, в идеале) изображаемую при японском общении:

「雑誌の仕事も大変なんだな」「ええ」と、亜矢は、背いてから... // «Тяжело, наверно, работать в журнале?» «Да, это так» – сказала Ая и... [18, К. Нисимура «Убийство на линии Атами-Югавара» 2003]

「それに菊枝さんだって」「ええ」と菊枝は声を高くする。「常さんがお帰りになったのは十時過ぎ... // «Да потом и госпожа Кикүэ ведь тоже ...» «Да-да» – подала голос Кикүэ. «Госпожа Цунэ вернулась уже после десяти... // «Тяжело, наверно, работать в журнале?» «Да, это так» – сказала Ая и... [18, Ф. Оно «Странные новости из Токио» 1999], ср. тж. в вопросе-перифразе с неопределённым местоимением вместо специального:

その日に、望月さんが亡くなった知らせを聞くなんて「何か関係が?」「ええ」と、園長は肯いた。「望月俊夫という子がいました。// «Надо же, в чтобы в этот самый день узнать о кончине господина Мотидзуки» «А что, есть какая-нибудь связь?» «Да», – кивнул директор: «Был у нас здесь такой Тосио Мотидзуки... [18, Дз. Акагава «Убийство по книжке» 2003]

Указанное свойство вполне вяжется с отмечаемым в указанной работе Л. Танаки характером *ee* как сигнала о том, что реагирующий исходит в своих мыслях из тех же положений, что и собеседник. Недаром это слово традиционно считается более свойственным женской речи, чем мужской, в условиях преобладания в мужской речи принципа соревновательности, а женской – облегчения коммуникации и достижения гармонии [4]:

「なんだって、おまえの頭にや大きな禿があるぜ。知ってるか。」「ええ」と細君は、依然として仕事の手をやめずに答える。べつだん露見をおそれたようすもない。// «А у тебя на голове, между прочим, огромная плешь! Знаешь?» «Да-да» – отвечает жена, не оставляя рукоделие. И непохоже, чтобы это открытие её сильно смутило. [18, С. Нацумэ «Ваш покорный слуга кот» 1996]

Эту особенность, как показывает корпус, использует и переводчик, когда, конструируя в целевом языке атмосферу общения, передаёт через *ee* интонацию женской реплики в языках, где формальные особенности такой могут и отсутствовать:

羽織るものを一枚取ってきてちょうだい」とすると娘がうなずき、草の茎を口にくわえたまま「ええ」と言って、足早に少し両腕をふりながらホテルに戻っていった。

「うちの娘、綺麗でしょ // «Принеси-ка мне что-нибудь накинуть на плечи» – попросила она, и девочка, кивнув, не вынимая стебелька из рта, бросила «Хорошо!» и размахивая руками побежала к отелю. «Красавица у нас дочка!.. [18, В. Набоков, пер. М. Вакасимы «Защита Лужина» 1999]

Правда, в некоторых контекстах, как подчёркивает Л. Танака, говорящий может и манипулировать таким согласием на фундаментальном уров-



не, если угодно, единством взглядов, чтобы под покровом внешнего стремления к гармоничному общению уклониться от акцепта просьбы или уйти от признания в ответе на прямой вопрос:

「あなたは、それを知ってたの？」市山は、ルミから目をそらして、「ええ」と言った。// *«И ты знал об этом?» Итияма отвёл глаза от Руми: «Да, верно»* [18, Дз. Акагава «Великолепные сыщики» 1984]

В имеющихся случаях ответа на директив также создаётся ощущение скорее «внутреннего согласия», чем «безоговорочного подчинения»:

「もう、出よう。遅いよ」「ええ」と、言って... // *«Пойдём уже, опоздаем же!» «Да, конечно»* [18, К. Накадзава «Чувство моря» 1978], ср. то же с сугестивом:

「そうそう。安宅先生がいっちゃってるわよ。ご挨拶してきたら？」「えー」  
「応接間。お兄ちゃまといるから。お邪魔にならないようにね」// *«Кстати, доктор Атака уже здесь. Может, пойдёшь поздороваешься» «Да, конечно» «В гостиной. Они там с братом. Постарайся не мешать!»* [18, Э. Аояма «История поцелуев, которая начинается от любви» 1993]

Случаи, где *ее* используются для согласия с суждением, наводят на мысль, что отвечающий, внешне не противореча собеседнику, вовсе не обязательно готов полностью согласиться с ним. Это видно из примера:

心情描写など書きすぎる傾向がある。要らない、削れと言うことが多い。ひとみさんは「えー」と言いながらも「そうかー」と耳を傾けた。文章を書くことによって自分の存在意義を探る娘。// *...Вы склонны слишком подробно описывать душевные состояния. Часто это бывает ненужно». Хитоми ответила: «Да-да», – но сама прислушалась повнимательнее: «Ах вот оно что!»* *Писать для этой девушки означало поиск смысла своего существования* [18, газета «Нисин-Симбун» 15. 02. 2004]

Соответствует направленности высказывания и сопровождающая его жестикация, отражаемая в ремарках, – лёгкая улыбка, полупоклон. Везде в подобных контекстах употребить *hai* породило бы эффект чрезмерного «вставания во фрунт», рвякающего, резкого языка. Но использующий *ее* коммуникант вовсе не стремится к гармонии общения любой ценой. Скорее наоборот, как мы увидели, он более независим, поскольку не ангажируется на выполнение воли собеседника, оставаясь притом корректен и доброжелателен – впрочем, не более того. Так, в ответ на Критику, Претензию *hai* звучало бы просто как грубость:

松淵 (売春地帯) は、駄目かよ「ええ」と、彼は硬い表情で応えた。// *«А что, в борделях Мацубути нельзя поискать?» «Так и есть» – ответил он с каменным лицом.* [18, Т. Масанобу «Китобои» 1997]

Пример ниже демонстрирует ещё одно свойство, сближающее *ее* с *ин* – в чём-то пассивное отношение отвечающего к предмету обсуждения:

感情を満たすことで、人間関係を円滑に進める作用もあります。ただし、ただ「ウン」  
「ええ」と受け身になるだけの姿勢をいうのではありません。// *«Щадить чувства людей – значит строить хорошие отношения с ними. Но это не значит, что*

нужно лишь пассивно соглашаться с ними: «ага», мол, да «угу» [18, О. Мукуноки «Укрепляем память за 30 секунд» 2002]

Добавить к перечислению *hai* здесь было бы неестественно, и из следующего примера можно предположить, почему. Откликаясь как на приказ на целостное суждение или побуждение собеседника, коммуникант возлагает и на него часть ответственности за ведение словесного обмена, что может прозвучать в известном смысле даже требовательно, – тогда как *ип* и *ее* лишь фиксируют внимание и сочувствие к собеседнику, не накладывая при этом на него никаких особых обязательств:

「そうか...」 「ええ」と、靖子は背いて、「弥生の父親は、弓削春夫先生だったんです」 // «Так вот оно что!» «Ну да» (*hai* дало бы эффект: «вот-вот», мол, «и что вы теперь намерены предпринять»?) Ясуко кивнула и продолжила: «Дело в том, что отцом Яёи был учитель Харуо Юэ» [18, Дз. Акагава «45 свершений трёхцветного Холмса» 2001]

## 5.5. Особенности прагматики коммуникатива *soo*

Лишь переходя к коммуникативу *soo*, мы наконец встречаем единицу, с помощью которой можно ясно выразить согласие с суждением собеседника. Этимологически происходящее от омонимичного местоименного наречия со значением «так» (точнее, речь идёт о компрессии предложения, где оно оформлено связкой *desu/da* с возможным дополнением коммуникативных частиц *na/ne*), *soo* может использоваться как для подтверждения фактивности пропозиции в вопросе, так и для солидаризации с суждением собеседника. Другое дело, что данное выражение налагает значительные ограничения на статус говорящего, который должен быть в неформальных, близких отношениях с адресатом.

Каноническая ситуация употребления *soo* – инференционный вопрос, догадка собеседника, с которой с силой, с энтузиазмом солидаризируется говорящий. Во многих примерах за коммуникативом следуют выражения *tashika = определённо, sono toori = именно так, soo da = верно*. Следует признать, что *soo* не только этимологически, но и функционально близко к выражениям последнего типа, однако в данном случае, выделяя его, мы руководствуемся формально-синтаксическим критерием выделения коммуникативов как не имеющих возможности быть встроенными в синтаксическую структуру предложения. Кроме того, примеры совместного использования говорят о возможности существования иерархических отношений между данными выражениями.

Частотно *soo* в ответах на уточняющие вопросы типа «идёт ли речь о том-то и том-то» с конструкциями ... *koto / wake (desu) ka*:

それで奥さん、すっかり減入っちゃったらしくて...」 「いちじくのことか」 「そう」 「あんなの迷信だ。気にするなって、行ってやれよ」 // «Так жена совершенно рас-

строилась» *«В смысле, из-за инжира?» «Ну да!» «Это всё предрассудок. Не надо обращать внимания, вы бы сказали ей»* [18, М. Сайто «Поломанная расчёска» 1988]

「ここをくぐり抜けるわけですね？」と私は訊いてみた。「そう」と男は言った。そしてそれ以上の何の説明を加えることもなくどンドン滝の方に進んで、// *«Имеется в виду, что тут нужно подлезть?» – спросил я. «Ага» – ответил он. И, не объясняя больше ничего, удалился к водопаду* [18, Х. Мураками «Страна чудес без тормозов и конец света» 1985]

Примеры употребления в Признании не показывают такого самоустранения, как в *ее*. Говорящий понимает, что собеседник сочувствует ему, заодно с ним, и ожидает понимания и помощи. Конечно, при таком раскладе «холодные» реакции невозможны, то есть *soo* (в отличие даже от развёрнутых своих «родственников») – не этикетно:

弟にはもう?」「お会いしました」「犬にもね」とキリエが口をささむ。「そう」といって彼女はほほえみ、また会釈をして階段を離れていった。// *«С братом-то уже...?» «Да, виделась» «И с собакой, поди?» – вернула словечко Кириэ. «А то!» – она улыбнулась, кивнула и направилась к лестнице.* [18, Я. Цухара «Добро пожаловать в снежный дворец» 1995]

Имеются случаи, когда второй коммуникант присоединяется к проблемному вопросу, заданному первым, или к его призыву:

「なぜ?って、私の世界ではそう考えるのよ」 私が目をそらしがちにして言うと、「そう、どうしてかな? 誰かと空間をともにするってことは、何かを助け合える気がして...」// *«В моём мире тоже задаются вопросом: а почему, собственно?» Я говорил нерешительно, отводя глаза, но он подхватил мою мысль: «Вот-вот, почему, интересно? Ведь, живя вместе, мы вроде бы должны помогать друг другу...»* [18, К. Юи «Путешествие в мечтах» 2005]

「さあ見てごらん。ここにあるよ。目を開けて見てみよう」「そう、もっとしっかり目を開いて。ここだよ、ここ」// *«Ну-ка, посмотрим. Вот здесь! Давайте-ка хорошенько разуем глаза и взглядимся!» «Да, да, ещё внимательнее взглядимся, разуем глаза! Вот сюда»* [18, Т. Итикава «Иду к тебе» 2003]

## 5.6. Прагматика коммуникативов *haa* и *aa*

Коммуникатив *haa* имеет омоним – ономатоп, изображающий звук вздоха и получающий расширение справа на артикуляционный глагол *tameiki-o tsuku* = *вздохнуть*. Его в данной работе мы не касаемся, равно как и *haa* удивления (отличается повышением тона из нижней точки), хотя возможна трактовка, по которой по крайней мере с последней единицей *haa* согласия (понижательный тон) образует единый континуум.

Интересующее нас *haa* согласия, вероятно, можно также рассматривать и как производный фонетический вариант *hai*, от которого данную единицу отличает прежде всего психологическое состояние говорящего – ответ даёт-

ся менее собранно (и меньше подходит для формальных, служебных речевых ситуаций), без энтузиазма, реакция неопределённая (曖昧に), растерянная, вялая, и уклончивая, как подтверждают и ремарки (например, 不得要領な = *невыразительный*). Указанные нюансы сопровождают употребление в речевых актах подтверждения приёма сигнала (перед ответом на вопрос), отклика (на обращение), признания, характерных и для *hai*. Но в отличие от чёткого, собранного *hai*, здесь говорящему ещё самому неясно, что следует ответить. Подтверждение в ответ на инференционный вопрос может сопровождаться оговорками. Акцепт директива звучит как неохотный. В целом речевое действие осмысливается как минимальное, недостаточное:

一緒に食べに行こう。抜群にうまい料理を出してくれる店だから。きつと氣にいるよ」**はあ**、と私は言い、他に応えようがなかったので、黙ってコーヒーを飲んだ。// «*Давай вместе ходим в этот ресторан. Вкусно там – такого нигде больше не найдёшь! Тебе наверняка понравится!*» – *Ага... И поскольку мне больше ничего не оставалось сказать, я просто сидел и пил кофе.* [18, М. Коикэ «Любовь» 1995]

Безынициативная реакция такого рода фактически сводится к поддакиванию – «айдзути»:

「キャプテン・クックによってハワイが発見されたのは一七七八年」**はあ**、と答えると、叔父はどんどん続けた。「三年後、ハーシェルによって天王星が発見される // «*Гавайи открыл капитан Кук в 1778 году*» Я откликнулся: **ага!** так что отец продолжал, уже не останавливаясь: «*Через три года был открыт Уран...*» [18, Х. Каваками «Господи боже» 2001]

Нюанс растерянности может быть использован говорящим для этикетных целей, например, для того, чтобы разыграть неожиданность благодеяния, – после чего следует благодарность (*hai* дало бы понять, что действие собеседника принимается как должное), выражаемая или эксплицитным *arigatai*, или недоговоркой типа *dooto...*

Ещё более безвольной, вялой рисуется реплика с *aa* – в ремарках видим выражения 力のない声で答えた = *ответил слабым голосом*, 弱々しく相槌を打った = *слабо поддакнул*, 照れた = *засмутился*, あいまいな返事 = *расплывчатый ответ*. Согласие в этом случае даётся либо неохотно, медленно, как бы в раздумьях, либо в растерянности перед нажимом со стороны собеседника:

「そのう...下島のほうに篤郎さんという人がおったでしょう」「**ああ**」と、大江は思い当たったように頷いた。「死んだ兄貴のちょっと上の」「*созвучно*。// «*У этой Симодзимы же был какой-то Ацуо, верно?*» «*Угу*», – *Оэ закивал, как будто сам только что додумался об этом: «Который чуть постарше её старшего брата»* «*Вот-вот...*» [18, Ф. Оно «Остров Курохокора» 2004], ср.:

「必ず通しますよ、あの議案」劉輝の表情が引き締まる。「**ああ**」と彼は言い切った。// «*Вот увидите, он обязательно пройдёт, этот проект!*» *Лицо Лю Гуя стало строгим, напряжённым.* «*Угу*», – *только и сказал он.* [18, С. Юкино «История страны Сайункоку» 2004]

Выше мы вроде бы видим случай согласия с суждением, но насколько меньше в этом согласии уверенности, чем в случае с *soo!* О зыбкости позиции говорящего в ответе с *aa* говорит и его поведение:

「外れた」と、せつらは娘の肩をそっと叩いた。「本当に!？」「ああ」と答えて娘に背を向け、せつらは裏口から家へ入った。// *«Не получилось», – Сэцура легонько похлопал дочь по плечу. «Неужели правда?!» «Угу», – откликнулся он и, повернувшись к ней спиной, пошёл в дом.* [18, Х. Кикиuti «Адский блюз» 1996] (такое вряд ли возможно после ответа с *hai* или *ee*)

В полную противоположность *soo*, здесь говорящий, как видно из контекста, отказывается поддержать настрой собеседника, развить его мысль, так что обмен репликами на этом и заканчивается:

ルネと視線をあわせ、「あの娘には敵も味方もないらしいや」といって笑ったが、「ああ」とルネも応じた。「女だからな」しばらく俊市は窓枠に頬づえをつきながら戦闘をぼんやりと // *Встретившись взглядом с Рене, он с улыбкой проговорил: «А вот для неё нет ни своих, ни врагов!» Но Рене только и сказал что «угу», а потом добавил: «женщина, что вы хотите». Сюньити ещё некоторое время смотрел из окна на битву, подперев щеку рукой* [18, К. Маки «Салют созвездию дельфина» 1997]

Такие особенности смысла высказывания с данным коммуникативом коррелируют и со смежными вариантами его употребления как самопроизвольного возгласа от удивления, растерянности:

宮殿に参内する人間ではないということだ。「ああ」と、ダルタニヤンは声に出した。唐突な独り言に小心な従者は狼狽の目を向けた // *Этот человек вряд ли вхож во дворец. Д'Артаньян невольно воскликнул: «Ага!» и тут же поймал на себе хитрые взгляды осторожных придворных, привлечённые неожиданно вырвавшимся возгласом.* [18, К. Сато «Два гасконца» 2001]

Провести чёткую границу между случаями употребления *aa* для подтверждения / согласия и удивления / растерянности вряд ли возможно.

Конечно, такие ответы будет часто восприниматься собеседниками как недостаточные о чём свидетельствует наличие в ремарках фраз с ограничительными частицами. Как нарушающие постулат количества Грайса они звучат грубо (ぶっきらぼうに). Комментарийный текст содержит и указания на синонимические отношения *haa* и *aa* с коммуникативами смежных классов, регистрирующими приём сигнала или выражающими удивление: *soo ka = вот как?* и *shikashi = однако!* Это также указывает на определённую неполноту их как выражений согласия.

## 5.7. Семантико-прагматические особенности редупликатов

Развитие смысла при редупликации коммуникативов представляет собой чрезвычайно интересное явление в языках разных типов. Как вновь показывают примеры употребления удвоенных вариантов коммуникативов

согласия в японском языке, далеко не всегда при этом происходит просто экстенсивное усиление исходного значения, хотя более яркая по сравнению с исходными вариантами диверсификация значений позволяет говорить и о развитии именно характерных, отличительных сем исходных вариантов.

Так, в случае *hahaa* ← *haa* можно говорить о более глубоком, вдумчивом способе регистрации сообщения, «следующем шаге» в «растерянном», «неторопливом» восприятии, что иконически изображается добавлением слога:

そういう事情は警察関係者なんかでないと判らないことだろう。女は「ははあ」とうなずいた。「それでさっきから怪訝な顔してたわけね。// *«По одному этому уже понятно, что перед вами не полицейский, правда же?» Женщина кивала: «Ага, ага». «К тому же он уже давно тут ошивается... [18, К. Ямамото «Бэд блад» 1997]*

По сравнению с некончателным, неуверенным восприятием, передаваемым односложным коммуникативом, «следующий шаг» может оказаться достаточным, чтобы привести к ясной догадке или послушанию:

柿の木の上にはいたやつが器用に降りてきた。ははあ、とぼくは理解した。あいつは、ぼくの家の近所に住んでいる三田だ。// *Человек ловко спустился с хурмы. Ага, – догадался я. Это же сосед, Мита. [18, А. Такаити «Имидж-тренинг. 10-дневный курс» 2003], ср. тжж. :*

小泉さんは、ブッシュのやっていることに、「ごもっともです。ははあ」と従っているだけです。// *Койдзуми соглашается со всем, что говорит Буш: «Вы правы, да-да!» [18, сайт полезных советов «Яху» 2005]*

Аналогично удвоение *in-in* ← *in* не просто изображает более активную, энергичную поддержку слушающим звучащего высказывания (в ремарочном тексте видим *大きくうなずいた, 深くうなずいた = глубоко кивнула, しみじみうなずく = энергично кивает, даже盛り上がってしまった = вдруг пришёл в возбуждение*), но используется при более веском согласии (с суждением), подтверждении фактов, принятии гипотезы, о чём говорят ремарки *納得したかのような表情を見せた = с видом полностью согласного, わかった顔をする = изображая всем своим видом понимание*. Если при одиночном *in* субъект в целом следует доводам говорящего, но активно не вовлекается в рассуждение, то с редупликатом его участие становится более активным и заметным, хотя и здесь сохраняется различие с *hai*, когда слушающий как бы отмечает про себя этапы развития мысли, воспринимает сказанное структурированно, поэтапно.

То же видим в реакции на директивы:

もつと座頭市らしく「うん、うん」と榊原はうなづいて、その演技をやると、おかみか上手に褒める。// *Давай, давай, больше как слепой странник Затойчи!» «Да, да» – Сакакибара кивает и старается изо всех сил, и тогда его лицедейство удостаивается умелых комплиментов хозяйки [18, С. Маруя «Женщина в расцвете лет» 1993]*

Гораздо больше энтузиазма, чем нередуплицированный вариант, передаёт *in-in* при принятии приглашения, предложения услуги.

И тем не менее, поскольку речь идёт лишь о кратких словах-репликах, даже удвоенный вариант в определённых ситуациях будет восприниматься как недостаточный, неискренний:

京子は児童福祉司の前では一応言われるごとに「うん、うん」とうなずいてみせるが、学園に戻ると「なんで私があんな人の言うこときかなきゃなんねー// *Перед социальным работником Кэйко выказывает согласие, всё кивает: да, да! – но вернувшись в садик, не понимает, почему она должна слушаться этих людей* [18, «Обзор детских учреждений и приютов» 1992]

競馬中継中に話しかけても、空返事で、「うん、うん」というくらいしか、反応がない。あまりに私達兄弟がしつこいと、ギロツ!と一睨みする // *Во время скачек заговоришь с ним – отвечает машинально: ага, ага! Больше ничего от него не добьёшься. Если мы с братом уж слишком надоедаем – глянет так строго...* [18, М. Токумицу «Жизнь Кадзую Токумицу» 2003]

При этом может происходить даже не усиление, а ослабление согласия (если сравнить с употреблением нередуплицированного слова):

時々「タレにしますか、塩にしますか」と聞かれることがあります。父親は、それにもニコニコ笑って「うんうん」と返事します。「オア (o r)」で聞かれているのに、「イエス」で答えているのです。// *Но иногда, когда его спрашивают, со сладкой подливкой подать блюдо или с солёной, отец, улыбаясь, отвечает: да, да. То есть, его спрашивают «или-или», а он – «да»!* [18, А. Накатани «Жуть какой милый» 2004]

На данный эффект указывает и упоминание жестикуляции в комментарийном тексте, где, в частности, упоминается о поддакивании 腕を組んで = *сложив на груди руки* (жест защиты и самоустранения, никоим образом не участвующий на заинтересованное участие с дискуссии). Во всех таких случаях, конечно, высвечивается исходный смысл коммуникатива, передающего вовсе не согласие (и тем более – послушание) субъекта, а лишь регистрацию входящего сигнала.

Ещё более заметный контраст с нередуплицированным вариантом составляет импликатура, возникающая при употреблении *haihai* ← *hai*. Для выражения согласия такая реакция слишком поверхностна. Анализ примеров показывает, что, поддакивая собеседнику, слушающий пропускает мимо ушей даже больше, чем в случае *in-in*. Это уже не исполнительность, а незадумчивость, безразличие:

並の打者なら、一軍に置いてくれるならコーチの言うことは何でもはいはいと聞く。組織にいとそういうことに知らないうちに慣らされてしまう。これが怖い // *Обычный бейсболист, если его поставить на ключевую позицию, будет во всём покорно слушаться тренера. Вообще это всегда возникает при работе в структуре, в команде, и это страшно.* [18, М. Кодама «Уроки профессионала: Итиро Мацуи» 2004]

先生たちがにこやかに「はいはい」と言われるままにしてくれたのを見届けると、安心したように再び「さよなら」をして廊下... // *Убедившись, что от учителей никакой реакции кроме улыбок и «хорошо, хорошо» не последует, он вышел в*

коридор, ещё раз попрощался... [18, Ю. Кирю «Чему я научилась у сына-аутиста» 2001]

Так отвечают на Наказ (субъекту реакции отлично известно его содержание), Просьбу (когда спешат отделаться):

日本では普通、ろくに口もきけない幼い子が親にお菓子をおねだりしたら、「はいはい」と与えるか、「だめ」と諭すかどちらかで“please”や“thank you”を...  
... // В Японии, если плохо умеющий говорить ребёнок выпрашивает сладкое, ему просто либо дают её, сказав «да-да», либо не дают, и тогда звучит «нельзя», но ни «пожалуйста», ни «спасибо» сказать не требуют [18, М. Нютани «Как красиво говорить по-японски» 2005]

В ответе с *haihai* на предложение (услуги), приглашение сквозит легковесность, невнимательность, нахальность (ремарки 本気にしていない様子で = как будто о чём-то само собой разумеющемся, うるさい子どもをなだめるような顔で = как будто утихомиривая пристающего ребёнка, 軽く返し = легко откликнулся, 生返事 = нахальный ответ). Отсутствие вербализованной благодарности в дальнейшем речении за предложенную и переданную вещь тоже, конечно, не может не покорибить слушателя. Новые нотки, отсутствовавшие в *hai*, – усталость, раздражение отражаются в ремарках ため息混じりに = со вздохом. В потоке речи за *haihai* часто следует わかった = я понял.

Как мы видели в примерах выше, удвоение коммуникатива обычно несёт функцию энергичного подстёгивания дискурса. Правда, с точки зрения управления очерёдностью высказываний функционал редупликатов разнится. Если *soosoo* ← *soo* попутно с выражением воодушевлённого согласия вполне может использоваться для захвата очереди, а *in-in* при самой доброжелательной солидарности с говоримым поощрении остаётся строго в рамках канала обратной связи, поощряющего собеседника продолжать, то *haihai*, собственно говоря, и не преследуя цель перехватить канал, тем не менее подгоняет собеседника к окончанию сообщения (раз содержание его уже известно).

教師の敵は教師。あまりの言葉に私は絶句しましたが、多くの先生方も「そう、そう！」とうなずく。それほど、教師は同僚との人間関係に悩んでいるのです。// Учитель учителю – враг! На такое радикальное заявление я лично даже не знал как реагировать, но многие педагоги закивали: да, да, да! Вот насколько они натерпелись от своих коллег! [18, Ё. Моротоми «С родителями сложнее, чем с детьми» 2002].

Некоторые устойчивые стереотипы употребления в речи редупликатов коммуникативов носят, по-видимому, идиосинкратический характер. Так, например, *soosoo* используется перед тем, как озвучить (пока не поздно) чуть было не забытое, невольно вспомнившееся, как правило, в инициативных (если не считать внутреннего внеязыкового стимула) Распоряжениях, Наказах, а *haihai* – для того, что всплывает в памяти под воздействием слов собеседника и сопровождается, таким образом, реактивное высказывание (с высокого тона).



Возможно образование и более длинных цепочек из повторов одиночного коммуникатива. Некоторые из них также передают специфические смыслы. Например, *soosooso* (тон нисходящий к концу с высокого старта) используется для поддержки и ободрения всего хода мысли собеседника. В ситуации близкой к упомянутой применительно к *haihai*, допустимы триплет и квадруплет. Многократное повторение *un* передаёт особенный энтузиазм реакции на предложение или приглашение.

Среди производных вариантов коммуникативов согласия нельзя не отметить *haai*, произносимое ровным, довольно низким тоном. Данный вид реакции чрезвычайно распространился в последние десятилетия в первую очередь среди молодёжи и воспринимается как своего рода облегчённый, немного пародийный вариант *hai*. В отличие от исходного слова, он не осложнён оттенком строгого подчинения и официальности и в силу этого позволяет даже незнакомым японцам в полуигровой форме уклониться от сильного общественного давления, не в последнюю очередь связанного и с речевыми конвенциями. Такого рода проявления «положительной вежливости» с переосмыслением старых «жестких» элементов общения наблюдаются и помимо данного явления, например, в полушутливом использовании в фамильярной речи этикетных формул, насыщенных показателями адрессива и гонорификации, чья изначальная задача – маркировать социальную дистанцию.

## 5.8. Сравнение японских коммуникативов согласия. Общие выводы

Проведённый выше анализ корпусных данных в целом подтверждает наблюдения о сфере употребления некоторых коммуникативов согласия в японском языке, приводимые в работе [9]. Как и авторы упомянутого исследования, мы убедились, что с точки зрения возможных контекстов использования базовой из шести лексем является *hai*, которое может и сигнализировать приём сигнала, и подтверждать истинность пропозиции высказывания собеседника, и оценивать успешность речевого акта. Однако, как показали наши данные, *hai* всё же не является универсальной утвердительной лексемой как минимум по двум причинам: низкая частотность в неформальном общении и затруднительность обозначения солидаризации с суждением собеседника.

Активно используя помимо доступного из контекста анализа речевых ситуаций также и текст ремарок и комментариев, окружающих цитаты с коммуникативами, мы установили их основные семантические профили как «собранность», «подчинение» для *hai*, «лёгкость», «подакивание» для *un*, «доброжелательность», «гармонию» для *ee*, «поддержку», «единомыслие» для *soo*, «растерянность», «раздумья», «уклончивость» для *haa* и *aa*.

Как было показано, данные отличительные черты получают дальнейшее развитие и закрепление в производных редупликативных вариантах коммуникативов. В качестве другой важной семантико-прагматической особенности редупликатов мы выявили их роль в стимулировании продвижения дискурса.

На наш взгляд, с оговоркой о значительной вариативности реальной речевой практики можно говорить о преимущественном употреблении того или иного коммуникатива и в определённых видах речевых ситуаций (скажем, *hai* и в формальном общении, а *soo* и *haihai* в неформальном), и в стандартных речеактовых последовательностях. Так, *hai* лучше других подходит для акцепта реквестива, *un* для регистрации входящего сообщения, согласия на предложение, *ee* для совместного рассуждения как формы диалога и способа приращения знаний, особенно ценимого в японской лингвокультуре, *soo* для выражения фактической достоверности или единства взглядов. Вообще выявившиеся в процессе исследования весьма ограниченные возможности выразить одним словом-репликой на японском согласие с суждением, вероятно, связаны, с одной стороны, с тем, что такие сжатые, синтетические единицы, как коммуникативы и междометия, в принципе не очень-то подходят для выражения мыслительных операций [3]. Однако, с другой стороны, налицо и социолингвистический фактор: с учётом требований к неформальности ситуации употребления *soo*, получается, что незнакомые взрослые носители японского языка ограничены в возможности кратко и ёмко высказать своё отношение к суждению.

Как анализ отдельных ситуаций, так и эксплицитные упоминания синонимических отношений указывают на существование непрерывного континуума между выражениями согласия, переспроса и принятия новой информации. Притом что само такое деление всегда в известной мере искусственно и вызвано скорее методологическими соображениями, мы полагаем полезным продолжить изучение их по отдельности. По этой причине на сей раз остались вне поля нашего зрения, а в будущем заслуживают отдельного исследования такие выражения (допускающие трактовку и как согласие, и как удивление), как *naruhodo*, *hoo* и пр.

## Библиографический список к главе 5

1. Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлеская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. Т. I-II. – М.: «Наталис», 2008. – 968 с.
2. Горохова Т.Н. Контактподдерживающие слова в японском бытовом диалоге: дисс... канд. филол. наук. – М., 2011. – 199 с.
3. Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. – М.: Дело, 2002. – 480 с.

4. Крнета Н. Мужская и женская речь в современном японском языке автореф. дисс... канд. филол. наук. – М., 2003. – 26 с.
5. Мамушкина С.Ю. Семантика и прагматика междометий в современном английском языке: автореф. дисс... канд. филол. наук. – Самара, 2003. – 28 с.
6. Ускова Е.А. Просодия коммуникативов согласия и несогласия при двуязычии: автореф. дисс... канд. филол. наук. – Волгоград, 2011. – 27 с.
7. Шаронов И.А. Междометия в языке, в тексте и в коммуникации: автореф. дисс... докт. филол. наук. – М., 2009. – 38 с.
8. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – 469 с.
9. Angles J., Nagatomi A., Nakayama M. (2000) Japanese responses *hai*, *ee*, and *un*: Yes, no, and beyond. *Language and Communication* 20: 55-86.
10. Grice H.P. Logic and conversation. In: «Syntax and semantics», v. 3, ed. by P. Cole and J.L. Morgan, N.Y., Academic Press, 1975, p. 41-58
11. Kitagawa, Chisato (1980) Saying 'yes' in Japanese. *Journal of Pragmatics* 4: pp. 105-120.
12. Martin S.E. (1975) *A Reference Grammar of Japanese*. Yale UP, London.
13. Sacks H., Schegloff E., Jefferson G. (1974) A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation. *Language* 50-4: 696-735.
14. Tanaka L. (2010) Is formality relevant? Japanese tokens *hai*, *ee* and *un*. *Pragmatics* 20:2. p. 191-211
15. Yabushita K. Why Do Japanese *Hai* and *Iie* Not Behave Like English *Yes* and *No* All the Way? Consequences of the Non-Sentential Operation of the Japanese Negative Morpheme *Nai*. *Kansas working papers in linguistics*, Vol. 23, No. 1, 1998. pp. 59-74 [Электронный ресурс]. URL: <http://kuscholarworks.ku.edu/handle/1808/342> (дата обращения: 28.08.2015)
16. 奥津敬一郎。「応答詞「はい」と「いいえ」の機能」『日本語学』(奥津, К. «Функции ДА и НЕТ» // «Японской язык»). № 8, 1989. С. 4-14
17. 富樫純一。「「はい」と「うん」の関係をめぐって」定延利之(編)『「うん」と「そう」の言語学』ひつじ書房(Тогаши Дз. «О словах ХАЙ и УН» // «Лингвистика АГА и УГУ», ред. Т. Саданобу, Токио, Хицудзи-сёбо) 2002. С. 127-157.
18. 現代日本語書き言葉平均コーパス (Взвешенный корпус письменных источников современного японского языка) [Электронный ресурс]. URL: [www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search\\_form](http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form) (дата обращения: 18.07.2015).

## СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ

---

Гореликов С.Н. в своей работе «Природа термина и некоторые особенности терминообразования в английском языке» отмечает, что в настоящее время, «как правило, исследуются не языки вообще, а входящие в их состав функциональные стили, которые выполняют разные конкретные функции общения между людьми» [5, с. 23]. В данной работе предпринята попытка провести собственный комплексный анализ переводческих трансформаций, задействованных при переводе текстов научного содержания, а также выделить и дать определение чертам научного текста.

### 6.1. Общая характеристика функциональных стилей языка

Функциональные стили – система выразительных средств, характерных для особой сферы коммуникации. Функциональный стиль не тождественен понятию сферы коммуникации, т.к. один и тот же функциональный стиль может использоваться как в устной, так и в письменной форме коммуникации. Например: научный стиль (устно и письменно) – диплом, курсовая, лекция.

Классификация функциональных стилей:

- 1) формальный язык (литература, пресса, ораторское выступление, официальный разговор – этот тип коммуникации представляет собой монолог, заранее продуманный и подготовленный);
- 2) неформальный язык.

Формальный стиль делится на 4 группы:

- 1) стиль научной литературы;
- 2) официальный стиль;
- 3) газетный стиль;
- 4) публицистический стиль [3, с. 42].

Научный стиль – разновидность национального литературного языка, главной целью которого является доказательство неких научных изысканий, что предопределяет выбор лексических и грамматических средств. Особенности научного стиля являются использование слова в прямом денотативном значении, использование научных терминов и латинских аббревиатур (cf = confere, e.g. = exempli gratia). Грамматические особенности научного стиля – использование определенной системы соединительных элементов (however, as a result, in connection with).

Официальный стиль – разновидность национального языка, используемый в дипломатических соглашениях, официальных документах, военных предписаниях, коммерческой корреспонденции. Главная функция – достижение понимания или соглашения между сторонами, которые принимают участие в процессе общения. В официальном стиле существует определенный набор клише: *We beg to inform you, on behalf of, provided that*. У всех разновидностей официального стиля есть своя особая лексика и фразеология, куда входят латинские и французские слова и выражения (*mutatis mutandis*). Слова используются в прямом значении. Многие эмоционально окрашенные слова в официальном стиле представляют собой вежливые формы обращения, отказа, одобрения, заключения. Свою эмоциональную функцию они теряют (*to have the honour, to be pleased*). Для официального стиля характерны длинные, сложные предложения.

Газетный стиль делится на 2 группы: 1) стиль коротких статей новостей, заголовков, объявлений, 2) стиль коммюнике и статьи на различные темы. Газетные заголовки выражают основную идею. В заголовках часто опускаются артикли и глаголы-связки: *Professor kills city, 40.000 homeless*. Колонки новостей – отсутствие эмоциональной лексики, т.к. она выражает субъективную оценку автора.

Публицистический стиль – письменный (включая стиль газетных изданий, эссе и статей) и устный (ораторский стиль). Публицистический стиль характеризуется субъективным оценочным отношением к обсуждаемому предмету – влияние на читателя и достижение, таким образом, желаемой реакции. Функция газетного стиля – оценка и обсуждение фактов, которые представлены в кратких статьях. Газетные статьи делятся на: передовицы, критические, фельетон. Особенность газетной статьи – использование эмоционально окрашенных слов (*vital importance, dark & dirty political deeds*).

Ораторский стиль характерен для речей, стиль которых создает изысканный характер. Цель – убедить слушателя в правоте чьих-то соображений, иногда подвигнуть к действию. Стилистические приемы в ораторском стиле: повторение, параллельные конструкции, риторические вопросы. Также используются формы обращения: *My Lords, Ladies & Gentlemen, Honorable members of the house*.

Разговорный стиль используется в повседневном двухстороннем общении, выразительность высказывания дополняется интонацией и жестами, используются сложные предложения – в основном бессоюзное соединение придаточных предложений (*There're a few little things my wife just sent over*). Для разговорного стиля характерны эллиптические предложения. Часто опускаются подлежащие, *linking verbs*, вспомогательные глаголы аналитических временных форм. Лексические особенности: использование жестикуляции делает выбор слов менее важным, чем в др. стилях, поэтому словарный запас слов менее разнообразен. Слова часто используются в разных

семантических функциях, обретая т.о. очень общие значения, например: business, way, affair, thing и т.п. Часто используются глаголы: be, go, get, do, fix, have, make, put, take, etc. Эмоции выражаются разного рода гиперболами: Thx a lot, I told her. Thx a million [10, с. 22].

### 6.1.1. Понятие научного стиля

Научный стиль речи является средством общения в области науки и учебно-научной деятельности. Он предназначен для передачи научной информации в подготовленной и заинтересованной аудитории.

Главные черты научного стиля: отвлеченность и обобщенность, подчеркнутая логичность, терминологичность.

Второстепенные черты: смысловая точность, однозначность, объективность, стандартность, краткость, ясность, строгость, безличность, не категоричность, оценочность, образность.

Научный стиль принадлежит к числу книжных стилей, обладающих общими условиями функционирования и схожими языковыми особенностями, среди которых:

- предварительное обдумывание высказывания,
- монологический характер речи,
- строгий отбор языковых средств,
- стремление к нормированной речи.

Появление и развитие научного стиля связано с прогрессом научных знаний в различных областях жизни и деятельности природы и человека. Первоначально научное изложение было приближено к стилю художественного повествования (эмоциональное восприятие явлений в научных трудах Пифагора, Платона и Лукреция). Создание в греческом языке, распространившем свое влияние на весь культурный мир, устойчивой научной терминологии привело к отделению научного стиля от художественного (александрийский период).

Научный стиль речи имеет разновидности (подстили):

- собственно научный,
- научно-технический (производственно-технический),
- научно-информативный,
- научно-справочный,
- учебно-научный,
- научно-популярный.

Реализуясь в письменной и устной форме общения, современный научный стиль имеет различные жанры, виды текстов:

- учебник;
- справочник;
- аннотация;
- реферат;

- научная статья;
- монография;
- диссертация;
- лекция;
- доклад;
- конспект;
- тезисы;
- резюме;
- рецензия;
- отзыв.

Учебно-научная речь реализуется в следующих жанрах:

- сообщение;
- ответ (устный ответ, ответ-анализ, ответ-обобщение, ответ-группировка);
- рассуждение;
- языковой пример;
- объяснение (объяснение-пояснение, объяснение-толкование) [9, с. 104].

Многообразие видов научного стиля речи базируется на внутреннем единстве и наличии общих внеязыковых и собственно лингвистических свойств этого вида речевой деятельности, которые проявляются даже независимо от характера наук (естественных, точных, гуманитарных) и собственно жанровых различий.

Сфера научного общения отличается тем, что в ней преследуется цель наиболее точного, логичного, однозначного выражения мысли. Главнейшей формой мышления в области науки оказывается понятие, динамика мышления выражается в суждениях и умозаключениях, которые следуют друг за другом в строгой логической последовательности. Мысль строго аргументирована, подчеркивается логичность рассуждения, в тесной взаимосвязи находятся анализ и синтез. Следовательно, научное мышление принимает обобщенный и абстрагированный характер. Окончательная кристаллизация научной мысли осуществляется во внешней речи, в устных и письменных текстах различных жанров научного стиля, имеющих, как было сказано, общие черты. Общими внеязыковыми свойствами научного стиля речи, его стилевыми чертами, обусловленными абстрактностью (понятийностью) и строгой логичностью мышления, являются:

- Научная тематика текстов.
- Обобщенность, отвлеченность, абстрактность изложения. Почти каждое слово выступает как обозначение общего понятия или абстрактного предмета. Отвлеченно-обобщенный характер речи проявляется в отборе лексического материала (существительные преобладают над глаголами, используются общенаучные термины и слова, глаголы употребляются в определенных временных и личных формах) и особых синтаксических конструкций (неопределенно-личные предложения, пассивные конструкции).
- Логичность изложения. Между частями высказывания имеется упорядоченная система связей, изложение непротиворечиво и последо-

вателью. Это достигается использованием особых синтаксических конструкций и типичных средств межфразовой связи.

- Точность изложения. Достигается использованием однозначных выражений, терминов, слов с ясной лексико-семантической сочетаемостью.
- Доказательность изложения. Рассуждения аргументируют научные гипотезы и положения.
- Объективность изложения. Проявляется в изложении, анализе разных точек зрения на проблему, в сосредоточенности на предмете высказывания и отсутствии субъективизма при передаче содержания, в безличности языкового выражения.
- Насыщенность фактической информацией, что необходимо для доказательности и объективности изложения.

Важнейшая задача научного стиля речи – объяснить причины явлений, сообщить, описать существенные признаки, свойства предмета научного познания. Названные особенности научного стиля находят выражение в его языковых характеристиках и определяют системность собственно языковых средств этого стиля.

Научный стиль речи включает в себя языковые единицы трех типов.

1. Лексические единицы, обладающие функционально-стилевой окраской данного (то есть научного) стиля. Это особые лексические единицы, синтаксические конструкции, морфологические формы.
2. Межстилевые единицы, то есть стилистически нейтральные языковые единицы, используемые в равной мере во всех стилях.
3. Стилистически нейтральные языковые единицы, преимущественно функционирующие именно в данном стиле. Таким образом, стилистически значимым становится их количественное преобладание в данном стиле. Количественно маркированными единицами в научном стиле становятся, прежде всего, некоторые морфологические формы, а также синтаксические конструкции.

#### *6.1.1.1. Место научного стиля среди других функциональных языковых стилей*

Под научной литературой понимают произведения, которые появляются в результате научных исследований, изысканий, теоретических обобщений и разработок и публикуются с целью информировать ученых или специалистов высшей квалификации о последних достижениях науки или просто об исследованиях, независимо от того, дали они практический результат или нет. Предметом содержания научной литературы является сама наука – ее идеи, факты, законы и категории, добытые или открытые учеными в резуль-



тате экспериментов, наблюдений, теоретических изысканий. Основная общественная сфера использования научной литературы – прежде всего сама наука, сфера научной деятельности.

Научный стиль относится к письменно-книжному типу речи (хотя может проявляться и в устной речи в виде докладов, лекций и пр.) и функционирует в определенных условиях. Это, во-первых, преимущественно официальная обстановка, установка на косвенно контактное общение; во-вторых, преобладание письменной формы речи и отсюда предварительная продуманность, намеренность, подготовленность ее и как следствие – тщательность ее оформления.

К основным особенностям плана содержания научного стиля можно отнести строгую определенность рамок предмета высказывания и принципиально объективное отношение к нему. В научной речи главным стилеопределяющим фактором является ее содержательная сторона. Именно содержательной стороной научной речи, коммуникативными требованиями содержания определяется и исконная форма ее существования – письменная (устная форма является здесь вторичной), и ее монологический характер, и принципиальная бес подтекстовая, и ее логическая завершенность. Основными содержательными единицами научной речи, как и логического мышления, являются понятие, суждение и умозаключение.

Таким образом научный стиль, как всякий другой стиль, характеризуется особыми стилеобразующими (или внутри стилевыми) чертами, такими, как: отвлеченно-обобщенный характер, объективность изложения, точность, логичность и в связи с этим часто – безличность изложения.

Становление научного стиля определяется состоянием самой науки. Так, в период феодального строя незначительная дифференциация областей науки, недостаточное развитие литературного языка привели к тому, что в Западной Европе "ученым языком" стал латинский, который долгое время, считаясь языком науки, мешал формированию собственно научного стиля в каждой стране. В разных странах научный стиль складывается в разное время. Оформление и дальнейшее развитие научного стиля определялись состоянием науки в данной стране, развитием литературного языка.

Научный стиль неоднороден по своему составу. Различия между видами научной литературы обусловлены спецификой описываемых объектов. Можно выделить научно-техническую, научно-гуманитарную, научно-естественную литературу с их многочисленными подъязыками: математики, биологии, юриспруденции, экономики и т.д.

Сенкевич М.П. выделяет виды научного стиля и по другому основанию: собственно научный (академический) стиль (монография, статья, научный доклад), научно-информативный или научно-реферативный (вторичные информационные материалы). Выделяется научно-рекламная (промышленная реклама), научно-справочная (справочники, каталоги и др.), учебно-

научная (учебники и учебные пособия для вузов, техникумов, школ), научно-популярная (биография ученых, истории открытий и пр.) литература. Последние два вида едва ли можно отнести к собственно научному функциональному стилю. В первом из них, призванном обучать, излагаются лишь основы наук, что (за исключением учебников для вузов) в значительной мере меняет характер изложения, которое здесь изобилует иллюстративным материалом, сравнениями, примерами, разъяснениями, повторениями и другими дидактическими, методическими и учебно-познавательными приемами.

В научно-популярном виде литературы изложение очень близко к общелитературному, поскольку предмет этого вида литературы тематически ограничен историческим материалом. Научно-популярная литература, основная задача которой – в популярной, доступной и понятной неспециалисту форме ознакомить читателя с научными знаниями, изобилует такими языково-стилистическими характеристиками, которые не представлены в собственно научном стиле. Отличается научно-популярная литература и по отбору материала, системе доказательств, манере изложения и пр.

Основные различия между строго научным изложением и научно-популярным определяются различием отношений между автором и читателем. Адекватность восприятия автором и читателем, их "информативная" однородность в речевом акте научного стиля обязательна, а научно-популярное изложение рассчитано на неоднородность и неадекватность авторского и читательского восприятия: автор (специалист) знает больше читателя (неспециалиста), к которому адресуется. Организация высказывания в том и другом речевом акте поэтому различна.

Жанровое разнообразие научной литературы велико. Это монография, статьи, научные отчеты, описания рекламируемого промышленного объекта, описание изобретений, рефераты, аннотации, технические инструкции и т.д. Кроме того, научный стиль используется и в устной форме. Это доклады, сообщения, выступления, вопросы, реплики в дискуссии, лекции преподавателей и пр. Статьи, в свою очередь, в зависимости от целевого и читательского назначения, структуры и формы изложения, можно разделить на теоретические, научно-технические, научно-методические, историко-научные, дискуссионные, статьи типа передовой, статьи обзорного типа, типа научных докладов, кратких сообщений, писем в редакцию и т.д.

Научный стиль в настоящее время – это обособленная, относительно замкнутая система, характеризующаяся стремлением к стандартизации средств выражения. По степени стандартизации научный стиль уступает место лишь официально-деловому. Например, стандартными являются обороты: речь идет о проблеме, следует заметить, что, данные приводят к следующим выводам, выводы носят предварительный характер, из сказанного ранее вытекает, перейдем к рассмотрению и т.д.

Научная информация может передаваться с помощью так называемого "искусственного" языка – графического. В этой роли выступают: 1) графики, чертежи, рисунки и пр., 2) математические, физические символы и пр., 3) названия химических элементов, математических знаков и пр. [6, с. 110].

Характерной особенностью научного стиля является широкое применение разного рода ссылок, сносок, примечаний, что обусловлено такой чертой научного стиля, как его точность.

Таким образом, научный стиль обладает такими функциональными признаками, как: обобщенно-отвлеченный характер, объективность, логичность, безличность, точность изложения.

### *6.1.1.2. Лексико-грамматические особенности научного стиля речи*

Отвлеченность и обобщенность научной речи проявляются в особенностях функционирования разнообразных грамматических, в частности морфологических единиц, что обнаруживается в выборе категорий и форм, а также степени их частоты в тексте.

Названия понятий в научном стиле преобладают над названием действий, это приводит к меньшему употреблению глаголов и большему употреблению существительных. При использовании глаголов заметна тенденция к их десемантизации, т.е. утрате лексического значения, что отвечает требованию абстрактности, обобщенности научного стиля. Это проявляется в том, что большая часть глаголов в научном стиле функционирует в роли связочных: быть, являться, называться, считаться, стать, становиться, заключаться и т.д. Имеется значительная группа глаголов, выступающих в качестве компонентов глагольно-именных сочетаний, где главная смысловая нагрузка приходится на имя существительное, обозначающее действие, а глагол выполняет грамматическую роль (обозначая действия в самом широком смысле слова, передает грамматическое значение наклонения, лица и числа): приводить – к возникновению, к гибели, к нарушению; производить – расчеты, вычисления, наблюдения. Десемантизация глагола проявляется и в преобладании в научном тексте глаголов широкой, абстрактной семантики: существовать, происходить, иметь, появляться, изменяться и др.

Для научной речи характерно использование глагольных форм с ослабленными лексико-грамматическими значениями времени, лица, числа, что подтверждается синонимией структур предложения: перегонку производят – перегонка производится; можно вывести заключение – выводится заключение и пр.

Еще одна морфологическая особенность стиля научной прозы состоит в использовании настоящего вневременного (с качественным, признаковым значением), что необходимо для характеристики свойств и признаков исследуемых предметов и явлений: Ozone is one of allotrophic form of oxygen. Its

molecule, in contrast to common O<sub>2</sub> consists of three atoms, due to which it acquires specific physico-chemical characteristics, responsible for unique biological effects. Live plants produce from 60 to 240 mn tons gas annually; 0,5 to 7 mn tons are produced by dead leaves.

Формы лица глагола и личные местоимения в научном стиле также употребляются в соответствии с передачей отвлеченно-обобщающих значений. Практически не используются формы 2-го лица и местоимения ты, вы, так как они являются наиболее конкретными, мал процент форм 1-го лица единственного числа. Наиболее частотны в научной речи отвлеченные по значению формы 3-его лица и местоимения он, она, оно. Местоимение мы, кроме употребления в значении так называемого авторского мы, вместе с формой глагола часто выражает значение разной степени отвлеченности и обобщенности в значении «мы совокупности» (я и аудитория): Мы приходим к результату. Мы можем заключить [2, с. 53].

Стремление к указанию на реальные объекты, к оперированию вещами приводит к преобладанию в английском научном стиле именных структур, к характерной для него номинативности. Дело не только в том, что в технических текстах много названий реальных предметов. Исследования показали, что в таких текстах номинализируются и описания процессов и действий. Вместо того чтобы сказать to clean after the welding, специалист говорит to do post-welding cleaning; если надо указать, что частица находится вблизи ядра, говорят it occupies a juxtannuclear position; вместо The contents of the tank are discharged by a pump предпочтение отдают Discharge of the contents of the tank is effected by a pump. Съёмная крышка в приборе существует не просто для того, чтобы его можно было легко чистить и ремонтировать, но for ease of maintenance and repair.

Стремление к номинации приводит также к замене наречий предложно-именными сочетаниями. Так, accurately становится with accuracy, very easily – with the greatest ease или the easy way.

Упорно сопротивляются этой тенденции лишь усилительные наречия, которые выступают в научно-технических текстах в качестве основного модально-экспрессивного средства, не выглядящего чуждым элементом в серьезном изложении. Таковы наречия: clearly, completely, considerably, essentially, fairly, greatly, significantly, markedly, materially, perfectly, positively, reasonably, etc.

Свидетельством все той же без глагольной тенденции научно-технического стиля является и широкое использование вместо глаголов отглагольных прилагательных с предлогами: to be attendant on, to be conducive to, to be destructive of, to be incidental to, to be responsive to, to be tolerant of, etc.

Разумеется, номинативный характер научно-технического стиля не означает, что в материалах этого стиля полностью отсутствуют полнозначные глаголы в личных формах [2, с. 54].

Употребление глаголов в научном языке выступает не в форме самих глаголов, а в форме дериватов глагола. «Личные глаголы обычно обозначают конкретные действия. Отглагольные же существительные выражают отвлеченное понятие о действии» [2, с. 54].

Без таких глаголов трудно себе представить связное изложение значительной длины, хотя по некоторым подсчетам число глагольных предикативных форм в научно-технических текстах вдвое меньше, чем в литературных произведениях того же объема. В языковедческих работах не раз отмечались такие особенности употребления глаголов в научно-техническом стиле английского языка, как значительное преобладание пассивных форм и форм простого настоящего времени, что, несомненно, связано с основными характеристиками и целями научного изложения.

Можно также отметить многочисленные случаи опущения в научно-технических материалах артикля, особенно определенного, там, где в текстах другого типа его употребление считается абсолютно обязательным: *General view is that, First uranium mine in the region was.*

Артикль часто отсутствует перед названиями конкретных деталей в ТУ, технических описаниях, инструкциях и т.п.: *Armstrong Traps have long-live parts, valve and seat are heat treated chrome steel, lever assembly and bucket arc stainless steel.*

Это же явление наблюдается перед названиями научных областей: *... in such fields as work study, mechanical engineering, civil engineering, telecommunication, standardization, higher education, etc.*

В лингвистических работах, исследующих специфику научного стиля в современном английском языке, указывается и целый ряд более частных грамматических особенностей, как-то: широкое употребление множественного числа вещественных существительных (*fats, oils, greases, steels, rare earths, sands, wools, gasolines, etc.*), множественного числа в названиях инструментов (*clippers, jointers, shears, dividers, compasses, trammels, etc.*), использование предлога *of* для передачи видо-родовых отношений (*the oxidizer of liquid oxygen, the fuel of kerosene*), распространенность атрибутивных сочетаний со словами *type, design, pattern, grade*: *Protective clothing and dry-chemical-type fire extinguisher should be readily available in the area.* Таким образом, для научной речи характерны следующие особенности:

- 1) использование более кратких вариантных форм, в частности форм существительных мужского рода вместо форм женского рода;
- 2) меньшее употребление глаголов и большее употребление существительных;
- 3) использование вместо глаголов отглагольных прилагательных с предлогами;
- 4) преобладание пассивных форм;
- 5) использование настоящего вневременного;

- 6) наиболее частотны отвлеченные по значению местоимения третьего лица, а также авторское мы;
- 7) замена наречий предложно-именными сочетаниями;
- 8) частое опущение артикля;
- 9) широкое употребление множественного числа вещественных существительных.

Также научный стиль характеризуется следующими чертами:

Логичность.

Чтобы добиться логического изложения материала в научном стиле, используются такие синтаксические приемы, как простые предложения с осложняющими конструкциями: вводными словами и словосочетаниями (*however, on the one hand, according to, etc.*), причастными и деепричастными оборотами, распространенными определениями. Довольно распространены сложные предложения с союзами, указывающими на связь между предложениями (*because, therefore, while, despite the fact that, etc.*).

Например: "There are two fundamental problems of knowledge at the centre of the book. First, we have the problem of induction, that is the fact that although we are only able to observe a limited number of events, science nevertheless advances unrestricted universal statements. Second is the problem of demarcation, demanding a separating line between empirical science and non-science. This book means a major contribution to the philosophy of science and is therefore essential reading for anyone interested in the field".

В первом предложении автор говорит о существовании двух проблем, и далее он логично характеризует каждую из них, таким образом, облегчая восприятие текста читателем.

Последовательность.

Любой академический текст должен быть логично построен, то есть иметь хорошую структуру с признаками перехода от одной части к другой, соблюдать принцип последовательного изложения аргументов. Каждое предложение должно быть логически соединено с предшествующим и последующим:

"The process of writing journal articles is increasingly being seen as a collaborative process, especially where the authors are English as an Additional Language (EAL) academics. As the need for academics to publish in English worldwide increases, questions inevitably arise regarding standards of English in academic publication and this language requirement is a challenge for many English as Additional Language (EAL) writers.

Flowerdew <...>, for example, notes the growing pressure on academics to publish in international English language journals and the difficulties for EAL writers in producing language of an acceptable quality".

Во вводном предложении приведенного фрагмента дана общая мысль о сложности написания журнальных статей, причинно-следственные отноше-

ния во втором предложении, подкрепленные примером в последующем. Таким образом, демонстрируется принцип построения параграфа, который начинается с главной мысли, затем следует развитие / объяснение этого утверждения, подкрепляемое, в свою очередь, примером (main idea – supporting statement – example).

#### Связанность.

Связанность представляет собой лексические и грамматические связи как внутри целого текста, так и в отдельном предложении. В английском языке существует несколько видов связей между частями академического текста: ссылка (reference) – местоимения "it", "he", "him", "this", "that", "here", "there", etc., которые заменяют или указывают на другие слова или части текста: "The most common reasons given were that computers made writing "easier," facilitated the correction of spelling and punctuation mistakes, were "modern," "useful," "interesting," and "faster" than writing by hand. This corroborates conclusions from other researchers, who report that CMC in the second language classroom facilitates general communication and the revision process. [16, с. 35] "This" относится ко всему предыдущему предложению, выражающему преимущества компьютера; эллипсис (ellipsis) – опущение слова или фразы, понятных из контекста, например: "There is a lot of publicity about recycling these days and whenever some appears there are doubts if it is really helpful." замещение (substitution) – замещение слова или целой фразы другим, аналогичным по смыслу, например: "Apparently incinerators can be considered the best way of getting rid of non-recyclable rubbish so the council intends to install one here." В данном случае "one" заменяет "incinerator" и помогает избежать ненужных повторений. Кроме "one" могут быть использованы и другие слова-субституты: "ones", "do", "so", "not", etc.; союзное соединение (conjunction) – союзы служат не только для связи придаточного предложения с главным, но и указывают на тип связи (причинно-следственная, определительная, условная и т.д.). Кроме союзов сюда относятся и вводные слова. "Large parts of the earth's biodiversity will vanish because species will not be able to adapt quickly enough to higher temperatures"; лексическая связанность (lexical cohesion) – одну и ту же идею или предмет можно выразить разными словами (сюда относятся синонимы, близкие по значению слова, обобщения и конкретизация – например, fruit / apple, animal / cat);

- a) "Researchers have found that individuals who are skilled at music tend to have a number of positive features. These include qualities such as creativity, energy, and the ability to work well in a team." В данном случае в качестве лексической связанности используется синонимия – features / qualities;
- b) The country is facing a range of problems including inflation and high unemployment. В этом примере слово problems дается как обобщающее для следующих далее перечислений.

### Абстрактность.

Еще одной чертой научного стиля является абстрактность. Данная характеристика особо четко проявляется на лексическом уровне – научный стиль письменной речи отличается частотой использования абстрактных существительных (*tendency, enjoyment, innovation, acknowledgement, etc.*). Это объясняется тем, что при рассмотрении проблемы ученый сначала изучает общие понятия и только затем переходит к конкретизации.

Точность как характеристика научного стиля заключается в широком употреблении специальной лексики и терминологии, особенно той, которая сходна во многих языках и является международной (*specialist, expert, manager, function, etc.*). При ссылке на статистику часто используются точные цифры и факты (*50 % of population, 12 million dollars, etc.*).

### Объективность.

Как уже упоминалось в данной работе ранее, для современного научного стиля не характерны субъективные оценочные суждения, которые могут лишь использоваться для выражения сугубо личной точки зрения автора (*in my opinion, in my view, etc.*). Наоборот, этому стилю присуща безличная манера изложения материала, потому что основное внимание в работе уделяется не личности автора и его мнению, а информации и аргументам, которые автор представляет читателю. Как выразилась И. Мартинез, «факты говорят сами за себя безличным образом». Соответственно, в академической прозе распространены безличные предложения (*It is known that. It can be said that. There is an opinion that etc.*). Принято избегать употребления личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа (*my, myself, you, etc.*). Однако при необходимости можно использовать личные местоимения 1-го лица множественного числа (*we, our, etc.*), показывая, таким образом, авторскую скромность и принадлежность к научному сообществу. Для образования безличных предложений часто используются пассивные конструкции (страдательный залог), где не важен и не указывается производитель действия. Примером может послужить следующий отрывок:

The corpus thus represents one of the largest collections of natural face-to-face conversations available. The corpora were grammatically annotated ('tagged') using software developed for the Longman Grammar of Spoken and Written English <...>. Then, more specialized computer programs were developed for detailed linguistic analyses of specific types of structural elaboration". Однако в любом случае автор должен показать свое личное отношение к тому, о чем он пишет, хотя бы в скрытой форме. В академическом стиле существуют некоторые способы такого выражения автором своего мнения. К ним, например, относится так называемое хеджирование (*hedging*), то есть смягчение ответа, уклонение от прямого ответа. Различные приемы такого уклонения позволяют автору показать свои личные чувства, отношение к происходящему, оценочные суждения, построенные на разной степени уве-



ренности в происходящем, делать прогнозы и т.д. не очень открыто. Как утверждает И. Василева, в английском языке количество таких ограничителей (*hedges*) – и, соответственно, степень отстранения автора – самое большое по сравнению с некоторыми другими языками [8, с. 151]. Байбер Д. и другие считают, что мнение человека может быть выражено с помощью грамматических и лексических приемов (за счет выбора структур и слов, означающих оценочные суждения) либо паралингвистических (неязыковых средств речевого общения, к которым относятся фонационные приемы – степень громкости, распределение пауз и т.п., кинетические особенности мимики и жестикуляции, и графические). Лексико-грамматические средства, используемые при хеджировании, можно представить таким образом:

- 1) модальные и относящиеся к ним глаголы, выражающие:
  - вероятность / разрешение / способность (*can, could, may, might*);
  - необходимость / долженствование (*must, should, had better, have to, ought to*);
  - предсказание / волю (*will, would, shall, be going to*).
- 2) наречия, выражающие:
  - определенность (*actually, certainly, in fact*);
  - вероятность (*apparently, perhaps, possibly*);
  - отношение (*amazingly, interestingly, surprisingly*);
  - стиль / подход (*according to, generally, typically*);
  - частоту действия (*always, often, sometimes, usually*);
- 3) указатели множества (*all, most, many, some, certain*);
- 4) сложные предложения (безличные с инфинитивными конструкциями и придаточными с *that*) с использованием:
  - глаголов, выражающих отношение (*seem, tend, look like, appear to be, think, believe, doubt, be sure, indicate, suggest, conclude, expect, hope*), например: *It might be suggested that... It seems / appears that... / It tends to...*
  - прилагательных, выражающих отношение (*certain, clear, likely, essential, important, interesting, happy, able, easy, difficult*), например: *It is important to develop... It may be possible to obtain...*
  - существительных, выражающих отношение (*conclusion, fact, observation, assumption, hope, tendency, obligation, etc*), например: *There is every hope that / It could be the case that...*

Рассмотрим следующие примеры и сравним:

- 1a) *Cancer drugs serve as an unexpected new weapon against deadly antibiotic-resistant bacteria.* (Здесь чувствуется прямолинейность, полная уверенность в утверждении и может быть предоставлено доказательство).
- b) *Cancer drugs may serve as an unexpected new weapon against deadly antibiotic-resistant bacteria.* (Модальный глагол означает неуверен-

ность и, таким образом, дает шанс говорящему на отступление / отказ от сказанного).

- 2a) Skeletons recently discovered in Scotland indicate that ancient Britons practice the act of mummification at the same time as the Egyptians.
- b) Skeletons recently discovered in Scotland seem to indicate that ancient Britons practiced the act of mummification at the same time as the Egyptians. Однако следует добавить, что научный стиль, при всей его объективности и попытках показать отношение автора достаточно завуалировано, все-таки не лишен некой эмоциональности. Нередко авторы прибегают к эмоционально-экспрессивным средствам языка, которые придают научной прозе большую убедительность. К таким средствам относятся:
- эмоционально-экспрессивные прилагательные (outstanding);
  - формы превосходной степени прилагательных, выражающие сравнение (the most interesting thing);
  - вводные слова, наречия, усилительные и ограничительные частицы (very, extremely, fully, highly, almost, strongly, entirely, completely, totally, significantly, relatively, quite, slightly, rather, only, somewhat, hardly, just);
  - «проблемные» вопросы, привлекающие внимание читателя (What can be done in this case?).

#### Формальность.

Немаловажной чертой научного стиля является формальность. В академическом стиле, в отличие от разговорного или художественного, следует избегать употребления:

- разговорных, неформальных слов и выражений ("the States", "stuff", "a lot of", "thing", "sort of);
- сокращенных форм (isn't, can't, shouldn't, info, ad);
- фразовых глаголов (look into, put up with, get off);
- идиом ("I am not going to pay a penny");
- личных местоимений (you, we);
- прямых вопросов к читателю. Хотя, как было сказано выше, вопросы могут быть использованы в некоторых случаях как экспрессивное средство языка для привлечения внимания (What are the advantages of using plastic cards?).

Академическому стилю письменной речи присущи следующие черты формальности:

- использование нейтральной или более формальной лексики (discuss; talk about; examine; have a look at; acquire; get, advantages and disadvantages; pros and cons, etc);
- использование более формальной грамматики, например безличных there / it в качестве подлежащего (There is a serious flaw in It is very difficult to ...);

- использование неопределенного языка вместо утвердительного – модальных глаголов *may / might*, наречий *possibly / probably*, глаголов *seem to / appear, etc*, показывающих недостаточную уверенность говорящего (так называемое хеджирование);
- использование страдательного залога в качестве безличных конструкций (*Some restrictions should be imposed...*).

Сравним два текста:

- a) "... heard they've been looking into case in the States where someone has gone to prison for a crime they didn't actually commit. And what they've found is that about half of all those cases were down to people making mistakes with forensic evidence." (Spoken English);
- b) "It has been found that faulty interpretation of forensic evidence has contributed to approximately half of all wrongful convictions in the USA in recent years." (Academic English).

Номинальность.

Следующей чертой научного стиля в английском языке, на которую стоит обратить внимание, является номинальность. Это означает, что в современной письменной речи научного стиля развилась тенденция к большему употреблению существительных и относительно меньшему употреблению глаголов.

Сравним:

- a) Most people would agree that regular exercise is important (General English). There is a widespread agreement about the importance of regular exercise (Academic English).
- b) The only way to diagnose the disease accurately is to obtain a blood sample. An accurate diagnosis of the disease depends on obtaining a blood sample.

Информационная насыщенность.

С функциональной точки зрения письменная речь является необычайно информационной по цели высказывания, потому что обычно создается в контролируемых ситуациях, когда есть время на обдумывание и возможно что-то переписать по-другому. Приведенный ниже текст иллюстрирует плотную информационную насыщенность в академическом стиле существительные в тексте выделены полужирным курсивом, атрибутивные прилагательные – курсивом, предлоги – заглавными буквами.

"The **formation** OF a *separate socialist bloc* would insulate the **East** FROM the *coming economic chaos* IN the **West** and enhance **socialist economic development**. The *primary motivation*, however, was *political*. A *separate Eastern economic bloc*, IN the **Soviet Union's view**, would provide a **buffer zone** OF *friendly*, that is, **Communist states** ON its **borders** and would prevent **Germany** or other *"hostile"* **Western powers** FROM posing a **threat** OF **military invasion**. Furthermore, the **Soviet Union** would obtain **access** ON *favorable terms* TO the

*resources OF Eastern Europe – raw materials and capital equipment – that could be used to rebuild the Soviet Union AFTER the war and to advance its economic development THROUGH wartime diplomacy, military occupation, and coups d'etat, the Soviet Union established Communist satellite regimes IN all the states OF Eastern Europe''.*

Сжатость.

При всей информационной насыщенности тексту, написанному в академическом стиле, характерна сжатость изложения материала, так называемая компрессия. Она может быть достигнута за счет определенных синтаксических конструкций:

- Словосочетаний имен существительных (productivity increase, quality improvement, baggage inspection procedure justice department officials, settlements tax increases);
- Словосочетаний имен существительных с атрибутивными прилагательными (a large number, unusual circumstances);
- Замены придаточных предложений причастными или инфинитивными конструкциями (greenhouse gas emission driven by a surge in coal use, companies supplying energy); фраз с предлогами (the first step in seeking quicker treatment, to determine the effect of salt on the growth and development of paddy); фраз-приложений (In four cohorts (Athens, Keio, Mayo, and Florence), investigators stated that)]. В целом, как считает И. Василева, английская система образования уделяет большое внимание развитию академического письма. Со временем в английском языке образовался целый ряд лексико-грамматических приемов, направленных на соблюдение основных принципов научного дискурса. Таким образом, ученым других стран следует быть особенно внимательными к способам выражения научного стиля на английском языке, чтобы чувствовать себя вполне конкурентоспособными на международном рынке.

### 6.1.1.3. Лексико-стилистические особенности научного стиля речи

Наиболее бросающейся в глаза, но не единственной особенностью научного стиля является использование специальной терминологии. Каждая отрасль науки вырабатывает свою терминологию в соответствии с предметом и методом своей работы.

Термины (от лат. terminus – «граница», «предел») – это специальные слова, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и название вещей. Термины существуют не просто в языке, а в составе определенной терминологии. Если в общем языке (вне данной терминологии) слово может быть много-

значным, то, попадая в определенную терминологию, оно приобретает однозначность. Термин не нуждается в контексте, как обычное слово, потому что он член определенной терминологии, что и выступает вместо контекста. Термин должен быть однозначным не вообще в языке, а в пределах данной терминологии. В качестве терминов могут использоваться как слова, употребляемые почти исключительно в рамках данного стиля, так и специальные значения общенародных слов. Такие, например, лексические единицы, как *coercivity*, *keramophone*, *klystron*, *microsyn* и т.п., широко употребляемые в текстах по электронике, трудно встретить за пределами научно-технических материалов. В то же время в этих текстах выступают в качестве терминов и такие слова, как *dead*, *degeneracy*, *ripple*, *gore* и др., имеющие хорошо всем известные общеупотребительные значения. Термины должны обеспечивать четкое и точное указание на реальные объекты и явления, устанавливать однозначное понимание специалистами передаваемой информации. Поэтому к этому типу слов предъявляются особые требования. Прежде всего термин должен быть точным, т.е. иметь строго определенное значение, которое может быть раскрыто путем логического определения, устанавливающего место обозначенного термином понятия в системе понятий данной области науки или техники. Если какая-то величина называется *scalar* (скаляр), то значение этого термина должно точно соответствовать определению понятия (*a quantity that has magnitude but no direction*), которое связывает его с другими понятиями, содержащимися в определении (*magnitude*, *direction*) и противопоставляет понятию *vector* (*a quantity which is described in terms of both magnitude and direction*). Если какая-то деталь оптического прибора именуется *viewfinder* (видоискатель), то этот термин должен обозначать только эту деталь, выполняющую определенные функции, и никакие другие части данного прибора или какого-либо иного устройства. По тем же причинам термин должен быть однозначным и в этом смысле независимым от контекста. Иначе говоря, он должен иметь свое точное значение, указанное его определением, во всех случаях его употребления в любом тексте, чтобы пользующимся термином не надо было каждый раз решать, в каком из возможных значений он здесь употреблен. Непосредственно связано с точностью термина и требование, чтобы каждому понятию соответствовал лишь один термин, т.е. чтобы не было терминов-синонимов с совпадающими значениями. Понятно, что точная идентификация объектов и понятий затруднена, когда одно и то же именуется по-разному.

Термин должен быть частью строгой логической системы. Значения терминов и их определения должны подчиняться правилам логической классификации, четко различая объекты и понятия, не допуская неясности или противоречивости. И, наконец, термин должен быть сугубо объективным наименованием, лишенным каких-либо побочных смыслов, отвлекающих внимание специалиста, привносящих элемент субъективности. В связи

с этим термину «противопоказаны» эмоциональность, метафоричность, наличие каких-либо ассоциаций и т.п. Однако термины, естественно, не являются единственной составляющей лексики. Выявлено вполне четкое деление лексического состава английской научной и технической литературы на: а) собственно термины; б) слова и сочетания, которые являются «служебными»: артикли, служебные глаголы, прилагательные, наречия, союзы, местоимения, предлоги, то есть слова, не зависящие от стиля речи и которые присутствуют в любом стиле; в) общенаучная лексика. Однако присутствие терминов не исчерпывает лексические особенности научного стиля [5, с. 55]. Помимо терминов, научный стиль использует общенаучные и общеупотребительные слова. Если специальных (номенклатурных) терминов бесконечно много, так как они связаны с неограниченным количеством объектов и предметов научной и технической деятельности человека, то общенаучных и общетехнических терминов обычно мало, т. к. существует ограниченное количество научных и технических понятий. Они по своему происхождению уже многозначны и неразрывно связаны с общим языком. Основную коммуникативную нагрузку в специальных текстах несут общеупотребительные слова и общенаучная терминология, т. е. примерно 600 общетехнических терминов» [5, с. 56]. Например, широкое употребление специалистами, так называемой специальной общетехнической лексики, которая также составляет одну из специфических черт научно-технического стиля, в значительной степени способствует их взаимопониманию. Это – слова и сочетания, не обладающие свойством термина идентифицировать понятия и объекты в определенной области, но употребляемые почти исключительно в данной сфере общения, отобранные узким кругом специалистов, привычные для них, позволяющие им не задумываться над способом выражения мысли, а сосредоточиваться на сути дела. Специальная лексика включает всевозможные производные от терминов, слова, используемые при описании связей и отношений между терминологически обозначенными понятиями и объектами, их свойств и особенностей, а также целый ряд общенародных слов, употребляемых, однако в строго определенных сочетаниях и тем самым специализированных. Такая лексика обычно не фиксируется в терминологических словарях, ее значения не задаются научными определениями, но она не в меньшей степени характерна для научно-технического стиля, чем термины. В английских текстах по электричеству, например: the voltage is applied (ср. напряжение подается),

the magnetic field is set up (ср. магнитное поле создается), the line is terminated (ср. цепь выводится на зажимы), the switch is closed (ср. переключатель замыкается). Именно так эти явления описываются в самых различных случаях и самыми различными авторами. Соблюдение норм употребления специальной лексики ставит перед переводчиком особые задачи при создании текста перевода. К общеупотребительной лексике относятся слова об-

щего языка, которые наиболее часто встречаются в научных текстах. Разумеется, в научно-технических материалах используется отнюдь не только терминологическая и специальная лексика. В них встречается большое число общенародных слов, употребляемых в любых функциональных стилях. В любом научном тексте такие слова преобладают, составляют основу изложения. Благодаря общеупотребительной лексике язык науки сохраняет связь с общелитературным языком и не превращается в язык мудрецов или, как иногда говорят, в язык жрецов, понятный только посвященным, ученым. В зависимости от состава читателей доля общеупотребительной лексики меняется: она уменьшается в работах, предназначенных для специалистов (может составлять не больше половины всех слов), и возрастает в сочинениях, обращенных к широкой аудитории. Но научный стиль не просто берет слова из общелитературного языка. Он производит тщательный отбор слов – прежде всего тех, которые наиболее оптимально выполняют главную функцию, установку научного стиля. Слово в научной речи обычно называет не конкретный, индивидуально неповторимый предмет, а класс однородных предметов, т. е. выражает не частное, индивидуальное, а общее научное понятие. Поэтому в первую очередь отбираются слова с обобщенным и отвлеченным значением. Общая характеристика лексического состава научного текста включает следующие черты: слова употребляются либо в основных прямых, либо в терминологических значениях, но не в экспрессивно-образных. Помимо нейтральных слов и терминологии употребляются так называемые книжные слова: *perform*, *calculation*, *circular*, *phenomenon*, *maximum*, etc. Книжные слова – это обычно длинные, многосложные заимствованные слова, иногда не полностью ассимилированные, часто имеющие в нейтральном стиле более простые и короткие синонимы, напр.: *phenomenon* – *phenomena*. Неполная грамматическая ассимиляция выражается, например, в сохранении формы множественного числа, принятой в языке, из которого данное существительное заимствовано, напр.: *automaton* – *automata*. В качестве исключения встречаются в научно-технических материалах и лексические элементы, более характерные для разговорного стиля, при переводе которых переводчику приходится сталкиваться с необходимостью выбора экспрессивно-стилистических вариантов. Научно-техническое изложение оказывается подчас отнюдь не нейтрально-объективным. В лингвистических исследованиях неоднократно отмечались факты использования в научных статьях, казалось бы, инородных элементов типа:

A large part of industrial America is rushing to get on the nuclear bandwagon. Branched chain paraffins will be the fair-haired boys in our future gasolines. Calcium cyanamide has been getting a big play in Germany recently. Отличительные черты каждого стиля зависят от его социального назначения и той комбинации языковых функций, которая преобладает в акте коммуникации, а, следовательно, от сферы общения, от того, имеет ли общение своей це-

лю, или, во всяком случае, своей главной целью, сообщение сведений, выражение эмоций, побуждение к каким-либо действиям. Принято считать, что единственной функцией научного стиля является функция интеллектуально-коммуникативная, дополнительные функции факультативны. Научный стиль, таким образом, характерен для текстов, предназначенных для сообщения точных сведений из какой-либо специальной области и для закрепления процесса познания [1, с. 254]. Естественный процесс развития терминов связан с практической необходимостью дальнейшей модификации или уточнения их значений с помощью добавления к основному слову новых определяющих слов. В результате появляется большое количество громоздких и неудобочитаемых терминологических групп, имеющих тенденцию превращаться в сокращения. Под сокращением обычно понимают некоторую единицу письменной речи, созданную из отдельных элементов более сложной исходной формы, с которой эта единица находится в определенной лексико-семантической связи. По определению, сокращение является более широким понятием, чем акроним или аббревиатура. Акронимами называются сокращения, фонетическая структура которых совпадает с фонетической структурой общеупотребительных слов. Для образования акронимов используются части слов, входящих в состав исходных терминологических групп. В отличие от акронимов, для образования аббревиатур используются только первые буквы слов, входящих в состав исходных терминологических групп. В современном языке научно-технического общения процесс образования новых акронимов и аббревиатур по своей интенсивности значительно опережает все другие направления процессов образования терминов [6, с. 143]. Термин – сложное слово – сочетание двух или больше основ имен существительных, которые совпадают с формами, приводимыми в словарях. Терминологическое словосочетание образуется сочетанием прилагательного и существительного, причастия с существительным или несколькими существительными, соединенными предлогом. С точки зрения перевода, термины разделяются на термины, имеющие в обоих языках точный аналог; термины, имеющие примерный аналог в языке перевода; безэквивалентные термины. Для решения задачи перевода термина, не имеющего эквивалента в языке перевода, существует несколько приближенных способов – транслитерация (замена английских букв русскими), транскрипция (передача английских звуков русскими буквами), калькирование (копирование смысла и грамматической формы), обобщение, конкретизация, описание.

Также наиболее характерными чертами научного стиля является синтаксическая организация предложений и выбор лексики. Отбор лексики в научном стиле подчиняется одной основной задаче: адекватно донести до читателя описываемое явление в многообразии признаков, характеризующих это явление. Поэтому слова, используемые для выражения мысли в научном стиле



имеют одно, обычно ведущее, предметно-логическое значение. Вообще, наиболее характерным для научного стиля является использование слов в основных предметно-логических значениях. В этом стиле слова редко используются в переносных и других контекстуальных значениях [4, с. 32]. Также характерной чертой научной прозы является образование неологизмов. Ни в одном стиле литературного языка нет столь благоприятных условий для возникновения неологизмов, как в научной прозе. Новые понятия, которые появляются в результате исследований, настоятельно требуют новых слов для их обозначения. Особенно часты случаи новообразований при помощи аффиксации и конверсии. Научный стиль всегда останется неисчерпаемым источником возникновения новых слов, словосочетаний и новых оттенков значений уже существующих слов. В отличие от неологизмов, появляющихся в живой разговорной речи и в газетно-публицистическом стиле, неологизмы, появляющиеся в стиле научной прозы, оказываются значительно более устойчивыми. В зависимости от того, насколько широко то или иное научное открытие становится известным широким массам, слова – неологизмы, их обозначающие, входят в фонд общеупотребительной лексики или остаются в обращении лишь в узкой области, где возник такой неологизм. В научном стиле вырабатывается особая, общая для многих разновидностей этого стиля, научная фразеология. С точки зрения синтаксической организации предложения научный стиль характеризуется точно определенной системой союзной связи, вытекающей из строгой логически последовательной системы изложения. Эта развернутая система связи вызвала к жизни многие и многие обороты предложного и наречного характера, которые стали употребляться в синтаксических функциях связующих элементов речи. В научном стиле находит свое наиболее яркое выражение логический синтаксис, в отличие от эмоционального синтаксиса художественной речи. Для научного стиля характерно выделение главного из массы сообщаемых фактов. Это достигается рядом синтаксических приемов, в которых принцип сочинения и подчинения предложений совпадает с требованиями логики, т.е. главная мысль содержится в главном предложении, подчиненная мысль – в придаточном. Форма изложения в научном стиле не несет дополнительных функций воздействия на читателя. Она лишь средство придать ясность изложению. Вот почему редактирование научного произведения, в основном, сводится к уточнению значений слов и словосочетаний и характера связи между отдельными частями высказывания. Общая характеристика лексического состава научного текста включает следующие черты: слова употребляются либо в основных прямых, либо в терминологических значениях, но не в экспрессивно образных. Помимо нейтральных слов и терминологии употребляются так называемые книжные слова. Слова других стилей не используются. Книжные слова – это обычно длинные, многосложные заимствованные слова, иногда не полностью ассимилированные, часто имеющие в ней-

тральном стиле более простые и короткие синонимы. Неполная грамматическая ассимиляция выражается, например, в сохранении формы множественного числа, принятой в языке, из которого данное существительное заимствовано: *automaton* – *automata*. Лексика научных произведений характеризуется своей абстрактностью. Сама задача научного стиля – обобщение фактов действительности – вызывает необходимость в соответствующих словах, выражающих наиболее общие признаки исследуемых предметов и явлений действительности. Это в некоторых видах научной прозы приводит к замене слов соответствующими абстрактными формулами, условными обозначениями, сокращениями, аббревиатурами. Условные обозначения в отличие от слов не проявляют тенденцию к обрастанию дополнительными значениями. Как правило, образность не свойственна научному стилю. Поэтому в нем редко можно встретить метафоры, метонимии, гиперболы, сравнения и другие средства создания образности. Однако это не значит, что в научных произведениях вообще не встречается образная речь. В отличие от стиля деловых документов, где образность исключается как явление, нарушающее стиль, и в отличие от стиля художественной речи, в котором образность становится наиболее характерным признаком, в научном стиле образность – необязательное вспомогательное средство. Образность здесь – это средство проявления индивидуальной манеры изложения, которое само по себе не является обязательным для стиля. Образность обычно усиливает, оттеняет уже аргументированную логически мысль. Чрезвычайно строгим в научном стиле является деление речи на отдельные части – абзацы. В этом стиле принципы логического построения абзацев находят свое максимально четкое осуществление. Каждый абзац в научном стиле стремится продолжить мысль предыдущего абзаца, часто непосредственно вытекает из него и имеет связующие элементы. В каждом абзаце легко можно выделить основную мысль. Каждый абзац представляет собой более или менее законченную единицу высказывания. Также существуют некоторые типические черты научных текстов, касающиеся их морфологии. Преобладание в научном стиле именных, а не глагольных конструкций дает возможность большего обобщения, устраняя необходимость указывать время действия. По этой же причине в научном стиле заметное предпочтение отдается пассиву, где необязательно указывается деятель, и неличным формам глагола. Наряду с первым лицом множественного числа, широко употребляются безличные формы и конструкции с *one*: *one may write, one may show, one may assume, one can readily see*. Частотное распределение частей речи в научном тексте отличается от того, которое наблюдается в нейтральном или разговорном стиле: увеличивается процентное содержание имен, уменьшается содержание глаголов в личной форме, совсем отсутствуют междометия.

Выводы по первой главе: В этой главе было дано понятие научного стиля речи, рассмотрено место научного стиля среди других функциональных

языковых стилей; названы имена лингвистов, поднимающих данный вопрос в своих работах; указаны черты научного стиля на основании различных критериев.

Также были выделено и произведено деление черт научного стиля на основные и второстепенные. Были выделены лексико-стилистические и лексико-грамматические особенности научного стиля.

Дана характеристика строю научного стиля языка, указаны примеры, иллюстрирующие черты научного стиля, приведены примеры употребления и перевода терминов. На основании первой главы необходимо подчеркнуть важность и широту использования научного стиля; упомянуть о чертах, отличающих научный стиль от других стилей речи, так, например, логичности и точности изложения, использовании терминов, насыщенности фактической информацией. Данные черты помогают достичь активизации логического мышления читателя, передать точную информацию, и доказательство ее истинности.

## 6.2. Особенности перевода научного текста

Среди лингвистических характеристик, отличающих научные тексты от других типов текста, большинство авторов называют следующее: сложность синтаксических построений, лексическая, синтаксическая и композиционная стереотипность; подчиненность эстетических свойств прагматическим установкам и интенции автора. Регламентированный характер использования эмоциональных возможностей; использование синтаксических и лексических штампов; преобладание объективности в изложении. Сочетание бес-субъектного (неличного) способа изложения с выражением субъективного мнения ученого (автора). Широкое использование символов формул, таблиц. Специфика английского научного стиля проявляется в замене определительных придаточных предложений прилагательными в постпозиции the materials available и в использовании форм инфинитива в функции определения the temperature to be obtained. Характеристикой английского научного изложения является распространенное использование эллиптических конструкций low-pressure producers, случаи опущения артикля general view, biological engineering. Широкое использование имеют конструкций с предлогом of the oxidizer of liquid oxygen и многочисленные атрибутивные группы medium-power silicon rectifiers. Также отмечается более частое использование языковых выразительных средств, в частности сравнений и метафор. Спецификой русского научного стиля является более широкое использование абстрактных и общих понятий развитие, движение, изменение, явления; значительно чаще используются логические средства связи. Манера изложения характеризуется преобладанием сочетаний, ядром которых служит

существительное. В научном стиле русского языка широко используются однородные члены, причастные и деепричастные обороты. Часто используются цепочки из нескольких существительных в родительном падеже: задача определяющая изменения направления движения частиц. Рассмотренные характеристики научного стиля показывают, что общая характеристика языковых средств научного стиля универсальна для сопоставляемых языков. В сопоставляемых языках данная характеристика ориентируется на основную функциональную задачу и соответствует основным требованиям, предъявляемым стилю, таким как: логичность, аргументированность, точность и объективность изложения, данные признаки научного стиля организуют в систему все языковые средства, формирующие научный функциональный стиль. В использовании морфологических форм, отборе лексики, синтаксической структуре, в фонетическом оформлении речи научный стиль в сопоставляемых языках имеет как универсальные особенности, так и специфические черты, проявление специфических черт научного стиля зависит от типологического устройства языка. Эквивалентность и адекватность перевода научных терминов. Специфика перевода, отличающая его от всех других видов языкового посредничества, заключается в том, что он предназначен для полноправной замены оригинала и что рецепторы перевода считают его полностью тождественным исходному тексту. Вместе с тем, очевидно, что абсолютная тождественность перевода оригиналу недостижима и что это отнюдь не препятствует осуществлению межъязыковой коммуникации. Вследствие отсутствия тождества отношение между содержанием оригинала и перевода был введен термин «эквивалентность», обозначающий общность содержания, т.е. смысловую близость оригинала и перевода. Поскольку важность максимального совпадения между этими текстами представляется очевидной, эквивалентность обычно рассматривается как основной признак и условие существования перевода. Из этого вытекают три следствия. Во-первых, условие эквивалентности должно включаться в само определение перевода. Во-вторых, понятие «эквивалентность» приобретает оценочный характер. «Хорошим», или «правильным», переводом признается только эквивалентный перевод. В-третьих, поскольку эквивалентность является условием перевода, задача заключается в том, чтобы определить это условие, указав, в чем заключается переводческая эквивалентность, что должно быть обязательно сохранено при переводе. Различаются понятия эквивалентности и адекватности перевода. Эквивалентность означает соответствие текста перевода исходному, а адекватность означает соответствие перевода как процесса данным коммуникативным условиям. Полная эквивалентность подразумевает исчерпывающую передачу коммуникативно-функционального инварианта, т.е. речь идет о максимальном приближении текста перевода к оригиналу, о максимальных требованиях, предъявляемых переводу. Требование адекватности же носит оптимальный характер: перевод должен

оптимально соответствовать определенным коммуникативным целям и задачам. Переводчик-профессионал всегда добьется практической информационной эквивалентности перевода подлиннику, но в теоретическом плане она, эта эквивалентность, весьма различна. Можно заранее утверждать, что любой перевод никогда не будет абсолютно идентичен каноническому тексту оригинала. Эквивалентность перевода подлиннику всегда понятие относительное. И уровень относительности может быть различным. Степень сближения с оригиналом зависит от многих факторов: от мастерства переводчика, от особенностей сопоставляемых языков и культур, эпохи создания оригинала и перевода, способа перевода, характера переводимых текстов и т.п. В теории и практике перевода оперируют такими сходными понятиями, как эквивалентность, адекватность и тождественность. В широком плане эквивалентность понимается как нечто равноценное, равнозначное чему-либо, адекватность – как нечто вполне равное, а тождество – как нечто обладающее полным совпадением, сходством с чем-либо. Видимо, эта меньшая семантическая категоричность слова «эквивалентность» и сделало его предпочтительным в современном переводоведении. Конечно, понятия адекватности, тождественности, полноценности и даже аналогичности остаются в том же семантическом поле, что и термин «эквивалентность» и иногда дублируют друг друга. Под эквивалентностью, в теории перевода следует понимать сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально – коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе. Эквивалентность оригинала и перевода – это прежде всего общность понимания содержащейся в тексте информации, включая и ту, которая воздействует не только на разум, но и на чувства реципиента и которая не только эксплицитно выражена в тексте, но и имплицитно отнесена к подтексту. Эквивалентность перевода зависит также от ситуации порождения текста оригинала и его воспроизведения в языке перевода. Такая трактовка эквивалентности отражает полноту и многоуровневность этого понятия, связанного с семантическими, структурными, функциональными, коммуникативными, прагматическими, жанровыми и т. п. характеристиками. Причем все указанные в дефиниции параметры должны сохраняться в переводе, но степень их реализации будет различной в зависимости от текста, условий и способа перевода. В переводоведении нередко встречается тезис о том, что главным определяющим принципом эквивалентности текста является коммуникативно-функциональный признак, который складывается из равенства коммуникативного эффекта, производимого на реципиентов оригинального и переводного текстов. Однако при трактовке коммуникативно-функциональной эквивалентности утверждается, что, создавая текст на языке Б, переводчик, строит его таким образом, чтобы получатель на языке Б воспринял его так же, как и получатель на языке А. Иными словами, сам переводчик не должен привносить в

текст сообщения элемент своего собственного восприятия, отличного от восприятия этого сообщения тем получателем, которому оно было адресовано. На самом деле восприятие переводчика и любого из получателей речи не способно оказаться одинаковым в силу самых различных личностных, культурных и социальных причин. Переводчик, например, художественной литературы, воспринимает текст не как некий неизвестный среднеарифметический носитель языка, а как данный рецептор, как конкретный служитель «высокого искусства» перевода. Цель перевода состоит в сохранении содержания, функций, стиливых, стилистических, коммуникативных и художественных ценностей оригинала. И если эта цель будет достигнута, то и восприятие перевода в языковой среде перевода будет относительно равным восприятию оригинала в языковой среде оригинала. Преувеличение роли коммуникативно-функционального фактора в переводе приводит к размыванию внутреннего содержания, информативной сути самого текста, оригинала и перевода, к замещению сущности объекта реакцией на него со стороны воспринимającego субъекта. Определяющим становится не сам текст, а его коммуникативная функция и условия реализации. Коммуникативно-функциональная эквивалентность является понятием относительным, одним из важных, но не основных компонентов понятия переводческой эквивалентности. Следует подчеркнуть, что главное в любом переводе – это передача смысловой информации текста. Все остальные ее виды и характеристики, функциональные, стилистические (эмоциональные), стиливые не могут быть переданы без воспроизведения смысловой информации, так как все остальное содержание компонентов сообщения наслаивается на смысловую информацию, извлекается из нее, подсказывается ею, трансформируется в образные ассоциации и т.п. Можно обнаружить три основных подхода к определению понятия «эквивалент». До последнего времени в переводоведении ведущее место принадлежало лингвистическим теориям перевода, в которых доминирует традиционное представление о том, что главную роль в переводе играют языки. При таком подходе задачи переводчика могут быть сведены к максимально точной передаче текста оригинала языком перевода в его полном объеме. Некоторые определения перевода фактически подменяют эквивалентность тождественностью, утверждая, что перевод должен полностью сохранять содержание оригинала. Федоров А.В., например, используя вместо «эквивалентности» термин «полноценность», говорит, что эта полноценность включает «исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника». Однако этот тезис не находит подтверждения в наблюдаемых фактах, и его сторонники вынуждены прибегать к многочисленным оговоркам, которые фактически противоречат исходному определению.

Так, Л.С. Бархударов оговаривает, что о неизменности «можно говорить лишь в относительном смысле», что «при переводе неизбежны потери, т.е. имеет место неполная передача значений, выражаемых текстом подлинни-

ка». Отсюда Л.С. Бархударов делает закономерный вывод, что «текст перевода никогда не может быть полным и абсолютным эквивалентом текста подлинника». Такой подход к переводу дал основания для появления так называемой теории неперевода, согласно которой перевод вообще невозможен. Безусловно, уникальность словарного состава и грамматического строя каждого языка, не говоря уже о различии культур, позволяет утверждать, что полное тождество текстов оригинала и перевода в принципе невозможно. Однако, утверждение о том, что невозможен и сам перевод, весьма спорно. Второй подход к решению проблемы переводческой эквивалентности заключается в попытке обнаружить в содержании оригинала какую-то инвариантную часть, сохранение которой необходимо и достаточно для достижения эквивалентности перевода. Наиболее часто на роль такого инварианта предлагается либо функция текста оригинала, либо описываемая в этом тексте ситуация. Иными словам если перевод может выполняться ту же функцию или описывает ту же самую реальность, то он эквивалентен. Какая бы часть содержания оригинала ни избиралась в качестве основы для достижения эквивалентности, всегда обнаруживается множество реально выполненных и обеспечивающих межъязыковую коммуникацию переводов, в которых данная часть исходной информации не сохранена. И, наоборот, существуют переводы, где она сохранена, однако, они не способны выполнять свою функцию в качестве эквивалентных оригиналу. В таких случаях переводчик оказывается перед выбором: либо отказать подобным переводам в праве быть переводами, либо признать, что инвариантность данной части содержания не является обязательным признаком перевода [8, с. 288]. Третий подход к определению переводческой эквивалентности можно назвать эмпирическим, он представлен в работах В.Н. Комиссарова [9, с. 65]. Суть его заключается в том, чтобы не пытаться решать, в чем должна состоять общность перевода и оригинала, а сопоставить большое число реально выполненных переводов с их оригиналами и выяснить, на чем основывается их эквивалентность. Проведя такой эксперимент, Комиссаров сделал вывод о том, что степень смысловой близости к оригиналу у разных переводов неодинакова, и их эквивалентность основывается на сохранении разных частей содержания оригинала. Существуют различные приемы достижения эквивалентности и адекватности в переводе. А также на каждом языке существуют свои законы сочетаемости лексем, запрещающие определенным словам вступать в сочетания, и своя языковая традиция, предписывающая определенные, наиболее принятые способы выражения данного содержания. В работе с переводом нужно постоянно их учитывать, так как полноценное функционально-стилистическое соответствие транслата исходному тексту будет иметь место лишь в том случае, если транслат будет восприниматься адресатом как обычный текст, ничем не отличающийся в плане языковых норм от оригинальных текстов данного жанра [9, с. 37]. Перевод считается

плохим, если его получатель будет постоянно или периодически ощущать, что он имеет дело с текстом, переведенным с иностранного языка. Это мешает полноценному восприятию содержания текста и обычно это случается, когда в переводе переносятся нормы исходного языка в язык перевода. Часто между требованием исчерпывающей передачи смыслового содержания исходного текста и требованием соблюдения норм языка перевода возникает противоречие. Оно является одним из постоянных и наиболее типичных факторов процесса перевода. Это противоречие преодолевается с помощью ряда способов, называемых приемами достижения адекватности перевода. Рассмотрим некоторые из этих способов, помогающих достичь адекватного перевода:

**Конкретизация.** При этом приеме переводящая единица по своему значению более конкретна, чем исходная. Здесь избранный способ выражения исходного содержания более соответствует языковой традиции вьетнамских технических описаний.

**Генерализация.** Этот прием по своей сущности прямо противоположен приему конкретизации. Генерализация случается, когда значение переводящей единицы шире значения исходной единицы.

**Смысловое развитие.** Сущность этого приема заключается в том, что исходные единицы заменяются при переводе не их словарными соответствиями, а другими единицами, которые по своим значениям не совпадают с ними: следствие – причина, действие – субъект действия и т.д. Прием логического развития очень широко применяется при переводе текстов самых разнообразных жанров.

**Антонимический перевод.** При этом приеме значение переводящей единицы противоположно значению исходной единицы, т.е. переводящая единица является антонимом исходной единицы. Здесь перевод исходной единицы с помощью антонима обуславливает необходимость синтаксических и лексических преобразований.

**Синтаксические трансформации.** Этот прием применяется чаще в переводе по двум причинам. Во-первых, в исходном тексте часто встречаются синтаксические конструкции, не воспроизводимые при переводе. Во-вторых, синтаксические преобразования используются с целью достижения максимальной функционально-стилистической адекватности даже в тех случаях, когда синтаксическая структура исходной фразы в принципе воспроизводима [7, с. 189]. Перераспределение содержания, сопровождаемое изменением синтаксической структуры фразы. Этот прием обусловлен несовпадением выразительных средств исходного языка и переводящего языка в плане лексики и грамматики. При перераспределении содержания значение одного слова может перераспределяться на несколько слов и наоборот. Возможно при этом изменение категориальной принадлежности слов, например, вместо существительного используется глагол, вместо прилагательного – наречие. Подвергается преобразованию и синтаксическая струк-



тура предложения. Целостное перефразирование. К этому приему относятся те случаи, когда передается не значение тех или иных элементов исходного текста, а смысл всего отрывка оригинала в целом. При этом приеме, по-видимому, нужно действовать следующим образом:

- понять смысл исходного высказывания;
- отвлечься от конкретного способа выражения этого смысла;
- пересказать его своими словами, соблюдая все нормы данного функционального стиля [8, с. 300].

Таблица 6.1

**Анализ перевода научных текстов с точки зрения эквивалентности и адекватности**

Пример	Перевод	Анализ	Трансформации
Blinded side-to-side comparison of topical corticosteroid and tacrolimus ointment in children with moderate to severe atopic dermatitis.	Слепое прямое сравнение мази топического кортикостероида и такролимуса при применении у детей со средней или тяжелой формой atopического дерматита.	Прием перестановки применен в связи с различным построением предложений ИЯ и ПЯ. Прием добавления использован для более четкого понимания смысла текста.	перестановка, добавление
There is little information on the relative efficacy of topical tacrolimus and corticosteroids in the treatment of atopic dermatitis (AD) in children.	Существует мало данных о взаимосвязанной эффективности топического такролимуса и кортикостероидов в лечении atopического дерматита (АД) у детей.	Конкретизация вызвана нормами употребления и сочетаемости слов ПЯ.	конкретизация
In a single-centre, prospective, observer-blinded, side-to-side comparative study (ISRCTN65507338), 96 children with moderately severe AD were enrolled.	В ходе одноцентрового, клинического, слепого, прямого сравнительного исследования (ISRCTN65507338) были задействованы 96 детей со средней и тяжелой формой АД.	Прием перестановки применен в связи с различным построением предложений ИЯ и ПЯ.	перестановка

Во многих случаях оправданным и необходимым является применение переводческих трансформаций, так как зачастую встречаются научные тексты, части и даже отдельные предложения которых не поддаются дословному переводу, либо в силу особенностей конструкций, несвойственных русскому языку, либо в связи с присутствием в тексте тех или иных не поддающихся переводу оборотов, выражений или терминов. По словам Л.С. Бархударова [3, с. 190], все виды преобразований или трансформаций осуществляемых в процессе перевода можно свести к четырем элементарным типам, а именно:

1. Перестановки – это изменение расположения языковых элементов в тексте перевода по сравнению с текстом подлинника. Элементами, могущими подвергаться перестановке, являются обычно слова, словосочетания, части сложного предложения и самостоятельные предложения в строе текста.
2. Замены – наиболее распространенный и многообразный вид переводческой трансформации. В процессе перевода замене могут подвергаться как грамматические единицы, так и лексические, в связи

с чем можно говорить о грамматических и лексических заменах. К грамматическим же относятся следующие типы: замена форм слова, замена частей речи, замена членов предложения (перестройка синтаксической структуры предложения), синтаксические замены в сложном предложении;

4. Добавления. Этот тип переводческой трансформации основан на восстановлении при переводе опущенных в ИЯ "уместных слов".
5. Опущение – явление, прямо противоположное добавлению. Под опущением имеется в виду опущение тех или иных "избыточных" слов при переводе.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о различиях в переводе английского и русского научного текста. Основное требование к научному стилю – это точное и четкое изложение, описание и объяснение фактов. Однако между требованием исчерпывающей передачи смыслового содержания исходного текста и требованием соблюдения норм языка перевода часто возникает противоречие. Переводческие трансформации, рассмотренные в данной главе, помогают достичь эквивалентности и адекватности перевода. Проанализировав научный текст с точки зрения адекватности и эквивалентности можно сделать вывод о том, что большую часть переводческих трансформаций используемых в процессе перевода научного стиля составляют целостное преобразование, конкретизация, опущение и перестановка. Перевод научных текстов должен верно передавать смысл оригинала, по возможности оставаться близким к форме оригинала. Трансформации при переводе должны быть оправданы особенностями русского языка, требованиями стиля. Необходимо помнить об эквивалентности и адекватности перевода. «Эквивалентность» обозначает общность содержания, т.е. смысловую близость оригинала и перевода. «Адекватность» означает соответствие перевода как процесса данным коммуникативным условиям.

\* \* \*

Научный стиль характерен для текстов, передающих точные сведения, факты из специальных областей науки.

Научному стилю присущ ряд особенностей: предварительное обдумывание высказывания, монологический характер, строгий отбор языковых средств, тяготение к нормированной речи.

Необходимо учитывать черты характерные для научного стиля при переводе, помнить о применении трансформаций для полной и точной передачи информации в соответствии со строем ПЯ.

В данной работе были рассмотрены черты научного стиля, его особенности; выделены основные переводческие трансформации, применяемые для перевода научных текстов. Применение трансформаций было рассмотрено на примере текстов, опубликованных на сайтах <http://www.ncbi.nlm.nih.gov> и <http://technic-en.ru> на английском языке.

В практической части работы были рассмотрены функции применения и практическое употребление трансформаций при переводе, выделены наиболее часто встречающиеся переводческие трансформации.

Переводческие трансформации способствуют достижению адекватности и эквивалентности перевода. Применение целостного преобразования вызвано стремлением к достижению структуры и лексического строя, свойственных тексту ПЯ. Конкретизация вызвана нормами сочетаемости слов ПЯ, служит для точной передачи фактической информации. Прием опущения часто употребляется в связи с различием в языковом строе ИЯ и ПЯ, необходим для отказа от «избыточных» для текста ПЯ слов. Перестановка применяется в связи с различием в построении синтаксических конструкций ИЯ и ПЯ, служит для сохранения четкости изложения материала текстов ПЯ.

Следует упомянуть, что проблема сохранения адекватности и эквивалентности перевода научных текстов свидетельствует о важности изучения данной темы, дальнейшего ее изучения и практического применения.

## Библиографический список к главе 6

1. Балыхина Т.М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового): Учебное пособие для преподавателей и студентов. – М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2007. – 185 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: «Международные отношения», 1975. – 240 с.
3. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Либроком, 2000. – 376 с.
4. Гореликов С.Н. Природа термина и некоторые особенности терминологического образования в английском языке // Вестник ОГУ. – 2002. – № 6. – С. 55-59.
5. Казакова Т.А. Теория перевода (лингвистические аспекты). – СПб.: Союз, 2001. – 226 с.
6. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
7. Пумпянский А.Л. Чтение и перевод английской научной и технической литературы: Лексика, грамматика, фонетика, упражнения. – Минск: Попурри, 1997. – 606 с.
8. Сенкевич М.П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. – М.: Высшая школа, 1984. – 317 с.
9. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы). – М.: Филология Три, 2002. – 416 с.
10. US National Library of Medicine National Institutes of Health [Official website] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/17342794> (дата обращения: 28.01.2014).

**КОГНИТИВНЫЕ ИСТОКИ ВАРИАТИВНОСТИ  
ПРЕДЛОЖНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ  
В ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ  
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

---

---

**7.1. Предложное словосочетание с точки зрения теории  
речевой деятельности**

Особенности текстов, принадлежащих к различным функциональным стилям или типам дискурса, являются традиционным объектом исследования в функциональной стилистике и теории дискурса. Тексты, которые представляют официально-деловой дискурс, не составляют в этом плане исключения. В частности, на материале английского языка основные языковые характеристики официально-делового дискурса освещаются в работах И.Р. Гальперина [1977: 312-319], Ю.М. Скребнева [2003: 183-194], В.В. Гуревича [2007: 17-19] и ряда других авторов. Вместе с тем, в контексте достаточной изученности функциональных свойств лексических единиц в официально-деловом дискурсе, а также разработанности тематики, связанной со стилистическими характеристиками деловых текстов, недостаточно исследованными остаются проблемы вариативного использования в подобном роде текста языковых единиц различных уровней. Это относится, в частности, к таким единицам синтаксического уровня языка, как словосочетания, которые представляют комплексные номинативные средства, нередко включающие в свой состав вариативно используемые предлоги. Например, в англоязычном деловом дискурсе достаточно распространенными являются случаи варьирования предлогов в составе таких словосочетаний, как *keep informed of / about something, a plan of / for the reconstruction of the building, review of / by the committee*. С одной стороны, употребление одного из возможных предлогов в приведенных словосочетаниях, как правило, существенным образом не влияет на передачу общего содержания текста либо его фрагмента. С другой стороны, необходимо учитывать, что любой текст представляет собой зафиксированный в языковой форме процесс дискурсивной деятельности (см., напр., [Кубрякова, 2004: 526-527; Кубрякова, 2012]. В свою очередь, выбор единицы речевой деятельности, в частности, предложного словосочетания, не может не обладать определенной семиотической значимостью.

Функциональные свойства предлогов в составе предложных словосочетаний во многом определяются взаимодействием лексических и грамматических аспектов их семантики. В лексическом отношении предлоги представляют собой в значительной десемантизированные языковые единицы, в связи с чем они не выполняют номинативную функцию в той мере, в какой ее выполняют знаменательные слова. Вместе с тем, предлоги могут передавать определенные аспекты лексического значения, связанного с их этимологией. На материале английского языка этот момент, как правило, оговаривается в теоретических описаниях английской грамматики. Например, в работе Б.А. Ильиша [1971: 158-159] отмечается, что многие английские предлоги обладают своей собственной лексической семантикой, в связи с чем их выбор при заполнении предложной позиции в конкретном словосочетании во многом влияет на смысловое содержание, передаваемое соответствующим предложением в целом. Автор подчеркивает, в частности, что употребление одного из пространственных предлогов из ряда *on, in, under, near, beside* в составе обстоятельственной группы в предложении типа *The book is lying ... the table* связано с выражением пространственного отношения, которое содержательно отлично от других возможных. Аналогичная ситуация, по мнению автора, будет иметь место при выборе предлога с временным значением из ряда *before, during, after* при заполнении предложной позиции в высказывании типа *He will come ... the performance*. С точки зрения Б.А. Ильиша, подобного рода случаи свидетельствуют о наличии у предлогов лексического значения, которое должно изучаться не столько в грамматике, сколько в лексикологии. Во многом сходная позиция представлена в грамматике [Иванова, Бурлакова, Почепцов, 1981: 92-95], в которой подчеркивается интегрированный характер значения предлогов, совмещающих в себе лексическую и грамматическую семантику. Авторами также отмечается абстрактный характер содержания, передаваемого английскими предлогами, что делает их сопоставимыми по функции с падежными окончаниями во флективных языках. В качестве примера выражения подобного рода абстрактной семантики приводится, в частности, употребление предлогов *of* и *by* в сочетаниях типа *the subject-matter of the article, a play by Shakespeare*. Данные сочетания во многом сходны с теми, которые встречаются в официально-деловом дискурсе, в частности, как упоминалось выше, в документации Комитета всемирного наследия. Очевидно, что для определения значимости предлогов с предельно абстрактной семантикой необходимо выйти за рамки разграничения лексического (конкретного) и грамматического (абстрактного) аспектов передаваемого ими содержания и обратиться к особенностям их функционирования в составе словосочетания, включенного, в свою очередь, в высказывание и текст.

Во многих грамматических исследованиях отмечается, что поскольку предлоги принадлежат к служебным частям речи, они, как и многие другие

языковые единицы, относящиеся к этому классу слов, играют немаловажную роль в семантико-синтаксической организации высказывания (см., напр., [Блох, 2000: 67]). Вместе с тем, хотя данное функциональное свойство предлогов учитывается в исследованиях их семантики, анализ языкового материала, как правило, производится на примере отдельных высказываний, безотносительно к типу дискурсивной деятельности, в которой используются образующие с помощью предлогов словосочетания (см., напр., сборник [Пайар, Селиверстова, 2000] по исследованию семантики предлогов на материале различных языков). В центре внимания исследователей, в том числе лингвистов, изучающих языковые явления с когнитивной точки зрения (см., напр., [Эванс, 2015; Tyler, Evans, 2003]), в большинстве случаев находятся не столько смыслы, приносимые в словосочетание предлогами как раздельнооформленными и относительно самостоятельными языковыми единицами, сколько концепты и ментальные репрезентации (пространственного, временного, процессуального характера и т.д.), которые передаются знаменательными словами.

Вместе с тем, как показано в работе А.А. Леонтьева [2014а: 152], за одним и тем же элементарным речемыслительным действием, выражаемом, в частности, определенным знаменательным словом, может стоять различный набор речевых операций, которые образуют внутреннюю структуру осуществляемого действия. Не исключено, что упоминаемые А.А. Леонтьевым речевые операции выражаются служебными словами, в том числе предлогами, нередко используемыми при оформлении словосочетаний.

Для определения возможности установить взаимосвязь (предположительно, семиотического характера) между употреблением конкретного предлога в составе словосочетания и содержания определенной речевой операции в дискурсе обратимся к основным положениям теории речевой деятельности, изложенным в работах А.А. Леонтьева [2014а; 2014б].

С точки зрения А.А. Леонтьева, осуществляемая человеком речевая деятельность имеет ряд характеристик, которые, с одной стороны, свойственны ей как разновидности деятельности вообще и, с другой стороны, определяют ее роль среди тех форм деятельности, которые выражаются невербально. К основным характеристикам речевой деятельности автор относит следующие: (а) предметность, понимаемая как направленность на определенный предмет; (б) взаимосвязанную с предметностью целенаправленность, которая заключается в том, что любой акт деятельности характеризуется конечной целью, в то время как составляющие этот акт речевые действия имеют промежуточную цель, достижение которой, как правило, прогнозируется говорящим; (в) мотивированность, предполагающую наличие мотива либо нескольких мотивов, образующих единое интегрированное целое; (г) иерархическую организацию ее единиц по их содержанию и отношению к деятельности как к целостному процессу; (д) фазную организацию деятель-

ности, предполагающую ее поэтапное развертывание в процессе речевого взаимодействия.

Все основные характеристики речевой деятельности, по мнению А.А. Леонтьева, согласуются с принципом ее построения, а также должны находить отражение в принципе ее анализа в лингвистическом и психолингвистическом исследовании. Построение речевой деятельности, как полагает автор, основывается на «эвристическом принципе» и, следовательно, обязательно предусматривает осуществление говорящим выбора стратегии речевого поведения. Сама по себе операция выбора, в свою очередь, создает необходимое звено в целостном процессе речевой деятельности, которое неразрывно связано с другими его звеньями. Помимо операции выбора эвристический принцип речевой деятельности предполагает также возможность различных путей оперирования с высказыванием на различных этапах его порождения или восприятия. Кроме того, эвристика речевой деятельности всегда опосредована отражением конкретной действительности, в которой она происходит.

Эвристический принцип построения речевой деятельности с необходимостью предполагает, с точки зрения А.А. Леонтьева, соблюдение принципа ее анализа по единицам, а не по элементам, как это нередко делается в лингвистических исследованиях. В своем понимании единицы анализа автор опирается на концепцию единицы анализа, представленную в психологических исследованиях Л.С. Выготского, в которых выдвинуто положение о том, что единица отличается от элемента тем, что в ней сохраняются все наиболее существенные свойства целого. В качестве единиц речевой деятельности как целого А.А. Леонтьев рассматривает речевые действия. По мнению автора, речевые действия наследуют у речевой деятельности такие свойства, как мотивированность, обусловленность определенной потребностью, целесообразность, структурированность на более мелкие единицы, называемые речемыслительными операциями. Последние, в свою очередь, будучи объединенными с другими операциями в рамках речевого действия, а также вместе с мотивом и целями, образуют структуру целостной речевой деятельности.

В концепции А.А. Леонтьева речевая деятельность имеет не только определенную структуру и принципы построения, но и фазовую организацию. Автор, в частности, выделяет следующие фазы процесса осуществления речевой деятельности: фазу мотивации, постановки цели и осознания замысла; этап принятия решения об осуществлении деятельности и одновременного выбора оптимального для конкретной ситуации средств осуществления деятельности (форм речи, их вариантов и собственно языковых средств, включающих морфологические, лексические, синтаксические и другие); фазу планирования речевой деятельности; этап фактического осуществления речевых действий и операций, за чем следует (либо происходит одновременно)

контроль за совершаемой деятельностью и ее коррекция (при наличии такой необходимости).

По А.А. Леонтьеву, важной особенностью речевой деятельности на всех этапах ее порождения и восприятия является ее соотношенность с деятельностью общения. В понимании общения автор исходит из его интерпретации в психологии как деятельности по решению задач социальной связи. Деятельность общения рассматривается как общий тип специфически человеческой деятельности, частными проявлениями которой являются все виды взаимодействия людей друг с другом, включая в первую очередь вербальное взаимодействие, т.е. речевую деятельность. Таким образом, в концепции А.А. Леонтьева деятельность общения и речевая деятельность рассматриваются как целое и его часть, что, в свою очередь, предполагает возможность рассмотрения и отдельных единиц речевой деятельности – действий и операций – в качестве подчиненных решению коммуникативных задач.

Представленные основные положения психолингвистической концепции речевой деятельности А.А. Леонтьева дают основания для трактовки предлогов в составе словосочетаний в качестве минимальных языковых единиц, указывающих на речемыслительные операции при осуществлении речевых действий, имплицитных высказыванием в целом и отдельными его частями, имеющих форму предложных словосочетаний. Такая трактовка предлогов предполагает, что анализ их функциональных свойств должен осуществляться при учете коммуникативных задач при осуществлении речевой деятельности в конкретном типе дискурса, включая официально-деловой дискурс.

## **7.2. Аспекты использования предлогов в составе словосочетаний в документации Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО**

Учитывая недостаточную изученность функциональных свойств предлогов как единиц речевой деятельности, используемых, в частности, при оформлении вариативно используемых словосочетаний в определенном типе дискурса (в том числе представленного в текстах официально-делового стиля), в настоящей работе ставится цель выявить факторы употребления различных предлогов в составе семантически и структурно сходных словосочетаний на примере документации Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО (World Heritage Committee), ссылка на который будет в дальнейшем даваться в сокращении *WNC*.

Необходимо упомянуть, что официальными языками Комитета являются английский и французский. В центре внимания настоящей работы будет находиться документ на английском языке «Convention Concerning the Pro-



tection of the World Cultural and Natural Heritage» («Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия»), утвержденный 15 мая 2015 года в Париже [WHC, 2015]. В целом, объем документа достаточно большой и составляет 168 страниц. В структурном отношении текст документа включает в себя две основные части, содержащие информацию о состоянии сохранности объектов природного и культурного наследия. Каждая часть, в свою очередь, состоит из разделов, выделяемых по принципу местонахождения и государственной принадлежности культурных и природных объектов. В рамках конкретных разделов по природным (в первой части) и культурным (во второй части) объектам содержится три типа информационного содержания и соответствующим образом оформленных официально-деловых текстов: (а) общая характеристика объекта природного или культурного наследия; (б) анализ состояния сохранности объекта; (в) проект резолюции Комитета всемирного наследия по проведенным и предстоящим работам на объекте. Языковые особенности официально-делового дискурса в наибольшей степени проявляются в третьей части каждого раздела, т.е. в текстах резолюций по объектам всемирного наследия. Это выражается, в частности, в регулярном использовании клишированных синтаксических конструкций, с помощью которых оформляются, главным образом, асертивные и директивные речевые акты, как в примерах (1) и (2), соответственно:

(1) *Notes the progress made with controlling illegal constructions, the maintenance and conservation works [...]* [WHC, 2015: 127].

(2) *Requests furthermore the State Party to submit to the World Heritage Centre [...] an updated report, including a 1-page executive summary, on the state of conservation of the property [...]* [WHC, 2015: 128].

В связи со специализированным характером дискурса, представленного в текстах резолюций, в дальнейшем будут анализироваться особенности употребления предлогов в составе словосочетаний, употребляемых именно в этом типе текстов, в частности, в резолюциях по объектам культурного наследия, находящимся в странах Европы и Северной Америки [WHC, 2015: 127-156].

Поскольку тексты резолюций в целом сходны в структурно-семантическом и стилистическом отношении, представляется целесообразным сделать краткий обзор использования служебных слов на примере одной резолюции, которая была принята на основании состояния сохранности Московского Кремля и Красной площади [WHC, 2015: 144-145]. В целом, в резолюции содержится 410 слов, третья часть которых (общей суммой 153 единицы) представлена служебными словами. Среди служебных слов, используемых в тексте резолюции, наибольшим количеством словоупотреблений отличаются артикли (58) и предлоги (52). Наименьшее количество употреблений приходится на служебные глаголы, которые используются два раза. Средней частотностью использования в синтаксических структурах характеризуются союзы (25) и частицы (17). С точки зрения функциональных ха-

рактеристик, большинство упомянутых служебных слов, а именно, артикли, союзы и частицы не обнаруживают каких-либо особенностей, которые бы существенно отличали их использование в анализируемом типе дискурса от употребления в текстах, представляющих другие функциональные стили. Вместе с тем, функционирование предлогов отличается не только высокой частотностью, но и широким диапазоном вариативности в составе синтаксиса.

Следует отметить, что термин «синтаксема» предложен Г.А. Золотовой, которая дает ему следующее определение: «Синтаксемой названа минимальная, далее неделимая семантико-синтаксическая единица русского языка, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических конструкций, характеризующаяся, следовательно, определенным набором синтаксических функций» [Золотова, 1982: 4]. Как показано в работе А.М. Мухина [1980], в английских предложениях синтаксеммы, как правило, оформляются в виде сочетаний предлогов с последующим существительным либо именной группой.

В анализируемых текстах резолюций наиболее частотно употребляемым предлогом является предлог *of*. Высокая частотность его использования в составе словосочетаний и включенных в них синтаксис вполне объяснима, если учитывать обобщенность передаваемого им значения, которое, по мнению Р. Лангакера [Langacker, 2000: 73-90], реализуется в указании на наличие «внутренней взаимосвязи» (*intrinsic relationship*) между референтами соединяемых с помощью предлога именных групп. Следует отметить, что данное общее значение определяется в работе Р. Лангакера на основании когнитивных факторов употребления предлога *of* в составе словосочетания. Сделаем обзор предложенного автором анализа предлога.

Одной из наиболее характерных особенностей употребления предлога *of* является, с точки зрения Р. Лангакера, осуществление с его помощью указания на то, что один из референтов именной группы в составе словосочетания мыслится в качестве необходимой составной части другого референта. Указание подобного рода эксплицируется при употреблении таких словосочетаний, как *the bottom of the jar, a kernel of corn, some of the peas*. Первое слово во всех иллюстративных словосочетаниях (*the bottom, a kernel, some*) является наименованием предметной сущности, которая входит в состав целого, обозначаемого второй словоформой словосочетания (*the jar, corn, peas*). Доказательством языковой релевантности осмысления именных референтов словосочетаний с предлогом *of* по параметру «часть – целое» является, по мнению автора, предпочтительное использование именно этого предлога при обозначении упомянутого отношения, а не какого-нибудь другого предлога (например, *on* или *in*), уместного для описания не столько внутренней, сколько внешней взаимосвязи: *the bottom of the jar – the label on the jar; the tip of my finger – the splinter in my finger*. Данные примеры демонстрируют, что предлог *of* указывает на отношение «часть – целое», связы-

вающее референты слов «дно» (*the bottom*) и «банка» (*the jar*), а также «кончик» (*the tip*) и «палец» (*finger*), в то время как сферой указания предлогов *on* и *in* является собственно пространственная характеристика двух относительно самостоятельных объектов, называемых словами «наклейка» (*the label*) и «банка» (*the jar*), а также «заноза» (*the splinter*) и «палец» (*finger*). В этой же части анализа показано, что употребление предлога *of* является необходимым в словосочетаниях, где первым словом является языковая единица с количественной семантикой, характеризующая соответствующий референт (в том числе неопределенный) как часть некоторого целого. Так, использование *of* является обязательным в сочетаниях типа *most / some / many / seven of the peas*, в то время как в сочетаниях с количественным местоимением *all* употребление этого же предлога не является обязательным, в связи с чем словосочетание *all the peas* является грамматическим корректным.

С точки зрения Р. Лангакера, отношение «часть – целое» свойственно наиболее частотным случаям употребления предлога *of* в составе словосочетания. Это отношение не выражается сочетаниями типа *the father of the bride*, но тем не менее сам по себе предлог в составе такого сочетания сохраняет указание на наличие «внутренней взаимосвязи» между референтами главного и зависимого слов. Сам факт наличия у предлога *of* данного указания подтверждается путем сравнения функций предлогов в сочетаниях *the father of the bride* и *the bench under the tree*. По своим непосредственным составляющим и в плане последовательности выражения общего значения оба сочетания, как полагает автор, сходны. Так, на первой ступени формирования целостной семантики словосочетания предлоги *under* и *of* сочетаются с последующим существительным (*under the tree, of the bride*) как средство указания на ориентир (*landmark*), относительно которого в рамках целостного словосочетания репрезентируется соответствующий траектор (*trajectory*), или фокус внимания (в данном случае *the bench* и *the father*, соответственно). Именно в имплицитной характеристике собственно структурного отношения между главным и зависимым словами в словосочетаниях и заключается, по мнению Р. Лангакера, их сходство. В семантическом отношении взаимосвязь главного и зависимого слов характеризуется автором как контрастивная. В первую очередь, отмечается, что в то время как сочетание *under the tree* вводит отношение, которое не предполагается содержанием лексического значения слова *tree*, предложная конструкция *of the bride*, напротив, заполняет содержательную позицию, которую задает семантика существительного *father*. В результате получается, что смысл «внутренняя взаимосвязь», характеризующий предлог *of* как релятивную единицу, усиливается релятивной семантикой главного слова словосочетания, в данном случае *the father*.

Несколько сложнее обстоит дело, по мнению Р. Лангакера, в тех случаях, когда позицию главного слова в словосочетании занимает отглагольное

имя, как, например, *chanting* («скандирование»). В подобного рода случаях, когда имеется субъект (*the demonstrators*) и / или объект действия (*the slogans*), возможны три случая оформления предложного словосочетания: (а) сочетание с предлогом *of* с указанием на объект действия (*the chanting of the slogans*); (б) сочетание либо с предлогом *of*, либо с *by* при указании на субъект действия (*the chanting of / by the demonstrators*); (в) сочетание с обоими предлогами с эксплицитным указанием как на объект, так и на субъект действия (*the chanting of / by the demonstrators*). В обсуждаемом анализе подобного рода случаев обращается внимание на то, что предлог *of* сохраняет свою основную импликацию, а именно, указание на наличие внутренней взаимосвязи между референтами главного и зависимого слов в словосочетании. В частности, в сочетании *the chanting of the slogans* предлог *of* указывает в составе объектной синтаксемы на своего рода предметного «участника» события *chanting*, т.е. на объект, который предполагается самим значением называемого глаголом события. Поскольку, в свою очередь, событие скандирования с необходимостью предполагает и интенциональный субъект действия (которым могут быть демонстранты), то естественной является конструкция с двумя предлогами *the chanting of the slogans by the demonstrators*, в которой *of* вводит объект действия (*of the slogans*), а *by* – его субъект (*by the demonstrators*). При этом предлог *by* будет указывать не столько на внутреннюю взаимосвязь между событием скандирования (*chanting*) и демонстрантами (*the demonstrators*) как его участниками, сколько на функцию контроля, осуществляемую последними по отношению к событию. Что касается возможности выбора предлога *of* для обозначения субъекта действия в сочетании *the chanting of the demonstrators*, то это объяснимо, с точки зрения Р. Лангакера, некоторыми эргативными свойствами глагола *chant*, употребление которого требует выражения любого участника обозначаемого события независимо от того, является ли таковой объектом либо субъектом действия. Выбор предлога *of* в любом случае, по мнению автора, сигнализирует о наличии внутренней взаимосвязи между событием и участником.

Учитывая изложенную выше интерпретацию функциональных свойств предлога *of* с когнитивной точки зрения, а также факт включенности образующих с помощью этого предлога словосочетаний в конкретную речевую деятельность, обратимся к аспектам его использования в анализируемом документе Комитета всемирного наследия.

### 7.3. Факторы вариативного использования словосочетаний с предлогом *of* в тексте документа

Отличительной особенностью предлога *of* при его употреблении в анализируемых текстах является его корреляция с другими предлогами в составе

словосочетаний при оформлении объектных и (реже) субъектных синтаксем. Речь идет о корреляциях типа *inform of / on the development of the project, details of / on / for the project, a plan of / for the property, deterioration of / to historic buildings, evaluation of / by the committee*. Рассмотрим факторы вариативного использования синтаксем с предлогом *of* в представленном порядке.

Одним из случаев наиболее сходного, на первый взгляд, употребления предлогов *of* и *on* является их использование в составе объектных синтаксем в контексте предиката *keep informed*. Например:

(3) *Requests the State Party to keep the World Heritage Centre informed of the state of conservation of the property [...]* [WHC: 133].

(4) *[...] requests the State Party to keep the World Heritage Centre informed on the development of the project* [WHC: 156].

Несмотря на явное сходство семантико-синтаксической дистрибуции предлогов *of* и *on*, а именно, тождественности левосторонней сочетаемости и тематической близости правосторонних номинаций (речь идет об информировании по поводу состояния сохранности и разработке документа по сохранению объекта), общий контекст требования информировать Комитет всемирного наследия в двух рассмотренных случаях не вполне совпадает. Так, использование с предикатом *keep informed* предлога *of* имеет место в контексте положительного отзыва о культурном объекте, в то время как употреблению с этим же предикатом предлога *on* предшествует выражение озабоченности по поводу обсуждаемого положения дел. Кроме того, предлог *on* употребляется в контексте требования дважды, вследствие чего возникает импликация **направления внимания адресата на** (*focus on*) те моменты, о которых идет речь:

(5) *Also notes with serious concern that no reconsideration has been made on the Elizabeth House development scheme [...]* and requests the State Party to keep the World Heritage Centre informed **on** the development of the project [WHC: 156].

Смысл «направление внимания» возникает у предлога *on* в контексте глагола *inform* отнюдь не случайно. Данный глагол содержит в своем значении указание на включенный актант, т.е. на содержание, которое передается при информировании. В лексикографических источниках, в частности, в электронных словарях [Collins English Dictionary, 2015] (CED), [Cambridge Dictionaries Online, 2015] (CDO), [Merriam-Webster Dictionary, 2015] (MWD), [Macmillan Dictionary, 2009-2015] (MD) смысл «содержание» передается в дефинициях глагола *inform* такими словами, как *information, facts, essential quality*, ср.:

(6) *[...] to give **information** to [...]* [CED: [www.collinsdictionary.com/dictionary/english/inform](http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/inform)]; *to tell someone about particular **facts*** [CDO: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/inform>]; *to give **information** to (someone); to be or provide the **essential quality** of (something)* [MWD: [www.merriam-webster.com/dictionary/inform](http://www.merriam-webster.com/dictionary/inform)]; *to officially tell someone something, or to give*

*them information about something* [MD: [www.macmillandictionary.com/dictionary/british/inform](http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/inform)].

Как следует из приведенных дефиниций, ключевым словом в экспликации смысла «содержание» является существительное *information*, которое, в свою очередь, имеет собственную объектную валентность, выражаемую в ряде случаев с помощью предлога *on*. Об этом свидетельствуют данные таких словарей, как [Oxford Learner's Dictionaries, 2015] (OLD), а также CDO и MWD:

(7) *For further information on the diet, write to us at this address* [OLD: [www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/information?q=information](http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/information?q=information)]; *Do you have any information about/on train times?* [CDO: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/information>]; *The pamphlet provides a lot of information on recent changes to the tax laws* [MWD: [www.merriam-webster.com/dictionary/information](http://www.merriam-webster.com/dictionary/information)].

Сказанное выше подводит к предположению о том, что предлог *on* в сочетании с предикатом *keep informed*, с одной стороны, эксплицирует объектную валентность включенного актанта глагола, а именно, сосредоточенность передаваемой информации на определенном содержании (*information on*), с другой стороны, – непосредственно указывает на это содержание в рамках сочетания предиката с объектной синтаксемой. Указание сосредоточить внимание на определенном содержании (*keep informed on*) звучит вполне уместно в контексте выражения озабоченности и настоятельного требования. Напротив, при выражении похвалы в примере (3), где объектная синтаксема предиката *keep informed* вводится предлогом *of*, осуществляется указание на отмеченную Р. Лангакером внутреннюю взаимосвязь между двумя сущностями, в данном случае – между передаваемой информацией (*keep informed of*) и состоянием сохранности объекта (*the state of conservation of the property*). Иначе говоря, предлог *of* имплицитно указывает, что передаваемая информация предназначена быть эмпирически доступной совокупностью данных об обсуждаемом в документе объекте.

Предлоги *of* и *on* дифференцируются аналогичным образом в именных словосочетаниях с существительным *details*. Следует отметить, что в анализируемых текстах данное существительное сочетается с объектной синтаксемой при употреблении предлога *of* пять раз, в то время как сочетаемость с предлогом *on* встречается только один раз. Приводимые ниже два предложения могут служить иллюстративным примером контрастивного употребления предлогов:

(8) *Further requests the State Party to [...] provide details of the project [...]* [WHC: 127].

(9) *Also requests the State Party to provide information on the Nelbock Viaduct Rainerstrasse / Bahnhofsvorplatz project as well as details on the Residential Building Priesterhausgarten [...]* [WHC: 130].

Употребление предлога *of* в примере (8) способствует интерпретации существительного *details* как совокупности информационных данных, которые призваны составить эмпирически доступную область из (*of*) общего представления о проекте реставрации культурного объекта. Напротив, предлог *on* в примере (9) сигнализирует, что информационные данные (*details*) трактуются в высказывании в качестве материала, который фиксирует внимание на (*on*) статично осмысляемых характеристиках культурного объекта (в данном случае здания). Смысл «статичность», который в данном примере естественным образом ассоциируется с номинациями объектов, отнюдь не означает, что предлог *on* накладывает ограничение на сочетаемость с событийными наименованиями. Так, в примерах (4) и (6) этот предлог имплицитно сосредоточенность внимания на таких событиях, как разработка (*development*), время прибытия и отправления поездов (*train times*), изменения (*changes*). Вместе с тем, предлог *on* в каждом случае имплицитно, что последующее слово представляет обозначаемый предмет либо событие как относительно **статичный объект направленной на него перцептивной и / или мыслительной деятельности**, в данном случае концентрации внимания. Предлог *of*, в отличие от *on*, фиксирует не объект внимания, а некоторую предметную или событийную область, внутренне связанную с предметом либо явлением, которые представляют эту область в эмпирически данной реальности. Поскольку информационная совокупность данных, именуемая в английском языке словом *details*, в деловом дискурсе в большей степени связывается именно с эмпирическим объектом, относящемся к определенной информационной области, то и более высокая степень частотности сочетаемости этого слова с предлогом *of* (по сравнению с *on*) является вполне объяснимой. В анализируемых текстах существительное *details* сочетается с объектной синтаксемой, вводимой предлогом *of*, в составе выражений *details of the project* (два раза), *details of measures* (два раза), *details of developments* (один раз). С другой стороны, в тех случаях, когда в качестве главного слова в словосочетании выступает лексическая единица, обозначающая результат определенной целенаправленной деятельности, объектная синтаксема вводится с помощью предлога *on*. Весьма распространенными в анализируемых текстах являются такие сочетания, как *a report on the state of conservation*, *a regulation on the conservation of the historic centre*, *information on the project*, *guidelines on the project*, *a study on the stability of the buildings*. Фактически все тексты резолюций завершаются требованием представить доклад о (*report on*) состоянии сохранности культурных объектов, как в следующем примере:

(10) *Finally requests the State Party to submit an updated report [...] on the state of conservation of the property [...] [WHC: 145].*

В одном из восемнадцати случаев употребления предлога *on* как маркера объектной синтаксемы данный предлог коррелирует с предлогом *for*:

(11) *The World Heritage Committee [...] encourages the State Party to proceed with the timely adoption and implementation of [...] the new Regulation on the protection, conservation and management of the historic centre of Gjirokastra and its buffer zone* [WHC: 127].

(12) *The World Heritage Committee [...] requests the State Party to [...] maintain the moratorium on any new constructions [...] until the approval of the new Regulation for the protection, conservation and integrated management of the historic centre of Gjirokastra and its buffer zone* [WHC: 127].

В приведенных примерах семантико-синтаксическая дистрибуция предлогов является идентичной: *regulation on / for the protection*. Семантическое сходство объектных синтаксем здесь заключается в том, что в обоих случаях предлог вводит номинацию содержания нового закрепленного в документе положения (*regulation on / for*). Вместе с тем, при использовании предлога *on* происходит имплицитная категоризация референта существительного *regulation* как документа, содержание которого сосредоточено *на* (on) определенной тематике. Иначе говоря, интерпретацию словосочетания *regulation on the protection, conservation and management* можно представить в виде толкования «официальное положение, содержание которого сосредоточено на защите, сохранении и менеджменте». Предлог *for*, в свою очередь, задает иную интерпретацию документа, обозначаемого словом *regulation*. Документ, описываемый сочетанием *regulation for*, осмысливается как **предметная сущность, предназначенная для** (*for*) того, чтобы событие, называемое словами, которые следуют за предлогом, имело место, состоялось. Следовательно, выражение *regulation for the protection, conservation and management* трактуется как «официальное положение, которое предназначено для осуществления защиты, сохранения и менеджмента».

Наиболее частотным противопоставлением предлогов в сочетаниях, обозначающих документ и его содержание, является контрастивное употребление предлогов *of* и *for*, например:

(13) *Requests the State Party to finalize, as soon as possible, the Management Plan of the property [...] [WHC: 137].*

(14) *Commends the State Party for the actions it has undertaken [...] to complete the New Municipal Urban Development Plan for the property [...] [WHC: 142].*

В приведенных примерах наблюдается противопоставление предлогов *of* и *for* в сочетании *plan of / for the property*. Исходя из сказанного по поводу обоих предлогов ранее, в рассматриваемом случае имеет место **различная категоризация референтов знаменательных слов** в словосочетании. Если употребление предлога *of* предполагает осмысление соответствующих референтов как определенной эмпирической данности (*plan*) и той предметной области, которую эта данность представляет (*property*), то использование предлога *for* предполагает установление взаимосвязи между предмет-



ной сущностью (*plan*) и событием либо действием, в том числе включающим определенный объект (*property*), для которого эта сущность предназначена. Таким образом, сочетание *plan of the property* можно интерпретировать как номинацию документа (*plan*) через его отнесенность к (*of*) к определенной предметной области, в данном случае – к государственной собственности (*property*), представляющей собой объект культурного наследия. Напротив, сочетание *plan for the property* предполагает, что этот же документ (*plan*) предназначен для (*for*) включения культурного объекта (*property*) в определенное событие, а именно, разработку проектов сохранности культурного наследия. Дифференцированная категоризация референтов пары *plan – property* происходит именно в дискурсе при оформлении словосочетания с использованием различных предлогов. При этом сами по себе предлоги выступают в качестве словесных знаков, указывающих на различные **когнитивные операции**, а именно, **операцию связывания** (эмпирического объекта и его предметной области) в случае употребления *of* и **операцию проецирования** (предметной сущности на определенное событие) в случае использования предлога *for*. Поскольку для деловой документации директивного характера, каковыми являются анализируемые тексты резолюций, характерно именно проецирование различного рода информационных объектов либо данных на те или иные мероприятия по охране культурного наследия, то частотность сочетания соответствующих существительных с предлогом *for* выше по сравнению с предлогом *of*. Количественный анализ именных сочетаний с главными словами *program*, *details* и *plan* показывает следующую статистику употреблений для каждого из названных существительных: *a program of* – 1, *a program for* – 2; *details of* – 5, *details for* – 6; *a plan of* – 4, *a plan for* – 9.

Следует отметить, что при характеристике культурного объекта по параметру «улучшение – ухудшение» встречается только две объектные синтаксемы с предлогом *of*, которые используются в контексте существительного *deterioration*:

(15) *Welcomes the efforts made by the State Party [...] and encourages it [...] to ensure that no [...] deterioration of historic buildings [...] occur in the property and its buffer zone* [WHC: 137].

(16) *Welcomes the efforts made by the State Party [...] and requests it to [...] adopt regulatory regimes thus ensuring that no [...] deterioration of the heritage buildings [...] will take place* [WHC: 147].

С другой стороны, в анализируемых текстах имеется один случай сочетания существительного *deterioration* с объектной синтаксемой при использовании предлога *to*:

(17) *Welcomes the efforts made by the State Party [...] and encourages it [...] to ensure no [...] deterioration to the heritage buildings which could constitute a threat to the property and its buffer zone* [WHC: 145].

В свою очередь, существительное *improvement*, которое употребляется в анализируемых текстах три раза, сочетается с последующим знаменательным словом только с помощью предлога *to*, как в следующем примере:

(18) [...] *further urges the State Party [...] to use their infrastructure programs in order to [...] support technical improvements to train tracks and tunnels* [WNC: 135].

В собственно количественном отношении при обозначении ситуаций улучшения и ухудшения состояния культурного объекта более частотно используются словосочетания с предлогом *to* (четыре раза) по сравнению с их аналогами, включающими предлог *of* (два раза). Об ином соотношении в плане предложной сочетаемости с существительными *improvement* и *deterioration* свидетельствуют данные Британского национального корпуса [The British National Corpus, 2007]. В корпусе содержится 468 случаев употребления *improvement of* и только 86 примеров использования *improvement to*, а также собраны примеры употребления *deterioration of* общим количеством 161, в то время как количество употреблений *deterioration to* сводится к двум. Не исключено, что предпочтительное употребление предлога *to* (по сравнению с *of*) в анализируемых словосочетаниях при их использовании в текстах резолюций (в отличие от менее специализированных текстов Британского национального корпуса) обусловлено особенностями категоризации знаменательных слов, обозначающих культурный объект. Выше отмечалось, что предлог *of* сигнализирует о категоризации референта последующего знаменательного слова как определенной предметной области, к которой относится эмпирически данный объект, обозначаемый главным словом в словосочетании. Таким образом, в словосочетании *deterioration of historic buildings*, используемом в двух приведенных выше примерах, предлог *of* задает интерпретацию исторических зданий (*historic buildings*) как образующих своего рода предметную область, которую может затронуть процесс ухудшения (*deterioration*). Употребление предлога *to* в словосочетании *deterioration to historic buildings*, очевидно, обусловлено иным осмыслением референтов знаменательных слов. Необходимо упомянуть, что предлог *to* является в первую очередь направительным, о чем свидетельствует наличие компонента *direction* в его словарных толкованиях:

(19) *in the direction of something* [OLD: [www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/to\\_1?q=to](http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/to_1?q=to)]; *used to indicate the direction of something* (MWD: [www.merriam-webster.com/dictionary/to](http://www.merriam-webster.com/dictionary/to)); *used for saying in which direction someone or something is facing or pointing* [MD: [www.macmillandictionary.com/dictionary/british/to](http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/to)].

Компонент «направление», содержащийся в семантике предлога *to*, способствует дискурсивной категоризации референта главного слова в словосочетании *deterioration to historic buildings* как процесса, имеющего определенную направленность, что позволяет толковать сочетание *deterioration to*

как обозначение процесса ухудшения, направленного на определенный объект. Поскольку воздействию определенного процесса подвергается не просто абстрактно мыслимый объект, а те или иные его свойства в определенный момент времени, то логично допустить, что референт именной группы *historic buildings* осмысляется с точки зрения его текущего состояния или статуса. Следовательно, интерпретацию словосочетания *deterioration to historic buildings* можно представить в виде толкования «процесс ухудшения, воздействие которого (может быть) направлено на текущее состояние исторических зданий». Поскольку в дискурсе Комитета всемирного наследия охраняемые культурные объекты зачастую рассматриваются именно в плане их текущего состояния, а также возможного изменения этого состояния, то вполне объяснимой является более частотная сочетаемость существительных типа *improvement* и *deterioration* с предлогом *to* по сравнению с предлогом *of*.

Хотя предлог *of* наиболее частотно употребляется в составе объектных синтаксем, в анализируемых текстах имеются случаи использования этого предлога как средства указания на субъект определенного действия. В качестве служебного слова, оформляющего субъектные синтаксемы, предлог *of* соотносим в ряде случаев с предлогом *by*, например:

(20) *Welcomes the efforts undertaken [...] to respond to the recommendations of the Committee and those of the ICOMOS Reactive Monitoring mission [...]* [WHC: 127].

(21) *Also encourages the State Party to continue to provide to the World Heritage Centre any development proposals [...] for review by the Advisory Bodies* [WHC: 127].

Противопоставления предлогов *of* и *by* в словосочетаниях *recommendations of the committee / mission* и *review by the advisory bodies* можно считать вполне объяснимым. Если при употреблении предлога *of* осуществляется синтаксическая взаимосвязь имени речевого произведения (*recommendations*) и номинации области-источника (*committee / mission*), то использование предлога *by* способствует установлению взаимосвязи между непосредственной номинацией действия (*review*) и его исполнителя (*advisory bodies*). В целом, в анализируемых текстах резолюций насчитывается одиннадцать аналогичных противопоставлений субъектных синтаксем в составе предложных сочетаний. Вместе с тем, в одной из резолюций предлоги *of* и *by* имеют максимально сходную дистрибуцию и оформляют субъектную синтаксему после существительного, обозначающего действие, ср.:

(22) *[...] also regrets that the completed structure has been found to have a negative impact on the Outstanding Universal Value (OUV) of the property, according to [...] the evaluation of the State Party itself* [WHC: 153].

(23) *Finally requests the State Party to submit to the World Heritage Centre [...] an updated report [...] for examination by the World Heritage Committee at its 41<sup>st</sup> session in 2017* [WHC: 153].

На первый взгляд, словосочетания *the evaluation of the State Party* и *examination by the World Heritage Committee* в приведенных выше примерах описывают весьма сходные отношения между действием и его исполнителем или субъектом. Вместе с тем, при использовании предлога *by* ситуация рассмотрения документа (*examination*) категоризируется именно как действие, осуществляемое определенным субъектом (*the World Heritage Committee*), что подтверждается включением в состав предложения обстоятельства, фиксирующего время осуществления этого действия (*at its 41<sup>st</sup> session in 2017*). В свою очередь, при использовании предлога *of* ситуация оценки (*evaluation*) представлена только в плане ее конкретных результатов или письменно зафиксированных данных, у которых имеется свой источник (*the State Party*). Предметность осмысления ситуации в данном случае подтверждается фактом употребления определенного артикля с существительным *evaluation*, а также включенностью сочетания с этим существительным в матричную предложную конструкцию, вводимую предлогом *according to*. Таким образом, предлог *of* можно считать сходным с его коррелятом *by* как средством введения субъектной синтаксемы лишь в плане указания на когнитивную операцию связывания референтов сочетающихся знаменательных слов. В то же время предлоги задают различную дискурсивную категоризацию данных референтов. Если предлог *by* в рассматриваемом случае указывает на связывание действия в его динамике с субъектом осуществления этого действия, то предлог *of*, как и во всех рассмотренных ранее случаях, сигнализирует об установлении взаимосвязи между эмпирической данностью, воплощающей результаты действия, и предметной областью (в данном случае источником результатов), к которой эти эмпирические данные относятся.

Проведенный анализ языкового материала свидетельствует в пользу того, что именные словосочетания и входящие в их структуру предлоги играют немаловажную роль в формальном и содержательном структурировании официально-делового дискурса. Особенности употребления предлогов в проанализированных текстах резолюций Комитета всемирного наследия является их дифференцированное использование в составе содержательно сходных синтаксем в зависимости от дискурсивной категоризации референтов знаменательных слов, входящих в словосочетание, а также характера когнитивных операций, которые способствуют установлению смысловой взаимосвязи между определенным образом категоризованными референтами.

## Библиографический список к главе 7

1. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. – Изд. 2-е, испр. – М.: Высшая школа, 2000. – 160 с.
2. Гальперин И.Р. Стилистика: на англ. яз.: учеб. пособие. – Изд. 2-е, испр. – М.: Высшая школа, 1977. – 332 с.

3. Гуревич В.В. Стилистика английского языка: учеб. пособие. – Изд. 2-е, испр. – М.: Флинта; Наука, 2007. – 72 с.
4. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
5. Иванов И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1981. – 285 с.
6. Ильиш Б.А. Строй современного английского языка. – Л.: Просвещение, 1977. – 367 с.
7. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
8. Кубрякова Е.С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания // Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Институт языкознания РАН. – М.: Знак. – С. 113-127.
9. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – Изд. стереотип. – М.: КРАСАНД, 2014а. – 312 с.
10. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности / Отв. ред. М.М. Гухман. – Изд. 5-е. – М.: ЛЕНАНД, 2014б. – 256 с.
11. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – Изд. 8-е. – М.: ЛЕНАНД, 2014в. – 224 с.
12. Мухин А.М. Синтаксемный анализ и проблема уровней языка. – Ленинград: Наука, 1980. – 304 с.
13. Пайар Д., Селиверстова О.Н. (ред.). Исследования по семантике предлогов: сборник статей. – М.: Русские словари, 2000. – 376 с.
14. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка. – Изд. 2-е, испр. – М.: Астрель; АСТ, 2003. – 221 с.
15. Эванс В. Концептуальная и межсловная полисемия: анализ в терминах теории лексических концептов и когнитивных моделей (ЛККМ) // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 350-387.
16. Cambridge Dictionaries Online [Electronic resource] / Cambridge University Press // Cambridge Dictionaries Online: [site]. – Electronic data. Cambridge, 2015. – URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/>. – Title from screen (accessed 18.04.2015).
17. Collins English Dictionary [Electronic resource] / Collins // Collins English Dictionary [site]. – Electronic data. Great Britain, 2015. – URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/>. – Title from screen (accessed 25.05.2015).
18. Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage [Electronic resource] / United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. World heritage Centre: [site]/ Electronic data. Paris, 2015. – 168 p. – URL: <http://whc.unesco.org/archive/2015/whc15-39com-7B-en.pdf>. – Title from screen (accessed 17.08.2015).

19. Langacker R.W. The meaning of *of* // Langacker R.W. Grammar and conceptualization. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 73-90.

20. Macmillan English Dictionary [Electronic resource] / Macmillan Publishers Limited // Macmillan Dictionary Online: [site]. – Electronic data. Great Britain; USA, 2009-2015. – URL: <http://www.macmillandictionary.com>. – Title from screen (accessed 25.06.2015).

21. Merriam-Webster Dictionary [Electronic resource] / Merriam-Webster, Incorporated // Merriam-Webster Dictionary: [site]. – Electronic data. USA, 2015. – URL: <http://www.merriam-webster.com>. – Title from screen (accessed 15.05.2015).

22. Oxford Learner's Dictionaries [Electronic resource] / Oxford University Press // Oxford Learner's Dictionaries Online [site]. – Electronic data. Oxford, 2015. – URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com>. – Title from screen (accessed 17.05.2015).

23. The British National Corpus [Electronic resource] / BYU – BNC: British National Corpus; Ed. M. Davies // BYU – BNC: British National Corpus [site]. – Electronic data. USA, Brigham Young University, 2007. – URL: <http://corpus.byu.edu/bnc>. – Title from screen (accessed 15.08.2015).

24. Tyler A., Evans V. The semantics of English prepositions: Spatial scenes, embodied meaning and cognition. – New York: Cambridge University Press, 2003. – 254 p.

КОГНИТИВНО-ФРЕЙМОВОЕ  
МОДЕЛИРОВАНИЕ КАТЕГОРИЙ,  
ВЕРБАЛИЗУЕМЫХ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ  
РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ: КАТЕГОРИЯ  
ОЦЕНКИ, РЕПРЕЗЕНТИРУЕМАЯ ИМЕНАМИ  
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ<sup>1</sup>

**8.1. Общая характеристика современного англоязычного  
религиозного дискурса**

Религия на протяжении тысячелетий является краеугольным камнем, определяющим общественную идеологию и влияющим на все сферы человеческого бытия: культуру, образование, политику, экономику и др.

Религию в самом широком смысле можно определить как мировоззрение и мироощущение индивида, основанные на вере в Бога, в существование высшей сверхъестественной силы.

В энциклопедических изданиях находим, что религия – «одна из форм общественного сознания – совокупность духовных представлений, основывающихся на вере в сверхъестественные силы и существа (богов, духов), которые являются предметом поклонения» [Ожегов, 1997: 456].

Религия, как и язык, представляет собой знаковую систему, наделенную определенным содержанием и располагающую неким набором способов (вербальных и невербальных) передачи этого содержания [Чертов, 2011: 33-43, Аникушина, 2010: 132]. Знаковое пространство религии исследователи делят на группы: а) по способу восприятия: слуховые (акустические, например, звон колокола), оптические (визуальные – позы, жесты), осязательные (вкусовые – различные благовония и т.д.), тактильные, например, поцелуй иконы; б) по степени абстракции: иконы, символы и др. [Мечковская, 1998; Бобырева, 2007].

Емкое понятие «религия» характеризуется наличием целого ряда составляющих его элементов, к числу которых можно отнести: религиозные сообщества, религиозные институты и организации, традиции, ритуалы и

---

<sup>1</sup> Публикация выполнена в рамках проекта «Когниолингвистическое и лексикографическое моделирование фрагментов прикладной и фундаментальной научной картины мира (русский и английский языки)» в соответствии с Государственным заданием Министерства образования и науки РФ ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет» на 2014-2016 гг. (рук. проекта – докт. филол. наук, проф. *О.А. Алимурадов*).

др. Все указанные элементы находят отражение в религиозном дискурсе, имеющем свою неповторимую специфику.

Религиозный дискурс в узком смысле есть совокупность речевых актов, бытующих в религиозной сфере; в широком смысле – это набор определенных, жестко ритуализированных, действий вербального и невербального характера, нацеленных на приобщение человека к вере и сопровождающих процесс взаимодействия коммуникантов, включая тематические тексты и т.д. [Бобырева, 2007: 10; Салахова, 2010: 109; Аникушина, 2010].

Салахова А.Г. трактует религиозный дискурс как «совокупность устных и письменных текстов, обслуживающих коммуникацию в рамках общественного института церкви и характеризующихся целым рядом определенных признаков, функций, особенностей коммуникативной сферы» [Салахова, 2006: 7].

По мнению Е.А. Кислянской, религиозный дискурс – это один из типов институционального общения в рамках церкви; процесс создания текста религиозного содержания в ситуации реального общения [Кислянская, 2010: 78].

Религиозный дискурс в нашем понимании есть *особый тип институционального общения, совокупность речевых актов, реализующих процесс общения коммуникантов применительно к сфере религии, базирующийся на ряде действий, ритуалов, нацеленных на приобщение человека к вере в Бога / сверхъестественные силы.*

Разделяя точку зрения Н.Б. Мечковской относительно того, что религия как особая коммуникативная система маркирована двумя векторами коммуникации: 1) от Бога – через пророка (священника) – к людям; 2) от людей – через пророка (священника) – к Богу [Мечковская, 1998: 224], считаем возможным говорить о двойственной природе англоязычного религиозного дискурса, реализуемой как невербально, так и вербально. Назовем это невербальный религиозный дискурс (I тип) и вербальный религиозный дискурс (II тип).

Далее рассмотрим детально каждый из представленных типов. Начнем с модели невербального религиозного дискурса (I тип), имеющей следующий вид (рис. 8.1):

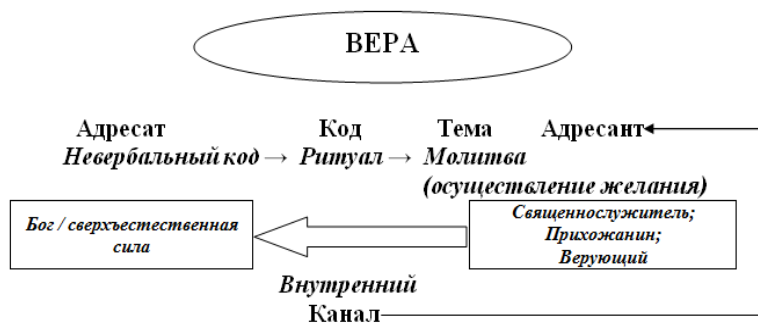


Рис. 8.1. Невербальный религиозный дискурс (I тип)



Рассмотрим приведенную схему несколько подробнее. Как представляется, ключевым концептом религиозной сферы является «Вера», поскольку именно вера в существование Высшей силы, в ее сверхъестественные возможности и способности заставляет адресанта в лице священнослужителя как посредника и просителя перед Богом за простого смертного на Земле, прихожанина и верующего, пребывающих в постоянном ожидании чуда, вновь и вновь обращаться к Всевышнему в бесконечных мольбах и чаяниях. Так как время и пространство разделяют адресанта и адресата, коммуникация здесь имеет одностороннюю связь, при которой эксплицитная (вербально выраженная) ответная реакция Бога отсутствует. Исходя из этого, считаем логичным утверждать, что невербальный религиозный дискурс (I тип) подразумевает общение с самим собой, поэтому единственно возможный канал связи – внутренний. Мы уже отмечали тот факт, что религиозный дискурс как никакой другой тип дискурса подчинен ритуалу. Однако на невербальном этапе, реализуемом преимущественно в виде молитвы или прошения осуществить те или иные желания, наблюдается более свободный, порой выходящий за рамки языковых норм (грамматических, стилистических и др.), посыл идей и мыслей адресанта, при этом ритуал отходит на второй план.

В контексте нашего исследования особую значимость приобретает вербальный религиозный дискурс (II тип), который можно представить в виде следующей схемы (рис. 8.2):

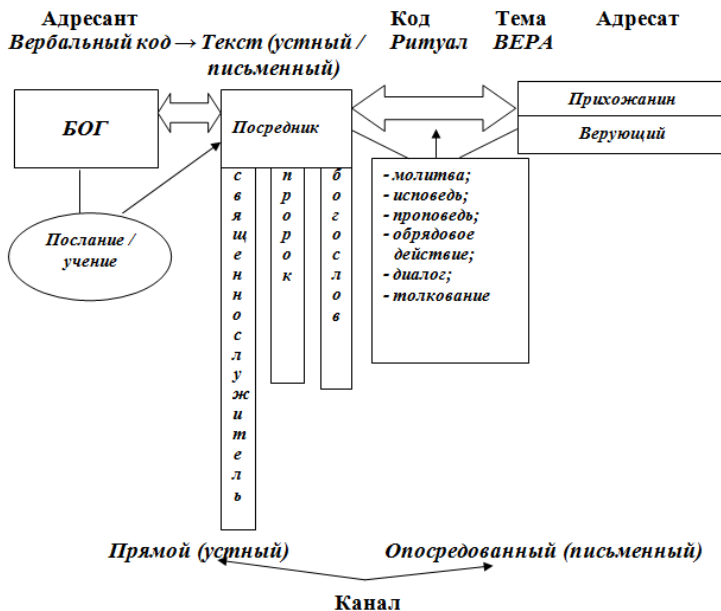


Рис. 8.2. Вербальный религиозный дискурс (II тип)

Согласно схеме, коммуникацию на вербальном уровне реализуют адресант, в качестве которого выступает Бог, существующий вне времени и пространства, и адресат в лице прихожанина и верующего. Однако в силу того, что адресант неосязаем, возникает необходимость вовлечения в процесс общения посредника, «говорящего» устами божьими и несущего свою «миссию». В роли подобного рода посредника выступают священнослужитель, пророк и богослов, каждый из которых своей высшей целью видит приобщение человека к вере и утверждение системы ценностей, бытующей в пределах определенной религии, конфессии. Кроме этого, вербальный тип религиозного дискурса характеризуется четким соблюдением ритуала, возводимого в абсолют, поскольку каждый жанр религиозных текстов (устных / письменных) имеет свою специфику и подчинен определенным канонам. В рамках II типа религиозного дискурса мы выделяем два канала связи: прямой (устный) и опосредованный (письменный). Безусловно, вне зависимости от типа коммуникации краеугольным камнем сферы религии служит базовый концепт «Вера».

Анализируя религиозный дискурс, нельзя обойти проблему его статуса и места в общей парадигме англоязычного дискурса. На наш взгляд, выделение англоязычного религиозного дискурса в отдельный вид дискурса имеет смысл по ряду причин.

Во-первых, религиозный дискурс маркирован наличием *предмета* и *объекта* изучения, которыми служат тематические тексты по религии (устные / письменные) и Бог (его учения, заповеди, постулаты, выраженные опосредованно в вербальной форме). Очевидно, что в религиозном дискурсе протекает *полноценная коммуникация*, осуществляемая ее участниками (адресант, адресат, тема, код и др.).

Во-вторых, религиозный дискурс как и любой другой тип дискурса (в том числе – и институционального) имеет свои *цели*, а именно, передать мольбы, надежды верующего человека и найти поддержку в лице приверженцев определенной веры или самого Всевышнего. Реализация данных задач осуществляется посредством достижения ряда *более частных задач*, к числу которых относят: 1) получить поддержку у Бога; 2) очистить душу; 3) призвать ближних к вере и покаянию; 4) утвердить верующих в вере и добродетели; 5) через ритуал осознать свою принадлежность к той или иной конфессии [см. об этом, в частности: Карасик, 2002: 325].

Размышляя о природе религиозного дискурса, многие ученые справедливо отмечают его *институциональный характер* [Чаусов, 2013: 34; Блунберг, 2007: 224], определяя при этом институциональный дискурс как «статусно-ориентированное общение, то есть речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями обще-

ства на конкретном этапе его развития. Этот тип дискурса представляет собой специализированную клишированную разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Карасик, 1998: 186].

Говоря об общественном институте применительно к религиозному дискурсу, многие ученые, прежде всего, подразумевают церковь как основной социальный институт [Smart, 1958; Kort, 1992 и др.]. Однако здесь следует сделать оговорку о том, что сегодня границы религиозного дискурса выходят далеко за рамки церкви и могут предполагать не только общение верующих в малых религиозных группах, но и персональное общение, выражающее мольбы и чаяния верующих.

Исходя из этого, можно выделить несколько сфер функционирования религиозного дискурса:

1. *Традиционное общение в рамках церкви*, при котором особое значение приобретает различный рода ритуалы, клише, и наблюдается четкое разграничение ролей между участниками коммуникации: священнослужитель – прихожанин. В отношении данного вида общения вполне применима традиционная коммуникативная модель (Якобсон, 1975), маркированная наличием адресанта (Бог) и адресата (прихожанин / верующий), где официальный представитель института церкви выступает своего рода посредником в связке Бог – Человек.
2. *Общение в рамках малых религиозных групп* подразумевает коммуникацию вне стен храма: сюда относятся встречи верующих между собой, беседы по интересующим их вопросам и проблемам, собрания приверженцев различных религиозных течений и сект. Очевидно, что данная форма общения не ставит своей приоритетной задачей соблюдение ритуалов, канонов, хотя и подчинено им, однако, основной акцент делается на создание благоприятного эмоционального фона, снятие психологических трудностей, препятствующих полноценному общению коммуникантов.
3. *Общение человека с Богом* – общение без посредников, прямое обращение к Богу. Самой распространенной формой подобного общения является молитва, которая может быть реализована как вербально в виде коллективной молитвы, так и невербально в виде индивидуальной молитвы верующего.

Безусловно, вне зависимости от сферы функционирования религиозного дискурса, рассматриваемая область знаний имеет свою специфику и неповторимость, что, в свою очередь, позволяет говорить о нем как об особом типе институционального общения, существующем в пределах англоязычного дискурса.

Специфика религиозного дискурса сводится к тому, что к числу основных участников, осуществляющих процесс коммуникации в сфере религии,

относится Бог – сверхъестественное существо, к которому обращается верующий в своих мольбах и чаяниях [см., в частности: Ширяева, 2007: 107].

Следует отметить, что коммуникация в сфере религии имеет свой *хроно-топ* (место и время действия) и разворачивается, как правило, в фиксированные часы в стенах социального института – церкви / храма, т.е. специального сооружения, используемого для богослужений и религиозных обрядов.

Особое значение в религиозном дискурсе приобретает *система ценностей* как абстрактная система, которая помогает управлять действиями индивида и регламентировать их [Jackendoff, 2007: 302], сформировавшаяся в результате влияния фундаментальных идей и доктрин той или иной религии, а также целого ряда норм, бытующих в обществе, применительно к каждому индивиду в отдельности и человечеству в целом. Сразу сделаем оговорку о том, что универсальной классификации ценностей сферы религии нет. Бобырева Е.В. выделяет четыре базовых класса ценностей – суперморальные, моральные, утилитарные, субутилитарные и подчеркивает версимость в религиозном дискурсе суперморальных и моральных ценностей [Бобырева, 2007: 134]. Очевидно, что все ценности религиозного дискурса сводятся к ценностям веры, таким как: признание Бога, понятие греха, добродетели, спасения души, соблюдение обрядов и др. Отличительной особенностью религиозной коммуникации выступает открытое утверждение ценностей. Ярким примером в данном случае служит ключевой постулат христианства о том, что существует Бог, он един, вечен, всемогущ и милосерден. Полагаем, что не будет преувеличением сказать, что религиозные ценности представляют собой смысл всей жизни верующего человека.

Наконец, прагматическая сторона религиозного дискурса, а именно, выполняемые им *функции*, служит веским основанием в пользу идеи о его независимом статусе. Следует отметить, что функциональная специфика религиозной коммуникации многогранна, в связи с чем считаем логичным охарактеризовать наиболее значимые функции англоязычного религиозного дискурса: *коммуникативная функция* нацелена на установление контакта человека с Богом [Бобырева, 2013: 100], проявляется вербально в виде молитвы, исповеди и т.д.; *функция распространения информации* сводится к толкованию и распространению библейских текстов, основных религиозных канонов и их передаче из поколения в поколение; *прескриптивная функция* подразумевает безусловное следование определенным нормам, религиозным канонам; *магическая функция* зиждется на идее о мистическом начале любой религии и реализуется с помощью клятв, заговоров и др. [Кислянская, 2010].

Во всех видах дискурса, и религиозный дискурс не является тут исключением, наблюдается явление, при котором автор, стремясь обогатить создаваемый им текст, использует фрагменты существовавших ранее текстов, получивших название прецедентных. Под *прецедентным текстом* понимают «любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность

знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной культурной группы» [Слышкин, 2000: 28]. Следует сказать, что прецедентные тексты религиозного дискурса служат своего рода фундаментом, базой, без которой коммуникация в сфере религии немислима и невозможна. Когда речь идет о прецедентных текстах религиозного дискурса, прежде всего, имеется в виду Библия, выступающая «смысловым ядром, силовое поле которого порождает новые смыслы и новые тексты» [Мечковская, 1998: 148; Carey, 2004; Ramsey et al., 1957].

Кроме этого, исследователи выделяют еще одну особенность рассматриваемого типа дискурса, позволяющую говорить о его уникальности, подразумеваемая при этом *ритуал*. Так, Е.В. Бобырева подчеркивает тот факт, что в любом другом типе дискурса речевая деятельность выступает на передний план, в религиозном же дискурсе ритуал возводится в абсолют, представляя собой базу религиозной коммуникации [Бобырева, 2007: 12].

Анализ религиозного дискурса был бы неполным без освещения его жанровой специфики. Жанры англоязычного религиозного дискурса как относительно устойчивые типы высказываний весьма разнообразны.

Следует сказать, что среди ученых нет единодушия относительно определения общих критериев классификации религиозных текстов. Так, В.И. Карасик подчеркивает важность типовых действий участников коммуникации, предмета речи, излагаемого адресантом и воспринимаемого адресатом, и выделяет четыре жанра религиозного дискурса: молитва, проповедь, исповедь и обрядовое действие [Карасик, 1999: 7].

Характерной особенностью молитвы является ее односторонняя связь, так как эта форма общения не подразумевает обратную реакцию и нацелена на единение души с Богом, это своего рода внутреннее общение. Особую значимость здесь имеет адресат – высшая сила, существующая в своем измерении и разведенная во времени и пространстве с адресантом [Ицкович, 2011: 114; Гуторова, 2011: 91-92].

Особым коммуникативным жанром религиозного дискурса выступает проповедь, в ходе которой священнослужитель доводит необходимую информацию до прихожан, изъясняясь на родном и понятном языке, демонстрируя, тем самым, навыки владения ораторским искусством. Специфика проповеди заключается в том, что данный жанр религиозного дискурса имеет адресата, в качестве которого может служить как отдельный индивид, так и целая группа людей.

Исповедь как таинство покаяния и мольба о прощении и спасении грешника реализуется, как правило, вербально. При этом священнослужитель является своего рода просителем перед Богом, поскольку именно ему человек сообщает о своих грехах и прегрешениях.

Наконец, обрядовые действия, присутствующие с момента рождения человека и сопровождающие его всю жизнь вплоть до смерти, к которым относят: крещение, венчание, отпевание и др.

Очевидно, что для формирования жанрового пространства религиозно-го дискурса, адекватно отображающего реалии языка религии, необходимо учитывать коммуникативную цель текста, его воздействие и влияние на адресата, план адресанта и т.д. Исходя из этого, считаем возможным дополнить классификацию, предложенную В.И. Карасиком, выделив богословские тексты в отдельный жанр англоязычного религиозного дискурса.

Опираясь на материал выборки, зафиксированный в англоязычных теологических журналах, считаем необходимым разбить богословские тексты на два класса: диалоги и толкования, каждый из которых имеет свою специфику, цели и задачи.

Разделяя точку зрения Платона, согласно которому диалог есть «произведение в прозе (*logos aneu metroy*), состоящее из вопросов и ответов...» [Платон, 1986: 489], говорим о существовании аналогичного жанра в пределах англоязычного религиозного дискурса. Полагаем, что цель обозначенного жанра религиозных текстов сводится к попытке автора найти объяснение и разгадку к вопросам, зачастую не имеющим однозначного ответа. Языковой материал нашей выборки свидетельствует об изобилии в диалогах риторических вопросов типа: Существует ли Бог? В чем смысл человеческого бытия? Почему столь жесток и ужасен мир, созданный Богом и др.? Приведем пример:

1) ***Does God exist? Is there a specific God, one that we can identify by name? Is he active, not some epiphenomenon of human culture? Can Christians, for instance, truly know and have confidence in Christ's atoning work on the cross?*** For many, religious beliefs are outside the boundaries of knowledge; ***verification is futile***. When it comes to the realities of the heavenly realm, those who bow the knee to Reason cannot – or perhaps should not – make a definitive decision. ***God is beyond their reasonable limits*** [www.atjournal.org].

В приведенном примере отмечаем наличие ряда риторических вопросов (*Does God exist? Is there a specific God ...? Is he active ...?*), тревожащих человечество не одно тысячелетие, тем не менее, не имеющих по сей день разгадки. Считаем справедливой мысль, высказанную автором текста, о том, что любая проверка не имеет смысла (*verification is futile*); данная мысль реализуется семантикой прилагательного *futile* – *having no useful purpose; completely ineffective* [www.merriam-webster.com], поскольку вера живет в самом человеке, и только ему она подвластна.

В свою очередь, толкование как жанр религиозного дискурса нацелено на субъективную интерпретацию библейских сюжетов, явлений и ситуаций, относящихся к сфере религии. Основное отличие толкования от диалога, на наш взгляд, заключается в уверенности адресанта при передаче информации, а также степени воздействия на адресата. Если в диалогах предпринимается лишь попытка объяснения того или иного феномена, то в толковании открыто звучит мысль, которая не вызывает сомнения у адресата и подкрепляется незыблемым авторитетом автора текста. Например:

2) *If time is a physical property, then God created time when he created the rest of the physical universe. God is not limited by the physical properties of this creation* and is as a logical consequence, neither subject to or limited by created time as we experience and know it. Having created it, He can "stand" outside of it, and interact within it whenever and wherever He chooses. *He is before time (pretemporal), He is above time (supertemporal), and He is after time (posttemporal)*. Let us also add that *God works in and through created time*. Because of this latter argument *God is not "timeless"* as some argue, and *He is not dead* as some "theothanatologists" would argue. It is difficult to attain any conception of the mode of existence which is thus ascribed to Him. It is so different from our own. Yet, a brief consideration of what is involved in the nature of God must convince us that the idea which we express by these statements is just and true. *In order to identify this quality of eternity as "just and true," let us continue to develop and refer to this resulting, eternal, attribute of God as His omnitemporality. God is omnitemporal. Just as our omniscient God sees and knows all things that take place in the universe He has created, He also sees and knows all things that transpire in that creation from its revealed beginning to its prophesied end* [www.biblicaltheology.com].

Здесь автор с высокой степенью уверенности характеризует Бога как всемогущую, всезнающую, всевидящую силу, которая не ограничивает себя временными и пространственными рамками. Особую значимость в контексте приобретают утвердительные предложения типа *God is omnitemporal*, служащие средством, используемым для констатации фактов и качественная лексика, а именно, имена прилагательные (*pretemporal, supertemporal, posttemporal, timeless, dead, just, true, eternal* и др.), способствующие созданию эмоционального фона всего повествования.

Рассматривая англоязычный религиозный дискурс, нельзя не отметить его интердискурсивность [Бобырева, 2007 и др], т. е. тесную взаимосвязь с другими типами дискурса, например, педагогическим, политическим, искусствоведческим, философским.

Педагогический и религиозный типы дискурсов подчинены некоему стандарту, ритуалу, подразумевающему четкое соблюдение правил поведения и общения, нормы морали в пределах соответствующего института. В религиозном дискурсе, как и в педагогическом, присутствует ярко выраженный *хронотоп* – место (церковь, школа) и время действия (фиксированные часы), в рамках которого участники осуществляют коммуникацию [Mills, 2004; Chimombo, Roseberry, 1998; Howarth, 2000]. Следует отметить, что задачи коммуникантов (Бог → Священнослужитель → Верующий и Учитель → Ученик) и выполняемые ими роли схожи и сводятся к передаче новых знаний, истин, норм, которые не вызывают сомнения у адресата (верующий / прихожанин и ученик) и базируются на доверии и незыблемом авторитете адресанта (Бог / священнослужитель и Учитель). Очевидно, что

отождествление Бога с учителем, наблюдаемое в библейских писаниях, неслучайно и имеет свое логическое объяснение, поскольку в данных типах дискурса адресант наделен неоспоримым авторитетом и любое его указание, наставление должно исполняться беспрекословно и не подвергаться сомнению. Полагаем, что не будет преувеличением сказать, что Бог, как и учитель, выступает своего рода маяком, демонстрирующим собой пример для подражания и послушания, на который должен ориентироваться каждый. Подтверждение этой мысли находим в следующем фрагменте религиозного текста:

3) *Christ's supernatural work is seen in the lives of many Christians across the ages, manifested in the infused virtues. The moral transformation of so many people in so many different cultures is so impressive and attractive that it requires an extraordinary explanation* [www.atijournal.org].

В представленном фрагменте речь идет о сверхъестественной работе Христа, результатом которой стал значительно изменившийся моральный облик всего человечества, ориентированный на доброе начало. Вновь отметим особую роль и значимость имен прилагательных (*supernatural, impressive, attractive*), служащих экспрессивным средством передачи идеи и отношения автора текста.

В религиозном дискурсе, как и в политическом, весьма актуально доведение до адресата необходимой информации посредством внушения как эффективного способа влияния на его эмоциональное состояние, сознание и психику. Ярким примером, иллюстрирующим тесную связь политики и религии, может служить политическая агитация, поскольку представленные типы общения объединяют людей в единстве веры: в религиозном – существование сверхъестественных сил применительно к конкретной религии, конфессии; в политическом – общая идеология, политические взгляды. Например:

4) *There is only one God. He is eternal, and not limited by the properties of His creation. He has revealed Himself to us through the person of God the Father, the Son, and the Holy Spirit* [www.biblicaltheology.com].

Здесь звучит утверждение о том, что Бог действительно существует, он един и вечен. Кроме этого, актуальной и значимой видится мысль о триедином начале, согласно которой Бог предстает перед нами в трех равновеликих ипостасях: Бог Отец, Бог Сын, Бог Святой Дух. Очевидно, что религия, как и политика, предназначена для людей, достаточно хорошо владеющих определенной информацией и способных к адекватному восприятию передаваемых фрагментов знаний.

Религия и философия стремятся говорить от имени абсолютов, с той лишь разницей, что религия полагается на веру, а философия – на разум. Философия как система научного знания изучает объективную реальность и базируется на определенных законах, религия же верит в существование сверхъестественного, понимаемого как недоступное сознанию, непознанное. Рассмотрим пример:



5) *The feminine aspect of God* is to be identified particularly with the Holy Spirit. It is doubtful, however, that we should settle for a *concept* of the Trinity that consists of two male and one female 'persons.' Such a concept of God falls easily into an *androcentric or male-dominant perspective*. The *female side of God* then becomes a *subordinate principle* underneath *the dominant image* of male divine sovereignty... In such a concept, the *feminine side of God*, as a secondary or mediating principle, [acts] in the same *subordinate* and limited roles in which females are allowed to act in *the patriarchal* social order. The feminine can be *mediator or recipient of divine power* in relation to creaturely reality. She can be God's daughter, the bride of the (male) soul. But she can never represent divine transcendence in all fullness [www.atijournal.org].

В примере (5) автор текста размышляет о существовании Бога в трех равновеликих ипостасях: Бог Отец, Бог Сын, Бог Святой Дух, последняя из которых ассоциируется с женским началом. Очевидно, что религиозная составляющая фрагмента зиждется на постулатах христианского учения о триединой природе Всевышнего и вербально актуализируется с помощью средств языка (*mediator or recipient of divine power, male divine sovereignty, divine transcendence* и др.). С философской же точки зрения, подчиненной разуму, первостепенной здесь видится мысль о главенстве и безоговорочном превосходстве мужского начала над женским.

В контексте нашего исследования особую значимость приобретает взаимодействие религиозного и искусствоведческого дискурсов. На протяжении долгих тысячелетий между религией и искусством наблюдались тесные связи, в силу чего многие сюжеты и образы сферы искусства заимствовались из религиозной мифологии, и наоборот, произведения искусства (скульптуры, фрески, иконы) включались в систему религиозного культа. Несмотря на родство рассматриваемых нами областей знаний, имеются и явные отличия, а именно искусство базируется на творческом подходе и реализуется усилиями стараний и умений мастера, в то время как религия зиждется на вере в существование Бога / сверхъестественной силы. Следующий фрагмент текста служит ярким подтверждением данной мысли:

6) *Divine presence in art*, therefore – its “sacredness”, must be perceived at a level beyond subject matter. When the final product is a creative work assimilating characteristics of reality through factors such as *skillful use of form, evident integrity, harmony of order, due proportion, control of movement and emotion, and intelligent design, then art will “speak of God”* by means of these qualities which endure permanently in the work and independently of the artist's self. Herein lays theology's connection to art, the *recta ratio factibilium* without which the artist does little more than represent or duplicate material forms.

As a result, *art becomes an eminently human and religious enterprise*. It envisions the world as an act of creation and in itself reflects this basic endeavor. *So one need not be a believer to paint a crucifixion scene, though one must be*

*an artist to paint such a scene well.* Thus the problem of subject matter and content is easily solved and that *crucifixion scene will speak the language of its own creative genius.* It will affirm a sacrality of the art that surpasses any subjective or exterior criteria only. *Whether an artwork be supposedly sacred or profane, contemporary or antique, Renaissance or Cubist, whether subjectively nominated “good” or “bad” (moral categories that art cannot objectively embrace), it will always “speak of God” through excellence in craftsmanship and the ontological status of the artist’s creative act* [www.atijournal.org].

В примере (6) автор текста рассуждает о присутствии в искусстве произведений, в основу которых легли библейские сюжеты, а именно, сцена распятия Христа. При этом красной нитью проходит мысль о том, что успех произведения, «говорящего» устами Всевышнего, независим от религиозных взглядов автора, а целиком и полностью определяется мастерством художника, выражающим свое субъективное понимание проблемы. Связь религии и искусства на вербальном уровне реализуется посредством употребления единиц языка, имеющих отношение к религии и искусству, соответственно, например: *divine, “speak of God”, believer, crucifixion; skillful use of form, evident integrity, harmony of order, proportion, control of movement and emotion, intelligent design, creative genius* и др. Вновь акцентируем внимание на роли и значимости имен прилагательных, выступающих ярким и экспрессивным средством передачи идеи автора текста.

Представленный фрагмент служит яркой иллюстрацией имеющихся на данный момент тенденций в лингвистике, сводящихся к тому, что сегодня исследователь пытается заглянуть «внутри» текста, прочесть «между строк», найти тонкую, с трудом заметную связь языка с таинственными процессами умственной и психической деятельности человека [см. Olyan, Nussbaum, 1998; Slone, 2004 и др.]. Очевидно, что для решения этой непростой задачи необходим особый инструментарий, в качестве которого активно используется теория фреймового моделирования, прочно закрепившаяся в недрах когнитивного направления в науке и более подробно рассматриваемая в следующем разделе главы.

## 8.2. Лингвистические особенности современного англоязычного религиозного дискурса

Изучение лингвистических особенностей религиозного дискурса весьма актуально на сегодняшний день, поскольку в пределах рассматриваемой дискурсивной сферы функционирует ряд интересных в лексическом плане единиц и сочетаний, без знания и понимания значения и смысла которых невозможна полная и правильная интерпретация определенных жанровых образцов религиозного дискурса [Бобырева, 2007: 284].

Религиозный дискурс, его лексико-грамматическая наполняемость, стилистические средства в целом ориентированы на передачу широкого спектра эмоций и чувств. В силу своей специфики язык религии и все переживания, связанные с ним, не могут быть в полной мере отражены знаковым пространством того или иного языка, поскольку зачастую религия подразумевает наличие мистического компонента, вербализация которого носит условный и / или приблизительный характер [Кожемякин, 2013: 70].

Сложности, связанные с адекватной передачей необходимой информации в пределах религиозной коммуникации, решаются с помощью различных средств языка, позволяющих достичь психологического воздействия на адресата и понимания с его стороны на интуитивном уровне. Среди основных приемов, используемых авторами религиозных текстов, отметим следующие: эмоционально-оценочная лексика, возвышенная лексика и др. Рассмотрим более подробно эти и другие лингвистические особенности англоязычного религиозного дискурса.

Первоисточником и своеобразным фундаментом порождения религиозной коммуникации служит текст Священного Писания [Мухамедова, 2011; Буянова, 2012: 27; Шибаев, 2013: 280, Шамарова, 2011: 131 и др.]. Безусловно, Библия не является единственным образцом религиозного дискурса, поскольку религиозные тексты не ограничиваются лишь Библией, однако, все жанровое разнообразие данного типа дискурса в той или иной степени строится на ее основе, интерпретируя и разъясняя ее содержание.

В силу того, что рассмотреть данный вид дискурса во всей его жанровой специфике представляется невозможным, наше исследование мы замкнем на двух наиболее значимых, на наш взгляд, жанрах, а именно, диалогах и толкованиях. Выбор этих двух разновидностей религиозных текстов случаен и объясняется рядом причин. Во-первых, данные жанры являются на сегодняшний день наименее изученными с позиции лингвистики, во-вторых, диалоги и толкования выступают богатейшим ресурсом, в пределах которого находит свое практическое применение категория оценки, понимаемая в широком смысле как положительная или отрицательная характеристика человека, предмета или явления [Цолер, 1996] и вербализуемая при помощи имен прилагательных, служащих предметом наших исследовательских интересов. Приведем примеры:

7) ... many Christians are confused about the criteria for redemption and salvation. Is one saved by faith alone, or must one become an *active* agent in living out the *moral* maxims of Christ? How many Christians truly consider and weigh these maxims in their decision-making and relationships? How many view them as the *chief* ingredients necessary to know God and connect with God? These questions, I believe, may lead to a *greater* awareness of Christ's love. This awareness may be the impetus for *authentic philosophical* (theological) and *behavioral* change. This *spiritual* illumination may foster a willingness to transcend our *selfish* ego and genuinely accept the *awe-inspiring* mystery of God [www.biblicaltheology.com].

В представленном фрагменте диалога автор текста задается вопросом о том, что же необходимо простому смертному, чтобы искупить все грехи и получить спасение, отойдя в мир иной, и указывает на две составляющие успеха человека – гармония мыслей и поступков и их соответствие канонам христианского учения. Показательна роль прилагательных (*selfish, awe-inspiring*), с помощью которых передается оценка сущности людей и Господа, и создается особый эмоциональный фон повествования. Очевидно, что в паре с определяемыми существительными (*ego, mystery*) именно на прилагательные ложится основная смысловая нагрузка, что позволяет нам, вслед за Т.Б. Заграевской, говорить о полевой структуре оценки [Заграевская, 2006: 33], маркированной наличием ядра оценки, в данном контексте – прилагательные, и ее периферии – существительные.

8) As we have pointed out before, Jesus Christ is God *incarnate* uniting *divine and human* nature and thus atoning reconciliation takes place within the personal Being of Christ. Thus there can be no separation of His Person and Work – they are one. What he is is what he does. His own *incarnate* Person is not something *separate* from the "*mighty Acts of God's love for our salvation.*"... Thus the Gospel and Christ are *inseparable* and belong ontologically together. Christ's *atoning* sacrifice is not some kind of *superficial socio-moral or judicial* transaction between God and humanity, which would be the case if he were a created and *temporal* center ontologically *external* to God. But since *atoning* reconciliation took place within the personal existence of Christ as the Mediator between God and humanity, it must be understood as having taken place within the *ontological* roots and *actual* condition of the *human* creaturely existence he assumed to save humanity [www2.luthersem.edu].

Считаем логичным начать обзор лингвистических особенностей англоязычного религиозного дискурса с анализа его *терминосистемы*.

Лексическую базу религиозного дискурса мы делим на несколько классов: 1) собственно термины; 2) специализированная лексика / профессионализмы религиозной сферы; 3) общеупотребительная лексика, регулярно применяемая в сфере религиозной коммуникации. Рассмотрим каждый пласт религиозной лексики подробно.

Собственно термины в нашем понимании есть единицы языка, служащие для номинации определенных понятий, явлений в сфере религии, которые, в свою очередь, могут быть одноядерными и двухядерными; при этом в образовании последних особую роль играют имена прилагательные [Eggert, Holscher]. Профессионализмы сферы религии включают в себя лексику, понятную широкой аудитории, тем не менее, функционирующую в пределах конкретной области знаний [Taves, 2009] и нацеленную на человека, хорошо осведомленного и демонстрирующего интерес к предмету теологии или же находящегося в смятении и в поиске ответов на вечные вопросы. Приведем примеры:

9) *Evil* is the absence of *God*, that is, the good, life, appropriate relationships, meaning, and truth. All of humanity shares in the irrational evil that killed *Christ*. The Christian interpretation of this history of *sin* is that eternally planned to commune in love with the world. *Salvation* is one great mystery comprised of the three moments of *creation, redemption*, and future consummation through the activity of the *Logos and the Spirit*. Redemption comes as a divine gift of liberation from alienation, death, and ignorance [www.biblicaltheology.com].

Представленный фрагмент чрезвычайно интересен для анализа, поскольку маркирован наличием как религиозных терминов, так и профессионализмов сферы религии. Очевидно, что лексема *Salvation* входит в состав корпуса одноядерных терминов сферы религии и имеет прямое отношение к религиозному дискурсу, что подтверждается соответствующими дефинициями: *Salvation* – the act of saving someone from sin or evil in Christianity [www.merriam-webster.com].

Однако в контексте также фиксируем употребление и другой специализированной религиозной лексики, к которой мы причисляем слова *sin* – an immoral act considered to be a transgression against divine law; *redemption* – the action of saving or being saved from sin, error, or evil [www.oxforddictionaries.com], передающие определенные фрагменты информации в пределах конкретной области знания.

Особого внимания здесь заслуживают имена собственные (*Evil, God, Christ, Logos, Spirit*), весьма частотно используемые в религиозных текстах, что, на наш взгляд, свидетельствует об интенции автора текста подчеркнуть значимость, индивидуальность, уникальность природы и миссии каждого, а также о необходимости расставить акценты в пределах сферы религии, обозначив ее весомость и авторитетность.

Приведем пример, в котором употребляются двоядерные термины, образованные с участием имен прилагательных:

10) The biblical description of the *antediluvian world* as ‘full of violence’ connotes a structural collapse, whereas the law and tabernacle begin to restore the created order in terms of divine-human and human-human relationships. Likewise, the new Creation is also a temple that fully reestablishes the created order. In this light, although natural beauty mysteriously integrates with natural evil, beauty is still a created and ordered reality that is profoundly ‘right’ in the world, and can therefore oppose evil artistically. Thus, by an artistic modality, beautiful harmony with nature begins to speak of a *triune God* who is harmony, and in whose harmony we can hope for an ultimate repose not yet possible in nature [www.atijournal.org].

В примере (10) фиксируем наличие религиозных терминов *antediluvian world* и *triune God*, в создании которых участвуют прилагательные *antediluvian* и *triune*, играющие важную роль в контексте и передающие ключевую, смысловоразличительную информацию, поскольку автор повествует о суще-

ствовании мира, именно того мира – до библейского потопа, и именно о триедином Господе в его ипостасях, что подтверждают соответствующие словарные дефиниции: *antediluvian* – of or relating to the period before the flood described in the Bible [www.merriam-webster.com]; *triune* – consisting of three in one (used especially with reference to the Trinity) [www.oxforddictionaries.com]. Исходя из этого, мы можем говорить о том, что прилагательные *antediluvian* и *triune* вербализуют именно **ядерные области** рассматриваемых терминов, что в целом для имен прилагательных нетипично, поскольку зачастую они вербализуют семантическую периферию терминологических единиц в силу того, что они лишь уточняют семантическое ядро термина, которое на вербальном уровне обычно представлено словами других частей речи. Как показывает приведенный выше пример, в рамках англоязычного религиозного дискурса стандартная ситуация меняется на противоположную.

Кроме этого, в религиозных текстах весьма частотно использование общеупотребительной лексики, преимущественно, глагольной, например:

11) God is persistently looking for the opportunity *to bless you, to provide for you, to heal you, to restore you, to save you, to empower you, to fulfill your personal and professional life and bring you into a lasting and intimate relationship with Him* that will take you places you haven't even dreamed of [www.secondadventchristian.org].

Здесь отмечаем особую роль глагольных форм, с помощью которых автор текста повествует о предназначении Всевышнего. Очевидно, что посредством целого ряда лексем (*to bless, to provide, to heal, to restore, to save, to empower, to fulfill* и др.) вербализуется мысль о бесконечных возможностях и способностях Бога, подчеркивается его усердие и трудолюбие на благо человечества.

В ходе анализа материала выборки мы определили, что в англоязычных религиозных текстах широко представлены слова латинского и греческого происхождения. Данная особенность подчеркивает огромную значимость прецедентных сакральных текстов и цитирований, претендующих на передачу истинного знания [Смолина, Лубкина, 2012: 269]. Обратимся к примерам:

12) In the midst of the gathered community, preachers herald the pneumatic word-revelation of God in Christ and it goes forth and raises people from death to life and conforms them to the image of Christ. It is here that the ***communio sanctorum***, the communion of the saints, comes to the fore in the doctrine of sanctification [www.atijournal.org].

Здесь фиксируем употребление латинского *communio sanctorum* / *общение святых*, с помощью чего автор текста в очередной раз заявляет об авторитетности института церкви, о догматическом характере религиозной коммуникации, о том, что многие исследователи трактуют как «консервация» знаний [Романченко, 2008 и др.], подразумевая при этом тесную связь с прошлым, практически полное отсутствие каких-либо изменений в учении и чет-

кое следование канонам и постулатам в рамках конкретной веры. На наш взгляд, фразу *communio sanctorum* следует рассматривать как интернациональный термин христианства, в силу того, что данное сочетание обнаруживает принадлежность к определенной области знаний, в данном случае – религии и активно используется профессионалами, религиозными деятелями и т.д.

В следующем примере фиксируем наличие греческого наречия *ἐντός* / *внутри*, используя которое, богослов, вероятнее всего, пытается подчеркнуть авторитетность и неизыблемость священных текстов в их оригинальной первостепенной форме. Полагаем, что присутствие лексемы *ἐντός* в контексте объясняется невыразимостью средствами языка перевода, в данном случае, английского языка, уникального фрагмента знаний, столь весомого в христианском учении с прагматической точки зрения.

13) The correct location of the Kingdom of God would seem to be an issue central to Christian theology – so central, in fact, that a resolution of the *ἐντός* question is imperative, if Christians are truly to be one body of believers. Perhaps the easiest and maybe the most attractive, resolution of the meaning of *ἐντός* would be to suggest that all three translations are correct: that the Kingdom of God is both “within” the deep recesses of the Christian’s heart and “among” or “in the midst of” Christians working for God in the world. One might think that the Holy Spirit deliberately breathed into the mind of Luke an ambiguous word, so that both connotations might be thought of as being correct. That resolution, however, attractive as it may be to some, begs the question of whether *ἐντός* truly is an ambiguous word [[www.biblicaltheology.com](http://www.biblicaltheology.com)].

Анализ материала выборки показал, что применительно к толкованиям имеет место интенция автора установить контакт с читателем / адресатом, преследуя своей главной задачей воздействие на психологическое и эмоциональное состояние последнего. Например:

14) God is a righteous judge who loves **you**. God doesn’t dismiss **your** problems, He gives **you** the ability to overcome them. God doesn’t ignore **your** flaws, He empowers **you** to grow beyond them. God doesn’t excuse **your** mistakes, He puts them behind **you**. God doesn’t erase **your** history, He shows **you** how **you** can stand on its foundation and leverage the good and the bad from **your** past to find new life and discover all of the blessings that He has in store for **you**. God is not afraid of what He knows about **you**. God loves **you**. There is no challenge to hard, no problem to big, no flaw to deep, no mistake to great for God. God is ready to take on everything that **you** are facing today and give **you** the abundant life that He has planned for **you** [[www.secondadventchristian.org](http://www.secondadventchristian.org)].

Представленный фрагмент религиозного текста служит яркой иллюстрацией того, как реализуется диалогичность в пределах англоязычного специализированного дискурса [Мишланов, Салимовский, 2010: 28; Regan, 2010; Howarth, 2000]. Сразу отметим, что диалогичность здесь носит формальный характер, и, по сути, имеет один вектор движения коммуникации,

поскольку обратная связь весьма условна, лишь подразумевается. Однако мы говорим о диалоге коммуникантов и считаем, что для этого есть веские основания. Прежде всего, мы имеем в виду изобилие форм 1-го и 2-го лица множественного числа, подчеркивающих посыл идей автора на массового адресата и воздействие на него на интуитивном уровне.

Следующим основанием, говорящим в пользу диалогичности сферы религии, является использование обращения, восклицания, форм императива, зачастую с лексемой *let*. Приведем пример:

15) Jesus is ready to work with you today. He knows who you are. He knows where you come from. He knows everything that you have ever done. And He is calling you on purpose, for a purpose. You are uniquely gifted for a mission that He has planned for you and there is no else who can accomplish it. ***Get ready to experience all of God's promises. Get ready to receive blessings and super-abundant favor.*** Jesus Christ, the one and only God, has chosen you to achieve great things. ***Let's go!*** [[www.secondadventchristian.org](http://www.secondadventchristian.org)].

Здесь открыто звучит призыв автора ко всем верующим, согласно которому любой грешный на планете должен быть готов к общению с Господом, к испытаниям, исходящим от Всевышнего, чтобы обеспечить себя безграничной любовью и благодатью со стороны Бога. В приведенном примере особенно показательна роль императива и восклицания, в совокупности оказывающих значительное воздействие на эмоциональное и психологическое состояние адресата и придающих всему контексту особую экспрессию.

Следует отметить, что в случае с диалогами особую значимость приобретают многочисленные вопросы, включая риторические, посредством которых богослов пытается найти ответ на вечные темы, тревожащие умы людей не одно столетие. Например:

16) ***What of God's children who have been driven away by abuse and condemnation? Will they remain outsiders forever? What of those who avoid a Being whose representatives proclaim harsh judgments and issue hateful edicts? Are agnostics and atheists doomed for doubting — when they've never seen any evidence of this "loving, merciful God" in their world?***

We do not know for certain who will live eternally with the Beloved; that decision is God's alone. But Jesus gave us a strong hint about the outcome in the parable of the Prodigal Son [[www.tentmaker.org](http://www.tentmaker.org)].

Здесь автор текста размышляет над тем, что же происходит с теми созданиями Господа, которые имели неосторожность послушаться Всевышнего и совершить некое деяние, подразумевающее строгое наказание. Фиксируем наличие массы вопросов о дальнейшей судьбе грешника и его перспективах после смерти: имеет ли он право надеяться на милость Бога, на его прощение и понимание, что, безусловно, находится во власти самого Господа, и именно об этом повествует данный фрагмент текста. Следует отметить, что несмотря на значительную долю вопросов в религиозных текстах, адресат не



получает исчерпывающего ответа на терзающие его вопросы – ответа, доказывающего правоту суждений и мыслей адресанта. Данная особенность существенно отличает религиозный дискурс от научного, базирующегося на передаче точных и четких фактов, научных понятий и иных фрагментов знания.

Рассмотрим еще один пример:

17) If we step back for a moment and ask – *Who is able, or what kind of person is able to fulfill all of God's promises, inaugurate his saving rule in this world, and to establish all that is associated with the new covenant including the full forgiveness of sin?* –in biblical thought the answer is clear: it is *God alone* who can do it and no one else. *Is this not the message of the OT? Is this not the message of the covenants?* As the centuries trace the history of Israel, it becomes evident that the Lord alone must act to accomplish his promises; he must initiate in order to save; he must *unilaterally* act if there is going to be redemption at all. *After all, who ultimately can achieve the forgiveness of sin other than God alone? Who can usher in the new creation, final judgment, and salvation?* Certainly none of these great realities will ever come through the previous covenant mediators for they have all, in different ways, failed. Nor will it come through Israel as a nation for her sin has brought about her exile and judgment. If there is to be salvation at all, God *himself* must come and usher in salvation and execute judgment [www.sbts.edu].

В примере (17) тесно сплетаются и образуют единую мысль, чередуясь, ряд вопросов и ответов: сначала автор стремится понять и решить, существует ли кроме Всемогущего Господа иная сила, способная взять на себя все его обещания и воплотить их в жизнь, сразу же отвечая однозначно, что не существует, поскольку *только Бог* имеет полное право и весь необходимый арсенал для того, чтобы делать это и никто другой, затем переходит к ключевым функциям Всевышнего, а именно, таинство сотворения человека, час страшного суда и последующее его спасение, вербализуя все тот же вопрос: кто, если не *Он*? Однако вновь подчеркиваем тактику автора четко следовать канонам религии и воздействовать на адресата простым убеждением относительно состоятельности и уникальности конкретного учения.

Эмпирический анализ языкового материала выявил следующую закономерность: в религиозных текстах, преимущественно толкованиях, активно используется *антитеза*, представляющая собой прямое противопоставление типа «добро-зло», «жизнь-смерть» и т.д., с положительной и отрицательной коннотацией, что позволяет, с одной стороны, более четко охарактеризовать вечную борьбу противоположностей, а с другой стороны – подчеркнуть роль и значимость сверхъестественных сил, предопределяющих ход событий и течение жизни на планете. Рассмотрим данную особенность на примере из выборки:

18) The Gospels are full of narratives in which a colossal war is being waged between *God and Satan*, between *life and death*, between *freedom and bondage*,

*health and disease, liberation and demonic possession*. Jesus' conflict with Satan and evil spirits is a frequent occurrence [www.atijournal.org].

Здесь отмечаем реализацию в тексте постоянного противоборства между Богом и Сатаной, жизнью и смертью, болезнью и здоровьем и т.д., передаваемого семантикой соответствующих имен собственных (*God – Satan*) и существительных *life – death, health – disease*, что, на наш взгляд, не является случайным, поскольку автор пытается «открыть» глаза адресату на происходящие вокруг явления и процессы и привлечь его пристальное внимание к персоне Всевышнего, его неиссякаемой силе и бесконечным возможностям.

Приведем еще пример:

19) *Aside from the supernatural virtues of faith and hope, the supernatural virtue of love is the foundation of Christian ethics or moral theology. But how do we define, describe, demonstrate, and actualize God's love? How are Christian institutions and individuals honest to God's love totally revealed in Christ? In this sense, religious institutions, forms, and types involve in the contradictions between good and evil, life and death, virtues and vices, love and hatred, humility and pride, selflessness and selfishness, humanization and dehumanization, transformed nonconformist and untransformed nonconformist, etc.* [www.biblicaltheology.com].

В примере (19) вновь фиксируем употребление антитезы, сводящейся к противопоставлению таких понятий, как добро – зло, жизнь – смерть, добродетель – порок, любовь – ненависть и др. Показательна в данном контексте идея автора, передающаяся имплицитно, о бесконечности подобного рода борьбы противоположностей, без которой невозможно существование ни человека, ни целой Вселенной.

В пределах англоязычного религиозного дискурса широко используется метафора, которая, безусловно, делает данный тип дискурса более ярким и привлекательным эстетически. Рассмотрим пример:

20) *As no one would deny that God is sovereign over all things (including Satan), it is God who can change circumstances as He pleases to bring about the desired effect. In this way, we may think we are totally independent from God in the choices we make, but in reality, there is Someone greater than ourselves working behind the scenes to bring about a perfectly orchestrated finale. God is the great conductor who controls and leads men* to respond with a simple wave of His baton [www.tentmaker.org].

В представленном фрагменте толкования речь идет о безграничной власти и силе Господа над всеми существами, включая Сатану, который способен делать все, что пожелает при любых обстоятельствах. Автор текста проводит параллель между жизнью человека в этом бренном мире и выступлением на сцене и сравнивает Всевышнего с дирижером оркестра, которому удается контролировать весь процесс, сохраняя при этом четкую дисциплину

ну. Очевидно, что основная метафорическая нагрузка ложится на существительное *conductor*; однако, препозитивное прилагательное *great* сообщает весьма значимую в контексте информацию и подразумевает величие и мастерство артиста. Более подробно роль метафоры и различные метафорические модели, функционирующие в области религиозного дискурса, будут рассмотрены в пункте 6.3. настоящей работы.

Кроме того, при анализе языкового материала мы обнаружили, что религиозным текстам свойственна градация, как правило, сводящаяся к постепенному нарастанию, нагнетанию всей ситуации при переходе от одного элемента к другому, например:

21) *God loves you – individually, specifically, particularly.* God is passionate about investing in your success... God is not just dedicated to you as a part of the human race, or some nameless cog in the wheel of creation, or some non-specific life force in the flow of energy toward eternity. ***God is dedicated to knowing, understanding, and loving you*** specifically. More than anyone else, God knows your entire history. ***God already understands your story, your baggage, your issues, your life.*** God loves you not in spite of who you are, but because of who you are. And most of all, more than anyone else, God sees everything that you can become [www.secondadventchristian.org].

В представленном фрагменте отмечаем несколько случаев употребления стилистического приема градации (*individually, specifically, particularly; God is dedicated to knowing, understanding, and loving you; God already understands your story, your baggage, your issues, your life*), вследствие применения которых контекст приобретает особую эмоциональность и выразительность, а также структурную стройность и четкость, в совокупности способствующие адекватной передаче требуемой информации и ее логическому осмыслению.

Наконец, при анализе языкового материала нами была выявлена еще одна лингвистическая особенность англоязычных религиозных текстов – повторение, например:

22) *Jesus is ready to take your life to new levels of joy, new levels of health, new levels of prosperity, new levels of peace, new levels of abundance, new levels of blessing, new levels of connectedness, new levels of success, new levels of fulfillment, new levels of satisfaction, the list goes on* [www.secondadventchristian.org].

В примере (22) встречаем анафору – повторение начальных отрезков текста – *new levels of*. Очевидно, что автор текста использует данный прием неслучайно, поскольку, с одной стороны, он стремится придать контексту особый ритм, выделяя определенные фрагменты и создавая, тем самым, эффект кульминации, а с другой – пытается подчеркнуть мысль о новаторстве Всевышнего и о неизбежных переменах к лучшему в жизни каждого грешного, обратившегося к Богу.

### 8.3. Метафорические модели с участием имен прилагательных, реализуемые в современном англоязычном религиозном дискурсе

В англоязычном религиозном дискурсе весьма значимо и актуально употребление метафор, с помощью которых автор текста характеризует те или иные процессы или явления, косвенно выражая эмоции, чувства и мысли, и тот факт, что 63,7 % примеров нашей выборки маркированы употреблением метафоры, служит ярким подтверждением данной мысли.

Разделяя позицию ученых относительно наличия в структуре метафоры семантического ядра и периферии [Алимурадов, Лату, 2006: 25], отметим, что имя прилагательное в рассматриваемом виде дискурса может выступать в качестве вербализатора как метафорического ядра и метафорической периферии [Алимурадов, Милетова, 2013: 51]. При этом метафорическое ядро понимается нами как фрагмент метафорической проекции, передающий ключевую информацию и несущий смысловую метафорическую нагрузку в тексте, а метафорическая периферия, в свою очередь, сообщает дополнительную информацию, не имеющую решающего значения для понимания в той или ситуации [Милетова, 2014: 41].

В рамках нашего исследования мы рассматриваем метафоры, образованные с участием имен прилагательных и зафиксированные в англоязычных теологических журналах. Обратимся к примерам:

23) But an ontology in which the original apostasy, the move from innocence to guilt, is recreated on numberless occasions, with each individual over and again treasonous to God, is aesthetically inferior as a cosmology, because ***the relationship of mankind to God would be characterized by a continual pollution of beauty and of desecration of innocence***. What is ugly and deceitful would enjoy victory over the beautiful and noble constantly, in a tremendous number of recapitulations of the ugliness of expulsion from the garden [www.atijournal.org].

Здесь отмечаем употребление метафоры с участием прилагательного, в которой автор текста говорит о взаимоотношениях между человечеством и Господом и подчеркивает их характер, далекий от всех канонов. В контексте прослеживается параллель между духовным загрязнением красоты и всего светлого и непорочного и реальным загрязнением (окружающая среда, вода, воздух и т.д.) и осквернением, наблюдаемым во всем мире с момента зарождения жизни на Земле. Очевидно, что существительное *pollution* вербализует ядро метафоры и несет основную смысловую метафорическую нагрузку в тексте. В свою очередь, имя прилагательное, *continual*, находясь в препозиции, также относится к ядерной области и характеризует продолжающийся бесконечно процесс загрязнения и осквернения, что вытекает из его словарных дефиниций: *continual* – seemingly without interruption; chiefly restrict-

ed to what recurs regularly or frequently in a prolonged and closely spaced series [www.dictionary.babylon.com].

Следующий пример иллюстрирует ситуацию, когда имя прилагательное располагается на периферии:

24) God is supposed to be a Being who is willing to be fully involved with mankind so that He is inclined to assist man in achieving a position of a higher level. It can be believed, by man, that God is a Being who sits in heaven anxiously waiting to assist man in his times of trial. A God of relation is one who provides for man. With this type of belief, it almost appears as though God is expected to be much like *a genie in a magic lamp* [www.biblicaltheology.com].

Здесь отмечаем наличие метафоры *a genie in a magic lamp*, с помощью которой автор текста, с присущей ему иронией, высказывает идею о том, что в представлении простого обывателя между образом Бога и сказочного Джинна можно поставить знак равенства, поскольку задача каждого из них – осуществлять человеческие желания. В метафоре *a genie in a magic lamp* ядром выступает существительное *genie* – *a magic spirit believed to take human form and serve the person who calls it* [www.merriam-webster.com], а прилагательное *magic* служит для вербальной репрезентации метафорической периферии.

Сразу сделаем оговорку о том, что частотность употребления метафор в анализируемых нами жанрах, а именно, в диалогах и толкованиях различна. Так, на жанр толкований приходится 62,4 % языкового материала выборки по религии, маркированного наличием метафоры, а доля примеров, представляющих собой образцы диалогов, составляет 37,6 % в масштабах выборки. Приведем пример:

25) In revealing the divine nature as the fullness of love, the Incarnation also reveals the world as *the utterly gratuitous fruit of divine generosity*, possessed of a fullness of its own which ultimately defies the absolutizing claims of mechanistic or reductive explanation [www.atijournal.org].

В данном примере отмечаем наличие метафоры *the utterly gratuitous fruit of divine generosity*, образованной с участием нескольких прилагательных, придающих фрагменту толкования экспрессию и выступающих средствами выражения позитивной авторской оценки. По словам автора текста, человек порожден на свет усилиями Всевышнего, и его рождение есть акт божественной щедрости, базирующейся, по сути, на безвозмездной основе, т.е. Бог дал человеку жизнь, ничего не требуя взамен. При этом прилагательное *gratuitous*, сообщая ключевую информацию в тексте, выступает в качестве репрезентанта метафорического ядра, а прилагательное *divine* относится к метафорической периферии. Полагаем, что присутствие ряда прилагательных в пределах одной метафоры подтверждает нашу мысль о значимости и весомости указанной части речи в создании метафоры.

Рассмотрим далее образец диалога на предмет употребления в нем метафоры:

26) But even that seems impossible, since popular theology long ago devolved into a certain simplistic narrative of *the Son of God suffering and dying on behalf of sinful human sons and daughters*: How could anyone even approximate the moral character of the perfect man Jesus (who, when one gets down to it, really is not considered human the way we are anyway)? And how could anyone imagine or perhaps even desire drawing close to such a God, the Father, who sends his darling son to be born miraculously among humans only to cut him down brutally in the prime of life in divine retribution for humanity's disobedience? *The sadomasochistic drama plays out on a stage* over and above the terrain of us "regular" humans. The transaction between the Father and the Son is a matter settled between them on our behalf. The Father sacrifices his Son brutally, at the hands of men; the Son atones for humanity's dishonoring of God [www.atijournal.org].

Представленный фрагмент маркирован наличием двух метафор, образованных с участием имен прилагательных. Посредством номинации *the son of god suffering and dying on behalf of sinful human sons and daughters* автор текста повествует о страданиях и смерти сына божьего, пожертвовавшего собой во имя грешных людей. Очевидно, что реализация метафоры на уровне семантики происходит за счет причастий *suffering* и *dying* и прилагательного *sinful*, которое располагается на периферии и придает контексту особую экспрессию. В случае же с метафорой *the sadomasochistic drama plays out on a stage* прилагательное *sadomasochistic* репрезентирует метафорическую периферию, но, тем не менее, сообщает весьма значимую информацию, поскольку характеризует драму христианского учения, в котором Всевышний осознанно терпит лишения и мучения, испытывая при этом облегчение и радость за все человечество. Особую роль в контексте играет прилагательное *sadomasochistic*, реализующее весь трагизм ситуации. Очевидно, что основная метафорическая нагрузка в примере приходится на глагол *plays out*, посредством которого прослеживается аналогия с театром, где сцена служит площадкой для зрелищ и представлений.

Обилие метафор, построенных при помощи прилагательных в исследуемом типе дискурса, дает нам возможность реконструировать ряд частотных метафорических моделей, функционирующих в пределах англоязычного религиозного дискурса и построенных на основе ассоциативной связи элементов когнитивных областей цели и источника [Smart, 1958; Chimombo, Roseberry, 1998].

Целым рядом примеров (10,7 % от общего количества метафор в выборке) представлен метафорический перенос **God** → **Power**. Безусловно, размышляя о религии, богослов так или иначе характеризует Всевышнего, оценивая его силу, власть, авторитет. Полагаем, что не вызывает сомнения тот факт, что метафора выступает как «важное средство воздействия на интеллект, чувства и волю адресата» [Лапшова, 2012: 29], чем и объясняется

высокая частотность представленной модели в масштабах нашей выборки. При этом интересующая нас часть речи, имя прилагательное, играет важную роль в ее создании и может находиться как на периферии, так и в ядре метафоры. Например:

27) ... in the book of Revelation, they will be warning people of *the approaching day of judgment at the hands of Jesus*, returned in power *to establish the righteous throne of the God of Israel*. A reference in our preaching to *Jesus Christ, the great warrior-King*, in Revelation chapter 19 is quite appropriate [www.biblemagazine.com].

В представленном фрагменте фиксируем употребление ряда метафор, посредством которых автор говорит о силе Бога, его могуществе и решающей роли в час суда, который ждет каждого смертного. Очевидно, что вербализаторами метафорического переноса **God** → **Power** в метафорах *to establish the righteous throne of the God of Israel* и *Jesus Christ, the great warrior-King* выступают лексемы *throne* и *warrior-King*, последняя из которых является сложением двух основ *warrior* и *King*, что находит отражение в их словарных дефинициях: *throne* – the special chair for a king, queen, or other powerful person; *warrior* – a person who fights in battles and is known for having courage and skill; *King* – a male ruler of a country who usually inherits his position and rules for life [www.merriam-webster.com]. Показательно, что прилагательные *righteous* и *great* стоят в препозиции к ядерным областям и содержат важную информацию относительно величия Господа, его божественности и праведности.

Приведем еще пример:

28) This is truly a supernatural and divine work. *It requires*, indeed, *the finger of powerful God*, to engrave his image on the soul, where it was totally effaced; to renew the resemblance of his moral perfections, and transform us into the likeness of his dear Son [www.atijournal.org].

В примере (28) использована метафора *it requires ... the finger of powerful God*, служащая ироничным и весьма экспрессивным средством передачи идеи о всеобъемлющей и всепоглощающей силе Творца, в которой существительное *finger* несет основную смысловую метафорическую нагрузку, а прилагательное *powerful* вербализует смысловую метафорическую периферию, дополнительно подчеркивая могущество бога. По сути, однако, прилагательное *powerful* в данном случае в метафорическом значении не выступает, вследствие чего мы квалифицируем данную лексему именно как вербализатор семантической периферии рассматриваемой метафоры.

Вторую позицию по частотности в масштабах нашей выборки занимает метафорическая модель **God** → **Creator**, на долю которой приходится 9,1 % от общего количества метафор в выборке. Сразу отметим, что прилагательные могут выступать как в ядре, так и на периферии метафоры. Обратимся к предметному анализу данной модели:

29) Let us glorify *the supreme Artificer for all that was wisely and skillfully made*; by the beauty of visible things let us raise ourselves to Him who is above all beauty; by the grandeur of bodies, sensible and limited in their nature, let us conceive of the infinite Being whose immensity and omnipotence surpass all the efforts of the imagination [www.atijournal.org].

Здесь мы встречаем метафору *the supreme Artificer for all that was wisely and skillfully made*, в которой семантикой существительного *Artificer* – a clever or inventive designer (www.dictionary.reverso.net) актуализируется метафорическая проекция **God** → **Creator**. В свою очередь, прилагательное *supreme* относится к ядру метафоры, выступая в роли детерминанта ядерного существительного, и придает особую экспрессию всему повествованию.

Следующий пример иллюстрирует ситуацию, когда имя прилагательное располагается на периферии:

30) The basic point is, that God is our Creator and that *we are designed and created in accordance with his wise plan*, applies every bit as much to his ordaining as to his knowledge. Presumably, how God wills is also beyond our ken [www.atijournal.org].

Очевидно, что в представленном фрагменте глаголы *designed* и *created* служат вербализаторами метафорического переноса **God** → **Creator**, а прилагательное *wise* находится на периферии метафоры и сообщает о том, что человек и все живое на планете не являются случайным и спонтанным продуктом, а выступают как результат хорошо продуманной и кропотливой работы Создателя.

Перейдем к анализу метафорической модели **God** → **Savior**, на долю которой приходится 8,4 % от общего количества метафор в выборке:

31) Well then, this mystery, this Christ, the apostle says, must be known by the Lord's church. That Christ, beloved congregation, you must know, and you must continue to learn to know more of all His fullness and riches. Most definitely know Christ, even as *He delivers your soul from death and translates you out of the kingdom of darkness into God's marvelous light*. That above all is important. On that truth we, too, lay emphasis. If you do not know Christ, *the Savior of your sin-imprisoned soul*, then all further spiritual knowledge of that Christ is impossible. Therefore, that is all important first of all [www.prca.org].

Здесь автор текста повествует о Христе и подчеркивает его ключевую роль в спасении человека, точнее его души, отошедшей в мир иной. Как видно из контекста, назначение Господа – оживление души смертного и ее перемещение из царства тьмы к свету божьему, что по сути своей есть основа христианского учения – вера в возможность продолжения жизни после смерти. В свою очередь, в метафоре *the Savior of your sin-imprisoned soul* эксплицитно звучит мысль о спасительной природе Всевышнего, при этом существительное *Savior* стоит в ядре метафоры, а препозитивное прилагательное *sin-imprisoned* располагается на ее периферии и служит экспрессивным средст-



вом передачи идеи о том, что человек рожден в грехе и на протяжении всей своей земной жизни находится в его плену, из которого сбежать невозможно.

В силу того, что в основу христианской религии положена идея о принесении в жертву сына божьего ради спасения всего человечества, метафорический перенос **God** → **Sacrifice** (7,6 % от общего количества метафор в выборке) вполне оправдан и ожидаем в рамках англоязычного религиозного дискурса. На основании анализа языкового материала мы пришли к выводу, что в пределах этой модели имя прилагательное преимущественно выступает в качестве вербализатора именно метафорического ядра. Например:

32) Jesus did not just feel forsaken, but was indeed totally forsaken by God, the Father. As part of the Godhead, Jesus is in eternal communication with it. He is part of it. However, at this one point in eternity **He was** vicariously positioned as **the bloody sacrifice for all sins for all time past, present and future**, and as such was receiving the penalty for that sin: the very definition of death, separation from God. Jesus must have felt a loneliness and abandonment beyond anything we can ever comprehend [www. biblicaltheology.com].

В примере (32) фиксируем употребление развернутой метафоры *He was ... the bloody sacrifice for all sins for all time past, present and future*, в которой прилагательное *bloody* – having or covered with or accompanied by blood [www.dictionary.babylon.com] маркирует метафорическое ядро и несет основную смысловую нагрузку в тексте, являясь экспрессивным средством передачи идеи автора о том, что Иисус принес себя в жертву для искупления множества грехов и порочных действий всего человечества. Особый трагизм ситуации достигается при помощи прилагательных *bloody, past, present and future*, повествующих о фатальной обреченности Всевышнего быть вечной жертвой во все времена. В пределах обозначенной метафоры отмечаем, что постпозитивные прилагательные *past, present, future* относятся к периферии и передают дополнительную, тем не менее, весьма значимую информацию о предмете обсуждения.

Приведем еще пример:

33) God accepted and made this victim holy by raising him from the dead and glorifying him. The self-giving love of Christ with which he accepted his passion prevails over the worst of human malice. Christ expiates and makes reparation for sin by definitively dealing with it. As **the holy victim of wrongdoing**, he provides wrongdoers with the means of rising above sin by making them into adopted children of God through sharing in the divine life. The self-giving love of Christ was demonstrated in his acceptance of his passion [www.atijournal.org].

Очевидно, что в метафоре *the holy victim of wrongdoing* существительное *victim* – one that is injured, destroyed, or sacrificed under any of various conditions [www.merriam-webster.com] реализует перенос **God** → **Sacrifice**. Прилагательное *holy*, выступая непосредственным препозитивным детерминантом ключевой метафорической номинации, стоит в ядре метафоры и передает отношение автора к предмету обсуждения.

Мы уже говорили о том, что в сознании каждого верующего Бог – идеал и незабываемый авторитет, в связи с чем логичной представляется нам проекция **God** → **Perfection**, на долю которой приходится 6,4 % материала выборки, маркированного использованием метафор. Эмпирический анализ выборки показал, что имя прилагательное в указанной метафорической модели обнаруживает себя, как правило, в ядре. Например:

34) Because the life of Jesus is the exemplar, it presents *a perfect picture of human emotional life and of divine personality* [www.atijournal.org].

Здесь отметим целый ряд имен прилагательных, участвующих в создании метафоры и придающих особую экспрессию повествованию. При этом прилагательное *perfect* обнаруживает себя в ядре метафоры и служит вербализатором метафорического переноса **God** → **Perfection**, что подтверждается его словарными значениями: *perfect* – being entirely without fault or defect; corresponding to an ideal standard or abstract concept [www.merriam-webster.com], а прилагательные *human*, *emotional* и *divine* располагаются на периферии.

Особого внимания, полагаем, заслуживает метафорическая модель **God** → **Judge**, на долю которой приходится 6,2 % от общего количества метафор в масштабах выборки:

35) God is either *a fair arbiter to command certain rules*, or God must be subject to a moral standard that is higher than him. If the former, then God has imposed a morality that could have been different (which suggests that God is whimsical or inconsistent). If the latter, then God is subject to a moral standard and is not the highest good [www.atijournal.org].

Процесс суждения (или, точнее, осуждения) сам по себе предполагает оценку. Очевидно, что в метафоре *a fair arbiter to command certain rules* вербализатором метафорической проекции **God** → **Judge** выступает существительное *arbiter*, о чем свидетельствует структура его значения: *arbiter* – someone chosen to judge and decide a disputed issue [www.dictionary.babylon.com]. Однако показательно то, что прилагательное *fair*, стоящее в препозиции к существительному, передает ключевую информацию в контексте и относится к ядру метафоры, поскольку характеризует природу того самого судьи, справедливого и беспристрастного, в качестве которого выступает Бог.

На протяжении тысячелетий люди рассматривали религию, веру в сверхъестественные силы как некое таинство, истоки которого непостижимы простому обывателю. В связи с этим метафорический перенос **God** → **Mystery**, на долю которого приходится 5,9 % материала выборки, вполне закономерен, например:

36) The distinctive Christian belief in God as Trinity is founded upon an experiential knowing of God in and through the person of Jesus; thus, the early church fathers came to write of Jesus himself as *the divine mystery of God*. Jesus is the revelation of the Trinitarian God of love [www.atijournal.org].

Очевидно, что метафора *the divine mystery of god* образована с участием прилагательного *divine*, относящегося к ядру данной структуры и стоящего

в препозиции к существительному *mystery*, с помощью которого в контексте реализуется проекция **God** → **Mystery**.

Идея о том, что у истоков любой религии заложен концепт «Вера» как «комплексная ментальная сущность, состоящая из определенного количества областей, содержащих информацию об объектах, явлениях и процессах окружающей нас действительности» [Алимурадов, 2011: 62] и подразумевающая признание некой силы, определяющей течение человеческой жизни, преклонение и преданность ей, уже звучала в нашей работе, поэтому логичным нам видится присутствие в выборке метафорического переноса **Religion** → **Devotion**, зафиксированного в 5,6 % языкового материала. При этом интересующая нас часть речи, имя прилагательное, относится, как правило, к ядерной области метафоры. Обратимся к примерам:

37) Religion and the church itself was considered more and more to be a mere human society among others, existing for no other purpose in the world than the uplift of society and the betterment of humanity in the evolutionary sense of the word. If she was to have any right of existence at all, *she surely must be the obedient servant of Man* [www.rtr.org.au].

В примере (37) звучит мысль о том, что религия призвана быть послушной служанкой человека, всегда приходящей на помощь и в горе, и в радости. Очевидно, что метафорический перенос **Religion** → **Devotion** актуализируется семантикой существительного *servant*, о чем свидетельствуют его словарные дефиниции: *servant* – a person who is devoted to or guided by something [www.merriam-webster.com], а препозитивное прилагательное *obedient* добавляет экспрессии и усиливает мысль о повиновении и преданности религии.

Присутствие в выборке метафорической проекции **God** → **Truth** (5,2 % от общего количества метафор в выборке) объясняется тем, что с позиции христианского учения Бог – символ добра, любви, справедливости, правды и т.д.; иными словами, Бог – это истина последней инстанции. Именно эта мысль звучит в следующем отрывке:

38) ... the Devil causes murderous purpose to be carried out and lies to be spoken against Jesus, *the ultimate embodiment of truth* [www.atijournal.org].

Вновь отмечаем важную роль прилагательного (*ultimate*), служащего для передачи положительной оценки и отношения автора к Богу, являющемуся мерилom истины, слова которого – закон вне зависимости от ситуации.

Особую значимость в контексте рассмотрения метафорических моделей англоязычного религиозного дискурса приобретает перенос **Human Life** → **Battle** (5 % от общего количества метафор в выборке), явившийся результатом и следствием осмысления изменений в окружающем мире и места человека в системе данных изменений. Например:

39) Since the beginning of time, as chronicled in Genesis, believers have engaged in battle with Satan (Gen 3:1-7) as the enemy and often have fallen to his deceit. *This confrontation set the stage for a continuous battle between good and evil* [www.biblicaltheology.com].

В представленном фрагменте отмечаем употребление метафоры *this confrontation set the stage for a continuous battle between good and evil*, в которой реализация переноса **Human Life** → **Battle** осуществляется за счет семантики лексем *confrontation* и *battle*, а стоящее в ядре метафоры прилагательное *continuous*, подчеркивает продолжительный и бесконечный характер борьбы между добром и злом. Кроме того, в данном примере прослеживается аналогия между человеческой жизнью и театром как некой площадкой, сценой, где разворачиваются основные действия, зачастую имеющей кровавый след борьбы. Очевидно, что ассоциативная связь с театром достигается за счет лексемы *stage*, что подтверждено соответствующими словарными дефинициями: *stage* – a raised platform in a theater, auditorium, etc., where the performers stand [www.merriam-webster.com].

Приведем еще пример:

40) Christians in this age have been given a unique responsibility – *to do a fierce battle face-to-face with sin*. This is in the closest of conditions. The battle is as close as our own souls. *The old man built on the sin nature battles the new man created within by God*. Both are within the soul's "desiring system." This "desiring system" has a certain "form," with powers and inclinations, by virtue of being created in God's image. And because of our selfish rebellion against God the passions and desires within the desiring system become twisted and perverted toward self and Satan's world system [www.biblicaltheology.com].

Пример (40) является яркой иллюстрацией роли прилагательного при образовании метафоры. В случае с метафорой *to do a fierce battle face-to-face with sin* прилагательное *fierce*, располагаясь в ядре, служит весьма экспрессивным средством описания характера борьбы простого смертного с греховной составляющей человеческого бытия. Подтверждение находим в соответствующих словарных дефинициях: *fierce* – involving a lot of force or energy [www.macmillandictionary.com]. В свою очередь, в метафоре *the old man built on the sin nature battles the new man created within by God* вербализатором переноса **Human Life** → **Battle** выступает глагол *battle*, а ряд имен прилагательных (*old*, адъективированное *sin*, *new*) относятся к метафорической периферии и акцентируют постоянное противоборство человека, существующего в двух ипостасях: греховной, полученной при рождении, и божественной, преисполненной верой, стремящейся следовать всем предписаниям и наставлениям Господа.

Далее перейдем к рассмотрению метафорических моделей, имеющих незначительные показатели в выборке, однако, требующих столь же пристального внимания и детального анализа.

К числу малочастотных моделей мы относим, в первую очередь, метафорический перенос **God** → **Guide**, на долю которого приходится 4,8 % материала выборки. Например:

41) ... Jesus serves as *a wise and caring mentor to the Twelve* ... [www.atijournal.org].

В данном контексте вновь акцентируем внимание на имени прилагательном, подчеркивая его значимость в создании общего эмоционального фона и метафорической образности. Отметим, что прилагательные *wise* и *caring* несут смысловую нагрузку всего повествования, детерминируя метафорическое ядро, в котором основным вербализатором переноса **God** → **Guide**, безусловно, служит существительное *mentor*, о чем свидетельствуют его словарные дефиниции: *mentor* – a trusted counselor or guide [www.merriam-webster.com].

Рассматривая метафорические модели англоязычного религиозного дискурса, следует остановиться и на проекции **God** → **Change**, зафиксированной в 4,4 % примеров с метафорами. Эмпирический анализ языкового материала показал, что имя прилагательное в данной модели обнаруживает себя как в ядре метафоры, так и на периферии, например:

42) Let us continue to pray for those who are still blinded by this world, and look for every opportunity to share God's love with others so that more lives can be changed, so that *more lives can experience the ultimate power of God's makeover; a makeover not of our appearance, not of our house, but an extreme makeover of the heart*. A new life began for the blind man, both when his sight was regained, and then when he found salvation through Jesus Christ. That new beginning is available to everyone who has not experienced the transforming change that the Holy Spirit brings to the life of every believer [www.biblical-theology.com].

Здесь автор повествует о безграничной силе Господа, которая способна изменить все вокруг, тем не менее, нацелена на духовную сущность человека и затрагивает самый важный орган его жизнедеятельности – сердце. В контексте передается мысль о том, насколько актуально реформировать взгляды и идеи человека, прежде чем приобщить его к вере, при этом одно прилагательное (*ultimate*) относится к периферии метафоры и характеризует степень силы и влияния Бога, другое (*extreme*), располагаясь в ядре, подчеркивает всю серьезность и масштабность перемен и определяет существительное *makeover*, семантикой которого реализуется метафорический перенос **God** → **Change**: *makeover* – the act or process of making changes to improve the appearance or effectiveness of someone or something [www.merriam-webster.com].

В силу того, что в прецедентных текстах религиозного дискурса Иисус Христос рассматривается как посредник, реализующий на практике волю Всевышнего [см. об этом, в частности: Бобырева, 2007; Мечковская, 1998], логичным считаем метафорический перенос **God** → **Mediator**, зафиксированный в 4 % материала нашей выборки, маркированного наличием метафоры. Приведем пример:

43) Christ has to be seen as mediating divine revelation and atonement "in virtue of what he is". He is not just an agent of that mediation to us but is *the Me-*

*diator of a divine revelation and reconciliation* that is not other than what he is in his own personal Identity and Reality. What He is and what **He mediates** are one and the same [www.biblicalstudies.org.uk].

Пример (43) маркирован употреблением метафоры *the Mediator of a divine revelation and reconciliation*, причем имя существительное *Mediator* является вербализатором метафорического переноса **God** → **Mediator**, а прилагательное *divine* служит в качестве метафорической периферии, вновь и вновь подчеркивающее мысль о божественной (чистой и безгреховной) природе Господа, всех его мыслей и поступков.

Семантически близкой к модели **God** → **Mediator** является метафорическая проекция **God** → **Mission**, на долю которой приходится 3,7 % от общего количества метафор в выборке, например:

44) **He is always personally involved in doing the work of his unique mission**, yet he is ever so conscious of teaching the disciples who would “do and teach” what he had done and taught [www.atijournal.org].

Очевидно, что метафоричность фрагмента достигается за счет фразы *doing the work*, передающей мысль о том, что Бог, подобно простому обывателю, всегда при деле, он – труженик, выполняющий свою миссию. При этом семантикой прилагательного *unique*, находящегося на периферии метафоры, автор текста подчеркивает значимость, неповторимость и уникальность миссии, возложенной на Всевышнего.

Рассматривая метафорические модели англоязычного религиозного дискурса, нельзя не упомянуть проекцию **God** → **Cure**, зафиксированную в 3,1 % примеров в выборке. Приведем пример:

45) According to the Spirit-kingdom narrative, the human plight is languishing under the effects of sin-personally, corporately, and cosmically. The choice for autonomy from God, which summarizes the Bible’s account of the source of this ruin, yields corruption in all dimensions of human relationality: self to God, self to self, self to other selves, and self to the rest of the creation. Into this ruin comes the kingdom’s message of grace, of **a move by God to come and heal the broken relationship through his incarnate Son’s death** and offering forgiveness and **wholeness** to all who would turn from their autonomy to lives of dependence upon and ordered underneath God’s provision as Life-giver and Sustainer [www.atijournal.org].

В представленном фрагменте отмечаем употребление метафоры *a move by God to come and heal the broken relationship through his incarnate Son’s death*, образованной с участием прилагательных *broken* и *incarnate*, относящихся к метафорической периферии. Безусловно, семантикой глагола *heal* реализуется метафорический перенос **God** → **Cure**, что находит отражение в соответствующих дефинициях: *heal* – to *cure* of disease or disorder [www.merriam-webster.com].

Интересной, на наш взгляд, представляется метафорическая модель **God** → **Treasure**, зафиксированная в 2,9 % материала выборки.

Эмпирический анализ выборки показал, что имя прилагательное в указанной метафорической модели обнаруживает себя, как правило, на периферии. Например:

46) We must wrestle with our lifestyle, to love God and to hold the deceitful riches of this world as lightly as we ought. The struggle is against falling in love with mere trash, and falling out of love with *Christ, the pearl of great price* [www.biblicalstudies.org.uk].

Пример (46) маркирован метафорой *the pearl of great price*, с помощью которой автор говорит о значимости и ценности Христа, отождествляя его с жемчужиной. Очевидно, что в метафоре *the pearl of great price* существительное *pearl* репрезентирует ядро метафоры и несет основную смысловую метафорическую нагрузку в тексте, в то время как прилагательное *great* обнаруживает себя на периферии и вербализует стоимостную характеристику жемчужины в лице Всевышнего, т.е. определяет ее денежный эквивалент.

Полагаем, что присутствие метафорического переноса **World** → **Mess** (2,7 % от общего количества метафор) в выборке обусловлено процессами и явлениями в современном мире, которые зачастую носят негативный характер, например:

47) The “problem of evil” touches each of these issues at its core. It represents an apparent logical inconsistency with the claim that an omni-benevolent and all-powerful God exists in such *a world littered with the debris and carnage of human suffering*, not to mention that inflicted upon animals and the environment itself. The problem of evil sets forth the philosophical and practical challenge to understand how a good and powerful God, if He exists at all, could possibly allow His creatures to act as they do [www.biblicaltheology.com].

В представленном фрагменте отмечаем употребление метафоры *a world littered with the debris and carnage of human suffering*, в которой причастие *littered*, являющееся производным от глагола *litter*, выступает метафорическим ядром и несет смысловую нагрузку повествования, что подтверждается словарными значениями указанного глагола: *litter* – to make messy with things scattered about [www.yourdictionary.com], а прилагательное *human* относится к метафорической периферии и сообщает дополнительную информацию в тексте.

Следующей метафорической моделью, имеющей относительно скромные показатели по выборке, является **Religion** → **Marriage** (2,4 % от общего количества метафор в выборке), например:

48) The only plausible reason that God would give His only son to save us and give us the internal life is that God wants to be affiliated and has deep emotional affection for us. In the New Testament, *the relationship* described *between Christ and the church is one of a faithful bridegroom and bride*, another metaphorical perspective to relay the relationship [www.biblicaltheology.com].

Безусловно, в основе любой метафоры лежит «механизм сравнения объектов разных классов» [Воронкина, 2010: 127], и в данном случае мы наблюдаем параллель между религией и браком.

Очевидно, что существительные *bridegroom* и *bride* выступают в качестве репрезентантов метафорического ядра и несут смысловую нагрузку повествования, реализуя метафорический перенос **Religion** → **Marriage**. Однако показательно, что имя прилагательное *faithful* участвует в создании метафоры, располагаясь в ядре, и придает особую экспрессию контексту, в котором подчеркивается тот факт, что между Богом и институтом церкви существует тесная связь, подобная той, что имеет место в отношениях жениха и невесты.

Завершим наш анализ метафорической моделью **Human being** → **Product**, имеющей наименьшую репрезентативность в выборке – 1,9 % от общего количества примеров, маркированных наличием метафоры. Рассмотрим один из немногочисленных примеров:

49) *Without God, human beings are accidental, evolved, mortal, short-lived products of nature* – and human beings are nothing more than this [www.atijournal.org].

В представленном фрагменте текста автор эксплицитно выражает мысль о бесплезности и ничтожности человеческого бытия без Господа, называя человека случайным, смертным «продуктом» природы. Именно семантикой эмоционально-оценочных имен прилагательных *accidental, mortal, short-lived*, обнаруживающих себя в ядре метафоры, актуализируется идея о бессмысленности пребывания на Земле человека – атеиста, и передается пренебрежительное отношение к нему со стороны автора, что подтверждается соответствующими дефинициями: *accidenta l* – occurring unexpectedly or by chance; *mortal* – subject to death; *short-lived* – not living or lasting long [www.merriam-webster.com].

Полагаем, что для успешного и эффективного погружения в процесс порождения высказываний исследователю при его попытке интерпретации некой мысли необходимо определить, прежде всего, глобальный смысл, а затем уже понять, что стоит за той или иной фразой, словом [Алимурадов, 2003: 101].

Эмпирический анализ материала выборки показал, что имя прилагательное чаще относится к метафорической периферии (59,2 % от общего количества метафор в выборке), чем к метафорическому ядру (40,8 % от общего количества метафор в выборке).

Подводя некоторые итоги, отметим, что перечень метафорических моделей, функционирующих в пределах англоязычного религиозного дискурса и зафиксированных в теологических журналах, не является закрытым, поскольку язык развивается динамично и постоянно пополняется новой лексикой.



#### 8.4. Фреймовые структуры категорий качества и оценки, реализуемые в современном англоязычном религиозном дискурсе

В рамках нашего исследования уже звучала мысль о том, что краеугольным камнем, своего рода фундаментом сферы религии является концепт **Вера**, в связи с чем вполне оправдано, на наш взгляд, выделение в анализируемом типе дискурса глобального фрейма **Faith**, структура которого дробится далее на подфреймы, слоты и терминалы, актуализирующие некие фрагменты знаний.

Прежде чем начать анализ глобального фрейма **Faith** англоязычного религиозного дискурса, считаем необходимым, рассмотреть вопрос о корреляции концепта Вера и категорий качества и оценки, выступающих предметом наших исследовательских интересов.

Очевидно, что когда речь идет о вере как «внутреннем состоянии каждого отдельного человека» [Степанов, 1997:83], применимую к области религии, мы подразумеваем веру, базирующуюся на принятии, понимании и осознании чего-либо или кого-либо, т.е. выражении позитивного отношения и оценки. Так, если человек верит в существование Бога, его силу, он надеется его рядом качеств, безусловно, положительных, свидетельствующих о наличии силы, власти, мудрости и т.д. и характеризует его (Бога) с хорошей стороны.

В свою очередь, категории качества и оценки подразумевают наличие полярных значений, поскольку и качество, и оценка на семантическом уровне могут быть как положительными со знаком (+), так и отрицательными со знаком (-).

Данная закономерность прослеживается в текстовых примерах в выборке, в которой вербализаторы положительной оценки преобладают и составляют 78,3 % от общего количества примеров в выборке, в свою очередь, оценка со знаком (-) (21,7 % примеров в масштабе выборки) не говорит об отсутствии веры во Всевышнего, несостоятельности христианского учения, а, как правило, касается жесткости, порой жестокости Господа и греховной и небезупречной природы простого смертного. Приведем примеры:

50) Western classical theism asserts that God in himself is the *Greatest Being – absolutely self-sufficient, eternal, immutable, omnipotent, omniscient, completely active, and most excellent* in every way [www.atijournal.org].

В представленном фрагменте отмечаем широкий спектр эмоционально-оценочной лексики, а именно, имен прилагательных, с помощью которых автор текста характеризует Всевышнего, указывая на его величие, постоянство, силу, мудрость и превосходство. Очевидно, что в контексте эксплицитно передается положительная оценка Господа, что подтверждается соответствующими словарными дефинициями: *self-sufficient* – having an extreme con-

fidence in one's own ability or worth; *omnipotent* – having virtually unlimited authority or influence; *omniscient* – having infinite awareness, understanding, and insight; possessed of universal or complete knowledge *excellent* – very good of its kind; eminently good [www.merriam-webster.com]. Кроме этого, на семантическом уровне нельзя не отметить весомость и значимость наречий (*absolutely, completely*) и превосходной степени прилагательных (*the Greatest, most excellent*), использование которых добавляет экспрессию всему повествованию и, создавая в тексте определенный эмоциональный фон, воздействует на адресанта, вселяя в него некую надежду и веру в существование сверхъестественных сил.

51) If we ask the all-important question – Who is the Jesus of the Bible? – Scripture presents a straightforward answer which the church has confessed throughout the ages: Jesus is God *the Son incarnate*. As God the Son he has existed from all-eternity, *co-equal* with the Father and Spirit and thus *fully God*. Yet, at a specific point in time he took to himself our *human nature* and became *incarnate* in order to save us from our sin by his *glorious life*, death, resurrection, and ascension [www.sbsts.edu].

Здесь автор текста повествует о сущности Христа, указывая на то, что Господь триедин, где каждая его ипостась (Бог-Отец, Бог-Сын, Святой Дух) играет важную роль и между ними – знак равенства. Согласно Библии, Иисус явился на Землю в образе человека как воплощение всех мыслей, идей и намерений Всевышнего, его основная задача – спасение от греха всего человечества, а путь к этому спасению – сквозь смерть и Воскресение. Несмотря на тяжкую участь Христа, богослов называет его жизнь «славной», используя эмоционально-оценочное прилагательное *glorious* – marked by great beauty or splendor [www.merriam-webster.com], что, на наш взгляд, не является случайным, поскольку подчинено главной цели рассматриваемого типа дискурса – вселение веры и надежды в простого обитателя.

В следующем примере фиксируем наличие негативной оценки, реализуемой семантикой имени прилагательного, с помощью которого автор текста вербализует идею о греховной природе человека, о его ненасытном характере и постоянной неудовлетворенности настоящим:

52) God punishes all because the sin of Adam was so *egregious*; and the sin was so *egregious* because Adam had everything he could rationally desire, and every possible advantage – and yet he sinned. Hence so *terrific* a sin deserves a *terrific* punishment [www.atijournal.org].

В примере (52) находим мысль о том, что Всевышний покарал согрешившего Адама, а, следовательно, и все человечество, которое бросает ему вызов, находясь в бесконечном поиске чего-то нового и неизвестного, демонстрируя при этом, с одной стороны, чрезмерное любопытство, а с другой – слишком высокий уровень притязаний. Полагаем, что в данном фрагменте не идет речь об отсутствии религиозной веры в Господа, а открыто

звучит идея о далеко небезгрешной сущности простого обывателя нашей планеты. Очевидно, что главным вербализатором отрицательной оценки выступает прилагательное *egregious*, что вытекает из его словарных значений: *egregious* – extremely bad [www.oald8.oxfordlearnersdictionaries.com]. В свою очередь, прилагательное *terrific* – excellent; wonderful; very large; very great [www.oald8.oxfordlearnersdictionaries.com] служит для усиления степени интенсивности наказания и передачи тяжких последствий деяний, повлекших за собой столь суровую расплату.

Рассмотрим еще один пример:

53) But an ontology in which the original apostasy, the move from innocence to guilt, is recreated on numberless occasions, with each individual over and again *treasonous* to God, is aesthetically inferior as a cosmology, because the relationship of mankind to God would be characterized by *a continual pollution* of beauty and of desecration of innocence. What is *ugly and deceitful* would enjoy victory over the beautiful and noble constantly, in a tremendous number of recapitulations of the ugliness of expulsion from the garden [www.atijournal.org].

Здесь вновь отмечаем употребление целого ряда имен прилагательных, при помощи которых автор текста характеризует беззгреховное поведение «детей» божьих к Создателю. В качестве основного инструмента оценки в контексте выступают весьма экспрессивные языковые единицы (*treasonous*, *ugly*, *deceitful*, *pollution*), при этом прилагательное *treasonous* – relating to or involving treason [www.collinsdictionary.com] вербализует идею о предательстве по отношению к Господу, а лексемы *ugly* и *deceitful* лишь усиливают степень и серьезность данного предательства, что вытекает из их словарных дефиниций: *ugly* – very unpleasant [www.macmillandictionary.com] *deceitful* – not honest [www.merriam-webster.com].

Наряду с критическими соображениями относительно всего человечества и каждого грешного, материал нашей выборки изобилует фрагментами, повествующими о Сатане, его сущности, служащей олицетворением зла, смерти и т.д. Подтверждение мысли о постоянном противоборстве добра и зла, света и тьмы в лице Господа и Сатаны находим в следующем примере:

54) People of God need to be alert to the reality of Satan's *destructive power* and sensitive to the way in which we can cooperate with the Spirit of God to bring new life to those individuals who are possessed. On the cosmological level, there is *a life and death struggle* that has been waged and continues to be fought, since the people of God live in two ages, "the already but not yet" [www.biblicaltheology.com].

В представленном фрагменте именно семантикой прилагательного передается весь трагизм ситуации и вербализуется негативная оценка деяний Сатаны, что находит отражение в соответствующих словарных дефинициях: *destructive* – causing a very large amount of damage; causing destruction or harm [www.merriam-webster.com]. Автор текста осознанно сгущает краски и пы-

тается воздействовать на адресата, взывая к его разуму и чувствам, чтобы внушить идею о невозможности бытия вне Господа под властью темных сил.

Принимая во внимание все сказанное выше, можно заключить, что концепт **Вера** *значительно уже* поля качества и оценки, поскольку имеет определенные языковые ограничения и имплицитно указывает на положительное отношение к предмету обсуждения.

При описании фрейма религиозного дискурса нам потребовалось разбить его масштабную структуру на семантически родственные сегменты, репрезентирующие в полной мере материал нашей выборки. При этом мы акцентировали свое внимание на качественной лексике религиозной сферы, а именно имя прилагательное, и построили анализ, исходя из критерия частотности того или иного фреймового фрагмента в пределах выборки.

Наиболее часто представлено фрейм **Faith** в части характеристики **Природы и Навыков / Nature – Skills, Замысла / Purpose** и **Методов и Возможностей / Methods – Possibilities** Всевышнего [см. Приложение 1], на долю таких структур приходится 60,8 % материала нашей выборки.

Согласно схеме, адресант, в роли которого выступают священник, духовное лицо, прихожанин, верующий, священнослужитель, преисполненные надежды и одухотворенные верой в существование Высшей Силы, оценивают объект, характеризуя его природу, намерения и предназначения, а также методы, используемые Господом для достижения поставленных целей. Эмпирический анализ материала выборки по тематическим текстам области религии показал, что ключевым подфреймом в структуре глобального фрейма **Faith** является **Предмет веры / Subject of Faith**, актуализируемый тремя коррелирующими слотами: **Nature – Skills, Purpose** и **Methods – Possibilities**, каждый из которых имеет определенный круг вербализаторов.

Рассмотрим детально обозначенные элементы структуры, сделав особый акцент на категорию качества, реализуемую, преимущественно, при помощи прилагательных.

Начнем со слота **Nature – Skills** (19,6 % материала выборки характеризуют природу Бога), поскольку богослов, преследуя своей целью приобщение адресата к вере, использует все имеющиеся у него средства (лексические, грамматические, графические) для того, чтобы убедить всех в существовании Всевышнего и вселить надежду и умиротворение от одной только мысли, что Господь всемогущ и милостив ко всему человечеству и к каждому смертному.

На основании результатов анализа нашей выборки считаем возможным говорить о наличии 20 терминалов [см. Приложение 1] в пределах слота **Nature – Skills**, среди них: **Holiness, Humanity, Mystery, Complexity, Eternity, Uniqueness, Wisdom, Hospitality, Perfection** и др. Дистрибуция терминалов применительно к слоту **Nature** показана на Диаграмме 1.

Обратимся к примерам:

55) This affirmation entails at least two important points. First, *the man* Jesus from the moment of conception was personal by virtue of the union of the **human nature** in the person of the **divine Son**. At no point were there two persons or active subjects. That is why in our Lord Jesus we come face to face with God. We meet him, not subsumed under **human flesh**, not merely associated with it, but in undiminished moral splendor. The deity and humanity coincide, not because the **human** has grown into the **divine**, but because the **divine Son** has taken to himself a **human nature** for our salvation. It is he, as the Son, who subsists in two natures, who has lived his life for us as our representative head, died our death as our substitute, and been raised for our eternal salvation ... since he has taken to himself a **human nature** alongside his **divine nature**, the Son can now live a **fully human life** yet not be totally confined or limited to that **human nature**. That is why Scripture affirms that even as the Incarnate One, *the divine Son* continued to uphold and sustain the universe while simultaneously living his life on earth, as a man, in dependence upon the Father and by the power of the Spirit [www.sbts.edu].

В примере (55) автор текста повествует о двойственной природе Бога: с одной стороны, Господь предстает перед нами в образе человека и является одним из нас, а с другой – ему свойственно нечто божественное и святое, поскольку он в ответе за всех обитателей планеты и его миссия заключается в их спасении. Очевидно, что прилагательные *human* и *divine* актуализируют терминалы **Humanity** и **Holiness**, на долю которых приходится, соответственно, 6,8 % и 8,2 % материала выборки, описывающего природу Бога, что подтверждают словарные дефиниции данных прилагательных: *human* – of, relating to, or characteristic of humans; having human form or attributes (www.merriam-webster.com); *divine* – given or inspired by God; holy; sacred; devoted to God [www.yourdictionary.com].

Наряду с представленными лексемами, в выборке были отмечены следующие вербализаторы указанных терминалов: *manlike, mortal, natural; angelic, godlike, heavenly, holy, spiritual, supernatural, sacred, blissful*.

Мысль о мистической составляющей религиозной сферы и Всевышнего не раз звучала в работе, в связи с чем присутствие в структуре фрейма **Faith** терминала **Mystery** (7,1 % от общего количества примеров, повествующих о природе Бога) вполне оправдано. Рассмотрим пример:

56) Put differently, just as God is unfathomably and thus *apophatically mysterious* precisely as a function of the *kataphatic* fullness of his determination as gratuitous, Trinitarian love, so too is each thing inherently *mysterious*, as the finite effect and reflection of that same gratuity [www.atijournal.org].

В представленном фрагменте автор текста характеризует Бога и говорит о том, что все, что имеет к нему отношение по своей сути – незримо и сокровенно, полно тайн и загадок. Безусловно, семантикой прилагательного *mysterious* – of, relating to, or constituting mystery [www.merriam-webster.com] в кон-

тексте реализуется терминал **Mystery**. Материал нашей выборки маркирован наличием и иных вербализаторов терминала **Mystery**, таких как: *enigmatic, incomprehensible, obscure, perplexing, secret, unfathomable, unknown*.

В следующем примере, интересном для анализа с позиции лингвистики, фиксируем употребление широкого спектра эмоционально-оценочной лексики, имен прилагательных, посредством которых актуализируются конкретные фрагменты знаний:

57) In Jesus Christ, we see the *perfectly obedient Son* who is also the Lord, taking the initiative to keep his covenant-promises by taking upon our human flesh, veiling his glory, and winning for us our redemption. In him we see two major OT eschatological expectations unite: he is *the sovereign Lord* who comes to rescue and save his people, who is, simultaneously, David's greater Son. In this way, our Lord Jesus Christ fulfills all the types and shadows of the OT who is also *the eternal Son*, identified with the covenant Lord and thus God-equal to the Father in every way. The biblical covenants, then, nicely teach us who Jesus is and, in fact, he cannot be understood apart from them [www.sbts.edu].

По мнению автора текста, Иисус Христос, с одной стороны, выступает как воплощение воли Бога-Отца, демонстрируя беспрекословное подчинение и послушание, а также готовность страдать и умереть во благо и спасение людей. На вербальном уровне особую значимость приобретает фраза *perfectly obedient (Son)*, представляющая собой связку наречие + прилагательное, с помощью которой фрагмент приобретает дополнительную экспрессию. При этом прилагательное *obedient* актуализирует терминал **Obedience** (5,2 % от общего количества примеров, повествующих о природе Бога), что подтверждают словарные значения указанного прилагательного: *obedient – submissive to the restraint or command of authority; willing to obey* [www.merriam-webster.com]. С другой стороны, Бог-Сын как Властелин, несущий добро, олицетворяет собой безграничную и всеобъемлющую власть, что позволяет нам считать, что именно лексемой *sovereign – having unlimited power or authority* [www.merriam-webster.com] реализуется в контексте терминал **Power**, на долю которого приходится 6,4 % материала выборки по природе Бога. Наконец, прилагательное *eternal – having infinite duration; of or relating to eternity* [www.merriam-webster.com] эксплицитно характеризует сущность Христа с точки зрения бесконечного бытия, вне времени и пространства и актуализирует, тем самым, терминал **Eternity** (5,9 % от общего количества примеров, повествующих о природе Бога).

Наряду с представленными лексемами, в выборке были отмечены следующие вербализаторы указанных терминалов: *docile, submissive; absolute, chief, dominant, principal, supreme, unlimited; constant, deathless, endless, everlasting, immortal, infinite, never-ending, perpetual, timeless, unceasing, undying, immutable, imperishable, permanent*.

Мы уже отмечали, что теологическим текстам свойственна эмотивность [Худякова, 2008: 227], наличие качественной, возвышенной лексики [Stiver, 1996; Оганов, 2002 и др.], служащей ярким способом передачи чувств, эмоций и переживаний на интуитивном уровне, поскольку далеко не всегда адресант в состоянии адекватно выразить и описать свой внутренний мир. Приведем пример:

58) It was requisite that he should have been made *perfect* through sufferings and become the author of salvation through this perfecting. It was not, of course, a perfecting that required the sanctification from sin to holiness. He was always *holy, merciful, undefiled*, and separate from sinners. But there was the perfecting of development and growth in the course and path of his obedience – he *learned* obedience [www.sbts.edu].

Как и в предыдущем примере наблюдаем ряд эмоционально-оценочных прилагательных, с помощью которых в контексте реализуются одновременно несколько терминалов, вновь говорим об их значительной роли в создании эмоционального фона всего повествования. Автор текста говорит о безупречности Господа и семантикой прилагательного *perfect* – being entirely without fault or defect; corresponding to an ideal standard or abstract concept [www.merriam-webster.com] актуализирует терминал **Perfection** (6,7 % от общего количества примеров, повествующих о природе Бога). Совершенство Бога ощущается во всем, в страданиях и спасении, развитии и росте, послушании и т.д. Показательно, что постоянными характеристиками Всевышнего выступают его святость, милосердие и чистота, что подразумевают в контексте качественные слова, а именно, прилагательные *holy, merciful, undefiled*, репрезентирующие в выборке терминалы **Holiness, Mercy, Purity** и имеющие в ней соответствующие показатели (8,2 %; 5,3 %; 3,6 % от общего количества примеров, повествующих о природе Бога). Принадлежность указанных прилагательных к обозначенным терминалам подтверждается их словарными дефинициями: *merciful* – treating people with kindness and forgiveness; having or showing mercy [www.merriam-webster.com], *undefiled* – not defiled; pure [www.oxforddictionaries.com]. В масштабе выборки отмечаем и иные вербализаторы данных терминалов: *spiritual, supernatural, sacred, blissful; benevolent, compassionate, forgiving, gentle, gracious, human, sympathetic, tender; blameless, clean, clear, decent, fair; faultless, guiltless*.

Многие мировые религии признают существование некоей Высшей силы, во власти которой находится каждый грешный, все живое и неживое на планете. Следующий пример служит подтверждением этой мысли:

59) Classical theism is often associated with *strong forms of divine sovereignty* whereby God has *complete control* over all human and non-human events in the world; this typically entails a correspondingly less robust form of human freedom. God's aseity means that God does not depend on anything, yet, by virtue of divine sovereignty, everything depends upon God [www.atijournal.org].

Здесь, на наш взгляд, имеет место двоякая оценка, маркированная полярными значениями и выраженная, в том числе, и семантикой имен прилагательных. Автор говорит о чрезмерной силе и власти Всевышнего по отношению ко всему происходящему в мире, что, с одной стороны, можно рассматривать как заботу во благо человечества, а с другой – как жесткие формы проявления превосходства Бога, поскольку речь идет об абсолютном и полном контроле, ограничивающем свободу человека. Полагаем, что существительное *control* вербализует терминал **Power** (6,4 % от количества примеров, описывающих природу Бога), однако, препозитивное прилагательное *complete* служит экспрессивным средством передачи значимой в контексте информации. В выборке были отмечены такие вербализаторы терминала **Power**, как: *almighty, all-powerful, omnipotent, compelling, mighty, potent, strong*.

В следующем примере находим практическую реализацию терминалов **Trust** и **Truth**, имеющих абсолютно одинаковые показатели по выборке – 4,4 % от количества примеров, описывающих природу Бога:

60) As Creator and Lord, he chooses to enter into relationships with his creatures, and in that relationship he always shows himself to be the *faithful partner*. He always remains *true* to himself, his own character, and his promises, and it is on this basis alone that we can hope, trust, and find all our confidence in him [www.sbts.edu].

Здесь автор текста повествует о взаимоотношениях Творца с его созданиями, при этом подчеркивая мысль о бесконечной преданности Господа, выступающего верным партнером, который способен быть самим собой и придерживаться определенной стратегии и линии развития, вызывая доверие и располагая к себе, одним словом, быть своего рода маяком для простого смертного. Очевидно, что прилагательные *faithful* – *deserving trust* [www.merriam-webster.com] и *true* – *real or genuine* (www.merriam-webster.com), наряду с лексемами *constant, dedicated, devoted, loyal, steadfast; genuine, honest, real, right, authentic* актуализируют в выборке рассматриваемые терминалы.

Рассмотрим еще один пример:

61) In short, God acts, then humans respond in the creation of ways of being that we deem fitting of the God we love and have faith in. As an example, we as Christians believe that God is *hospitable* to us in certain ways; we in turn go out and try to be hospitable to others in ways appropriate to us as forgiven creatures [www.atijournal.org].

В представленном фрагменте текста автор указывает на свойство Бога быть добрым и гостеприимным применительно к простому обывателю, в силу того, что мы попадаем в мир, созданный и управляемый Господом, а наше земное пребывание – явление временное и быстротечное. Несмотря на это, Господь рад каждому и требует от нас того же самого. Очевидно, что в структуре глобального фрейма **Faith** прилагательное *hospitable* актуализирует терминал **Warmth** (4,1 % от общего количества примеров, повествую-



щих о природе Бога), что вытекает из его словарных значений: *hospitable* – warm and welcoming to guests and strangers [www.dictionary.babylon.com]. Кроме этого, как показал анализ выборки, вербализаторами терминала **Warmth** могут выступать следующие прилагательные: *kind, genial, welcoming, friendly*.

Далее приведем пример, в котором эксплицитно отражается негативная оценка природы и сущности Всемогущего:

62) ... the Bible's talk about *violent God* must be taken seriously into account in any accurate portrayal of the biblical God. Even more, *divine anger and judgment*, which may entail violence, are absolutely crucial to our continued reflection about God and God's ways in the world. On the other hand, some of the ways in which God's violence is depicted in the Bible should not stand unchallenged [www.wordandworld.luthersem.edu].

В примере (62) звучит идея о том, что жестокость Бога должна восприниматься нами всерьез, должна заставить человека насторожиться, поскольку не является случайным актом, а представляет собой ответную реакцию на далеко небезгрешное бытие простого смертного. Оценка со знаком (–) достигается на уровне семантики при помощи лексем *anger, judgment, violent*, где последнее реализует в выборке терминал **Violence** (4,7 % от общего количества примеров, повествующих о природе Бога). Анализируя обширный материал выборки, нами были выделены и другие вербализаторы указанного терминала, например: *barbarous, brutal, savage, vicious, hostile, aggressive*.

Перейдем к анализу слота **Purpose** (19,6 % материала выборки характеризуют замысел Господа) и терминалов, репрезентирующих категорию качества в масштабе нашей выборки [см. Приложение 1]. Назовем лишь некоторые терминалы, отмеченные нами в ходе анализа языкового материала: **Obedience, Salvation, Love, Creation, Education, Help** и др. Подробная дистрибуция терминалов слота **Purpose** показана на Диаграмме 2. Рассмотрим примеры:

63) We have noted, firstly, that, in relation to His *wise purpose*, God is ever found seeking and taking up people in whom that purpose has been revealed, and whose life is constituted according to it. God's *salvific purpose*, and God's conforming work, are governed by a purpose, which is centered in His Son. [www.austin-sparks.net].

Здесь автор говорит о том, что Бог-сын, Иисус Христос, олицетворяет собой все замыслы всемогущего отца, претворяя их в жизнь, имея дело с каждым представителем рода человеческого. Качественные характеристики предназначений Господа передаются при помощи эмоционально-оценочных прилагательных *wise* и *salvific*, которые актуализируют определенные фрагменты знаний в структуре анализируемого фрейма и выступают вербализаторами терминалов **Wisdom** и **Salvation**, зафиксированных в 7,6 % и 10,7 % материала выборки применительно к цели Бога, соответственно. Принад-

лежность прилагательных к указанным терминалам подтверждается их словарными значениями: *wise* – characterized by wisdom; marked by deep understanding, keen discernment, and a capacity for sound judgment [www.merriam-webster.com]; *salvific* – having the intention or power to bring about *salvation* or redemption [www.thefreedictionary.com].

В ходе анализа языкового материала нами были обнаружены такие вербализаторы терминалов **Wisdom** и **Salvation**, как: *experienced, brainy, brilliant, clever, intelligent, keen, smart, thoughtful; safe, saving, rescue*.

В силу того, что христианское учение зиждется на идее о всепоглощающей вере в существование Высшей Силы и послушании верующих, на наш взгляд, присутствие в выборке терминала **Obedience** (4,8 % от общего количества примеров, повествующих о замысле Бога) вполне логично. Следующий пример является яркой иллюстрацией практической реализации в религиозных текстах указанного терминала:

64) It is our obedience to God that helps us develop our relationship with Him and therefore realize the purpose He has set out before us. It isn't that we do it on our own, but that He empowers us as we mature in our relationship with Him. The closer we are to Him, the more equipped we can be for His **obedient purposes**. Our spiritual maturity (which results from our obedience) is what pushes us past our fears, iniquities, and shortcomings because we know God is with us. This is our faith in action [www.thethoughtsofasmpleman.com].

Показательно, что именно интересующая нас часть речи, имя прилагательное (*obedient*) актуализирует в контексте терминал **Obedience**, являясь производным от одноименного существительного. Наряду с прилагательным *obedient* нами были выделены и другие вербализаторы обозначенного терминала: *compliant, conformable, docile, submissive, faithful*.

Учитывая свойство Бога быть вне времени и пространства, быть всегда и везде, не вызывает сомнения тот факт, что в структуре фрейма **Faith** в части описания целей и замыслов всевышнего нами был выделен терминал **Eternity**, на долю которого приходится 3,2 % материала выборки, повествующего о намерениях Бога. Например:

65) You can do every contrary, dysfunctional, twisted, and evil thing you can think of and still God will be looking for the next opportunity to work with you and accomplish His will for your life. Because God is playing for keeps. His **purposes are eternal** and He always goes the distance with every person He creates. God never gives up. And while He consistently respects your boundaries, and refuses to invade your space, His blessings will chase you down and overtake you when you aren't expecting it. He will surprise and delight you even if you only give Him the smallest opening. And once you open the door, even ever so slightly, God is going to start bringing everything He has and handing it over to you [www.secondadventchristian.org].

Согласно автору текста, вне зависимости от природы и последствий деяний простого обывателя Вселенной, Господь всегда готов к кропотливой работе, подразумевающей общение, наставление каждого конкретного грешника. Обладая уникальной способностью быть рядом, оказать поддержку любому нуждающемуся, он в состоянии и с радостью проходит с человеком долгий путь, от начала и до конца, соблюдая при этом разумные границы пространства индивида. Очевидно, что терминал **Eternity** реализуется в тексте при помощи прилагательного *eternal* – of or relating to eternity [www.merriam-webster.com], однако, лексема *eternal* не является единственным вербализатором терминала **Eternity**, и в выборке мы выделили также следующие прилагательные: *continuing, enduring, everlasting, immortal, imperishable, perpetual, timeless, undying*.

Анализируя качественную лексику в англоязычном религиозном дискурсе, мы не раз подмечали изобилие однородных членов предложения, своего рода атрибутивных цепочек, где каждое конкретное звено служит действенным инструментом для описания определенного фрагмента знаний. Приведем примеры:

66) When the truth is understood about the purpose of God to become All in all through the sacrifice of His Christ, it becomes clear that all of God's dealings with His creatures contribute something to the realization of His *loving, wise, and glorious purpose* [www.tentmaker.org].

Здесь мы наблюдаем ситуацию, когда богослов задействует все имеющиеся у него средства (языковые), передает субъективную оценку и отношение к замыслам Творца, характеризуя положительно спектр целей последнего. Показательно, что каждое звено атрибутивной цепи (*loving, wise, and glorious*) реализует свой терминал – **Love** (6,3 % примеров описывают цели Бога), **Wisdom** (7,6 % от общего количества примеров, повествующих о замысле Господа), **Glory** (4,7 % примеров описывают цели Бога), что вытекает из соответствующих словарных дефиниций: *loving* – feeling or showing love [www.merriam-webster.com]; *wise* – possessing, showing or prompted by wisdom or discernment; *glorious* – having or full of glory [www.dictionary.reverso.net]. Другими вербализаторами указанных терминалов служат: *affectionate, cordial, devoted, tender; experienced, brainy, brilliant, clever, intelligent, keen, smart, thoughtful; grand, grandiose, magnificent, massive, monumental, noble, splendid*.

Отметим, что в примере (66) все элементы качественной характеристики предмета или явления подразумевают оценку со знаком (+). Однако в выборке представлены образцы религиозных текстов, в которых параллельно используются полярные значения категории качество, со знаком (+) и (–), соответственно, например:

67) Did God bring the creation into being to fulfill a predetermined purpose and plan, or was the creation brought into being without aim or plan? The fact

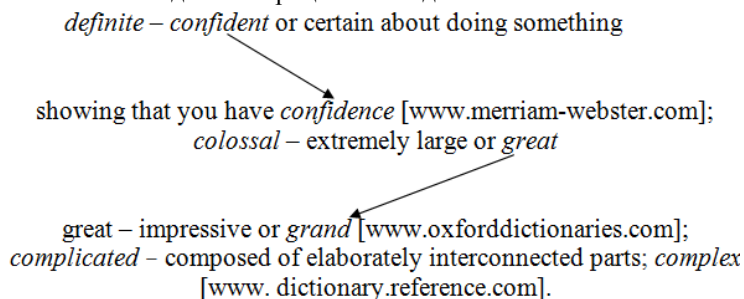
that God had a *definite purpose* in creating is clearly revealed in His Word. It is a *colossal purpose* worthy of a *loving, wise, righteous and all-powerful God*. Exactly what is God's *complicated purpose* for all His creatures?

Notice what is revealed about this in the following passage of Scripture. The Son of God's love "is the Image of the invisible God, Firstborn of every creature, for in Him is all created, that in the heavens and that on the earth, the visible and the invisible, whether thrones, or lordships, or sovereignties, or authorities, all is created through Him and for Him, and He is before all, and all has its cohesion in Him" (Col. 1:15-17) [www.tentmaker.org].

Вновь говорим об особой экспрессии повествования, достигаемой, преимущественно, при помощи прилагательных, и подчеркиваем ту важную роль, которую данный класс слов играет в контексте. В представленном фрагменте категория оценочности реализуется по двум направлениям: с одной стороны, автор характеризует самого Господа и указывает на наличие у него таких качеств, как любовь, мудрость, сила, святость и безгрешность, а с другой – рассуждает о предназначении Бога и употребляет эмоционально-оценочные прилагательные *definite*, *colossal*, *complicated*, актуализирующие в выборке определенные терминалы. Полагаем, что прилагательное *definite* вербализует терминал **Confidence** (3,7 % примеров описывают цели Бога), *colossal* – терминал **Grandeur** (6,4 % от общего количества примеров, повествующих о замысле Господа), в свою очередь, лексема *complicated* реализует терминал **Complexity** (5,8 % от общего количества примеров, повествующих о замысле Господа).

В подтверждение сказанному, представим следующий дефиниционный анализ языковых единиц в качестве иллюстрации их принадлежности к обозначенным терминалам.

Схематически данный процесс выглядит так:



Таким образом, нам потребовалось несколько логических шагов, чтобы прийти от дефиниций *definite*, *colossal*, *complicated* к семантическим вербализаторам терминалов **Confidence**, **Grandeur**, **Complexity**.

Наконец, последний слот в рассматриваемой фреймовой структуре – **Methods / Possibilities** (17,2 % материала выборки посвящены данному фраг-

менту знаний; Диаграмма 3), применимый в отношении характеристики методов и приемов, а также уникальных и беспредельных возможностей Всевышнего в его неиссякаемом стремлении помочь, спасти и сделать лучше и счастливее пребывание человека в этом бренном мире.

Обратимся к примерам:

68) In this framework, *God has been empathetic with his people*, and used this approach in all trials and difficulties; however, it is the cross which is thought of as providing the primary encounter between God and human suffering, as we shall see [www.secondadventchristian.org].

Размышляя о взаимоотношениях человека с Высшей Силой, богослов говорит о доброте и чуткости самого Господа и используемого им инструментария воздействия на верующего, делая акцент на то, что Бог никогда не остается равнодушным к своим созданиям, и в горе и в радости он находится рядом и сопереживает, поскольку любовь его чиста и бесконечна [Caruto, 2001]. Очевидно, что прилагательное *empathetic* служит вербализатором терминала **Empathy** (10,2 % материала выборки, повествующих о приемах и возможностях Бога), что подтверждается словарными дефинициями прилагательного: *empathetic* – involving, characterized by, or based on empathy [www.merriam-webster.com]. В масштабах нашей выборки нами были выделены и другие вербализаторы указанного терминала, например: *gentle, nice, sensitive, generous, warm, kind, caring*.

В следующем примере фиксируем практическую реализацию в англоязычном религиозном дискурсе терминала **Perfection** (9,3 % материала выборки повествуют о приемах и возможностях Бога) в части описания возможностей Всевышнего:

69) GOD'S *faultless method* to reach the minds and hearts of His children is through the intellect. The Bible defines our mental capacity as three faculties of comprehension; and each step in the growth of these faculties leads to a better understanding in life, and thus, provides a growing discernment to know the difference between the safe way vs. "the way, that leadeth to destruction" (Matt.7:13). The Bible's wisest man, Solomon defines these three faculties of comprehension as "knowledge," "understanding," and "wisdom" [www.atijournal.org].

В представленном фрагменте автор текста говорит о безупречности Всевышнего, его методов и приемов и использует для этого эмоционально-оценочное прилагательное *faultless* – without fault; *perfect* or blameless [www.thefreedictionary.com], актуализируя, тем самым, терминал **Perfection**.

Наряду с лексемой *faultless* в масштабах выборки нами были встречены и иные вербализаторы терминала **Perfection**: *absolute, flawless, indefectible, perfect*.

Многими учеными, исследователями в области религии признается наличие мистического компонента во всем, что, так или иначе, связано с именем Господа [Бобырева, 2007; Мечковская, 1998 и др.], включая приемы и

возможности, что зачастую препятствует адекватному восприятию и пониманию имеющейся информации, которая не подлежит четкой научной трактовке и основывается чисто на интуитивном уровне. Рассмотрим пример:

70) In other words, the obvious answer to this problem of the logical point for the commencement of the great cycle of living organisms is the adult. And so God created Adam suddenly, as an adult, and Eve suddenly, as an adult – by *purely supernatural methods too complicated and difficult* to see in our present world. God's creative plan introduced adult human beings fully capable of bringing forth their own children and caring for them as today [www.answersingenesis.org].

В примере (70) автор текста повествует о вечном споре, неутрачиваемом по сей день, относительно сотворения мира и появления человека в нем, указывая на то, что только Всемогущему Богу подвластно подобное чудо, поскольку только у него есть весь арсенал необходимых средств, имеющих мистическую природу и совсем сложных и недоступных простому обывателю. Отмечаем вновь, что имя прилагательное передает ключевую информацию в контексте и характеризует возможность Бога, актуализируя определенные терминалы в структуре фрейма **Faith**. Так, семантикой прилагательного *supernatural* – used about things that seem to come from a power such as *magic* and do not have a natural or scientific explanation [www.macmillandictionary.com] реализуется терминал **Mystery** (7,1 % материала выборки, повествующих о приемах и возможностях Бога), в свою очередь, лексемы *complicated* и *difficult* вербализуют терминал **Complexity**, на долю которого приходится 4,3 % материала выборки, описывающего данный фрагмент знаний.

Мысль о том, что Всевышний является мудрым наставником и учителем всего человечества, уже звучала в работе. В связи с этим, логично было бы предположить, что Господу, как и любому толковому наставнику, присущи свои обучающие методы, нацеленные на передачу необходимой информации, поскольку в общении с Богом простой смертный выступает в качестве пустого сосуда, наполняемого всякий раз извне. Приведем пример:

71) As a member of the Trinity, the Holy Spirit is certainly a *qualified instructor* in the ways of God. He uses several *teaching methods* to transform us into the likeness of Christ [www.intouch.org].

В примере (71) происходит отождествление Господа с инструктором, неотъемлемым качеством которого служит высокий профессионализм. Именно семантикой прилагательного *qualified* – able to do something, because you have the knowledge, skill, or experience that is needed [www.macmillandictionary.com] автор текста передает одно из ключевых требований к Господу. Кроме этого, применительно к описанию приемов Бога, отмечаем употребление лексемы *teaching*, актуализирующей в контексте терминал **Education** (7,8 % примеров в выборке повествуют о методах Господа), что вытекает из структуры соответствующих словарных значений: *teaching* – of, relating to, used for, or engaged in teaching [www.merriam-webster.com]. Материал нашей выборки

располагает и иными вербализаторами указанного терминала, например: *masterful, skilled*.

Особого внимания в контексте нашего исследования заслуживает структура глобального фрейма **Faith**, репрезентирующая качественную характеристику подфрейма **Subject of Faith**, через описание Действий / **Actions**, Поступков / **Deeds**, Учений / **Words** [см. Приложение 2], на долю которой приходится 39,2 % от общего количества примеров в выборке. Анализ выборки показал, что указанные слоты располагают целым рядом терминалов, актуализирующих оценку действий, поступков, учений Господа. Так, в пределах слота Действия / **Actions** (18,5 % материала выборки характеризуют действия Бога) нами было зафиксировано наличие 16 терминалов [см. Приложение 2 и Диаграмма 4], среди них: **Love, Freedom, Help, Morality, Mercy, Salvation, Wisdom, Pain** и др. Рассмотрим примеры:

72) God communicates to us with the help of another and final *salvific act*: through Jesus Christ, who humbled himself by taking on human flesh in order to satisfy the demands of God's law. God requires payment for humanity's rebellion and sin. But what God asks of human beings – i.e., to make recompense for their sins – can only be done by a divine being. This is why Christ completed the work on our behalf. If humans are unable to imagine this reality, then how can they come to know this reality? [www.atijournal.org].

Здесь автор говорит о спасении, пришедшем к нам в лице Иисуса Христа, отправленного на Землю собственным отцом для осуществления особой миссии, подвластной только сверхъестественной силе, и миссия эта – спасение, имеющее два вектора действия: с одной стороны, Бог-Отец, отправляя сына в наш бранный мир, совершает героический поступок во спасение человечества, а с другой – Бог-Сын выступает в качестве главного средства и способа, своего рода панацеей чудесного оздоровления людей. Показательно, что имя прилагательное *salvific* – having the intent or power to *save* or *redeem* [www.merriam-webster.com] передает ключевую информацию в контексте и характеризует мудрый шаг Господа, актуализируя, тем самым, терминал **Salvation**, на долю которого приходится 11,4 % материала выборки, повествующего о действиях Бога. Материал выборки маркирован наличием и других вербализаторов обозначенного терминала, например: *secure, safe, saving*.

Следующий пример иллюстрирует ситуацию, когда при описании действий Всевышнего в тексте реализуются одновременно несколько терминалов:

73) On this account there is no injustice in the transmission of sinfulness from Adam to his offspring. This is so, first and foremost, because God's *moral actions* are *not* wholly *intelligible* to finite creatures, hence injustice cannot be assigned to *divine acts* humans cannot fully comprehend [www.atijournal.org].

Вновь отмечаем практическую значимость имен прилагательных, используемых для создания эмоционального фона повествования и придания

ему особой экспрессии. Здесь автор указывает на высокий нравственный облик Господа и его сакральных действий, которые зачастую не находят должного отклика и понимания со стороны простого смертного. Показательно, что имена прилагательные *moral*, *not intelligible*, *divine* отображают конкретные фрагменты знаний в анализируемой фреймовой структуре и вербализуют определенные терминалы: семантикой прилагательного *moral* – acting upon or through one's *moral* nature or sense of right [www.webster-dictionary.net] актуализируется терминал **Morality** (показатель в выборке – 10,5 % примеров, описывающих действия Бога), лексемой (с отрицательной частицей *not*) *intelligible* – able to be understood; comprehensible [www.merriam-webster.com] терминал **Complexity** (3,7 % примеров повествуют о действиях Бога), в свою очередь, прилагательное *divine* – given or inspired by God; holy; sacred [www.yourdictionary.com] входит в состав терминала **Holiness**, на долю которого приходится 4,2 % материала выборки, посвященного описанию действий Господа. Назовем и другие вербализаторы рассматриваемых терминалов: *decent*, *ethical*, *honorable*, *just*, *righteous*; *mysterious*, *obscure*, *incoherent*, *incomprehensible*, *inscrutable*; *godlike*, *godly*, *heavenly*, *holy*, *sacred*.

Приведем еще пример:

74) Thanksgiving is when we have gratitude for something which is done on our behalf – the giving of a gift, an enduring friendship. Praise is an acknowledgement of excellence in another, a recognition of qualities which we deem praiseworthy. In terms of worship, thanksgiving is a response to God's **gracious and loving activity** in creation and redemption; praise is elicited by who God is. Together, they are linked to such related responses as awe before the mystery and majesty of God and delight as the sheer enjoyment of God [www.atijournal.org].

В представленном фрагменте фиксируем употребление эмоционально-оценочных прилагательных *gracious* и *loving*, при помощи которых автор текста характеризует славные действия Господа, при этом прилагательное *gracious* является вербализатором терминала **Mercy** (7,3 % материала выборки характеризуют действия Бога), а лексема *loving* актуализирует в выборке терминал **Love** (6,8 % материала выборки характеризуют действия Бога), что подтверждается соответствующими словарными значениями: *gracious* – *merciful* or *compassionate*; *loving* – feeling or showing *love* [www.dictionary.reference.com].

Наряду с представленными лексемами нами были выявлены и иные вербализаторы терминалов **Mercy** и **Love**: *compassionate*, *cordial*, *friendly*, *hospitable*, *kind*, *merciful*, *mild*, *obliging*, *pleasing*, *polite*.

В Священном Писании, как и в других религиозных текстах, Господь предстает перед нами в качестве великого деятеля, без усталости трудящегося во благо человека отныне и впредь. Приведем пример

75) God is not holding back from blessing you. God is offering every kind of blessing. **He is working all the time** to provide every manner of good thing. It is not only by design, but also through His **constant work**, intention, and interaction



with you individually and specifically that He is focused on reaching you with His super-natural abundance and overflowing favor. God's desire, more than anything is to bring you victory, prosperity, and well being. Not just momentarily now and again, but consistently, every moment of every day from now to forever [www.secondadventchristian.org].

Очевидно, что автор текста характеризует Всевышнего положительно и указывает на его неиссякаемую энергию и бесконечное трудолюбие, подразумевающее работу в любое время и при любых обстоятельствах, демонстрируя, тем самым, завидное постоянство и все для того, чтобы доставить радость, принести благополучие и процветание простому смертному грешнику. Полагаем, что при помощи прилагательного *constant* – continually occupying; *persistent* [www.thefreedictionary.com] в контексте реализуется терминал **Persistence** (5,6 % примеров в выборке, описывающих действия Бога). В ходе анализа религиозных текстов нами были выделены и другие вербализаторы данного терминала: *changeless, stable, steady, unchanging*.

Материал выборки располагает примерами, когда, рассуждая относительно действий Всевышнего, богослов описывает свое субъективное видение ситуации и выражает негативную оценку происходящего, например:

76) If we were to judge God to be *cruel*, would we not be stating the opposite – in effect saying that our ways are higher than his? It would surely be wise to gather more facts before taking such a stand. Perhaps we should ask, not whether God is *cruel*, but why *some of his actions may appear to be cruel*. To help us, let us consider what “cruel” really means.

When we call someone *cruel*, we judge his motives. *A cruel person* is one who *enjoys* seeing others suffer or who is *indifferent* to their distress. Thus, a father who disciplines his son because he enjoys hurting his son's feelings is *cruel* [www.chess.com].

В примере (76) наблюдаем вечную дилемму: с одной стороны, мы видим, что Господь мудр, милостив и сопереживает каждому своему творению, а с другой – он жесток и равнодушен, поскольку совершает подобного рода действия по отношению к сынам и дочерям своим, испытывая некое удовлетворение от происходящего. Автор пытается понять, как любящий отец может радоваться страданиям своих чад, как он может по собственной воле отправить сына, Иисуса Христа, на верную гибель и бесконечные муки, приписывая Господу черствость и бессердечность, граничащую с жестокостью. Показательна роль прилагательных в контексте, передающих весь трагизм ситуации, при этом отметим, что лексема *cruel* используется для оценки действий Бога и актуализирует терминал **Pain** (5,8 % примеров в выборке, повествующих о действиях Господа), что доказывают соответствующие словарные значения: *cruel* – disposed to inflict pain or suffering [www.merriam-webster.com]. Назовем и другие вербализаторы терминала **Pain**: *barbaric, brutal, heartless, sadistic, savage, vicious*.

Следующим слотом рассматриваемой структуры является слот **Deeds**, зафиксированный в 14,2 % материала выборки, в рамках которого мы выделяем 20 терминалов [см. Приложение 2, Диаграмма 5], подразумевающих положительную и отрицательную оценку. К числу наиболее значимых относим следующие терминалы: **Mystery, Grandeur, Importance, Surprise, Help, Violence, Torture, Destruction** и др. Обратимся к примерам:

77) Christ's *grandiose work* is seen in the lives of many Christians across the ages, manifested in the infused virtues. The moral transformation of so many people in so many different cultures is so impressive and attractive that it requires an extraordinary explanation [www.atijournal.org].

В представленном фрагменте автор текста подчеркивает важность и масштаб совершаемых Всевышним поступков и называет это «работой», подразумевая при этом выполнение вполне привычных, отчасти рутинных, с позиции Господа, дел, но имеющих судьбоносное значение для всего человечества в целом и каждого индивида в отдельности. Безусловно, значимость и серьезность «работы» передаются при помощи прилагательного *grandiose* – impressive because of uncommon largeness, scope, effect, or grandeur [www.merriam-webster.com], репрезентирующего в выборке терминал **Grandeur**, зафиксированного в 7,7 % примеров, описывающих поступки Бога. Другими вербализаторами терминала **Grandeur** являются следующие прилагательные: *glorious, grand, magnificent, massive, monumental, noble*.

Рассмотрим еще пример:

78) God comes to reconcile the alienated world in only one way, and gives ultimate truth only in one place, in Jesus Christ. This *divine deed* is so *radical* that all human beings are reconciled to God in this central Event, dying with Christ in his humiliation and rising with him in his exaltation [www.secondadvent-christian.org].

Здесь фиксируем употребление сразу нескольких имен прилагательных, используемых автором для характеристики действий Всемогущего Бога. Так, прилагательное *divine* – given or inspired by God; holy; sacred [www.yourdictionary.com] подразумевает наличие сверхъестественных качеств, свойственных только Господу, некоей Высшей Силе и имплицитно базируется на контрасте типа человек – Бог, земное – святое и т.д., вербализуя, тем самым, терминал **Holiness**, на долю которого приходится 6,3 % материала выборки, описывающего поступки Бога. В свою очередь, прилагательное *radical* подчеркивает новизну идей и поступков Всевышнего, подчас неподвластных пониманию простого обывателя, и на семантическом уровне реализует терминал **Novelty**, что вытекает из соответствующих словарных значений: *radical* – very new and different from what is traditional or ordinary [www.merriam-webster.com]. Иными вербализаторами терминалов **Holiness** и **Novelty** являются: *godlike, godly, heavenly, holy, sacred; extreme, revolutionary*.

Мы уже не раз отмечали ярко выраженный мистический характер всего того, что имеет отношение к сфере религии в целом и к образу Господа в частности, не явились исключением и поступки Бога. Рассмотрим пример:

79) The holy mystery of salvation is paralleled in this text by another natural phenomenon. We cannot perceive the origins of the wind- where it has been before us, how it came to us, and where it will go beyond us, but we have subjective and objective evidence of its existence and activity. So also with the second birth of the Spirit- though the *deeds of God* in salvation *are mysterious*, we have subjective and objective evidence that God has indeed done and continues to do *a remarkable work* of regeneration in the lives of believers. In this passage, the Holy Spirit is referred to as the One who characterizes the second birth [www.biblicaltheology.com].

В примере (79) отметим практическую реализацию одновременно двух слотов: с одной стороны, автор текста говорит о мистической составляющей спасения человека руками Господа, которое не имеет логического объяснения и использует при этом прилагательное *mysterious* – of or pertaining to mystery; containing a mystery [www.dictionary.babylon.com], актуализируя, тем самым, терминал **Mystery** (8,4 % от общего количества примеров, посвященных поступкам Бога), а с другой – подчеркивает удивительную природу подобного спасения и семантикой прилагательного *remarkable* – unusual in a way that *surprises* or impresses you [www.macmillandictionary.com] заполняет терминал **Surprise** (2,3 % примеров в выборке, описывающих поступки Бога). Наряду с представленными лексемами нами были выявлены и иные вербализаторы терминалов **Mystery** и **Surprise**: *curious, enigmatic, hidden, incomprehensible, mystical, obscure, perplexing, secret; extraordinary, miraculous, surprising, uncommon, unusual*.

Кроме этого, материал нашей выборки маркирован наличием примеров, в которых автор при помощи имен прилагательных негативно оценивает действия Господа, например:

80) The *violent words / deeds* appear to be used for God because they are used for the actions of those in and through whom God mediates judgment; the latter will certainly act as kings and armies in that world are known to act. The portrayals of God's wrath and *punishing deeds* are conformed to the means that God uses. God thereby accepts any fallout that may accrue to the divine reputation [www.wordandworld.luthersem.edu].

Здесь автор повествует о жестких, а порой даже жестоких изречениях и поступках Господа, о его стремлении осуществить правосудие над простыми смертными. Обращает на себя внимание метафоричность данного контекста: проводится параллель между Всевышним и всеми грешниками и Королем и его армией, что, на наш взгляд, не является случайным, поскольку

ку четко определяются статус и степень значимости каждого звена, а также прослеживается прямая зависимость низших социальных слоев от высших, наделенных особой властью и полномочиями. Показательно, что усилиями имен прилагательных *violent* и *punishing*, стоящих в препозиции к существительному *deeds*, в дискурсе реализуются терминалы **Violence** и **Punishment**, имеющие показатели в выборке – 5,2 % и 3,6 %, соответственно. Принадлежность данных лексем к обозначенным терминалам подтверждают и их словарные значения: *violent* – prone to commit acts of violence [www.merriam-webster.com]; *punishing* – resulting in punishment [www.thefreedictionary.com]. Назовем и другие вербализаторы терминалов **Violence** и **Punishment**, обнаруженные нами в ходе эмпирического анализа материала выборки: *brutal, cruel, destructive, furious, maniacal, murderous, passionate, powerful, rough, savage, strong, vicious, wild; hard, heavy, laborious* и др.

Наконец, рассмотрим слот **Words** (8,8 % примеров в выборке повествуя о словах и мыслях Господа), для которого характерно наличие 12 терминалов [см. Приложение 2, Диаграмма 6], среди них: **Education, Criticism, Prophecy, Pain, Morality, Cruelty, Justice**. Приведем примеры:

81) Therefore, the center of gravity for the individual's sanctification lies not in his daily personal devotions (as important as they are), but rather in corporate worship. The communion of the saints is where God's eschatological temple gathers and those preachers and evangelists whom the Spirit has sovereignly gifted to herald the word of God unleash the *all-powerful creative word* upon the covenant community [www.atijournal.org].

В представленном фрагменте фиксируем реализацию двух терминалов одновременно, при этом вновь подчеркиваем, что прилагательные выступают их главными вербализаторами. Так, лексема *all-powerful* – having complete or sole power [www.merriam-webster.com] актуализирует в тексте терминал **Power**, на долю которого приходится 6,2 % примеров, описывающих слова и мысли Всевышнего. В свою очередь, прилагательное *creative* репрезентирует терминал **Originality** (8,3 % примеров в выборке повествуют о словах и мыслях Господа), что находит отражение в соответствующих словарных дефинициях: *creative* – characterized by originality and expressiveness [www.thefreedictionary.com].

Наряду с представленными лексемами в масштабах выборки нами были встречены и иные вербализаторы терминалов **Power** и **Originality**, такие как: *almighty, omnipotent, supreme; artistic, clever, gifted, imaginative, ingenious, inventive, original, productive*.

Мы уже отмечали, что религиозный дискурс нацелен на приобщение к вере и подразумевает определенную степень авторитетности, поскольку богослов всякий раз стремится оказать влияние и воздействие на адресата, пусть даже на «интуитивном» уровне, в силу осо-

бой специфики анализируемого типа дискурса. В следующем примере находим подтверждение данной мысли:

82) *The Word of God is the guarantee of our salvation* and the ground of our assurance. There is nothing evasive about the message, it is *direct* and *sure*. This is one of the reasons why so many people have found comfort in the Word of God. It is *a solid ground of certainty* [www.ccel.us], где звучит идея о том, что слово / учение Господа является гарантом спасения человека, это прочный фундамент, позволяющий простому смертному чувствовать себя уверенно, вселяя в него дополнительную силу духа, конечно, если тот преисполнен веры и готовности служить Всемогушему Богу.

Рассмотрим еще пример, в котором автор текста, размышляя о словах и мыслях Всевышнего, выражает с помощью экспрессивных прилагательных отрицательную оценку:

83) So there we have them, these *vicious words*, eight scriptures quoted to show *the horrible cruelty* of God but actually all with the main purpose, by one means of another, of keeping God's People pure and faithful to him [www.thegodislovesite.com].

Очевидно, что именно семантикой эмоционально-оценочных прилагательных *vicious* – very violent and *cruel* [www.merriam-webster.com] и *horrible* – extremely bad or unpleasant [www.merriam-webster.com] в контексте реализуются негативное отношение и оценка автора к предмету обсуждения. Показательно, что прилагательное *vicious*, наряду с лексемами *exquisite*, *fearful*, *fierce*, *frightful*, *furios*, *ghastly*, служит вербализатором терминала **Cruelty** (6,8 % примеров в выборке повествуют о словах и мыслях Господа), входящего в состав глобального фрейма **Faith** в части описания слов Бога.

Эмпирический анализ материала выборки позволяет нам выявить две фреймовые структуры, так или иначе характеризующие Господа, в пределах глобального фрейма **Faith**, маркированного наличием ряда слотов [см. Диаграмма 7] и терминалов.

В ходе лингвистического исследования англоязычных богословских текстов было установлено, что при передаче оценочного компонента в области религии превалирует положительная оценка того или иного явления. Исходя из этого, справедливой считаем мысль о том, что в пределах структуры глобального фрейма **Faith** доминируют терминалы, подразумевающие оценку со знаком (+), что подтверждается статистическими данными по выборке, согласно которым терминалы положительной семантики имеют показатель 75 %, а отрицательной, в свою очередь – 25 % от общего количества примеров.

Все сказанное выше позволяет нам сделать вывод о чрезмерной значимости в пределах специализированного англоязычного дискурса имен прилагательных как в передаче чувств, эмоций и переживаний коммуникантов, так и в создании эмоционального фона общения и практической реализации в языке категорий качества и оценки.

\* \* \*

В рамках настоящего исследования была предпринята попытка определить специфику построения коммуникации в англоязычном религиозном дискурсе с акцентом на фреймовый анализ категорий качества и оценки, реализация которых происходит посредством употребления имен прилагательных в соответствующих тематических текстах.

Религиозный дискурс ориентирован на передачу широкого спектра эмоций и чувств, в связи с чем переживания, связанные с ним, не могут быть в полной мере отражены знаковым пространством того или иного языка, поскольку зачастую религия подразумевает наличие мистического компонента, вербализация которого носит условный и / или приблизительный характер.

В качестве прецедентного текста, своего рода фундамента порождения религиозной коммуникации, служит текст Священного Писания. Однако религиозные тексты не ограничиваются лишь Библией, тем не менее, все жанровое разнообразие данного типа дискурса в той или иной степени строится на ее основе, интерпретируя и разъясняя ее содержание.

Данное исследование посвящено двум наиболее значимым жанрам религиозного дискурса, диалогам и толкованиям, каждый из которых имеет свою специфику и маркирован наличием определенных характеристик.

Языку религии свойственна художественная выразительность, сводящаяся к активному использованию возвышенной лексики и практически полному исключению простонародных языковых единиц. Однако следует отметить, что в тематических текстах сферы религии широко представлен пласт нейтральной лексики, как именных, так и глагольных конструкций.

В силу чрезмерной значимости догматической составляющей рассматриваемого типа дискурса использование устаревших слов и тесная связь с сакральным текстом, его точное воспроизведение являются весьма частотным способом передачи знания, не вызывающего сомнения у адресата.

Для достижения поставленной цели, а именно, приобщение к вере, и для осуществления более эффективной коммуникации адресант зачастую использует такие коммуникативно-речевые стратегии, как обращение, восклицание, вопрос, формы императива, оказывая, тем самым, должное воздействие на психологическое и эмоциональное состояние адресата.

Эмпирический анализ языкового материала выявил следующую закономерность: в религиозных текстах активно используется *антитеза*, представляющая собой прямое противопоставление типа «добро-зло», «жизнь-смерть» т.д., с положительной и отрицательной коннотацией, что по-

зволяет, с одной стороны, более четко охарактеризовать вечную борьбу противоположностей, а с другой стороны – подчеркнуть роль и значимость сверхъестественных сил, предопределяющих ход событий и течение жизни на планете.

Для англоязычного религиозного дискурса свойственен процесс метафоризации, при котором важная роль отводится метафорам, образованным при помощи имен прилагательных и имеющим в своем значении элемент оценки.

Разделяя позицию ученых относительно наличия в структуре метафоры семантического ядра и периферии, считаем возможным говорить о том, что имя прилагательное может выступать в качестве вербализатора метафорического ядра и метафорической периферии. При этом метафорическое ядро понимается нами как единица языка, передающая ключевую информацию и несущая смысловую метафорическую нагрузку в тексте, а метафорическая периферия, в свою очередь, сообщает дополнительную информацию, не имеющую принципиального судьбоносного значения в той или ситуации.

Нами были выделены 19 метафорических моделей типа *God* → *Power*, присущих религиозному дискурсу и образованных на основе ассоциативной связи элементов когнитивных областей цели и источника. При этом имя прилагательное чаще относится к метафорической периферии (59,2 % от общего количества метафор в выборке), чем к метафорическому ядру (40,8 % от общего количества метафор в выборке).

В главе описывается глобальный фрейм **Faith**, распадающийся на более конкретные подфреймы, слоты и терминалы, каждый из которых репрезентирует определенный фрагмент знания. Имена прилагательные зачастую выступают вербализаторами различных терминалов и представляют собой в основном общеупотребительную лексику (79 % от общего количества примеров, актуализирующих рассматриваемые структуры фрейма), находящую применение во многих отраслях знания, включая религию, и используемую широким кругом носителей определенного языка, а не только профессионалами в данной конкретной области.

Фрейм **Faith** имеет разветвленную структуру и состоит из 5 подфреймов, где ключевым является подфрейм **Предмет веры / Subject of Faith**, актуализируемый 6 коррелирующими слотами и 96 терминалами, каждый из которых имеет определенный круг вербализаторов.

Анализ выборки показал, что в специализированном типе дискурса имя прилагательное выступает в качестве главного вербализатора категории «оценка»: в тематических англоязычных религиозных текстах превалирует положительная оценка сущности Господа, что позволяет нам утверждать, что в пределах структуры глобального фрейма **Faith** доминируют термина-

лы, подразумевающие оценку со знаком (+), что подтверждается статистическими данными по выборке, согласно которым терминалы положительной семантики имеют показатель 75 %, а отрицательной, в свою очередь – 25 % от общего количества примеров.

## Библиографический список к главе 8

1. Алимуратов, О.А. Две ипостаси смысла – глобальный и окказиональный [Текст] / О.А. Алимуратов // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2003. – № 2. – С. 100-102.

2. Алимуратов, О.А. Концепт и лингвистическая семантика. Значение, смысл, концепт и интенциональность: система корреляций: Монография [Текст] / О.А. Алимуратов // Международный журнал экспериментального образования. – 2011. – № 9. – С. 61-63.

3. Алимуратов, О.А., Лату М.Н. Метафоричность термина как переводческая проблема [Текст] / О.А. Алимуратов, М.Н. Лату // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2006. – № 4. – С. 24-26.

4. Алимуратов, О.А., Милетова, Е.В. Метафорические модели, вербализующиеся с участием имен прилагательных и реализуемые в современном англоязычном искусствоведческом дискурсе [Текст] / О.А. Алимуратов, Е.В. Милетова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 4. – С. 51-60.

5. Аникушина, М.В. Когнитивно-дискурсивные особенности современной христианской проповеди [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М.В. Аникушина. – Тула, 2010. – 195 с.

6. Аникушина, М.В. Религиозный дискурс как разновидность институционального общения [Текст] / М.В. Аникушина // Идеи. Поиски. Решения: III Международная научно-практическая конференция. Т. 2. – Минск, 2010. – С. 131-133.

7. Блуверг, С.В. Религиозный дискурс. структура и специфические признаки протестантской проповеди как разновидности религиозного дискурса [Текст] / С.В. Блуверг // Социальная политика и социология. – 2007. – № 2. – С. 223-235.

8. Бобырева, Е.В. Коммуникативный компонент жанров молитвы и исповеди в пространстве религиозного дискурса [Текст] / Е.В. Бобырева // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 11. – Орёл: ФГБОУ ВПО «ОГИИК», ООО «Горизонт», 2013. – С. 100-106.



9. Бобырева, Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, языковые характеристики: монография / Е.В. Бобырева. – Волгоград: Перемена, 2007. – 385 с.

10. Буянова, Л.Ю. Религиозно-конфессиональный текст в системе современной текстологии [Текст] / Л.Ю. Буянова // Язык. Текст. Дискурс. – 2012. – № 10. – С. 26-30.

11. Воронкина, М.А. Метафора и ритуал [Текст] / М.А. Воронкина // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2010. – № 4. – С. 122-127.

12. Гуторова, П.В. Ценностные смыслы «repentance» и «forgiveness» и их актуализация в религиозном дискурсе [Текст] / П.В. Гуторова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 2. – С. 91-95.

13. Заграевская, Т.Б. Категория «оценка», ее статус и вербализация в современном английском языке [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Т.Б. Заграевская. – Пятигорск, 2006. – 286 с.

14. Ицкович, Т.В. Категория хронотопа в текстах религиозного стиля (к постановке вопроса) [Текст] / Т.В. Ицкович // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2011. – № 13. – С. 112-118.

15. Карасик, В.И. О категориях дискурса [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. тр. ВГПУ; СГУ. – Волгоград, 1998. – С. 185-190.

16. Карасик, В.И. Религиозный дискурс [Текст] / В.И. Карасик // языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 5-19.

17. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

18. Кислянская, Е.А. Структурно-семантические особенности универсальных концептов в англоязычном религиозном дискурсе: на материале текста Библии [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.А. Кислянская. – Тула, 2010. – 190 с.

19. Кожемякин, Е.А. Проблема «невыразимости» в религиозном дискурсе и его некоторые эпистемические характеристики [Текст] / Е.А. Кожемякин // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – Тула, 2013. – № 4 (8). – С. 70-82.

20. Кондратьева, О.Н. Метафорическое моделирование в религиозном дискурсе [Текст] / О.Н. Кондратьева // Научный диалог. – Екатеринбург. – 2012. – № 8. – С. 191-207.

21. Кузьмина, С.Е. Концептуальная метафора и метафорический синтаксический концепт (на материале английского языка) [Текст] / С.Е. Кузь-

мина // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2010. – № 3. – С. 74-77.

22. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры: сборник / сост. Н.Д. Арутюнова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387-416.

23. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон / под ред. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал, УРСС, 2004. – 256 с.

24. Лапшова, Н.В. Метафорические и метонимические особенности номинации в современном рекламном дискурсе: структурно-семантический и ассоциативный подходы [Текст] / Н.В. Лапшова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 3. – С. 28-32.

25. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса [Текст] / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

26. Макарова, Ж.И., Панкратьева, Ф.Г. Факторы, обуславливающие количественный аспект атрибутивных словосочетаний в современном английском языке [Текст] / Ж.И. Макарова, Ф.Г. Панкратьева // Синтаксис предложения и сверхфразового единства: сб. ст. – Ростов н/Д, 1977. – 193 с.

27. Маркелова Т.В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке [Текст] / Т.В. Маркелова // Филологические науки. – 1996. – № 1. – С. 80-89.

28. Матевосян, Л.Б. Толкование эмоциональных состояний как ключ к пониманию культур [Текст] / Л.Б. Матевосян // Филологические науки. – 1999. – № 3. – С. 96-100.

29. Мечковская, Н.Б. Язык и религия: пособие для студентов гуманитарных вузов [Текст] / Н.Б. Мечковская. – М.: Агентство «Фаир», 1998. – 352 с.

30. Мещанинов, И.И. Члены предложения и части речи [Текст] / И.И. Мещанинов. – Л.: Наука, 1978. – 387 с.

31. Милетова, Е.В. Метафорические модели с участием имен прилагательных, реализуемые в современном англоязычном религиозном дискурсе [Текст] / Е.В. Милетова // ФИЛОЛОГОС. – Вып. 20 (1). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014. – С. 41-50.

32. Мишланов, В.А., Салимовский, В.А. Диалогичность церковно-религиозных текстов [Текст] / В.А. Мишланов, В.А. Салимовский // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – № 6. – С. 24-29.

33. Мухамедова, Э.В. Религиозный дискурс как смыслогенерирующий источник библейских фразеологизмов [Текст] / Э.В. Мухамедова // Гуманитарные исследования. – 2011. – № 1. – С. 50-55.

34. Оганов, А.А. Эстетическое в системе духовных ценностей [Текст] / А.А. Оганов // Вестник Московского Университета. – Серия 7. Философия. – 2002. – № 6. – С. 59-84.

35. Петров, В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу [Текст] / В.В. Петров // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 135-146.

36. Платон Диалоги [Текст] / Платон. – Акад. наук СССР, Ин-т философии. – М.: Мысль, 1986. – 605 с.

37. Романченко, Ю.В. Лингвопрагматический аспект немецкоязычного теологического дискурса [Текст]: канд. ... филол. наук: 10.02.04 / Ю.В. Романченко. – М., 2008. – 184 с.

38. Салахова, А.Г. Речевые стратегии и средства их реализации в современных христианских немецкоязычных проповедях: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.Г. Салахова. – Уфа, 2006. – 23 с.

39. Салахова, А.Г. Стратегия аргументации в религиозном интернет-дискурсе [Текст] / А.Г. Салахова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 34 (215). Филология. Искусствоведение. – Вып. 49. – С. 109-112.

40. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе [Текст]: монография / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

41. Смолина, А.Н., Лубкина, О.А. Интертекстуальность как стилевая черта церковно-религиозных текстов [Текст] / А.Н. Смолина, О.А. Лубкина // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 5. – С. 268-270.

42. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

43. Худякова, Е.С. О функциях религиозной лексики и библеизмов в текстах современных печатных СМИ [Текст] / Е.С. Худякова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 49. – С. 226-234.

44. Цолер, В.Н. Экспрессивная лексика: семантика и прагматика [Текст] / В.Н. Цолер // Филологические науки. – 1996. – №6. – С. 62-71.

45. Чаусов, А.И. Религиозный дискурс в медиаполе Великого Новгорода [Текст] / А.И. Чаусов // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2013. – Т. 1, № 73. – С. 34-37.

46. Чертов, Л.Ф. О семиотике храмового пространства [Текст] / Л.Ф. Чертов // Религия как знаковая система: Знак. Ритуал. Коммуникация: сб. науч. ст. – Вып. I. – Тверь: Издательство ГЕРС, 2011. – С. 31-44.

47. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) [Текст]: монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
48. Шамарова, С.И. К вопросу о природе религиозного или благочестивого языка [Текст] / С.И. Шамарова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – Вып. 60, № 33. – С. 130-133.
49. Шибает, М.В. Манипулятивное использование прецедентных текстов в религиозном дискурсе [Текст] / М.В. Шибает // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2013. – № 3. – С. 284.
50. Ширяева, Т.А. Метафоры как фактор формирования бизнес-сознания (на материале современного английского языка) [Текст] / Т.А. Ширяева // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 3. – С. 128-132.
51. Ширяева, Т.А. Общекультурные и институциональные особенности дискурса [Текст] / Т.А. Ширяева // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – № 4. – С. 103-108.
52. Caputo, J.D. On Religion (Thinking in Action) [Text] / J.D. Caputo. – London and New York: Routledge, 2001. – 147 p.
53. Carey P.W. American Catholic Religious Thought: The Shaping of a Theological and Social Tradition [Text] / P.W. Carey. – Milwaukee: Marquette University Press, 2004. – 508 p.
54. Chimombo M., Roseberry R.L. The Power of Discourse: An Introduction to Discourse Analysis [Text] / M. Chimombo, R.L. Roseberry. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1998. – 456 p.
55. Eggert, M., Holscher, L. Religion and Secularity: Transformations and Transfers of Religious Discourses in Europe and Asia [Text] / M. Eggert, L. Holscher. – Brill: Leiden, 2013. – 286 p.
56. Howarth D. Discourse [Text] / D. Howarth. – Philadelphia: Open University Press, 2000. – 176 p.
57. Jackendoff, R. Language, Consciousness, Culture: Essays on Mental Structure [Text] / R. Jackendoff. – London: The MIT Press, 2007. – 403 p.
58. Kort W.A. Bound to Differ: The Dynamics of Theological Discourses [Text] / W.A. Kort. – University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1992. – 160 p.
59. Lakoff, G. The contemporary theory of metaphor [Text] / G. Lakoff // Metaphor and Thought. – Cambridge University Press, 1993. – P. 202-251.
60. Lakoff, G., Turner, M. More Than Cool reason: a Field Guide to Poetic Metaphor [Text] / G. Lakoff, M. Turner. – Chicago: University of Chicago Press, 1989. – 230 p.

61. Mills S. Discourse [Text] / S. Mills. – London: Routledge, 2004. – 176 p.
62. Olyan S.M., Nussbaum M.C. Sexual Orientation & Human Rights in American Religious Discourse [Text] / S.M. Olyan, M.C. Nussbaum. – N.Y.: Oxford University Press, 1998. – 292 p.
63. Ramsey I.T., MacIntyre A., Smith R.G. Religious Language: An Empirical Placing of Theological Phrases [Text] / I.T. Ramsey, A. MacIntyre, R.G. Smith. – London: SCM Press, 1957. – 196 p.
64. Regan E. Theology and the Boundary Discourse of Human Rights [Text] / E. Regan. – Washington, DC: Georgetown University Press, 2010. – 256 p.
65. Slone D.J. Theological Incorrectness: Why Religious People Believe What They Shouldn't [Text] / D.J. Slone. – New York: Oxford University Press, 2004. – 162 p.
66. Smart N. Reasons and Faiths: An Investigations of Religious Discourse. Christian and Non-Christian [Text] / N. Smart. – London: Routledge & Paul, 1958. – 238 p.
67. Stiver, D.R. The Philosophy of Religious Language: Sign, Symbol and Story [Text] / D.R. Stiver. – Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 1996. – 272 p.
68. Taves, A. Religious experience reconsidered: a Building-Block Approach to the Study of Religion and Other Special Things [Text] / A. Taves. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2009. – 232 p.

### Словари и справочники

69. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд. – М., 1997. – 944 с.
70. <http://www.dictionary.babylon.com>.
71. <http://www.dictionary.reference.com>.
72. <http://www.dictionary.reverso.net>.
73. <http://www.macmillandictionary.com>.
74. <http://www.merriam-webster.com>.
75. <http://www.oald8.oxfordlearnersdictionaries.com>.
76. <http://www.oxforddictionaries.com>.
77. <http://www.thefreedictionary.com>.
78. <http://www.yourdictionary.com>.

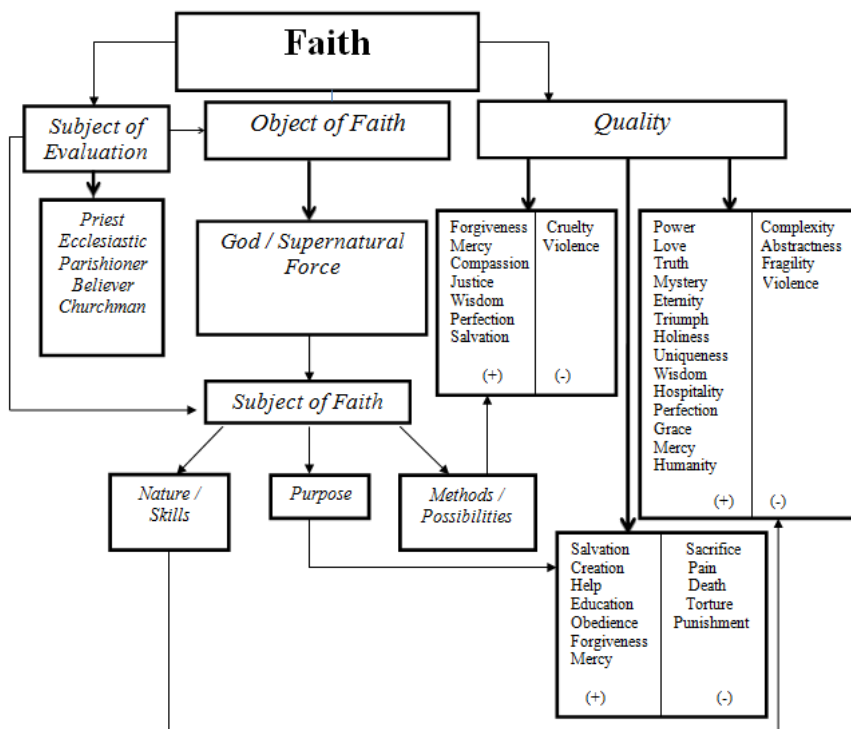
### Источники примеров

79. <http://www.answersingenesis.org>.
80. <http://www.atijournal.org>.
81. <http://www.austin-sparks.net>.

82. <http://www.biblemagazine.com>.
83. <http://www.biblicalstudies.org.uk>.
84. <http://www.biblicaltheology.com>.
85. <http://www.intouch.org>.
86. <http://www.luthersem.edu>.
87. <http://www.prca.org>.
88. <http://www.rtr.org.au>.
89. <http://www.sbts.edu>.
90. <http://www.secondadventchristian.org>.
91. <http://www.tentmaker.org>.
92. <http://www.thegodislovesite.com>.
93. <http://www.thethoughtsofasimpleman.com>.
94. <http://www.wordandworld.luthersem.edu>.

## Приложения к главе 8

### Приложение 1



Приложение 2

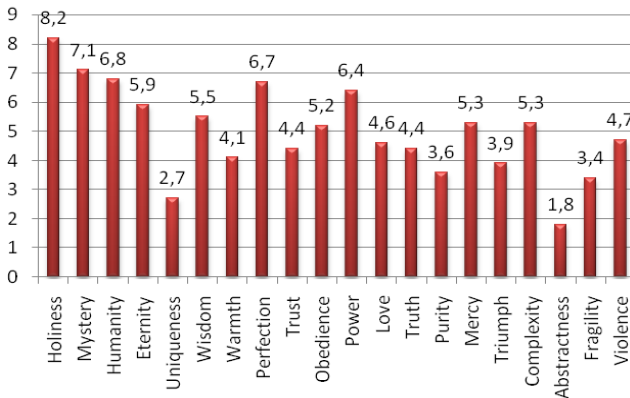
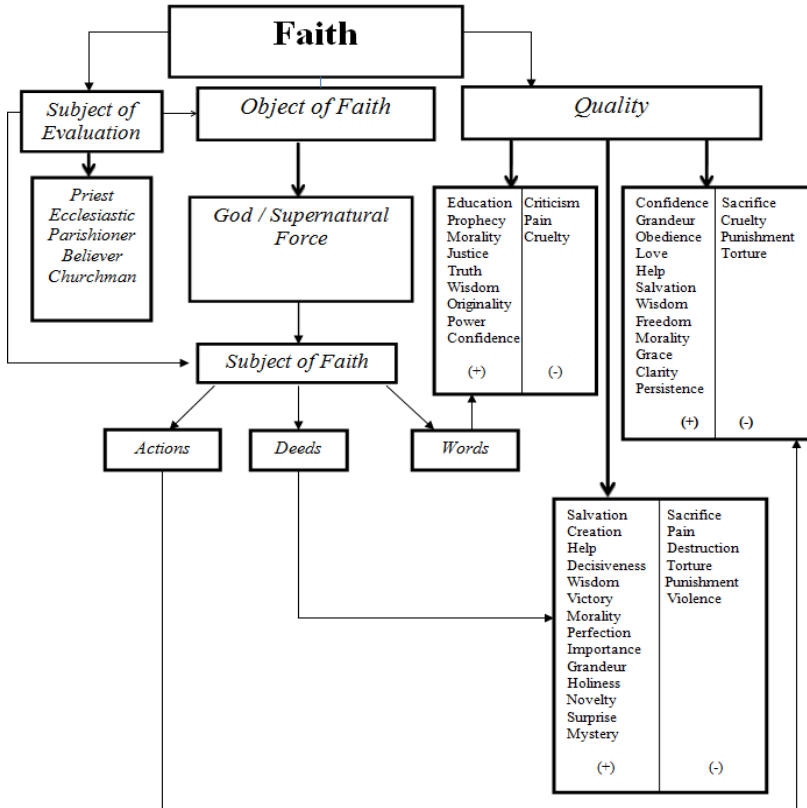


Диаграмма 1. Слот Nature – Skills

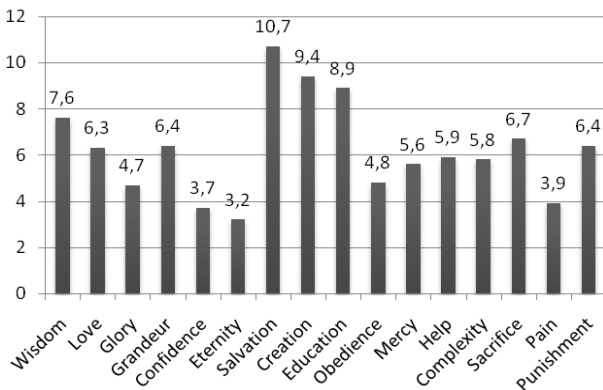


Диаграмма 2. Слот Purpose

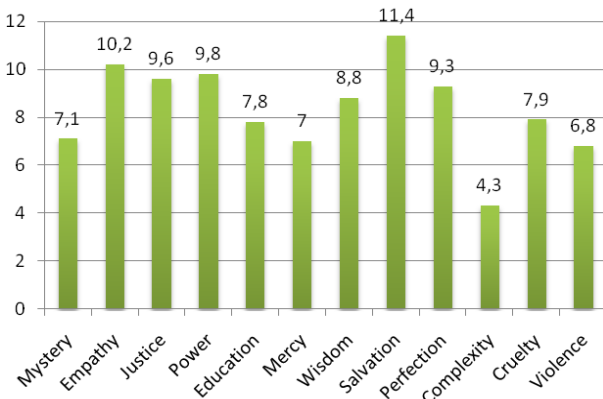


Диаграмма 3. Слот Methods – Possibilities

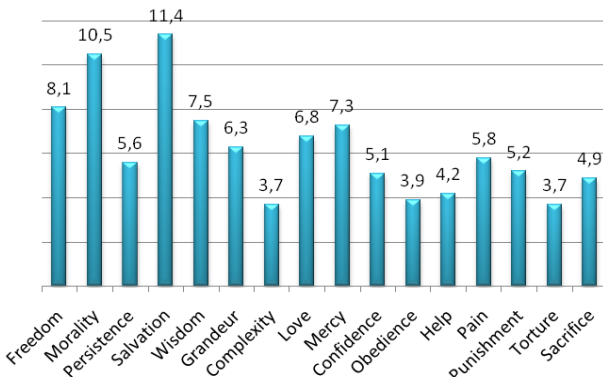


Диаграмма 4. Слот Actions



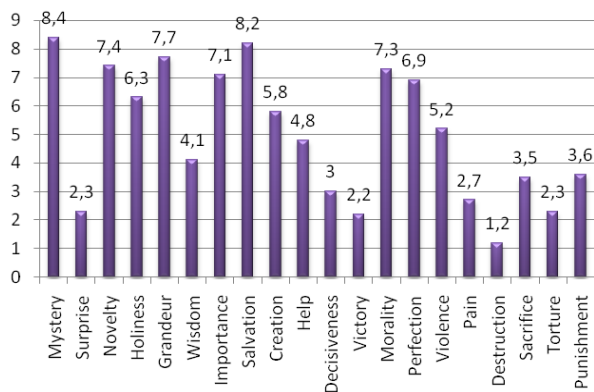


Диаграмма 5. Слот Deeds

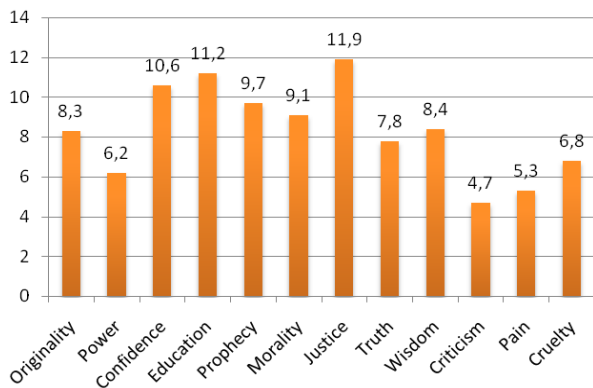


Диаграмма 6. Слот Words

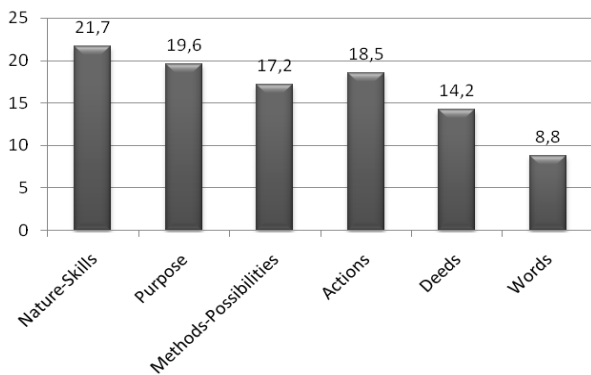


Диаграмма 7. Слоты фрейма FAITH

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ  
«ПОЛИТИКА – ЭТО ОРКЕСТР»  
В МАССМЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ**

---

Многообразие экспрессивно-стилистических средств, использованных в медиа-пространстве, расширяет социальные функции языка и детерминирует его значимость не только как средства общения, но и как способа воздействия. Современная языковая ситуация меняет наше представление о литературном языке, который постепенно реконструируется в язык массовой коммуникации, характеризующимся многообразием языковых средств, используемых как в письменной, так и в устной коммуникации. Исследование текстов массмедиа позволяет определить те рычаги, которые непосредственно воздействуют на речевой базис определенной языковой среды, формируют общественное сознание, участвуют в конструировании языковой картины мира. Метафорическое моделирование политической концептосферы является одним из центральных объектов лингвистики конца XX – начала XXI века. В настоящее время стремительно растет количество работ, посвященных метафоре. Данный факт может быть обусловлен тем, что центральное место в когнитивной лингвистике занимает проблема категоризации окружающей действительности и проявление аналоговых возможностей человеческого разума, которое может быть отражено именно через когнитивную метафору. Исследования в области языкового моделирования Ч. Филлмора, Дж. Лакоффа, Н.Д. Арутюновой, А.Н. Баранова, А.П. Чудинова, Н.Н. Болдырева, В.З. Демьянкова, В.Н. Телия, Г.Н. Скляревской и других лингвистов показывают, что метафора является одной из центральных языковых моделей, участвующих в создании нового способа представления объекта.

**Целью** работы является структурирование и описание метафорической модели «политика – это оркестр», которая представлена в политических текстах 2011-2016 гг.

**Актуальность** выбора темы данного исследования определяется необходимостью описания механизмов языковой репрезентации метафорической модели «политика – это оркестр» с выявлением специфики ее функционирования в политических текстах.

### **9.1. Политический дискурс в коммуникативно-прагматической парадигме**

Описание политического дискурса как основной категории политической коммуникации в современной лингвистике характеризуется появлени-

ем новых исследовательских методик. Активно обсуждаются вопросы теоретического моделирования политического дискурса: описание механизмов порождения и функционирования политических текстов, определение когнитивных сценариев при построении семантических полей, выявление особенностей их параметризации и т.д. Несмотря на большое количество работ, посвященных анализу политического дискурса, ряд вопросов до сих пор остается нерешенным. Так, в современной лингвистике одной из актуальных задач при описании политического дискурса является исследование особенностей реализации языковых значений вторичной номинации, организующих коммуникативное единство политического текста.

Лингвистические исследования в области музыкальной метафорики политического дискурса являются новыми и позволяют выявить имплицитные и эксплицитные смыслы, заложенные в медиа-текстах. Анализ текстов политических СМИ показал, что музыкальная метафора обладает рядом манипулятивных механизмов, которые в дальнейшем сказываются на формировании волевых и оценочных факторов реципиента. Сопоставление двух пространств (в нашем случае – политики и музыки) детерминирует новые смыслы и ассоциации.

Язык политики характеризуется семантической неопределенностью, идеологической неоднозначностью, структурно-семантической латентностью, направленностью на эмоциональное воздействие, фидеистичностью, агональностью и псевдиалогичностью, направленными на достижение результатов, связанных с перераспределением сил в процессе борьбы за власть. Таким образом, язык политического дискурса представляет собой основное средство манипулирования в политической среде. Необходимым иллюстративным средством организации становятся контексты политического дискурса, которые формируются за счет прецедентных текстов. Прецедентные феномены создают необходимые условия для протекания процессов воспроизводства власти на основе эффекта узнавания. Кроме того, особую роль в формировании контекстов политического дискурса играют СМИ, создающие уникальные эффекты дистанцированности и театральности в дискурсе [13, с. 78].

В последнее десятилетие усилился интерес к политическому дискурсу как особой знаковой системе, предназначенной именно для политической коммуникации с целью выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений. Как справедливо подчеркивает А.Н. Баранов, суть развитой системы политической коммуникации заключается в обеспечении возможностей для достижения общественного согласия. Тем самым роль политика заключается в том, чтобы, скрывая одни мысли и эксплицируя другие, стремиться к принятию таких решений, которые в той или иной мере удовлетворяют всех членов социума. Только это может обеспечить нормальное функционирование законодательной и исполнительной власти [3, с. 86].

При исследовании политического дискурса значимым является когнитивный подход. Как отмечает Д.В. Шапочкин, «интерпретируя политический дискурс в его целостности, нельзя ограничиваться чисто языковыми моментами, иначе суть и цель политического дискурса пройдут незамеченными. Понимание политического дискурса предполагает знание фона, ожиданий автора и аудитории, скрытых мотивов, сюжетных схем и излюбленных логических переходов, бытующих в конкретную эпоху» [19, с. 8]. Бессонова Л.Е. определяет место политического дискурса в системе категорий коммуникации и рассматривает когнитивные модели его организации, в основе которых лежит коммуникативное событие, порождающее ПТ. ПТ представляется как динамичная знаковая структура, обусловленная спецификой коммуникативного события. «Бесспорным является тот факт, – отмечает Л.Е. Бессонова, – что дискурс утверждает свое место в системе категорий коммуникации, прежде всего, через понятие “текст” (хотя таковым текстом в чистом виде не является), также через понятие “речь”, через создание определенного коммуникативного пространства, где и происходит коммуникативное событие, порождающее текст» [4, с. 25].

Определяя политический дискурс как социально-политический феномен, исследователи включают в его характеристику как институциональные, так и неинституциональные формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих: субъект, адресат или содержание общения. Задачей современного политического дискурса является воздействие на адресата с целью внушить доверие любыми средствами. По замечанию А.П. Чудинова, «в содержание политического дискурса должны быть включены все присутствующие в сознании говорящего и слушающего (пишущего и читающего) компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи: другие тексты, содержание которых учитывается автором и адресатом данного текста, политические взгляды автора и его задачи при создании текста, политическая ситуация, в которой создается и “живет” данный текст» [16, с. 18]. Значимость адресации как одной из ключевых категорий политического дискурса подчеркивается в работах Л.Е. Бессоновой. Исследователь отмечает, что «адресат, под которым часто подразумевается имплицитная аудитория, определяет структуру и содержание любого ПТ. Это связано с тем, что основной функцией политического дискурса является его использование в качестве инструмента политической власти, поэтому любой ПТ создается адресантом с целью воздействия на адресата, с учетом ценностных ориентиров, горизонта ожиданий и потенциальных реакций аудитории» [4, с. 213]. Именно прагматические установки автора текстов, направленные на манипулирование сознанием читателей-электората обуславливают необходимость активного использования языковых единиц на уровне вторичной номинации.

## 9.2. Метафорическое моделирование политического дискурса

Метафора является одним из основных языковых средств, входящих в лингвистический базис каждого языка. В работах, посвященных исследованию метафоры, Н.Д. Арутюнова отмечает, что метафорой может быть назван любой способ косвенного выражения мысли [9, с. 7]. В свою очередь, И.М. Кобозева признает метафорами «все образные построения, имеющие в качестве когнитивной основы уподобление объектов, относящихся к разным областям онтологии» [10, с. 136]. Уже в конце XX века метафора стала рассматриваться как часть когнитивного процесса. Так, по замечанию А.П. Чудинова, метафора может определяться как «языковое явление, отражающее процесс познания мира. Метафорические модели заложены в понятийной системе человеческого разума» [1, с. 78]. Метафора является одним из основных механизмов, воздействующих на сознание адресата. Дуальность природы метафоры заключается в том, что она «предполагает определенное сходство между свойствами ее семантических референтов, поскольку она должна быть понятна, а с другой стороны, – несходство между ними, поскольку метафора призвана создавать некоторый новый смысл, то есть обладать суггестивностью» [5, с. 359]. Изучение языковых средств, фиксация образования новых и исчезновение забытых элементов, способствует установлению языковых сдвигов на межкультурном уровне.

В современной коммуникации метафоры не только участвуют в категоризации понятий, но и являются аккумулятором личного и народного опыта, зеркалом экономических, политических и культурных изменений. По замечанию Н.Д. Арутюновой, «в эмоциональном нажиме на адресата заинтересован не только писатель, публицист и общественный деятель, но и любой член социума. Общность цели естественно порождает и общность используемых языковых приемов. Сфера выражения эмоций и эмоционального давления вносит в обыденную речь элемент артистизма, а вместе с ним и метафору» [1, с. 8].

Эмоциональная напряженность современной политической коммуникации, широкий коннотативный фон и необходимость тонкого воздействия на адресата определяют высокую активность метафоры в политическом дискурсе, ее ключевую роль в политических текстах разных жанров. Особенности реализации метафоры в политическом дискурсе, по убеждению И.М. Кобозевой, заключаются прежде всего в ее особых функциях, не характерных для художественного текста. Лингвист отмечает, что эстетическая и активизирующая функции метафоры возникают в политических текстах «в качестве побочного эффекта». Более характерными для политического дискурса являются эвристическая и аргументативная функции, поскольку в политической речи метафора выполняет «интерактивную функцию сглаживания наи-

более опасных политических высказываний, затрагивающих спорные политические проблемы, минимизируя ответственность говорящего за возможную буквальную интерпретацию его слов адресатом» [10, с. 134]. С точки зрения И.М. Кобозевой, метафора «создает у партнеров по коммуникации общую платформу, опираясь на которую субъект речи может более успешно внести в сознание адресата необщепринятые мнения» [9, с. 135].

Другой особенностью метафоры в политическом тексте является ее сходство с образным сравнением. Среди основных сходств Н.Д. Арутюнова выделяет слияние образа и смысла; контраст с тривиальной таксономией объектов; категориальный сдвиг; актуализацию «случайных связей». При этом исследователь подчеркивает, что сформулированные в одном тексте метафоры в другом тексте могут быть переданы в виде сравнения или перифразы [1, с. 20].

Бесспорным является факт, что именно метафора способна апеллировать к любой целевой аудитории, прямо или косвенно воздействуя на адресата. Исследователи утверждают, что политическая метафора представляет собой одно из наиболее эффективных средств, обеспечивающих прагматический потенциал политической коммуникации. По убеждению В.Н. Базылева, «адекватность языка общественной политической мысли, непременно содержащего философские, религиозные и политические ингредиенты, обеспечивается не умением “вызвать все до конца”, а умением убедить, склонить читателя или слушателя на свою сторону. Почти неразличимые переходы от логических доказательств к аксиоматике всепобеждающей веры – важнейший дифференциальный признак общественной политической мысли» [1, с. 5]. Чудинов А.П. подчеркивает, что «метафорический характер имеет большинство ключевых слов и фраз, определяющих ту или иную парадигму политического мышления. Опытный политик, как правило, стремится предстать перед избирателями в роли источника ярких политических метафор, образующих смысловой и эмоциональный фон его социальной концепции» [17, с. 123].

По мнению В.В. Петрова, все многообразие исследовательских подходов к изучению метафоры можно свести к двум различным направлениям – семантическому и когнитивному. «С позиций первого, механизм и результат переноса хорошо описываются посредством концепции значения. В рамках второго – основную роль играет знание» [12, с.135]. Именно знание как основа процесса восприятия и моделирования политического мира дает возможность представить его через метафорические модели, фиксирующие особенности восприятия и отражения в языке определенных политических измерений и ситуаций. Как отмечает В.З. Демьянков, политический дискурс является сложным объектом исследования, поскольку лежит на пересечении разных дисциплин: политологии, социальной психологии, лингвистики, и он связан с анализом формы, задач, содержания дискурса, употребляемого в

определенных («политических») ситуациях [7, с. 111]. Процесс познания тех или иных реалий неразрывно связан с метафорическим моделированием, которое с каждым годом расширяет список устойчивых конструкций.

Как отмечает Э.В. Будаев, «система метафорических моделей в дискурсе СМИ служит индикатором состояния общественного сознания, в ней отражается мировидение действительности независимо от желания и интенций участников коммуникации» [5, с. 8].

Доминирующие метафорические модели языка современной политики, по замечанию А.П. Чудинова, характеризуются «агрессивным прагматическим потенциалом, концептуальными векторами тревожности неестественности развития ситуации». В российском политическом дискурсе начала XXI века исследователь выделяет две стадии: «на первой из них (2000 – 2004 годы) во многом сохранялись тенденции, характерные для предшествующего десятилетия, когда ведущую роль играли метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом [...] и векторами неискренности и нереальности [...]. Однако эти метафоры все чаще воспринимались как стандартные, стершиеся, устаревшие, а поэтому не производили на избирателей прежнего впечатления. На второй стадии (2005-2010 годы) все более активными становятся традиционными для русского национального сознания природоморфные метафоры» [17, с. 109-110].

### **9.3. Лексико-семантическое поле «оркестр» как источник метафоризации в политическом дискурсе**

В массмедийном политическом дискурсе активно объективируется специфика языковой репрезентации образа «музыка». Современные политические реалии все чаще представляют мир через музыкальные образы. Образные единицы, входящие в лексико-семантическое поле «музыка», – яркий фрагмент политических текстов, активизация которого происходит, чаще всего, в контекстах, описывающих спорные вопросы в выборе главы государства, политико-экономических перипетий, принятия законопроектов. В работах Е.И. Шейгал подчеркивается, что когнитивный подход, применяемый к исследованию политической коммуникации, позволяет перейти от описания единиц и структур дискурса к моделированию структур сознания ее участников. Моделирование когнитивной базы политического дискурса осуществляется через анализ фреймов и концептов политического дискурса, метафорических моделей и стереотипов, лежащих в основе политических предубеждений [18, с. 9-10]. На данный момент «парадигма языковой конфронтации» стала интегративной частью реальности. В современной лингвистике активно изучается значение ключевых единиц образных компонентов, формирующих особенности политических текстов, по которым, в

свою очередь, фиксируются особенности политической манипуляции. «Музыкальная» метафора обладает смягчающим эффектом при снижении остроты конфликта и вносит в текст яркую эмотивность. Понятийная сфера «музыка» в массмедийных политических текстах реализуется путем наложения денотативных компонентов на действующие реалии, вследствие чего реализуется уникальная метафорическая конструкция, не зафиксированная в текстах других жанров.

Одним из ярких репрезентантов музыкальной метафоры является метафорическая модель «политика – это оркестр», которая объективирует политическое пространство через музыкальные объекты, раскрывающие различное отношение к политике на межкультурном, межконфессиональном и межнациональном уровне. По мнению Дж. Лакоффа, «сущность метафоры состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода [6, с. 387]. Важно учитывать, что музыкальные метафоры не способствуют поиску консенсуса и компромисса, а отражают политику, в первую очередь, как конфликт между государствами, их лидерами, политическими организациями и другими политическими субъектами.

Реализация такого метафорического механизма наиболее содержательно отражена в определенных объектах. Такие объекты неоднородны и представлены следующими тематическими группами:

- 1) политические организации;
- 2) политические лидеры;
- 3) предметы;
- 4) территориально-административные единицы;
- 5) политические действия.

Параметризация политического текста проведена посредством выделения базовой метафорической модели «**политика – это оркестр**», которая реализуется через языковые единицы, входящие в тематическую группу «оркестр»: *первая скрипка, вторая скрипка, дирижер, партитура, дирижерная палочка, человек-оркестр, оркестровая яма*. В лексикографических источниках языковая единица *оркестр* определяется как «группа музыкантов, совместно исполняющих музыкальные произведения на различных инструментах» [3, с. 350].

При реализации в политических контекстах языковая единица *оркестр* насыщается образными компонентами и реализуется на уровне вторичной номинации. В современной политике наблюдается ситуация политического противоборства. Как показывает анализ политических контекстов, политическое пространство в массмедийных текстах описывается через музыкальную метафору из-за многоаспектности и непостоянства звука, который, как и политика, способен влиять на адресата, менять свои свойства и тональность.

В массмедийных политических текстах все чаще наблюдается метафорическое сравнение политических лиц с оркестром: *Политики мне напоми-*



нают огромный, плохой оркестр, самый фальшивый за мои 40 лет в профессии музыканта (Газета «Профиль»). В приведенном контексте нейтрализуется денотативное значение лексемы **оркестр**, которое трансформируется через ассоциативные модели с негативным коннотативным фоном, выраженным с помощью синтагматики (огромный, плохой, самый фальшивый). Следует отметить немаловажное значение силы и характеристики звука, которое выполняет функцию распространителя: *На такой шумный политический оркестр сразу откликнулись* (Журнал «ЕСТЬ ИДЕЯ!»). Описание политических лиц как музыкального объединения реконструирует привычное восприятие представителей власти. Так, образуются параллели между политикой и эпатажным объединением, которое благодаря «силе звука» не останется незамеченным. Немаловажно метафорическое сравнение политических организаций с оркестром из известного образа «Титаника». Вспомним данную сцену: корабль постепенно погружается на дно океана, на палубе царит хаос, все люди мечутся в надежде спасти свою жизнь. Толпы людей стоят в очереди за маленькой шляпкой, а в этот момент оркестр, приняв свою скорбную участь, спокойно играет привычные композиции. Приведенное сравнение расширяет смысловую функцию в восприятии данного сообщения адресатом, где преобладает отрицательная коннотация: *ЕС – это оркестр, который играет на палубе тонущего «Титаника* (Газета «Правда»); *Европейский союз похож на оркестр, играющий на «Титанике»* (Лента.ру). В рассматриваемой модели осуществляется метафорическая интеграция двух исходных ментальных пространств, в котором Европейский союз соотносится с оркестром, а мировая политика с Титаником. В представленных примерах общее пространство включает один объект, вовлеченный в деятельность и побуждаемый к ней с определенной целью. Моделирование образной системы в данной метафоре представляет образ ЕС как объединение, которое на данный момент вызывает сомнение и вопросы со стороны его членов, учитывая тот факт, что в настоящее время поднят вопрос о выходе Великобритании из состава ЕС.

Идеи антропоцентрической парадигмы, доминирующей в исследовании языковых фактов, привели к более детальному анализу единиц метафорического плана. Акцентирование на смысловой структуре «человек – центр Вселенной» реализуется посредством метафоры «дирижер политического оркестра». В современном обществе дирижером называют человека, который управляет оркестром. Сравнение с данным образом в политическом тексте определяет субъекта-дирижера на главную роль: *Главное здесь то, что Россия является ‘дирижером’* (Центр политической конъюнктуры). Политические контексты конкретизируют метафорический образ посредством адекватива, который характеризует политических лидеров государства: *Крупные фракции – КПУ и Партия регионов представляли собой политический оркестр, руководителем которого был кремлевский дирижер* (Га-

зета «Хвиля»). Реализация образов политических субъектов через языковые единицы, входящие в рассматриваемую метафорическую модель, позволяет разграничить значимость политических ролей.

При реализации метафорического образа оркестра, как показал анализ политических текстов, наиболее часто фиксируется негативная коннотация, характеризующая современный политикум как образование, нуждающееся в четкой структуризации и постановке конкретных конструктивных целей. Отсутствие навыков и способностей, заключённых в ядерной семе 'руководитель', означают неспособность политических лидеров к реализации своей роли в государственной жизни страны: *Председатель Верховной Рады так и не смог проявить себя на поприще грамотного дирижера парламентского оркестра* (РИА новости); *Премьер-министр неправильно управляет «оркестром»* (Газета «Факты»).

Метафора *дирижер* является разнополярной. Посредством распределения политических лиц по образцу оркестра данный образ детерминируется в следующих контекстах: *Дирижер террористов Путин, цинично поддержал план Порошенко по урегулированию ситуации в Донбассе* (Медиа-таблоид «Политическая кухня»); *Отставка Яценюка неизбежна. Сегодня с этим дирижером ни один оркестр работать не будет (КП)*; *Позорный спектакль с провалом отставки премьер-министра Яценюка в минувший вторник, главным дирижером которого был, вне всякого сомнения, Порошенко* (Газета «Антикор»). В приведенных конструкциях наблюдается неоднозначная коннотация лексемы *дирижер*. Таким образом, в сознании адресата реализуются оппозиционные модели, которые объективируют дирижера, с одной стороны, как властного субъекта, с другой, – как агрессора.

Ключевая единица *дирижер*, реализованная в конструкции «**по взмаху руки дирижера**», детерминирует образ политических лидеров, характеризующихся как более успешные, менее успешные и вовсе не успешные субъекты политики. Данная метафора наиболее активно стала использоваться с начала 2014 года. Употребление метафорической модели «по взмаху руки дирижера» негативно описывает фиксацию решений избирателей, которое, по мнению авторов политических текстов, характеризуется посторонним влиянием: *Большинство в парламенте, голосующее по взмаху руки дирижера* (ЖЖ); *Народный депутат от Партии регионов Валерий Коновалюк признал, что в Верховной Раде существует такое «постыдное явление», как голосование чужими карточками или по взмаху руки «дирижера»* («ForUm»); *«Голосования» в парламенте по взмаху руки «партийного дирижера» Чечетова* (Газета «Аргумент»); *Был один дирижер, взмахом руки дирижировал, как должен голосовать весь зал* (Информационное Агентство «112.ua»).

Объективация музыкального пространства персонифицировало физические лица в отдельные рычаги музыкального инструмента, которые находятся в полной зависимости: *[Грантополучатели] – только «клавиши боль-*

шого пианино», звуки из которого извлекает **американский дирижёр** (Русское Агентство Новостей). Отсутствие употребления онимов, которые непосредственно конкретизируют закодированную личность, закрепляет в восприятии информантов устойчивую модель «дирижер – президент». Таким образом, в сознании получателя сообщения реализуется широкий спектр ассоциативных моделей, основывающихся на национальности, местных достопримечательностях и географической локации государства: *По взмаху палочки заокеанского дирижера* («ИнфоТоп»); *По взмаху палочки дирижера из Кремля* (Газета «Экспресс Камчатка»).

Обозначение полной автономности и полифункциональности действующего лица представлено посредством метафоры **«человек-оркестр»**. Сравнение политика с музыкантом, который владеет несколькими музыкальными инструментами и аккомпанирует сам себе, позиционирует его как человека независимого, самостоятельно задающего тон для всего происходящего: *Порошенко – человек-оркестр, [...], который привык к слушателям и исполнителям, а не к советникам* («ЛІГА.net»). Мнимая «полифункциональность» политического лидера не всегда является конструктивной: *Хорошо, когда президент – «человек-оркестр», только вот плохо, когда выходят одни похоронные марши* (Медиа-таблонд); *Опасность для президента, в том, что [...] попытка одновременно заработать деньги, управлять страной, внешней политикой и выигрывать войну с Россией явно не удалась. Он – «человек-оркестр»* («ПолитНавигатор»).

Отрицательная оценка внешнеполитической ориентации президента при употреблении данной лексемы в качестве метафоры актуализирует семантические признаки, которые наиболее точно характеризуют личность политического деятеля: *Попытки политического лидера сказать, что он – «человек-оркестр», во время войны не продуктивны* («Реплика»). Таким образом, на передний план выходят семы с негативной окраской: тщеславие, недалёковидность. Эмотивная концептуализация данной метафорической модели повлияла на формирование в сознании реципиента оценочных характеристик с уничижительным значением.

Метафорические единицы активно вступают в парадигматические и синтагматические отношения в рамках опорной модели **«политика – это оркестр»**, в которую входит широкий спектр метафор с компонентом-денотатом, обозначающим музыкальный инструмент.

#### **9.4. Метафорический потенциал тематической группы «музыкальные инструменты» в политическом дискурсе**

Наиболее частотной метафорой, входящую в данную модель, является **«первая скрипка»**, репрезентированная в словарях как «перен. человек,

которому принадлежит руководящая, ведущая, влиятельная роль в чем-нибудь». В политическом дискурсе репрезентированы многочисленные примеры употребления лексем и идиом с рядом компонентом топонимом, которые коррелируют с антропонимами: *Этому «блоку Севера» противостоит «блок Юга», в котором первую скрипку играет Николя Саркози* (Газета «Известия»); *[Тимошенко] – человек огромных амбиций, который может играть только первую скрипку* («ПроектыУкраина.ру»); *Первую скрипку в этом оркестре разжигателей национально розни играл премьер-министр республики Андрус Ансип* (Газета «Известия»).

Номинация «*первая скрипка*» в массмедийных текстах наиболее точно отражает действующие роли в мире политики. В данное время ощутимо сложное взаимодействие государств, которое явственно отразилось в метафорической парадигме: *«Президент-премьер» является первой скрипкой* (ТСН); *Вчерашнее заявление Владимира Путина в этом смысле не блажь, а логическое продолжение сюжета, первую скрипку в котором отныне будет играть именно он* (Взгляд.ру); *Меркель – лидер «страны, претендующей на роль первой скрипки в европейском оркестре»* («Взгляд.ру»); *Верховный совет, в котором первую скрипку играл Руслан Хасбулатов, отказался утвердить Гайдара в должности главы Совета министров* («Взгляд.ру»). Репрезентация метафорической конструкции «первая скрипка» наблюдается в ряде эргонимов, где преобладают политические организации: *Первую скрипку здесь играет МИД* («Взгляд.ру»); *Первую скрипку в оркестре международных организаций будет и должна играть ООН* («Взгляд.ру»); *Российские эксперты сошлись во мнении, что первую скрипку в урегулировании конфликта должны играть ООН и международный Совет Безопасности* («Взгляд.ру»). Использование метафорического образа «первая скрипка» четко разграничивает роли политических субъектов. Таким образом, можно утверждать, что именно «первая скрипка» является центром и ориентиром всех событий, который предопределяет сюжет в дальнейшем развитии дел.

Замена первого компонента в структуре метафоры образует новую метафорическую модель «вторая скрипка», которая прямо противопоставлена по значению. Данная метафора указывает на второстепенных объектов в политическом пространстве: *В этом проекте участвуют шесть государств: Россия, Украина, Белоруссия, Словакия, Венгрия и Хорватия, причем последней отведена по сути роль «второй скрипки» (вслед за Россией)* (Газета «Известия»); *Обама пока не готов согласиться на роль «второй скрипки» в будущей американской администрации* (Газета «Известия»); *США уже не удастся сделать вид, что они играют вторую скрипку – придется бить первыми и брать на себя всю полноту ответственности* (Газета «Известия»).

Следует учитывать закодированное значение данной метафорической модели, которое, как правило, обозначает личностей, не занимающих пер-

вой роли. Таким образом, «нюансы игры» первого скрипача становятся более заметными, но стоит замолчать второй скрипке, как первую уже не услышат. Из этого следует, что под второй скрипкой в политической жизни подразумеваются «серые кардиналы», которые выполняют доминирующие функции в политической жизни.

Семантический компонент 'криминал' реализуется в политическом тексте через ключевую единицу «контрабас». Метафоризация игры на контрабасе в политическом дискурсе предполагает противозаконные действия исполнителя, музыканта – основного субъекта, вокруг которого происходит конфликт: *Криминальный «контрабас»: кто «играет» на Сумщине* («Панорама»); *Кыргызстанцы играют на «контрабасе»: Процветающая на кыргызско-узбекской границе контрабанда вполне может создать конфликт между двумя странами* («ЦентрАзия»).

Выделение в политических текстах лица и объекта (музыканта и инструмента) имеет свои особенности. Так, одушевленный объект, не имеющий воли, может выполнять функцию неодушевленного. Разграничение ролей в музыкальном пространстве на инструмент и музыканта, который играет на нем, распределяет роли в структуре политикума. Подобные метафорические сценарии направлены на поляризацию сил и власти: носитель власть проводит активные действия с помощью пассивного субъекта-инструмента: *Саакашвили долго играл роль почти послушного инструмента в руках президента Порошенко. Когда он закрывал одесский припортовый завод, то склонял на все стороны имя Мартыненко, который работает виолончелистом у премьера Яценюка, и обходил стороной имя Кононенко, который играет эту же самую музыку на контрабасе для президента Порошенко.* («Инфо Онлайн»). Конструкция «играет ту же музыку на контрабасе» обозначает дублирование тех или иных действий, совершаемых определенным лицом, которое воспринимается как должное и общепринятое.

Персонификация инструмента обуславливается наделением предикатами, характерными для живого существа: *СБУ хочет лишить бюджет дополнительного дохода, а себе вернуть инструменты давления на контрабас* (ЛІГА.net). Распределение главных ролей в пространстве оркестра, который в метафорическом поле политики является главным отображением ведущих действующих лиц или организаций, проецируется на медиа-текст в виде желания реализации другой инструментальной роли на политическом поприще: *Европейский контрабас хочет играть первую скрипку* (MIGNEWS.COM). Таким образом, метафоризация контрабаса определяется неоднозначностью интерпретации образа и широким полем для ассоциирования.

В ментальности русского народа ударный инструмент, кроме узуальных представлений, ассоциируется с силой и мощью, таким образом, реализуется уникальная метафорическая модель восприятия данного объекта. В политических текстах ключевая единица барабан расширяет свои синтагмати-

ческие возможности и является стержневым компонентом адекватных сочетаний: барабан войны, барабан НАТО, партийный барабан и др.

Наиболее активно функционирует конструкция **барабан войны**, которая интерпретируется как предвестник трагедии: «*Вашингтон* **бьёт в барабаны новой мировой войны** (RUSPRAV.TV). Анализ лексикографических источников позволяет прийти к выводу, что данная конструкция является производной от идиомы **бить в набат** со значением «привлекать всеобщее внимание к чему-либо, имеющему большое общественное или личное значение, к чему-то опасному и тревожащему» [20, с 89]. Языковая игра, грамматические и семантические трансформации, соединяясь с широким ассоциативным фоном, создают контекст с дискредитирующим значением, направленным на столицу США, указывая на то, что в скором времени со стороны данного государства может быть реализована дестабилизация современного общества. Новообразование «фашингтон», созданное путем слияния лексем **Вашингтон** и **фашизм** с последующей трансформацией значения, безусловно, привлекает внимание адресата. Приведенное существительное является окказиональным, хотя образовано по узуальной модели. Необычная форма денотата в сочетании с контекстным окружением, расширяя свое значение, делает сферу его применения более широкой, превращаясь в уникальное игровое средство в текстах масс-медиа.

Конструкция **барабан войны (барабаны войны)** в политическом тексте является весьма частотной и реализуется в представленном выше значении: *Барабаны войны, или как Белый дом Европу на русских науськивает* (OKO-PLANET.SU); *Тимошенко бьет в барабаны НАТО* (SVPRESSA.RU); *Вашингтон и СМИ продолжают бить в барабан войны* (RUBALTIC.RU). Интересным примером являются контексты, созданные по структуре денотат + адъектив: **Барабаны войны. НАТО готово к «гибридной войне» с Россией и «Майдану» в Москве** (ANNA-NEWS); **Барабаны гибридной войны** (Известия).

При реализации в политическом тексте следует отметить многозначность конструкции **бить в барабан**. Так, при реализации в отдельных контекстах данная конструкция приобретает значение, тождественное идиоме **бить в набат**: *Батальон «Крым» бьет в барабаны. К сведению тех, кто сдает Донбасс: на Украине появилось еще одно спецподразделение* (3RM.INFO). Интересной для анализа является конструкция **партийные барабаны**, интерпретируемая как «система мер, служащая для привлечения внимания потенциального электората»: *Кто на Манежке бьет в партийные барабаны? Митинг «Единой России» собрал бодрых пенсионеров, молчаливых студентов и таджикских дворников. Жизнерадостные старушки и вовсе энергично стучат в партийные барабаны* (Советская Россия).

Не менее активно в политических текстах реализуется музыкальный инструмент **бубен**, в денотативном значении определяемый как «ударный

мембранный музыкальный инструмент в виде обода с натянутой на него кожей (иногда с бубенчиками или металлическими пластинками по краям)» [11, с. 382] и реализованная в политических текстах преимущественно в адъективных сочетаниях европейский бубен, рейтинговый бубен, бубен войны: *Правозащитников и оппозиционеров, у которых появился повод вновь бить в европейский бубен, судьба приговорённых и их близких, судя по всему, волновала меньше всего* (Блог | Николай Стариков); *Fitch снова бьет в «рейтинговый бубен»* (Бизнес новости). В контекстах конструкция **бить в бубен** имеет значение «привлечь внимание»: *глава Бурятии сейчас в бубен бьет и требует ввести в Республике режим чрезвычайной ситуации* (Новые ведомости); *Уже в течение полутора лет власти Литвы, Латвии и Эстонии раздувают щеки и бьют в бубны, громогласно утверждая, что в их регион вот-вот вторгнутся «зеленые человечки» из РФ* (Ритм Евразии).

Активная для политического текста конструкция «бубен мира» сформировалась на основе известного культурного символа североамериканских индейцев – трубки мира. Использование метафоры «бубен мира» зафиксировано в политических текстах единожды и обозначает привлечение потусторонних сил для ликвидации преступной организации: *Бубен мира: в России пробуждают древние силы на борьбу с ИГ* (Федеральное агентство политических новостей). Антиподом данного образования является конструкция «бубен войны», которое насаивает на данное выражение дополнительное значение с негативной коннотацией: *Бубен войны лихорадит сердца миролюбивых* (Голос граждан).

Метафорическая конструкция *оркестровая яма*, реализуемая в политических текстах менее активно, в лексикографических источниках трактуется как «место для расположения оркестра, находящееся в углубленном помещении прямо перед сценой» [3, с. 263]. Данная языковая единица относится к театральной сфере. Именно принадлежность к сфере театра определяет политику в виде скрытой и упорядоченной системы, которая силой звука воздействует на своих слушателей: *Оркестровая яма ЕС. Скандал, устроенный Евросоюзом в связи с отказом Армении парафировать соглашение об Ассоциации с ЕС и ее согласием вступить в Таможенный союз, оказался контрпродуктивным* (Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова). В приведенной конструкции реализуется негативная коннотация, которая описывает события, связанные с расторжением Соглашения об Ассоциации с Арменией.

Значимой для анализа является конструкция «**политическая партитура**», определяемая в словарях как «совокупность всех партий многоголосного музыкального произведения, а также запись этих партий». Так, в сфере музыки партитура исполняет функцию нотной записи, которая предполагает точное воспроизведение музыкантами описанного музыкального произведения. В политическом пространстве партитура является неким планом,

заблаговременно разработанным определенными структурами для политических деятелей и организаций.

Следует отметить, что представленная метафора проецируется на политическую действительность, определяясь как политические стратегии и тактики, запланированные и продуманные заранее политическими лидерами: *Политическая партитура заранее расписана, и это объективная реальность* («Версии.ком»); *Партитура накануне выборов* («Времени NET»), *Партитуру войны пишут политики* (Газета «ВПК»). Ряд контекстов фиксирует не автора партитуры, а метонимический локатив: *есть актер, который играет роль свидетеля, актер, исполняющий роль судьбы и политическая партитура, которая написана на Банковой* («ЛІГАБізнесІнформ»).

Данный образ характерен при описании потенциального политического будущего государств: *Европейская партитура: политические партии отомрут, но не завтра* (Политический журнал). Важно отметить, что все выявленные контексты подчеркивают негативную коннотацию конструкции при ее реализации в политическом тексте, в то время как денотативное содержание лексемы не включает предпосылки для активного наведения негативной коннотации. Таким образом, употребление ономастических сочетаний в политических текстах можно разделить на три группы: имена собственные-топонимы (Россия, Украина, США, Германия и т.д.), имена собственные-эргонимы (ООН, НАТО, ОБСЕ и т.д.) и антропонимы (П. Порошенко, Б. Обама, А. Меркель и т.д.). Наложение музыкальных реалий на политическую концептосферу дает нам представление мира политики через музыкальную сферу, при которой реализуется потенциальная возможность воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата [2, с. 321].

\* \* \*

Детальное изучение текстов политических СМИ позволяет выявить имплицитно выраженные бессознательные установки коммуникантов и на этой основе доказать, что политическая метафора способна моделировать стратегии и тактики современного общества. Анализ русскоязычных политических текстов позволил сделать вывод о том, что метафорическая модель «политика – это оркестр» реализуется преимущественно с негативной коннотацией, которая определяет несерьезное и пренебрежительное отношение адресанта к политическим силам. Доминирующим типом метафорических моделей с компонентом денотатом является онтологическая метафора (персонификация, артефакты). Следует отметить, что чаще всего метафора в анализируемом нами политическом дискурсе, была представлена не предметом, посредством которого решались те или иные политические вопросы или конфликты. В изучаемых текстах метафорическая модель с компонентом денотатом была представлена, как правило, главным объектом вокруг которого или посредством которого разворачивались события.



В нашей работе, выделяется два вида метафорической модели, в которой первая группа метафор – объект, являющийся способом решения конфликта, а вторая группа – объект, который является причиной возникновения раздора. Таким образом, глубокое проникновение лексических единиц, входящих в сферу «музыка», в политических текстах дают возможность говорить о тесном взаимодействии «музыкальной» и «политической» сфер, интеграции языковых единиц, входящих в лексико-семантическое поле «музыка» в политическом дискурсе и существенной трансформации их денотативных значений.

### Библиографический список к главе 9

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафор: сборник / вступит. ст. и сост. Н.Д. Арутюнова. – М.: Прогресс, 1990. – 359 с.
2. Базылев В.Н. Национальная идентичность: фрагмент русской общественно-политической мысли // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. Выпуск 16. – Екатеринбург, 2005. – С. 5-12.
3. Баранов А.Н. Речевое воздействие и аргументация / А.Н. Баранов, П.Б. Паршин, А.П. Репьев // Рекламный текст : семиотика и лингвистика. – М.: Флинт. 2000. – 270 с.
4. Бессонова Л.Е. Коммуникативные аспекты политического дискурса // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского. Серия «Филологические науки». – Симферополь, 2004. – Т. 16 (55), № 1. – С. 22-27.
5. Будаев Э.В. Политическая метафора в лингвокультурологическом аспекте // Аналитика культурологии. – 2007. – № 3 (9). – 41 с.
6. Джонсон М., Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. – М., 1990. – 415 с.
7. Демьянков В.З. Эффективность аргументации как речевого воздействия // Проблемы эффективности речевой коммуникации. Сборник научно-аналитических обзоров. – М.: ИНИОН АН СССР, 1989. – 385 с.
8. Ирисханова О.К. О теории концептуальной интеграции // Известия АН. Серия литература и языка. – М., 2001. – Т. 60, № 3. – 208 с.
9. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – М.: 2001. – № 6. – 227 с.
10. Кобозева И.М. Грамматика описания пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / Под редакцией Н.Д. Арутюновой, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с.
11. Ожегов С.И. Словарь революционной эпохи. Историко-культурный справочник (Предварительные наброски) // Словарь и культура русской речи: К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. – М.: Индрик, 2001. – 560 с.

12. Петров А.А. Метафора : от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1990. – 318 с.

13. Переверзев Е.В., Кожемякин Е.А. Политический дискурс: многопараметральная модель // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2008. – № 2. – С. 74-79.

14. Сегал Н.А. Категория *пространство* в лингвокогнитивном освещении (на материале русскоязычных политических текстов 2005-2013 гг.) // Монография. – Симферополь: Изд-во ДИАЙПИ, 2015. – 242 с.

15. Теория метафоры // Сборник научных статей / Сост. Н.Д. Арутюнова. – М.: Прогресс, 1990. – 359 с.

16. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 238 с.

17. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013. – 176 с.

18. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дисс. ... д.ф.н. – Волгоград, 2000. – 431 с.

19. Шапочкин Д.В. Когнитивные аспекты в политическом дискурсе [Электронный ресурс] // Российская книжная палата: [сайт]. – Режим доступа: <http://www.russian.slavica.org/article1673.html>.

20. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.

**К ВОПРОСУ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО  
СТРУКТУРИРОВАНИЯ ПРОЦЕССА  
ПСИХОСЕМИОТИЗАЦИИ ОПЫТА ЛИЧНОСТИ**

---

---

Вопрос, поднимаемый в данной работе, актуализировался в процессе исследования проблемы идентичности личности. Разработка ее привела, среди прочего, к пониманию идентичности как необходимого и закономерного в опыте человеческой жизни, деятельности и отношений, формируемого и непрерывно развиваемого в онтогенезе и социогенезе человека психосемиотического новообразования индивидуального сознания, обусловленного целокупностью определенного опытом множества самопредъявлений и рефлексии над отношением их формы и содержания в процессе социальных взаимодействий.

Очевидно, идентичность личности формируется и развивается в условиях функционирования индивида как единицы социальной системы. Без фигуры Другого образование идентичности прагматически невозможно; он актуализирует потенцию интеракции, он побуждает коммуникацию, он выступает лекалом, он является «зеркалом», его образ входит в структуру идентичности и влияет на концептуализацию представлений о мире и себе в разнообразии их отношений. Процесс формирования идентичности предполагает взаимосвязь актуального ощущения и континуального чувства самопринадлежности, самоидентичности и дискретности в мире других, конструируемого и развиваемого образа себя в мире других, концептуализируемого представления о себе в мире других (схожих и отличных, значимых и незначимых, притягивающих и отталкивающих, своих и чужих), самопредъявлений в социальных интерактивных действиях, отношения к себе и своим предъявлениям в процессе становления и развития личности.

Специфика природы человека и условия социальной коммуникации необходимо определяют «ознаковление» сознания, целостность которого определена ядерным концептом, который условно можно назвать «я» – Д.Е. Барашева [1] (понимая, что это «я» включает в себя в широком смысле и «нея» – Д.Е. Барашева [47; 4]). Он определяет (со-)произведение-переживание перцептивно-аффективно-когнитивной семантической связности образа мира, картины мира индивидуальной личности. Образуясь в условиях социальных отношений, в частности в социальной коммуникации, идентичность неизбежно «ознаковляется» («я», «ты и я», «мы», «мы и они», «они и я», «я человек», «я мужчина», «я женщина», «я рабочий», «я/ты/мы/они такой/такие», «они такие», «я/ты/мы/они думаю/-ет/-ем/-ют, действую/-ет/-ем/-ют» и

т.д. и т.п.); человек живет «в мире» знаков. Соответственно, знак символизирует идентичность в разнообразных ее проявлениях и влияет на ее образование и развитие. Связь генетических и социальных факторов обуславливают языковой знак – Д.Е. Барашева [5]; генетические условия определяют потенцию к производству знака – Д.Е. Барашева [48], социальные иницируют его производство и развитие – Д.Е. Барашева [46].

В условиях социальной коммуникации опыт личности неизбежно и закономерно семиотизируется. Когезия (последовательная связь) и когерентность (связь согласованности и соотнесенности в целостной сингулярности) опыта личности обеспечивается закономерным свойством идентичности. Связь переживаемых отражаемых эмпирических ощущений интегрирует в чувство самости. Знание факта собственной «целокупности», тождественности и континуальности в опыте жизни и деятельности человека как существа социального, со стороны биологически заданного свойства автономной чувственно отражаемой активности, основывается на чувстве-ощущении самости. В совместной деятельности оно, это чувственное знание развивается, видоизменяется и репрезентируется конвенциональным знаком, обозначающим первое лицо единственное число (в русскоязычной культуре – «я») как особым представителем-заявителем этого самого первого лица единственного числа – субъекта действия, деятельности. Актуализируется вопрос, как происходят такие трансформации, какие структурные единицы составляют целостный процесс психосемиотизации, и каковы их отношения.

*Целью* работы стала попытка теоретического обобщения и структурирования процесса психосемиотизации опыта личности.

## **10.1. Семиотика и психосемиотика: уточнение объектов**

Для ясности уточним, что психосемиотика и семиотика, несмотря на очевидную область пересечения – обобщенно, отношения «человек – знак», отличаются фокусом рассмотрения данных отношений. Объект семиотики – знак и знаковые системы как созданное / создаваемое и используемое человеком «произведение».

Лотман Ю.М. выделил две основных научных традиции (и далее предложил собственную концепцию) [24]. В рамках одной из них выделяется «понятие знака как первоэлемента всякой семиотической системы» и «в основу анализа кладется изолированный знак, а все последующие семиотические феномены рассматриваются как последовательности знаков» – Ч.С. Пирс и Ч. Моррис. В рамках другой прослеживается стремление «рассматривать отдельный коммуникативный акт – обмен сообщением между адресантом и адресатом – как первоэлемент и модель всякого семиотического акта. В результате индивидуальный акт знакового обмена стал рассматриваться как

модель естественного языка, а модели естественных языков – как универсальные семиотические модели» – Ф. де Соссюр и Пражская школа [24]. Лотман Ю.М. представляет новое понятие – семиосферы, и на первый план выводит понятие системы: «все семиотическое пространство может рассматриваться как единый механизм (если не организм). Тогда первичной окажется не тот или иной кирпичик, а "большая система", именуемая семиосферой. Семиосфера есть то семиотическое пространство, вне которого невозможно само существование семиозиса. [...] только существование такого универсума – семиосферы – делает определенный знаковый акт реальностью» и «Только внутри такого пространства оказывается возможной реализация коммуникативных процессов и выработка новой информации» [24].

На современном этапе развития семиотики объемное и существенное ее определение дается методологом О. Лещаком: «Для меня языкознание – это один из основных разделов семиотики. Семиотику же я предлагаю рассматривать не как науку о знаках и знаковых системах, а как науку о семиотическом опыте человека и видах его семиотической деятельности» [23, с. 122]. Соответственно, знак и знаковые системы рассматриваются в таких основных категориях, как связь, отношение, взаимность, акт, событие, деятельность, опыт (метод функционального прагматизма, введенный О. Лещаком) [23]. Такое понимание семиотики требует, в том числе, обращения к знаниям психологии, в частности категориям психического, деятельности, коммуникации, сознания, личности, социальной / социально-культурной группы.

Объект психосемиотики – сознание как знаково-символическая организация опыта жизни, деятельности, отношений личности (наука о закономерностях порождения и использования знаков и знаковых систем как средств познания и коммуникации – Б.Г. Ананьев (по ссылкам Г.А. Глотовой [13], Е.А. Соловьевой и М.К. Тутушкиной [35] и др.); наука «о знаково-символической организации сознания», изучающая генезис, структуру, содержание и функционирование знаково-символических структур в сознании личности – Н.Н. Королева [20, с. 16-17], об «этапах психического и личностного развития человека как связанных семиотическими отношениями» – Г.А. Глотова [13], о «механизмах взаимосвязи чувственных элементов образа как регулятора поведения человека со знаковыми образованиями различного уровня сложности» – Е.А. Соловьева и М.К. Тутушкина [35].

Под психосемиотизацией опыта познания личности понимаем необходимо осуществляемое в условиях психосоциального субъект-объектного взаимодействия ограничение множества концептируемых эффектов восприятия, трансформирующихся в структурируемую системную целокупность концептуализируемой и кодируемой информации – знание, неизбежно и закономерно приводящее к производству субъективной реальности, конструируемой и развиваемой на основании отрицания старого и возникновения нового при сохранении целокупной «тожесамственности» субъектного опыта.

Проще можно сказать, что это «ознаковление» сознания личности, непрерывно происходящее в процессе межличностных коммуникативных взаимодействий в совместной деятельности и определяющее регуляцию социальных взаимодействий и саморегуляцию личности.

## **10.2. Биологически заданные основания психосемиозиса: психические функции как механизмы познания**

«Человек как субъект и продукт трудовой деятельности в обществе является системой, в которой физическое и психическое, генетически обусловленное и прижизненно сформированное, природное и социальное образуют нерасторжимое единство» [29, с. 444]. Потенция психосемиозиса биологически задана свойствами активности (способность к самостоятельной силе реагирования; собственная динамика как источник поддержания и преобразования жизненно значимых связей; свойство собственного движения деятельности – [29, с. 14]) и психики (системное свойство активного отражения опыта и саморегуляции – [29, с. 299]), инициируется в социальных условиях совместной деятельности. Нейрофизиологическая активность служит основой психических процессов.

По обобщению результатов одной из предыдущих работ [48], активность организма как одно из базовых свойств человека с нейрофизиологической стороны обеспечивается процессом рецепции – трансформации энергии раздражения рецепторов в возбуждение ответной активности организма. Механизмами, обеспечивающими данный процесс, являются рецепторы, афференты, эфференты и корковые проекционные зоны. Рецепторы (периферическая часть) трансформируют определенный вид энергии в процесс нервного возбуждения; афференты или афферентов (приносящий) передают импульс к цнс; корковые зоны воспринимают раздражение рецепторов; эфференты или эфферентов (выносящий) проводят импульс от цнс к периферии. Интегративная связь данных действий образует «нервный аппарат», необходимый для возникновения ощущения и именуемый анализатором (понятие введено И.П. Павловым). В результате, раздражения воспринимаются в виде ощущений, которые отражают информацию о качествах воздействия. Результат действия данного «нервного аппарата» – ощущение как «целостный рефлекс» (по И.П. Павлову) – реакция организма на раздражение, обеспеченная «проводником» эфферентом.

Различаемое ощущение становится «элементом сознания». Ощущения, согласно У. Джемсу, «первичные элементы сознания», которые есть «суть непосредственные результаты проникновения нервных токов в мозг, прежде чем последние успели вызвать ассоциации или воспоминания, почерпнутые из более раннего опыта» [15, с. 27]. Они являются необходимым условием эмпири-

ческого мышления – в опытной эмпирической действительности человек ощущает «действительное соприкосновение с внешним миром» (А. Бен [7, с. 257]), в результате чего энергия внешнего раздражения превращается в факт сознания (Е.В. Осичнюк [26]).

Ощущения есть начальные основания психосемиозиса – обуславливают начала дифференциации, синтеза, «ознаковления» эмпирической информации в различении ее специфики.

Будучи вызываемо раздражением рецепторной поверхности конкретного сенсорного органа, каждое ощущение имеет свою специфику. Раздражения рецепторов сетчатки глаза вызывают зрительные ощущения, барабанной перепонки – слуховые и т.п. Ощущение боли, имеющее общий характер, также будет иметь свою специфику в зависимости от его локализации. Дифференцированные ощущения, соответственно, доставляют информацию об отдельных свойствах объектов. Кудряшова Т.Б. дает следующее определение: «ощущения – это элементарная дифференцированная форма чувственного познания, когда в первоначальном образе начинают выделять отдельные его качества (форму, цвет, вкус и пр.)»; познавательное значение их состоит в том, что «через ощущения человек получает первичную дифференцированную информацию об объекте, о его отдельных свойствах» [21].

Не смотря на раздельность конкретных ощущений, связанных с нервным импульсом, вызванным раздражением рецепторной поверхности конкретного сенсорного органа, в потоке восприятия они распознаются комплексно и следы их связываются ассоциативно, что обусловлено спецификой контекста опыта переживания конкретной ситуации. По Г. Эбингаузу, в одно и то же время переживается единственность и множественность: «множественность то более, то менее тесно объединенная в одно целое, и целое, расчлененное на части с различной степенью ясности»; это переживание «представляет собой чувственное восприятие, данное непосредственно с ощущением и в ощущении» [44, с. 63]. Отдельные элементы воспринимаемой целостно информации воспринимаются не как лишённые связи суммы, «а в указанном выше смысле, как целое со своими частями» [44, с. 64], т.е. целокупно связано.

Признак семиотической функции ощущений («ознаковление») заключается в том, что различаемое в опыте ощущение сигнализирует субъекту, его переживающему, о полезности / вредности переживаемых воздействий: «чувствования, ..., суть не что иное, как субъективные знаки полезных и вредных воздействий, объективно испытываемых организмом» (Г. Эбингауз [44, с. 158]).

Ощущения выступают источником познания, с одной стороны (от рецепции), механизмом познания, с другой стороны (психической), и своеобразным механизмом актуального сообщения индивида с его собственной эмпирической реальностью и с эмпирической «окружающей» реальностью, с третьей стороны («коммуникативной», сообщающей). Подробнее о свой-

ствах ощущения как механизма познания – в одной из ранее представленных разработок (Д.Е. Барашева [2]).

Эмоция является особой психической функцией. С одной стороны, она переживается как ощущение – особое ощущение переживания удовольствия / неудовольствия в различной степени силы и интенсивности. С другой стороны, она не связывается, как ощущение, с непосредственным раздражителем, стимулирующим данное опытное переживание, но выражает обобщенное до определенной степени отношение к ощущению. Виленский И.Л. и Креденцер В.В. подчеркивают различие ощущений и эмоций, обусловленное, прежде всего, их локализацией. Являясь оба элементами восприятия, они отличаются тем, что «содержат в себе разную информацию о пространственно-временных параметрах источника воздействия» [10]. Ощущения локализуют раздражитель и дают, таким образом, достаточно точную информацию о месте действия источника раздражения. «Боль мы испытываем в определенном месте, головокружение происходит в голове, тошнота в желудке и т.п. Эмоции напротив не дают точных сведений о локализации источника воздействия. Они выражают лишь наиболее общее отношение к стрессору» (там же).

Эмоция преобразует энергию различенную в оценочную, она есть формой превращения энергии, различной перцепцией (вниманием-восприятием), в энергию оценочную (по силе, интенсивности, модальности), побуждающую к восприятию следующего ощущения. Эмоция необходимо связана с восприятием и вниманием – как оценочная ориентационная обратная связь с раздражителем (У. Джеймс [14], П.В. Симонов [34], П. Фресс [40]), с мышлением – «интерпретацией» оценки (У. Джеймс [14], R.S. Lazarus [51], С. Шехтер и Дж. Зингер [43]), с памятью – усиливает запоминание (Я. Рейковский [30], П. Фресс [40]); побуждает действие (У. Джеймс [14], К. Изард [17], Е.П. Ильин [19], R.S. Lazarus [51], П. Фресс [40]); имеет интегративное свойство связываться со всеми другими психическими функциями (Е.П. Ильин [18]).

Эмоция, чтобы быть, нуждается в восприятии и мышлении. Мышление, в свою очередь, чтобы актуализироваться нуждается в воспринятом ощущении – в материале для операций анализа и синтеза, и для того, чтобы его оценить – в эмоции; иначе оценка не может произойти – операции синтеза и анализа не оценочны, они либо совокупают, либо разделяют. Мышление связывается с воспринятым ощущением при посредстве эмоции. Эмоция невозможна без ощущения и работы мышления, а в усложненном варианте развития без участия когнитивных процессов мышления, памяти, представления. В этом отношении способность эмоции по природе своей сенсорно-когнитивна. Со стороны когниции эмоция обеспечивает развиваемый в опыте чувственный механизм оценивания воспринятого для ментальной переработки ощущения. В плане психосемиотического значения она определяет коннотацию сигнификата произведенного в результате переработки и трансформации



ощущения знания, актуализирует побуждение к новому восприятию, движению к восприятию или от него – в различной степени силы и интенсивности.

Эмоция как формальная способность есть способность ощущать переживание оценивания ощущения, оценивать воспринимаемые данные ощущений по количеству силы и интенсивности (эмоциональный тон ощущений, сильные / слабые эмоции, аффекты), по качеству силы и интенсивности (влечение / отвращение или притяжение / отторжение, доставляющие различного количества силы удовольствие / неудовольствие по шкале от возможно крайнего плюса к возможно крайнему минусу). Как осуществляемая в опыте способность, связанная с восприятием, мышлением, памятью, представлением, она множится в вариантах оттенков, и связывается с сигнификатами (например, негативные по качеству эмоции испуга, страха, беспокойства и др., позитивные – радости, счастья и др., комплексные – нежной грусти, болезненной радости и др.).

Т.е. эмоция выполняет медиацию между эмпирическим восприятием, теоретическим абстрагированием и последующим действием – она осуществляет обратную отражательную связь, оценивая переживаемое ощущение, аффективно сопровождает определение эмпирического значения (коннотация), влияет на ощущение желания / нежелания нового действия (предметного и / или ментального), направленного на референт (предметный и/или ментальный); она сигнализирует о качестве переживаемого ощущения и оценивает его; выступает и объектом рефлексии как воспринимаемый, отражаемый референт.

Мышление – функция «перевоплощения» энергии различной в понятие: отношение двух основополагающих действий, процессов (связи действий) – различения и обобщении, или дифференциации и интеграции, или анализа и синтеза, которое приводит к формированию мыслительной способности – отвлечения, абстрагирования (У. Джемс (Джеймс) [14; 15], Дж. Брунер [8], Л. Выготский [12], Н. Чуприкова [42] и др.); «процесс перехода от неразличения к различению», «процесс возникновения понятий» (Дж. Брунер [8]); свойство интериоризации предметных действий и экстериоризации внутренних образов и структур в связи с осуществлением предметной деятельности (Дж. Брунер [8], С.Л. Рубинштейн [32]).

Мышление связано с восприятием – восприятие «поставляет» материал мышлению, помысленное влияет на последующее восприятие (У. Джемс [15], П.В. Симонов [34], Н.И. Чуприкова [42]), вниманием – внимание определяет возможность сосредоточения на цели, искомом результате и условиях задачи, переключения на актуальную единицу в процессе решения задачи (Дж. Брунер [8], У. Найсер [25]), эмоциями – определение значения оцененного эмоцией ощущения (У. Джемс [15], R.S. Lazarus [51], С. Шахтер и Дж. Зингер [43], К. Изард [17], Я. Рейковский [30]), памятью – сохранение производимых значений влияет на усложнение и развитие мышления (в [2]).

Мышление, с одной стороны – эмпирического познания, участвует в формировании ментальной репрезентации как единицы простого кодирования – в ее развитии из перцепта, посредством связывания эффекта перцепта, его эмпирического значения и формы представления (далее в тексте). С другой стороны – теоретического познания, оно обеспечивает формирование понятия, выводимого из концепта в процессе концептуализации. Ментальные репрезентации, накапливаемые посредством памяти, связываются в классы по сходству, и классы дифференцируются по различию обобщаемого в них признака. Обобщение сходного формального признака приводит к выведению категорий, содержательного – понятий (там же).

По С.В. Савельеву, мышление («оно же инсайт»), «можно рассматривать как процесс изучения и запоминания нового явления с неизвестными внутренними и внешними связями. Субъекту приходится самому определять значимость, различие в силе связей и вероятность реализации компонентов изучаемой системы, что полностью зависит от предыдущего интеллектуального и жизненного опыта» [33]. С одной стороны, оно является «видоспецифичным» в плане задействования в обучении «уже известным системам связей явлений и событий», с другой стороны, индивидуальным – «персональный анализ явлений с самостоятельным выяснением их внутренних и внешних связей» (там же).

Память – «приучение нервной системы» (У. Джемс [15, с. 189]); функция структурируемого связывания энергии «претворенной», сотворенной; связывание, сохранение и предъявление «определенностей» по силе и частотности их следов и, в связи с вниманием, восприятием, эмоциями и мышлением – по релевантности их связи актуальному контексту опыта (на основании анализа работ У. Джемса [15], Г.Т. Демпси [49], А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского [29], Н.И. Чуприковой [42]). Плотность и густота накапливаемых следов ощущений обуславливает способность различать явления и приобретать знания о мире; различие привычного, накопленного происходит быстрее, что определяет больше внимания в отношении различения и переработки нового. Память обеспечивает возможность сохранения связи формы и содержания, форм и содержаний опытной информации, способность ментальной репрезентации; обуславливает в связи с мышлением и представлением возможность классификации и категоризации опытных знаний.

Представление суть функция связывания и предъявления элементов определённых и/или определяемых в единство какого-либо образа, «сочинение»; отражение образов прошлого и/или и будущего (Е.П. Ильин [18, с. 86]), в данный момент не воздействующих сенсорно непосредственно. Формируется на основе усвоения и переработки информации, поставляемой в процессе восприятия ощущением (У. Джеймс [14; 15]). Как предъявление оно непосредственно связано с памятью («образы предметов, сцен и событий, возникающие на основе их припоминания» – А.В. Петровский, М.Г. Яро-

шевский [29, с. 290]), как «со-чинение» – с мышлением, решением задачи (Е.П. Ильин [18, с. 86]), «продуктивным воображением» (А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский [29, с. 290]). Эмоции влияют на формирование и воспроизведение представления, они могут предшествовать и побуждать представление, сопровождать его, следовать за ним (Е.П. Ильин [18], У. Джеймс [15], К. Изард [17], Р.С. Лазарус [51], П. Фресс [40]).

Внимание направляет восприятие, восприятие поставляет ощущение, эмоция реагирует оцениванием, мышление его перерабатывает и интегрирует в форму знания, память сохраняет и предъявляет, представление актуализирует.

В своей интеграции психические механизмы обеспечивают способность целостного и непрерывного отражения результатов опыта жизни и деятельности человека. Однако явление знака как специфической формы отражения знания в процессе его производства становится возможным только в условиях особой сигнальной формы социальной коммуникации.

### **10.3. Сигнальная социальная коммуникация как катализатор процесса психосемиотизации опыта личности: сигнал, отправляемый, и сигнал, принимаемый**

В процессе социальной коммуникации посредством обмена сообщениями в сигнальной форме осуществляется производство, коррекция и трансформация знаний, регулируются взаимодействия людей, определяется и регулируется система таких взаимодействий.

Сигнал понимается как «искусственно произведенный факт, призванный служить указателем», по определению Л. Прието (дано в Философском словаре [37]). Под искусственным понимается «созданный или осуществляемый человеком наподобие или вместо природного» (Национальный корпус русского языка), «связанный с сознательной деятельностью человека, обусловленный такой деятельностью» (Национальный корпус русского языка). Звук, звуковой комплекс распознается как сигнал, стимулирующий актуализацию в сознании реципиента соответствующего значения. «Словами эти звукосочетания становятся только тогда, когда они делаются названиями, когда они начинают передавать смысл» (по А.А. Реформатскому [31, с. 12]). Потребность донести какую-либо мысль до сознания другого стимулирует выбор человеком звуковой «оболочки» для выражения тех значений (уровень семантизации – по Ч. Осгуду [53]), которые в согласованной последовательности их предъявления в традиционно связываемых с ними звуковых формах (уровень интеграции упорядоченных словоформ в речь – по Ч. Осгуду [53], или формализации – по В. Левелту [52]) смогут передать то содержание, которое субъекту необходимо донести до реципиента.

Коммуникативный сигнал это потребное в (и для) совместной деятельности обусловленное сознательной деятельностью человека, производимое по преобразуемой формальной аналогии с первой сигнальной системой и используемое в совместной деятельности актуальное средство, служащее конвенциональным указателем на некий кодируемый референт (в широком смысле, любой – материальный или идеальный в любых означиваемых проявлениях) для осуществления социальной регуляции.

Коммуникативный сигнал в аспекте сенсомоторной рецепторной активности обеспечивает канализацию сообщения, образует форму, в которой отправителем «упаковывается» значение для получателя, который, в свою очередь, «распаковывает» значение из принимаемой формочки (рис. 10.1).

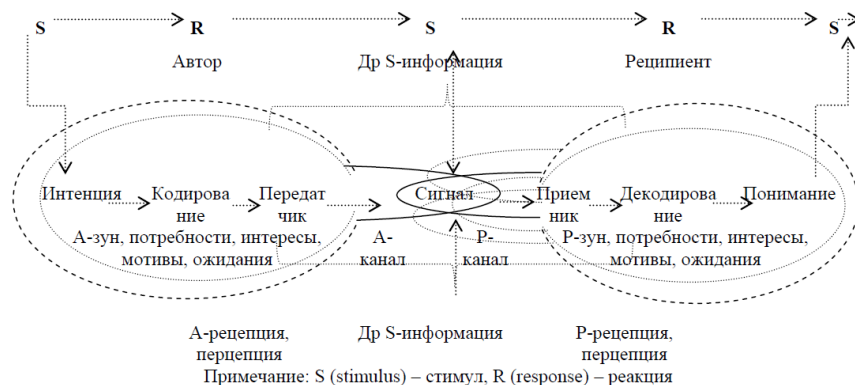


Рис. 10.1. Специфика значения сигнала в коммуникации

Сообщение понимается как средство, способ, процесс, результат. Как средство коммуникации (обмениваясь сообщениями, мы передаем друг другу информацию как прагматические данные – имеющие смысл) сообщение это логически и последовательно выстроенная совокупность знаков, в своей совокупности передающая смысл. Как способ связи – таким образом (выстраивая необходимые последовательности знаков) мы со-общаемся в социальных интеракциях. Как процесс сообщение имеет в виду согласовываемые действия по обмену смыслами через информацию, кодируемую в знаках / декодируемую «распаковыванием» значений из «формочек-символов» и интегрированием их в смыслы и передаваемую потоком сигналов. Как результат процесса – в смысле состоявшегося, осуществленного сообщения, когда реципиент его воспринял и декодировал (собственно говоря, сообщение в плане результата может быть как таковое только при условии его восприятия реципиентом; иначе оно не осуществлено, значит, не состоялось) – «информация, посланная отправителем адресату, которая получена, зафиксирована и доступна для обработки, извлечения и восприятия в информационной системе адресата» [38].

Смысл, кодируемый и передаваемый адресатом посредством выстраивания цепи согласованных сигналов, и смысл, принимаемый и декодируемый адресантом, не могут быть идентичны (рис. 10.1). На качество кодирования и передачи, приема и декодирования влияют, с одной стороны, как актуальные сенсомоторные способности индивидов, так и весь состоявшийся «предше-настоящий» и гипостазируемый желаемый / нежелаемый опыт – знания, умения, навыки, потребности, интересы, мотивы, ожидания личностей коммуникантов, и, с другой стороны, другие природные и социокультурные стимулирующие восприятие интерференции. На каждом уровне производства сообщения и его усвоения это обуславливается двумя основными взаимосвязанными принципами – сходства и различия. Принцип сходства, с одной стороны, обусловлен общевидовой биологической организацией человека (общие морфофизиологические признаки; заданные индивидуальные свойства активности, психики, сознания; задатки общих способностей), с другой стороны, общностью совместно вырабатываемых паттернов социальных взаимодействий в коллективном опыте жизни и деятельности (в совместной деятельности люди вырабатывают общее знание и систему общих правил поведения). Принцип различия, с одной стороны, обусловлен индивидуальными особенностями конкретного индивида (особенности развития общих способностей; специальные способности), с другой, индивидуальным опытом конкретной личности, определяющим специфику знаний, умений, навыков человека, его потребностно-мотивационной сферы (опыт каждого человека уникален вне зависимости от степени схожести общих условий). Принцип сходства обеспечивает возможность выработки общих способов и средств коммуникации и определяет возможность понимания членами группы друг друга. Принцип различия определяет своеобразие производства и восприятия сообщения, наличие доли несовпадения в осуществлении коммуникативного процесса, что стимулирует производство нового знания.

Сигнал, отправленный, и сигнал, воспринятый, не могут быть полностью, в чистом виде идентичными (рис. 10.1), что обусловлено индивидуальными особенностями конкретного организма и спецификой индивидуального опыта личности. По С.В. Савельеву: «Мозг индивидуализирует информацию в рамках личного опыта особи», и далее: «Мышление всегда индивидуально. Действие животного и человека, являющееся плодом мышления, не может быть абсолютно идентичным у двух особей. В основе расхождений лежат индивидуальность и изменчивость морфологической организации головного мозга. На разном структурном субстрате не возникает идентичных решений» [33].

По Ю.М. Лотману: «Возможность диалога подразумевает одновременно и разнородность, и однородность элементов» [24]. Для возможности диалога «участники его должны одновременно быть различными и иметь в своей

структуре семиотический образ когерента» (там же). Должны выполняться принципы когерентного инварианта и анантиоморфизма. Принцип когерентного инварианта имеет в виду, что каждый участник должен располагать «семиотическим образом когерента», при этом данный образ у одного участника не должен (и не может) быть абсолютно тождественен образу у другого участника. Принцип анантиоморфизма имеет в виду специфическую функциональную «зеркальную симметрию, при которой обе части зеркально равны, но неравны при наложении, т.е. относятся друг к другу как правое и левое. Такое отношение создает то соотносимое различие, которое отличается и от тождества, делающего диалог бесполезным, и от несоотносимого различия, делающего его невозможным» (там же). Собственно, данные принципы в опыте социальной коммуникации обеспечивают развитие и усложнение семиотического опыта личности и группы: «Сфера пересечения кодов в каждом "личностном" наборе постоянно усложняется и обогащается, что одновременно делает сообщение, идущее от каждого субъекта, и более социально ценным, и труднее понимаемым» (Ю.М. Лотман [24]).

В функциональном прагматизме О. Лещака «двойственность / взаимность / реляционность» как генеральный принцип метода определяет «парадокс опыта», который заключается «в том, что, с одной стороны, опыт конкретной человеческой личности предсавляет собой главное условие единства мира, но с другой, – это лишь функция взаимодействия с миром природы и миром идей (т.е. миром других людей). Мир, каким мы его знаем, ощущаем, переживаем, мыслим, является миром нашего опыта» [23, с. 37]. При этом специфична взаимная связь опыта индивидуального и коллективного. С одной стороны, «всякий опыт – это всегда чей-то опыт, опыт какого-то конкретного 'Я'» [23, с. 36]. С другой стороны, «даже себя самих мы знаем (видим, чувствуем, переживаем) опосредовано – через других людей, которые нас научили и продолжают учить понимать мир, мыслить, чувствовать, переживать так, а не иначе»; потому «Абсолютное 'Я', изолированное от других 'Я'» невозможно, поскольку «Это всегда система разноплановых связей, отношений и взаимодействий, создающая основания функции коллективного опыта» [23, с. 37].

Семантика, актуализируемая в коммуникации передаваемым сигналом и принимаемым сигналом, конвенциональна и условно объективна, а потому тождественность коммуникативного сигнала, отправленного автором и принятого реципиентом, только намечена, обозначена и условна. Она определяется общими видовыми психофизиологическими свойствами человека, со стороны закономерностей онтогенеза (любой здоровый в психическом плане представитель вида способен к сигнальной форме коммуникации и к производству и использованию знака), и конвенциональностью поведенческих форм взаимодействий, со стороны закономерностей осуществления интеракций в социальной группе (представители группы вынуждены дого-

вориться и определить систему сигналов, актуализирующих опытные знания группы). Индивидуальные различия организма и специфика индивидуального опыта личности обуславливают субъективную специфичность знания, актуализируемого принятым по договоренности сигналом.

Взаимосвязь принципов сходства и различия (выше) обеспечивают развитие системы знания, как индивидуального, так и коллективного, и практического и теоретического.

#### 10.4. Составляющие процессы и новообразования психосемиозиса

Основные результаты теоретического анализа обобщены и продемонстрированы в представленной ниже схеме психосемиотизации опыта познания личности (рис. 10.2).

Процесс психосемиозиса включает все функциональные системы человека – нейрофизиологическую, психическую, когнитивную, особую коммуникативную (как систему «канализации» направленного действия (термин Г.С. Сухобской) для осуществления «смыслового аспекта социального взаимодействия») – в их закономерном взаимодействии, и по характеру психосоциален (происходит в условиях связи отношений онтогенеза и социогенеза).

Нейрофизиологические основания рецепции служат границей реально-го активного материального пространства человека. Рецепция обеспечивает материальный контакт человека с «внешней» средой, с тем, что не является данным человеком; она «вводит» данные энергии «внешнего» мира, обеспечивает трансформацию раздражения в возбуждение и рефлекторное отражение информации о качествах воздействия. Психическая система, проявляемая и формируемая в деятельности (А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский [29, с. 302]), обуславливает свойство отражения опыта деятельности, способность ориентации в среде «и удовлетворение потребности в контактах с нею» [29, с. 299]. В развитии своем в условиях совместной деятельности, регулируемой посредством различных способов коммуникации, она обеспечивает структурирование и усложнение когнитивных процессов абстрагирования и конкретизации в переработке информации, порождении и организации знаний.

Рецепция создает активный рефлективный фон импульсов раздражения, преобразуемых в возбуждение (см. выше «Биологически заданные основания психосемиозиса: психические функции как механизмы познания»).

**Перцепция.** Задача перцепции – выбрать и выделить из потока автоматических ощущений рецепции (как «целостных рефлексов») наиболее актуальные по тем или иным причинам («привлекательные» или «непривлекательные», в различной степени силы и интенсивности). Перцепция – функция различения ощущения, трансформации энергии возбуждения в различаемое ощущение энергии собственного организма.

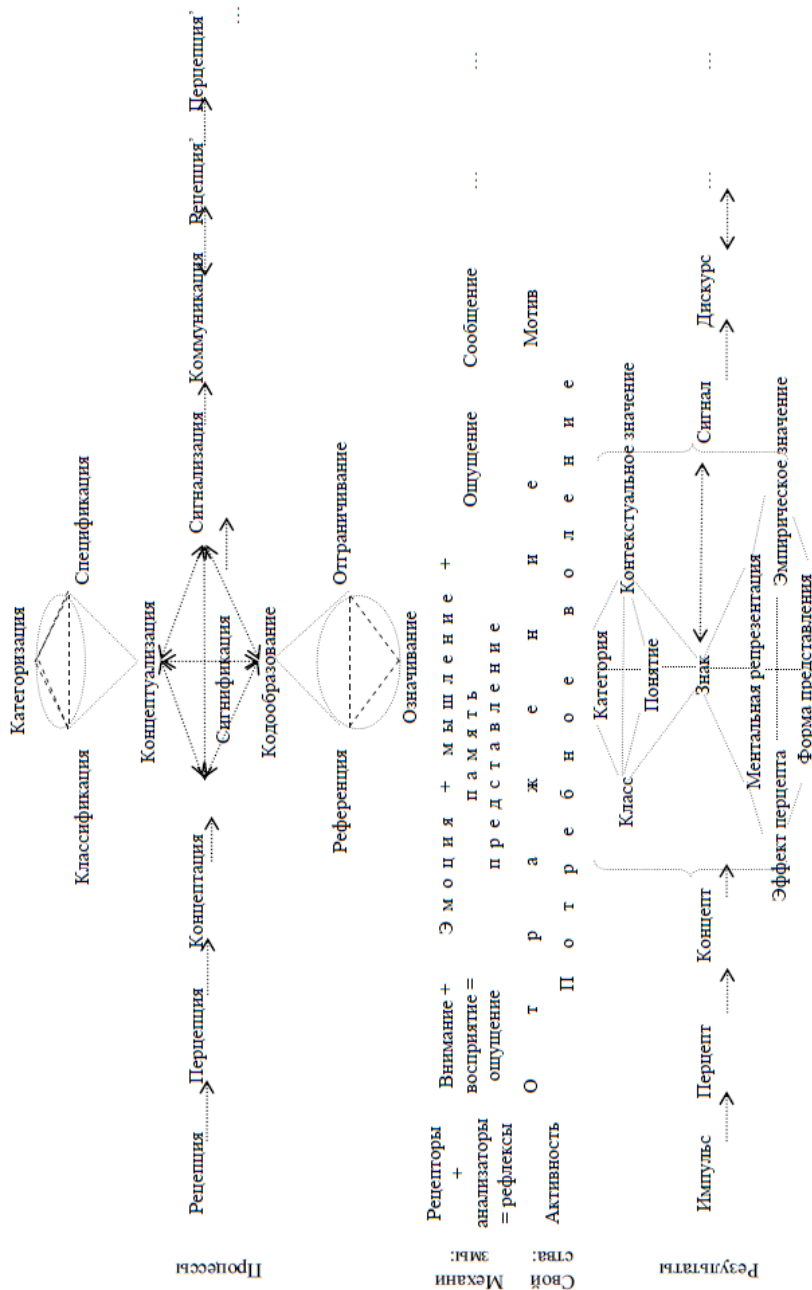


Рис. 10.2. Схема психосемиотизации опыта познания личности



Механизмами перцепции выступают взаимно связанные внимание и восприятие. Внимание относится к усилению по направлению энергии активности на восприятие ощущения, выделения его из фона автоматических ощущений рефлексов; процесс «анализа-через-синтез» – У. Найсер [25]; «такой процесс выделения признаков, при котором субъект постоянно оперирует то выделенными признаками, то целым» – Дж. Брунер [8, с. 26]. Восприятие выделяет определенную порцию энергии возбуждения из рефлекторного потока актуальных автоматических ощущений-рефлексов, что приводит к различению ощущения (перцепт).

Результат перцепции – перцепт. Термин введен У. Джеймсом; принят и сегодня в научном дискурсе западного когнитивизма, например R. Pinxten (1972), D.L. Medin (1989), E. Margolis (2007). Означает различаемое восприятием ощущение, «чувственный элемент познания» (У. Джеймс [14]). Ощущение как перцепт – «превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания» (Е.В. Осичнюк [26]); в том же ключе – А. Бен [7], У. Джеймс [14], Ф. Хаек и Г.Т. Демпси [49], Г. Эбингауз [44] и др. Оно выступает переходным звеном между рефлекторной нейрофизиологической и психической отражательной деятельностью.

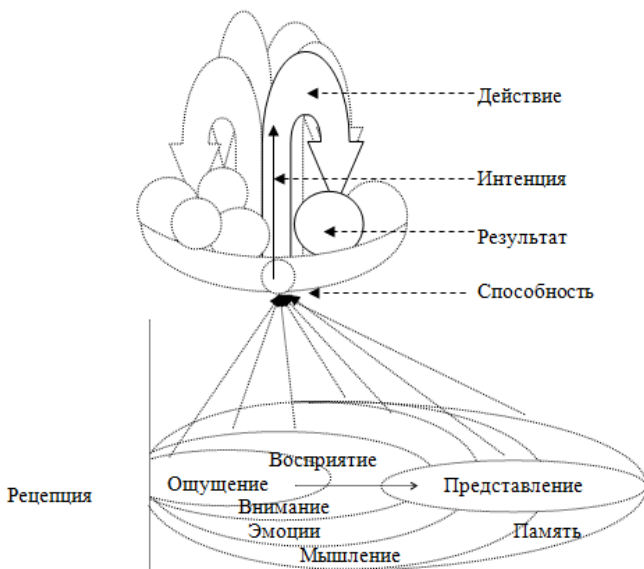


Рис. 10.3. Схема онтологической организации концепта как единицы когниции

Перцепт «оплодотворяет» концепт. Концепт онтологически – связь взаимозависимости «интенция-способность-действие-результат»; психологиче-

ски – интегративная связь психических функций внимания и восприятия, ощущения, эмоции, мышления, памяти, представления – рис. 10.3; психосемиотически – сложная производственная связь процессов концептации, концептуализации и кодирования – рис. 10.2 (подробная интерпретация в другой работе – «К вопросу психических функций в образовании концепта как единицы сознания», в публикации). Как интенция концепт, интегративно связывая все базовые психические функции (внимание, восприятие, ощущение, эмоцию, мышление, представление, память), актуализирует заданную способность к познавательному действию и инициирует направленное действие. Как способность концепт подразумевает актуализацию интегративной совокупности взаимосвязанных действий процесса интериоризации перцептивных опытных данных, их аффективно-когнитивной переработки, зарождения, развития и производства некоего знания («свернутая схема» опыта) и стимулирования, интенционирования, инициирования процесса экстериоризации. Как действие концепт схватывает перцептивные данные, интериоризирует их – усваивает, перерабатывает, связывает и накапливает. Как продукт концепт есть открытый к трансформациям синтетический динамический результат функционирования способности в осуществляемом действии (перцептивно-аффективно-когнитивное чувствуемое, переживаемое и в различной степени ясности осознаваемое не чётко структурированное интуитивно-чувственное знание).

В плане психических составляющих (рис. 10.3), определяющих формирование и функционирование концепта, структура его интегративно связывает все базовые психические функции (внимание, восприятие, ощущение, эмоцию, мышление, представление, память), значение которых в данном процессе равноценно в своей взаимной зависимости. Внимание и восприятие выделяют из рецепторного потока импульсы, трансформируемые в эмпирические ощущения, и поставляют их для оценки эмоцией и переработки мышлением. Порождаемый продукт (различные формы знания в их взаимосвязях) ассимилируется с существующими, сохраненными памятью когнитивными схемами, и актуализируется в памяти представлением в зависимости от опытного ситуативного контекста. Внимание направляет восприятие, восприятие поставляет ощущение, эмоция реагирует оценением, мышление его перерабатывает и интегрирует в развиваемую систему знания, память сохраняет и предъявляет, представление актуализирует – вместе они определяют онтологические свойства концепта (интенциональность активности, познавательное действие, рефлексивная способность, деятельная продуктивность). В психическом плане концепт в функционировании своем интегративно связывает в целостный процесс все базовые психические функции и становится единицей когниции.

**Концептация.** Концептация – инициированное опытной ситуацией смыслообразование из ощущения (на основании анализа определений М. Эп-

штейна [45] и В.Е. Еремеева [16]) с тем уточнением, что этот процесс не имеет в виду целенаправленное смыслообразование, но недифференцированное еще, интуитивно-чувственное действие образования субъективного нечеткого знания. Механизмами, осуществляющими концептацию, являются связанные с механизмами перцепции (вниманием и восприятием) эмоции, мышление, память и представление. В процессе концептации перцепт трансформируется в ментальную репрезентацию, или «простой» концепт (который развивается и усложняется далее в процессе концептуализации и сигнификации).

Выделенное в процессе рецепции ощущение концептируется – «схватывается» концептом как направленным синтетическим действием извне-схватить-вовнутрь и его эффект перерабатывается. Само ощущение как непосредственно переживаемое не может быть сохранено, оно актуально, «живо» как таковое только в момент его переживания; переработке подлежит его «отпечаток», тот эффект, который от него сохранился памятью. Данный эффект как опытная энергоинформационная данность (различение наличия информации ощущения как выделенного перцепцией импульса из рецепторного потока) закономерно и неизбежно трансформируется в процессе непроизвольного ментального опосредствования. Он оценивается эмоцией, задача которой – отреагировать на качество поступающей энергоинформации, отразить, определить отношение к ней. Он непроизвольно, на этом этапе, перерабатывается мышлением, задача которого преобразовать одну форму в другую посредством процедуры «синтез – анализ – синтез»: различить выделенную в результате перцепции форму как сингулярность; дифференцировать ее признаки аналитически; проанализировать сходства и различия с признаками уже переработанных и сохраненных памятью данных; ассоциативно связать с другими формами и/или их признаками по принципу сходства или смежности; синтезировать проанализированные признаки и их связи и отношения в новую форму – эмпирического значения, произведенного из формы различного эффекта перцепта. Эмпирическое значение имеет в виду определение воспринятого фрагмента, выделенного в процессе опыта на границе с неопределенностью (знание как определенность неопределенности, по Л. Витгенштейну [11]).

Помысленное эмпирическое значение неизбежно приведет к представлению его связи с побудившим его эффектом перцепта. Последний, будучи трансформированным в эмпирическое значение, уже не может быть воссоздан в точном первоначальном виде, он уже преобразовался. Соответственно, эмпирическое значение в последующем предъявлении должно каким-то образом «обновленно» представиться. Формой такого преобразования выступает представление – оно связывает эффект перцепта и его эмпирическое значение. «История» трансформации опытных данных в процессе концептации организуется в формате ментальной репрезентации.

Эффект перцепта – принятие информации ощущения как наличной формы, значение которой еще не определено. Эмпирическое значение – образование аффективно-когнитивной (мыслительной) определенности формы эффекта перцепта. Представление (здесь) – форма связи эффекта перцепта и эмпирического значения, сохраняемая памятью форма связи эффекта от воспринятого ощущения и того значения, в котором определился данный эффект. Ментальная репрезентация – формат комбинации формы и содержания эмпирических опытных данных. Она являет собой организацию связи эффекта перцепта, его эмпирического значения и представления их связи, содержит в себе «историю» их отношений, оформляет объем и структуру некоего опытного знания.

**Кодирование.** Кодирование, по лаконичному и доступному определению Е.Г. Бутаковой, учителя информатики, это «преобразование одной формы представления информации в другую с сохранением прежнего смысла» (примечательно, что определение подготовлено для использования на уроке информатики в 3-м классе по теме «Кодирование информации»). Следует только уточнить, что в плане разрабатываемой нами проблемы «прежний смысл» не просто сохраняется в неизменном виде (он не может быть застывшим конструктом), но развивается в опыте.

Кодообразование относится к формированию ментальной репрезентации как интериоризированной в субъективной чувственной или гипотетически конструируемой представленности познаваемых явлений схемы, в формате своем связывающей в единство эффект перцепта (эмпирический образ как непосредственно сенсорно воспринятый, как «отпечаток»), его эмпирическое значение (непосредственная трансформация эмпирически «схваченной» информации в некую определенность) и форму представления (воспроизведение). Ментальная репрезентация выступает единицей простого кода – представляет собой результат преобразования психофизиологической формы (ощущения) в аффективно-когнитивную форму простого концепта (базового свойства отражения, вне зависимости условия социальной коммуникации как обязательной в формировании и развитии понятийного мышления) или собственно ментальной репрезентации.

Теоретически, вне условий социальных коммуникаций (например, феномен маугли), ментальные репрезентации выполняют функцию элементарного природного кода – в связях своих они образуют некую простую систему символов, репрезентирующих в соответствующих контекстах новую определяемую или уже определенную сохраненную эмпирическую информацию. Ментальные репрезентации служат опознавательными приметам, которые, как символ, 1) имеют собственное содержание – связь эффекта перцепта, эмпирического значения и представления как формы связи первого и второго, и 2) одновременно в обобщенной, неразвернутой форме представляют некоторое содержание – некую опытную определенность. (По энцикло-

лопедии под редакцией А.А. Ивина: «символ (от греч. symbolon – знак, опознавательная примета) – идея, образ или объект, имеющий собственное содержание и одновременно представляющий в обобщенной, неразвернутой форме некоторое содержание» [38]).

В процессе кодообразования из концепта отграничивается формальный и содержательный признаки эффекта перцепта (та часть «схваченной» информации, которая может на данном этапе, в данный период быть более или менее отчетливо выделена), обусловленного опытной референцией. Отграниченное содержание связывается по определенным опытом эмпирическим признакам «внутри» ограничивающей его от другой информации формы и означает (наделяется мотивированным опытной ситуацией значением как содержанием образа перцепта). Идентифицируемые границы определяют то содержание знания об эффекте перцепта, которое производится на основе процедур анализа и синтеза взаимосвязанными механизмами эмоций (оценки эффекта), мышления (анализа признаков и связывания их в единый конструкт), памяти (актуализирование следа подобного эффекта – прокладывание нового), представления (предъявления, воссоздания).

Ментальная репрезентация становится одним из условий сигнификации. Она служит природной основой кодирования, с одной стороны – репрезентирует содержание (совокупность признаков) в некотором формате и сигнализирует о его значении-ценности, и, с другой, выступает содержательным материалом для осуществления процесса концептуализации. «Катализатором», запускающим процессы концептуализации, сигнификации и социального кодирования, является условие социальной коммуникации.

**Концептуализация.** Те же механизмы, которые обеспечивают концептацию (внимание и восприятие, ощущение, эмоции, мышление, память, представление), обуславливают взаимосвязанные процессы концептуализации и кодообразования. Особенность заключается в том, что концептация непосредственно связана с актуальными эмпирическими данными, а концептуализация и кодирование, обусловленные фактором социальной коммуникации, опосредованы медиатором концептации – концептуализируются и кодируются уже трансформированные в процессе и промежуточных результатах концептации данные.

Концептуализация и концептация процессы смежные, не тождественные. Концептация – условие концептуализации, медиатор связи эмпирического и теоретического познания (см. выше). Концептуализация, по словам В.А. Жмурова (Большая энциклопедия по психиатрии, 2012) и Ч. Райкрофта (Критический словарь психоанализа, 1995) – процесс выведения понятий из наблюдений. Она есть процесс, производный от связи процессов концептации как условия функциональной связи психических механизмов в формировании эмпирического знания и коммуникации как условия, стимулирующего абстрагирование теоретического знания из эмпирического, вы-

ведение понятий, производство языкового знака как особого средства социальной групповой и внутриличностной индивидуальной регуляции. В условиях социальной коммуникации процесс концептуализации, выведения понятий невозможен, а процесс простой эмпирической концептации – без обратной связи с концептуализацией, абстрагированием, теоретизированием знания – закономерен. Примеры феномена маугли (например, в работах С. Пинкера «Язык как инстинкт» 2004, А.П. Сперлинга «Психология» 2002 и др.) тому доказательство.

Концептуализация включает классификацию, категоризацию и спецификацию. Процесс классификации основывается на механизмах памяти (актуализирование следа подобного ощущения – прокладывание нового), эмоции (оценки, обратной связи в определении отношения к воспринятому), мышления (анализа сходства-различия, синтетического связывания в единый класс по сходству), представления (конструирования новых образов или воспроизведения уже имеемых). В результате различается класс единиц со сходным по разнообразным признакам значением.

Процесс категоризации абстрагирует значение класса и сходных классов и связан с образованием понятия. И категория и понятие относятся к формам логического мышления, их главная функция – синтез, обобщение; они две взаимосвязанные стороны синтеза. Под категорией понимается форма абстрагирования, форма абстрактного представления о синтетическом единстве многообразного. Под понятием – форма выведения существенного признака синтетического единства некоего количества многообразного, выделенного категорией.

Спецификация имеет в виду определение контекстов возможных вариантов раскрытия понятия. Контекст – «совместность сотканного» (слово context образовано связью приставки con-/com – совместность, и основы text – ткань, сплетение, по этимологическому словарю Д. Харпера [50]) – актуально происходящая или мыслимо представляемая переживаемая смысловая ситуация в совокупности обстоятельств; границы актуального пространственно-временного опыта субъекта, форма условия пространственно-временного бытования.

Связывание ментальных репрезентаций по содержательному сходству приводит к образованию семантических классов. Сходство качественных формальных признаков приводит к образованию частных категорий как качественных показателей знания, обособленного в семантических классах. Парадигматические различия классов обеспечивают возможность синтагматической связи представителей разных классов. Парадигматическое внутриклассовое сходство обеспечивает выбор необходимого в контексте опыта представителя класса. Накопление опыта семантического связывания по сходству, контекстуального замещения представителей семантического класса на основе их сходства, синтагматического связывания разноклассо-

вых представителей в различных эмпирических контекстах приводит к закономерному выведению понятий – абстрагированию эссенции семантического сходства.

Определение наиболее существенного сходства между категориями и их семантикой приводит к выведению наиболее общих онтологических категорий, которые в обратном порядке раскроются в составляющих их категориях. Например, общими категориями, раскрывающими категорию человеческой деятельности, будут агент, действие, объект, результат, признак (рис. 10.4).

Данные категории отражаются в синтаксической системе как структурной составляющей языка, их понятийные отношения определяют теоретическую модель предложения в коммуникации. Категория агента соотносится с функцией подлежащего, действия – сказуемого, объекта и результата – дополнения, признака агента и объекта – определения, признака действия – обстоятельства.



Рис. 10.4. Общие категории, составляющие и раскрывающие категорию человеческой деятельности

В понятийном плане эти же категории могут связываться и дифференцироваться. Так, в зависимости от контекста, категории агента, объекта, признака и результата могут связываться и обобщаться в категорию субстанции («чтойность», по О. Лещаку [23]). Например, понятие воды (категория субстанции) может реализоваться в категории агента (*вода камень точит*), объекта (*выпей воды*), признака (*водянистая субстанция*), результата (*лед превратился в воду*). Категория субстанции в зависимости от критерия, определенного контекстом опыта, понятийно может дифференцироваться, скажем, на категории живого и неживого; в свою очередь, каждая из них тоже поддается дифференциации по принципу конкретизации семантики относительно контекста.

В теоретическом направлении познавательные усилия ведут к все большему и большему абстрагированию знания, в эмпирическом – к все большей и большей вариативности их контекстуальной спецификации. Например, банально – чем более абстрактным будет мое понятие стола, тем быстрее я приспособлюсь в конкретной ситуации при необходимости определения конкретного стола. Понятие стола сформируется на основе определения и анализа конкретных эмпирических значений обнаруживаемых в опытной деятельности признаков (стол для приготовления еды, для приема еды, для

медицинской операции, компьютерный, журнальный, маникюрный, парта, кафедра, диета, круглый стол как заседание; различной формы и размера – круглый, овальный, квадратный, треугольный, многоугольный, неправильной формы, высокий, низкий и т.д. и т.п.) и синтезирования их общего наиболее существенного признака. Примерно такое понятие можно сформулировать как – некая форма, предназначенная для произведения разнообразных предметных манипуляций на ней и позволяющая объединить двух и более субъектов действий, манипуляций. Абстрактное понимание категории стола обеспечит возможность гибкого в определенной степени приспособления к контексту конкретной ситуации. Например, в зависимости от специфики такого контекста за стол могут сойти и ящик, и пакет, и скамейка, и доска, и спина другого человека и т.д. – в данном случае необходима поверхность для неких манипуляций (поесть, написать и т.д.). Или, например, можно совершенно обойтись без всякого предметно-материального стола, если нужно провести заседание «круглого стола», а со столом как предметом мебели случилась проблема, и он сломался – в данном случае необходимо объединить людей для обсуждения какой-то темы, проблемы. Прагматика актуализирует необходимость определения оптимального в конкретной ситуации признака и приспособление его к условиям.

**Сигнификация.** Сигнификация (связь символизации / индикации, значения, репрезентации и выражения, по анализу этимологического словаря Д. Харпера [50], или связывание значения, символа и сигнала в определенной форме для употребления их людьми в общении с целью регуляции взаимодействий) осуществляется во взаимодействии процессов концептации, концептуализации, кодообразования, сигнализации.

В процессе сигнификации, производства и использования знака, «ознаковления» сознания осуществляется комплексная связь процессов. Процесс осуществления сенсомоторной активности, с одной стороны – производства, обеспечивает «выход» вовне внутренних планов, экстериоризацию, материализацию значения в акустической (как варианты – графической, жестовой) форме. С другой стороны – восприятия, обеспечивает начало интериоризации, преобразования «внешних», «предметных», материальных форм в структуры «внутреннего», ментального опыта оформления знания. Сенсомоторная сторона обеспечивает различение материальной формы сигнала, необходимого условия знака.

Термины «сигнал» и «знак» порой используются как взаимозаменяемые, однако связь между ними скорее синтагматическая (они смежны) – между именуемыми ими понятиями различается существенное различие. Такое различие понятий и специфику связи между ними эксплицитно выразил О. Лещак: «все без исключения знаки – и коммуникативные, и некоммуникативные (а также строевые квазизнаки) – это инвариантные и потенциальные системные функции семиотического опыта, служащие для хранения ин-



формации об опыте и средствах информационной регуляции человеческой деятельности, в то время как сигналы – это производимые на основании этой информации по семиотическим моделям актуальные средства информационной регуляции общественной жизни и информационного ориентирования в предметном опыте» [23, с. 108].

Значение как составляющая сторона знака, идеальный план выражения образуется в определении связи ментальной репрезентации эмпирического значения (см. процесс концептации) и актуализируемого контекстом опыта понятийного значения (см. процесс концептуализации), точнее значимого в данном контексте семантического признака понятия. Фиксация связи сенсорного (производство и/или восприятие материальной формы сигнала), психического (актуализация эмпирического значения) и когнитивного (решение задачи по адаптации результатов переработки опытных значений применительно к новой ситуации опыта) фактов в знаке обуславливается социальным фактором совместности деятельности и общения, закономерной прагматической необходимостью социальной коммуникации. (По С.В. Савельеву: «Когнитивные процессы начинаются только тогда, когда складывается неразрешимая в рамках традиционного поведения ситуация», когда осуществляется мыслительная «активность, которая приводит к появлению в поведении нестандартных решений стандартных ситуаций» [33]).

«Значение не передается, и повторенное ребенком слово до тех пор не имеет для него смысла, пока он сам не соединит с ним известных образов, не объяснит его восприятиями, составляющими его личную, исключительную собственность. / Говорящие дают ребенку только случай заметить звук», согласно А.А. Потебне [28]. Коммуникация определяет необходимость производства и использования кода как конвенционального отождествления формы сигнала со значением знака.

Без формы содержание информации не может быть различимо – для того чтобы быть различимым, оно должно оформиться в процессе восприятия (зрительно, акустически, тактильно – согласно перцептивным способностям человека). «Материальная» сторона человеческой природы, психофизиологическая организация определенным образом лимитирует бытовое познание, задает границы – чтобы объект был различен, определен, его, как и его связи и связи внутри него, необходимо выделить из фона. По концепции датского психолога Э. Рубина об отношении фигуры (отграниченная выступающая на первый план и привлекающая внимание часть феноменального поля) и фона (окружение фигуры, кажущееся непрерывно продолжающимся за ней), то, что в одном ракурсе воспринимается как фигура, в другом может восприниматься как фон, и наоборот [54].

Язык это то, что порождается, производится каждым из нас индивидуально в опыте совместной деятельности, в совместных усилиях («сопорождается», по М. Лабашуку [22, с. 43]), «выращивается» каждым из зерна ге-



материален, в ментальной актуализации он представляет определенную из неопределенности информацию – идеален, в предназначении своем он связывает материю и информацию и адаптирует эту связь в процессе социальной коммуникации – функционален (рис. 10.5).

В психологическом аспекте три данные планы выразятся в связи трех сторон активности: сенсомоторной – проговаривание или слышание звука (материальный план); психической – воспроизведение связываемого с производимым или слышимым звуком значения (идеальный план); когнитивной – связывание сенсомоторной формы и значения в производстве и кодировании и/или восприятии и декодировании смысла коммуникативного сообщения, регулирующего отношения в социальных интеракциях (функциональный план) – рис. 10.5.

Рецепция оформляет материальный нейрофизиологический канал связи, сообщения человека со средой. Свойство психики задает способность отражения опыта (индивид способен отражать результаты собственной активности). Взаимосвязь нейрофизиологической и психической активности обеспечивает способность особой сигнальной социальной коммуникации – вербальной (человек психически способен определять значение результата контакта, физиологически способен производить и воспринимать звуки; во взаимодействии данных способностей в условиях совместной деятельности способен договариваться о том, какой сигнал будет указывать на какое значение). Совместная деятельность обуславливает необходимость выработки системы данной коммуникации (совместная деятельность закономерно актуализирует потенциально заданную способность к коммуникации как прагматически необходимую в приспособлении к среде и регуляции процесса совместной деятельности). В совместной коммуникативной деятельности вырабатывается система кода / кодов для осуществления обмена информацией и регуляции совместной деятельности, которая закономерно обуславливает и индивидуально-личностную саморегуляцию. Взаимосвязь развития совместной деятельности и вербальной коммуникации обуславливает развитие психики и когнитивных процессов в производстве и организации знаний особым способом – знаковым (взаимозависимость производства и восприятия сигнала как указателя на некоторое различенное в опыте значение определяет оформление отражаемого знания в сознании в форме знака).

Знак образуется в условиях отношений концепта как основания зарождения и условия связывания субъективного знания, ментальной репрезентации как основания кодообразования, понятия как основания способности абстрагирования и теоретизации знания и его конкретизации в конкретном опытно-контексте, сигнала как условия, стимулирующего связь формата ментальной репрезентации и понятия, комбинируемую в вариантах контекстов опыта и являемую в конвенциональном символе (рис. 10.2).

Сигнал актуализирует знак в сознаниях коммуникантов. Знак опосредует индивидуальные знания, вырабатываемые в совместных усилиях, в сис-

тому социальных знаний, и наоборот – социальные знания в систему индивидуальных знаний. Он продукт синергетический – производится в условиях совместных усилий осуществления коммуникативной деятельности, мотивированной какими-либо совместными потребными целями человеческой деятельности, но порождается в конкретном индивидуальном сознании.

\* \* \*

Процесс психосемиотизации по характеру психосоциален (происходит в связи онтогенетического и социогенетического факторов); интегративно задействует все функциональные системы человека – нейрофизиологическую, психическую, когнитивную, особую коммуникативную. Психосемиотизация опыта представляет собой сложный процесс «ознаковления» сознания личности, трансформации информации опытных данных в структурируемое кодируемое и развиваемое в процессе совместной деятельности знание.

Знак образуется в отношениях процессов концептации, концептуализации, кодообразования и сигнализации. Коцептация процесс, связывающий материальную и идеальную стороны познавательной активности. Из рецепторного фона перцепцией – связью внимания и восприятия, выделяются актуальные в конкретном опытном контексте ощущения, которые «схватываются» концептом, интегративно связывающим базовые психические функции (внимание и восприятие, эмоции, мышление, память, представление), обеспечивающие возможность познания. В результате концептации формируется ментальная репрезентация – формат комбинации формы и содержания эмпирической определенности, содержащий историю отношений эффекта перцепта (след воспринятого ощущения как наличная форма различения), его эмпирического значения (аффективно-когнитивная определенность эффекта перцепта) и представления их связи (сохраняемая памятью форма связи эффекта от воспринятого ощущения и того значения, в котором определенился данный эффект). Ментальная репрезентация выступает природной основой кодирования – она форматирует содержание определенности и отражает ее значение-ценность, преобразует воспринятое ощущение в когнитивный конструкт – формат комбинации формы и содержания эмпирической определенности. Концептация формирует базу для развития познавательного процесса и усложнения когнитивных структур; ментальная репрезентация служит базовым эмпирическим материалом для концептуализации.

Концептуализация (процесс выведения понятий из концептов) включает процессы классификации (связывание определенного множества эмпирических значений ментальных репрезентаций в класс по сходству), категоризации (абстрагирование формального общего значения класса и сходных классов), спецификации (определение класса и отбор значений, подходящих для конкретного контекста). Накопление опыта парадигматического связывания семантики по сходству в классы и контекстуального замещения пред-

ставителей семантического класса на основе их сходства, а также синтагматического связывания разноклассовых представителей в различных эмпирических контекстах приводит к закономерному выведению понятий – абстрагированию эссенции семантического сходства.

Категория и понятие – две взаимосвязанные стороны синтеза через анализ, они оба – формы абстрагирования знания; категория – форма абстрактного представления о синтетическом единстве некоей совокупности многообразного, понятие – форма выведения существенного признака синтетического единства многообразного, выделяемого категорией. Концепт также относится к синтетической форме, но, в отличие от категории и понятия, синтез концепта не осуществляется через анализ, напротив, он изначально создает синтетическую основу, из которой в процессе аналитической работы оформляются классы, категории, спецификации, и выводятся понятия. Понятия выводятся из концептов, концепты структурно-содержательно усложняются выводимыми из них понятиями. С выведением понятия концепт не прекращает своего существования, он развивается, и развиваются его системные связи. Знание усложняется – в пространстве концепта уплотняется и дифференцируется семантическое понятийное ядро, увеличивается вариативность внутри-пространственных связей значений, увеличиваются логико-семантические связи с семантическими пространствами других концептов.

Сигнализация имеет в виду возбуждение отражения значения какого-либо вида, вызываемое перцептивным или ментальным ощущением, связанным или связываемым с данным и/или сходным с ним значением. Сигнализация процесс, связывающий, как и концептация, материальный и идеальный планы познавательного процесса. Однако, сходство формальное. Концептация «схватывает» эмпирические данные и зарождает знание, которое в опыте требует выхода, материализации в процессе социальной коммуникации. Сигнализация обеспечивает «канализацию» социальной коммуникативной связи, производство материального сенсомоторного канала, обеспечивающего ментальную связь между людьми, и имеет в виду намеренное преобразование информации из ментального плана в материальный и обратно для осуществления коммуникации. В процессе сигнализации осуществляется канализация сообщения (логической последовательности знаков, в когерентной связи своей передающей смысл закодированной и декодируемой информации) как коммуникативного действия связи адресата и адресанта в контексте дискурсивной ситуации (коммуникативного события, включающего все формально-содержательные особенности его протекания).

Коммуникативный сигнал это потребное в совместной деятельности и обусловленное сознательной деятельностью человека, производимое и используемое в совместной деятельности актуальное средство, служащее конвенциональным указателем на значение некоего кодируемого референта для осуществления социальной информационной регуляции.

Для того чтобы ощущение возбуждения было воспринято как сигнал, необходимо условие связи формы данного возбуждения с его значением. Для осуществления социального коммуникативного сигнала необходимо знание общего для группы способа связи формы и содержания – знание кода. Т.е. для осуществления социальной коммуникации посредством сигнализации необходим общий код, способ связи значения содержания некоей определенности и формы его предъявления. Простое природное кодирование подразумевает образование результата концептации – ментальной репрезентации как образного форматирования отношений эффекта перцепта, его непосредственного эмпирического значения и представления формы связи эффекта перцепта и эмпирического значения, сохраняемой в памяти, предъявляемой в соответствующем контексте опыта и развивающейся в процессе опыта. Искусственно (социально) производимое человеком в коммуникативном опыте совместной деятельности кодирование требует символического конвенционального форматирования знания; необходимым становится определение символа, который в обобщенной форме представит некоторое содержание, а опыт его использования обусловит закрепление за ним определенного значения.

Знак специфически опосредует форму знания, выработанную в процессе концептации и концептуализации опытной определенности и актуализируемую в опыте сигналом как указателем, стимулирующим представление формата некоего знания. Материальная сенсомоторная сторона знака представляется формой сигнала, психическая – форматом ментальной репрезентации, когнитивная – комбинированием и кодированием значений: непосредственно практических эмпирических (сохраненных и вновь определяемых в жизненном опыте) и опосредованных, теоретических (значений внутриклассовых отношений, межклассовых отношений, абстрагирующих категориальных значений и выводимых понятий, контекстуально специфицирующих значений). Знак связывает практическое и теоретическое знание, организует связи, обуславливает способность понятийного мышления и выведение нового знания, не связанного непосредственно с эмпирическим, но поэтапно выводимого из него, определяет производство теоретического знания и его практического применения в коммуникативном опыте. Знаки есть «инвариантные и потенциальные системные функции семиотического опыта, служащие для хранения информации об опыте и средствах информационной регуляции человеческой деятельности» (О. Лещак). Производство знака обуславливает «ознаковление» сознания личности.

## Библиографический список к главе 10

1. Барашева Д. Е. Концепт «я» как организующий сознание субъекта / Функциональная лингвистика: сб. науч. работ / Крымский республиканский

институт последипломного педагогического образования; науч. ред. А.Н. Рудяков. – № 3. – Симферополь, 2012. – С.43-47.

2. Барашева Д.Е. Основные свойства ощущений как источника познания и механизма идентификации личности / Інформаційна діяльність: проблеми правди і неправді: збірник наукових праць, під ред. О. Лещака, І. Папуші, О. Волковінського та ін. – Тернопіль: Studia Methodologica, 2012. – С. 276-307.

3. Барашева Д.Е. Психологическое значение валидности связи четырех сторон идентичности личности // Актуальні проблеми психології: Збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАПН України, Том X: Психологія навчання, генетична психологія, медична психологія, Випуск 25. – Київ, 2013. – С. 37-48.

4. Барашева Д. Реляция гетерогенности и гомогамности как условие идентичности личности: структурно-функциональная модель. Fundamentalne kategorie ludzkiego poznania. Czlowiek I spoleczenstwo // The Peculiarity of Man / redakcja naukowa Ryszard Stefanski. – Torun-Kielce : Współpraca wydawnicza Wydawnictwa Adam Marszałek i Wydawnictwa Naukowego GRADO, 2013, nr 18. – С. 37-56.

5. Барашева Д.Е. Язык как семиофакт // Язык и личность в поликультурном пространстве: сборник статей [Текст]; под ред. Л.В. Адониной, О.С. Фисенко. – Севастополь: Рибэст, 2014. – С. 9-22.

6. Барашева Д. Семантические признаки в этимологическом значении слова 'concert' // Язык и культура (Новосибирск). – 2015. – № 16. – С. 40-48.

7. Бен А. Психология // Основные направления психологии в классических трудах. Ассоциативная психология / Г. Эбингауз, А. Бен. – М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. – С. 209-511.

8. Брунер Дж. О перцептивной готовности [Электронный ресурс] / Дж. Брунер. – Psychology OnLine.Net © 1999-2015. Powered by WSN KB. Добавлено 24.03.2009. – Режим доступа: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-1223.html>.

9. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 1 / Б.М. Величковский. – М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006. – 448 с.

10. Виленский И.Л., Креденцер В.В. Составление психологического портрета человека на основе анали за скрытых мотивов поведения / И.Л. Виленский, В. В. Креденцер: метод. пособие по применению экрального анализа [Электронный ресурс]. – Психология – сайты psychology.net.ru «Мир психологии», [www.psychol.ras.ru](http://www.psychol.ras.ru) Институт психологии РАН и др. – НЦЭА © 1992-2016. – Режим доступа: <http://www.ekra-analiz.net/dennd01/index.html>.

11. Вітгенштайн Л. Tractatus Logico-Philosophicus. Філософські дослідження. – К.: Основи, 1995. – 311 с.

12. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский; [вступ. стат. А.А. Леонтьева] // Психолінгвістика в очерках и извлечениях: Хрестомат-

тия: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Авт.-сост. В.К. Радзиховская, А.П. Кирьянов, Т.А. Пекишева [и др.]; Под общ. ред. В.К. Радзиховской. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – С. 250-293.

13. Глотова Г.А. Психосемиотика развития человека / Г.А. Глотова. Дис. ... д-ра психол. н. – СПбГУ, 1994. – 560 с. [Электронный ресурс]. – ООО «Научная электронная библиотека», г. Санкт-Петербург. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/psikhosemiotika-razvitiya-cheloveka>.

14. Джеймс У. Перцепт и концепт. Гл. 4-6. // Джеймс У. Рассел Б. Введение в философию / У. Джеймс. Проблемы философии / Б. Рассел: Пер с англ. / Общ. ред., послесл. и примеч. А.Ф. Грязнова. – М.: Республика, 2000. – 314 с., С. 34-74.

15. Джемс У. Психология / У. Джемс / Под ред. Л.А. Петровской. – М.: Педагогика, 1991. – 368 с.

16. Еремеев В.Е. Теория психосемиозиса и древняя антропокосмология / В.Е. Еремеев [Электронный ресурс]. – TheLib.Ru © 2006-1016. – Режим доступа: [http://thelib.ru/books/eremeev\\_v/teoriya\\_psihosemiozisa\\_i\\_drevnyaya\\_antropokosmologiya-read.html](http://thelib.ru/books/eremeev_v/teoriya_psihosemiozisa_i_drevnyaya_antropokosmologiya-read.html).

17. Изард К. Психология эмоций / К. Изард / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 1999. – 464 с.

18. Ильин Е.П. Психология воли / Е.П. Ильин. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2009. – 368 с.

19. Ильин Е.П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2001. – 752 с.

20. Королева Н.Н. Психосемиотика субъективных реальностей личности / Н.Н. Королева: автореферат дис. ... д-ра психол. н. – СПб., 2006. – 36 с.

21. Кудряшова Т.Б. Курс лекций по философии / Т.Б. Кудряшова. – ИГАСУ, 2006 [Электронный ресурс]. – Электронная библиотека ИГХТУ. Научно-методические и учебные материалы. – Режим доступа : <https://www.isuct.ru/e-lib/ru/node/738>.

22. Лабашук М. Динамика структуры вербального знака в онтогенезе (методологический взгляд) / М. Лабашук. – АГН.: Akademia Techniczno-Humanistyczna w Bielsku-Bialej, 2012. – 197 с.

23. Лещак О.В. Основы функционально-прагматической теории языкового опыта: аналитика, критика, типология. – Тернополь: ТЭИПО, 2008. – 232 с.

24. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры: сборник статей / М.Ю. Лотман. – Санкт-Петербург «Академический проект», 2002. – 551 с. [Электронный ресурс]. – Библиотека Гумер – Гуманитарные науки © gumer.info. – Режим доступа: [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Culture/Lotm/index.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Lotm/index.php).

25. Найссер У. Смысл и принципы когнитивной психологии. – М.: Прогресс, 1981. – 232 с.



26. Осичнюк Е.В. Философия. Основные ступени и формы познания / Е.В. Осичнюк [Электронный ресурс]. – Электронна бібліотека. Художня та наукова література. Content-Pro © 2006-2015. – Режим доступа: <http://libr.org.ua/book/111/3073.html>.

27. Островский М.А., Шевелев И.А. Сенсорные системы / М.А. Островский, И.А. Шевелев // Физиология человека: для студентов медицинских вузов и факультетов. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. В.М. Покровского, Г.Ф. Коротько. – М., 2003. – Гл. 14. – 656 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.bibliotekar.ru/447/227.htm>.

28. Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – С. 17-200 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://philologos.narod.ru/potebnja/poteb\\_lth.htm](http://philologos.narod.ru/potebnja/poteb_lth.htm).

29. Психологический словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1999. – 429 с.

30. Рейковский Я. Эмоции и познание / Я. Рейковский / Экспериментальная психология эмоций: пер. с польского В.К. Вилюнаса. – М.: Прогресс, 1979. – С. 179-192, 212-223.

31. Реформатский А.А. Язык и речь // Реформатский А.А. Введение в языковедение. – 5-е изд., уточ. – М.: Аспект-Пресс, 2001. – 536 с. – Режим доступа: [www.xliby.ru/jazykoznanie/vvedenie\\_v\\_jazykovedenie/index.php](http://www.xliby.ru/jazykoznanie/vvedenie_v_jazykovedenie/index.php).

32. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Издательство «Питер», 2000 – 712 с.

33. Савельев С.В. Структурно-морфогенетические основы развития когнитивных способностей человека / С.В. Савельев // Когнитивные исследования: Проблема развития. Сборник научных трудов: Вып. 3 / Под ред. Д.В. Ушакова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – С. 171-195.

34. Симонов П.В. Отражательно-оценочная функция эмоций / П.В. Симонов / Эмоциональный мозг. – М.: Наука, 1981. – С. 19-23.

35. Соловьева Е.А., Тутушкина М.К. Психосемиотика и перспективы ее развития / Е.А. Соловьева, М.К. Тутушкина [Электронный ресурс]. – Psychodic.ru © 2010-2015. – Зужим доступа: <http://www.psychodic.ru/arc.php?page=3107>

36. Сперлинг А.П. Психология: научное издание / А.П. Сперлинг. – Мн.: Попурри, 2002. – 431 с.

37. Философский словарь / Андре Конт-Спонвиль. – М.: Палимпсест, Издательство «Этерна», 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://philosophy\\_sponville.academic.ru/1814](http://philosophy_sponville.academic.ru/1814).

38. Философия : Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. [Электронный ресурс]. – © Академик, 2000-2014. – Режим доступа : [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc\\_philosophy/1095/%D0%A1%D0%98%D0%9C%D0%92%D0%9E%D0%9B](http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1095/%D0%A1%D0%98%D0%9C%D0%92%D0%9E%D0%9B).

39. Фортунатов Ф.Ф. Значение языковой стороны в языке / Ф.Ф. Фортунатов // Психолингвистика в очерках и извлечениях: Хрестоматия: учеб. по-

собие для студ. высш. учеб. зав. / Авт.-сост. В.К. Радзиховская, А.П. Кириянов, Т.А. Пекишева [и др.]; Под общ. ред. В.К. Радзиховской. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – С. 170-181.

40. Фресс П. Мотивация и эмоция. Оптимум мотивации / П. Фресс // Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресса и Ж. Пиаже. Вып. 5. – М.: Прогресс, 1975. – С. 119-125.

41. Холодная М.А. Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным способностям. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 288 с.

42. Чуприкова Н.И. Психология умственного развития: Принцип дифференциации. – М.: АО «СТОЛЕТИЕ», 1997. – 480 с.

43. Шахтер С., Зингер Дж. Когнитивные, социальные и физиологические детерминанты эмоционального состояния / С. Шахтер, Дж. Зингер // Психология мотивации и эмоций / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман. – М.: ЧеРо, 2002. – С. 462-480.

44. Эбингауз Г. Очерк психологии // Основные направления психологии в классических трудах. Ассоциативная психология / Г. Эбингауз, А. Бен. – М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. – С. 14-208.

45. Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 864 с.

46. Barasheva D. Personality as a condition of Language / Psychology // Global competition on the markets for labor, education and innovations: research articles, B&M Publishing, San Francisco, California. 2013. – P. 66-71.

47. Barasheva D. Specifics of social condition ‘the other’ in identity of personality // International conference “Role of nonmaterial factors in ensuring the social and psychological conditions of a society”, November 10, 2013, Sheffield, UK. Conference Proceedings. – Scope Academic House, UK, S Yorkshire, Sheffield. B&M Publishing, USA, San Francisco, California. – P. 114-119.

48. Barasheva D. Genetic aspect in psychic-social conditions of forming language ability // The Second International conference on development of psychological science in Eurasia (7<sup>th</sup> November, 2014): “East-West” Association for advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna. Austria, 2014. – P. 3-7.

49. Dempsey Gary T. Hayek's Evolutionary Epistemology, Artificial Intelligence, and the Question of Free Will. Journal of Evolution and Cognition. Vol. 2, No. 2, 1996.

50. Harper D. Online etymology dictionary [Электронный ресурс] / Douglas Harper. – © 2001-2016 Douglas Harper. – Режим доступа: [http://www.etymonline.com/index.php?allowed\\_in\\_frame=0&search=concept&searchmode=none](http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=concept&searchmode=none).

51. Lazarus Richard S. How Emotions Influence Performance in Competitive Sports / Richard S. Lazarus. – The Sport Psychologist. 14. Human Kinetics Publishers. Inc., 2000, P. 229-252.

52. Levelt, Willem J.M. Relations between Speech Production and Speech Perception: Some Behavioral and Neurological Observations / Willem J. M. Le-

veld // Dupoux, E. (Ed.). *Language, brain, and cognitive development: Essays in honor of Jacques Mehler.* – Cambridge, Mass.; London: The MIT Press, 2001. – Pp. 241-256.

53. Osgood Ch.E. *Lectures on Language Performance* / Ch.E. Osgood // *Springer Series in Language and Communication*, V. 7. – N.Y., Heidelberg, Berlin: Springer-Verlag, 1980. – 276 p.

54. Rubin, E. *Figure and Ground* / E. Rubin // *Visual Perception*. S. (Ed.). – Philadelphia, Psychology Press, 2001. – Pp. 225-229.

55. Schacter D.L., Gilbert D.T., Wegner D.M. *Sensation and Perception, Vision II: Recognizing What We Perceive* / Daniel L. Schacter, Daniel T. Gilbert, Daniel M. Wegner // *Psychology*. Second Edition. – N.p.: Worth, Incorporated, 2011. – Ch. 4. – 149-159.



## **НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ**

**Олег Алимуратович Алимуратов,  
Дарья Евгеньевна Барашева,  
Оксана Владимировна Каркавина,  
Ольга Владимировна Косоногова,  
Екатерина Владимировна Милетова,  
Наталья Александровна Сегал,  
Надежда Геннадиевна Серебренникова,  
Валентина Фёдоровна Топурия,  
Дзерасса Казбековна Хетагурова  
Екатерина Юрьевна Хрисонопуло,  
Сергей Владимирович Чиронов,  
Ольга Павловна Щурик**

## **ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ, ТЕОРИИ ЯЗЫКА И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

**Монография**

**КНИГА 3**

**Издание 2-е, расширенное и дополненное**

---

Подписано в печать 13.10.2016. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.  
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 16,51 Печ. л. 17,75 Заказ

---

Отпечатано в типографии  
ООО Издательство «СИБПРИНТ»  
630099, г. Новосибирск, ул. Максима Горького, 39



### СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ!!!

**ЦЕНТР РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА** предлагает научной и педагогической общественности услуги по публикации *авторских монографий по всем научным направлениям и специальностям*. Для публикации авторам необходимо предоставить в Центр Развития Научного Сотрудничества (по электронной почте) текст монографии, аннотацию, заполненную заявку. Сроки публикации монографии – один месяц с момента обращения автора.

Стоимость публикации определяется индивидуально в зависимости от «сложности» текста (формулы, таблицы, рисунки), объема монографии, тиража и срочности заказа.

Информацию об условиях публикации результатов научных исследований и требования к оформлению материалов можно получить на сайте **WWW.ZRNS.RU**, по телефонам Центра развития научного сотрудничества в г. Новосибирске:

**8-383-291-79-01** Чернов Сергей Сергеевич, руководитель ЦРНС

**8-913-749-05-30** Хвостенко Павел Викторович,  
ведущий специалист ЦРНС

или по электронной почте: **monography@ngs.ru**  
**monography@mail.ru**

**НАДЕЕМСЯ НА ПЛОДОТВОРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО!**